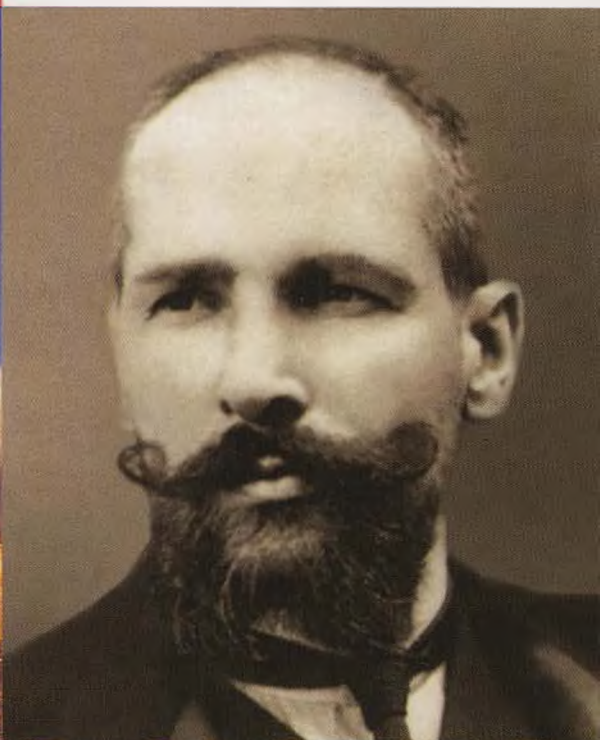

СТОЛЫПИН

Святослав
Рыбас

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1055

(855)

Святослав Рыбас

СТОЛЫПИН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2003

УДК 929
ББК 63.3(2)
Р 93

ISBN 5-235-02577-6

© Рыбас С. Ю., 2003
© Издательство АО «Молодая гвардия»
художественное оформление, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ СТАЛЬНОЙ ЩИТ В ПОРТФЕЛЕ

Дух народа

Говоря о Столыпине, сегодня имеют в виду символ. Для одних — это символ постепенного движения России к европейской политической и экономической модели, для других — символ разорения тысячелетнего крестьянского уклада и предтеча Гражданской войны.

Другими словами, от этой фигуры веет вечным трагизмом русского образованного деятельного человека: в экстремальной ситуации, когда традиционные методы государственного управления перестают срабатывать, он выдвигается на первый план, когда же положение стабилизируется, он начинает раздражать и его устраняют с политической арены. А потом собственно человек никого не интересует, остается символ.

Когда-то Русь представляла собой территорию длиной около 1300 и шириной 300 километров вдоль пути «из варяг в греки». В ней обитали слабо связанные друг с другом родовые общины и племенные союзы, где люди постоянно жили своими локальными интересами. Передаваемая из поколения в поколение традиция диктовала незыблемые правила общего существования внутри замкнутых сообществ, жизнь как бы повторялась на новых витках цикла и создавала социокультурную вечность.

Если к вечности добавить нетоварное производство (отсутствие необходимости стремиться к прибыли), то получим крепчайшую гранитную скалу, на которой была построена принявшая православие Русь.

У Святой Руси был прямой выход на небеса, но не было никакой потребности в государственности.

Чтобы объединить Русь и превратить ее в Россию, потребовалось преодолеть не только множество бед и нашествий, но и духовно изжить, хотя бы частично, присущую русским изолированность.

Но общинная локальность (можно сказать иначе: замк-

нутость, самодостаточность) никогда не была изжита до конца, хотя с ней боролись многие реформаторы.

Конфликт Руси и России ярко выразил Николай Бердяев в начале 20-х годов: «Россия была необъятным и темным мужицким царством с очень слабо развитыми классами, с очень тонким культурным слоем, с царем, сдерживавшим это царство и не допускавшим растерзания народом этого культурного слоя».

Все российские реформы — это постоянная борьба преобразователей-либералов с консервативной почвой, в которой раз за разом реформы глохли.

Правда, в итоге драматического столкновения страна перемещалась в иной цикл, новый виток своей привычной вечности и осваивала новое положение.

Поэтому нам до сих пор свойственны и «воля вольная», и «комплекс Ильи Муромца», слезающего с печи только в последний миг перед катастрофой. То есть мы внутренне всегда готовы к крутому виражу, самоотрицанию, вызову своим святыням.

Поэтому судьба Столыпина для нас, находящихся в ином, чем он сам, историческом времени, тем не менее крайне поучительна.

Проведение аграрной реформы и удержание России в русле парламентаризма — вот основные направления деятельности Петра Аркадьевича. Реформа, которую справедливо называют «вторым раскрепощением крестьян», была стратегически верным решением. Ее поддержали без малого 30% крестьян. Если бы она была доведена до конца, возникла бы реальная перспектива образования в деревне независимого крестьянина-собственника, который стал бы базовым элементом русского либерализма и удержал страну от революционных потрясений. Но не получилось.

В конце концов задача создания свободного, экономически и политически независимого российского человека, к чему стремился Столыпин, перенесена российской Историей в наше время.

«Что за страна оказалась в моем управлении?» — этот вопрос встал перед Столыпиным.

И прямого ответа у него не было!

Загадочная страна.

Святая Русь? Великая Российская империя?

Киевский князь святой Владимир Святославович и император Петр Великий — разные люди, разные идеи, разные страны.

И поэтому русский дворянин Столыпин был ближе к Петру, а миллионы русских крестьян ближе к князю Владимиру.

Попутно отметим, что единственный данный Богом и Историей начальник Столыпина, царствующий император Николай II, не любил Петра Великого и считал его реформы неоправданно жестокими и, пожалуй, антирусскими.

Николай считал себя выразителем интересов народа, крестьянского, в основном, по составу.

А крестьяне — общинный народ, веками живущий своими местными интересами. Заплати налоги, отработай барщину или оброк, дай в армию рекрутов — и живи, как хочешь, не зная ничего ни о Санкт-Петербурге, ни о Российской империи.

Когда-то на территории Руси жили многочисленные славянские племена. Они состояли из родов и родовых союзов, были слабо связаны друг с другом как в отношениях обмена и торговли, так и в смысле культурной традиции. Это были в чистом виде первобытные люди. Объединять их стала княжеская власть, которой потребовалось изымать у населения небольшие излишки в виде дани. Восточные славяне подчинились военной силе, княжеской дружине. Полюдье было первым звеном в организации власти, а князь — единственным элементом военной централизации.

Излишних ресурсов у населения в силу географических и климатических особенностей всегда было мало, они могли рачительно использоваться только при большой централизации и напряжении сил.

В сравнении с Западной Европой, где население было воспитано еще римским правом и христианством в уважении к законам и собственности, русские князья-руководители могли рассчитывать в общении с народом только на свою силу во время полюдья и на общинное самоуправление во время своего отсутствия на подвластной территории. То есть русские постоянно жили по неписанным законам в условиях и климатической, и законодательной неопределенности, способные к крайнему напряжению сил, не боящиеся «дойти до края» и даже внутренне соперничавшие с властью.

Для Столыпина было очевидно, что народная крестьянская масса, пройдя через испытания княжескими усобицами, монгольским нашествием, Смутным временем, петровской модернизацией, видит оправдание Власти только в фи-

гуре царя-заступника. Между царем и народом нет средостения, нет общественных опор — эти опоры надо строить. Строить, делясь властью царя.

В принципе, общине не было дела до государства. Она оставалась самодостаточной, традиционной вещью в себе.

Петр Аркадьевич не подозревал, что, начиная реформу общины, он поднимает руку на древнее народное божество, которому поклонялась страна.

С точки зрения мировой земледельческой практики европейской культуры Столыпин был прав: общинное земледелие было малопродуктивно и архаично, жизнь требовала новых, либеральных, творческих форм хозяйствования.

Значит, надо было идти вперед.

А что впереди? Удача или крах? Бог ведает.

Трудный век

Из начала двадцать первого века, из ощущения катастрофы, пронизывающего наше общество в дни, когда пишутся эти строки, перенесемся в начало двадцатого века.

Что там? Поражение в войне, отдача Японии Курильских островов и половины Сахалина. И еще: нетерпимость к существующей власти всех либеральных движений, требований всего сразу, крестьянские мятежи, эсеровский террор, военно-полевые суды, кризис власти. И наконец: Столыпин, его реформы, одиннадцать покушений на него, ненависть справа и слева, первые результаты реформ. Затем — гибель.

Фигура крупнейшего деятеля предреволюционной поры Петра Аркадьевича Столыпина в нашей истории на протяжении десятилетий была окрашена только черной краской как фигура политического противника, как будто политическая борьба 10-х годов продолжалась все это трагическое столетие. Конечно, и в таком освещении можно было разглядеть значительность российского премьера, но мало что можно было понять.

«Столыпин — враг революции» — этот тезис всех партийных идеологий от кадетской до эсеровской благополучно дожил до нынешних времен. Правда, сегодня подобная однозначность мало кого устраивает, интерес к личности Столыпина растет и растет.

Слова «Столыпинская реформа» звучат вечной памятью человеку, который перед лицом катастрофы принял на себя ответственность за судьбу России.

Не будем забывать, что Столыпин являлся сыном своего времени, дворянином, руководствовался только понятиями «российской пользы», «российского величия», и всю его жизнь следует рассматривать с учетом исторических реалий ушедшей эпохи.

Что знает широкая публика о его реформах?

Весьма немного. Советский энциклопедический словарь, в частности, отмечает: «Буржуазная реформа крестьянского надельного землевладения в России, ознаменовавшая поворот аграрно-политического курса самодержавия (названная по имени П. А. Столыпина). Разрешение выходить из крестьянской общины на хутора и отруба... и переселенческая политика имели целью ликвидацию малоземелья при сохранении помещичьего землевладения, ускорение расслоения деревни, создание в лице кулачества дополнительной опоры самодержавия. Реформа потерпела неудачу». (Столыпин был убит в 1911 году.)

И ни слова о трагедии России. Ни слова о крестьянской трагедии, которая через двадцать с небольшим лет раздавила русское крестьянство. Ни слова о героической жизни, о подвиге этого русского человека.

Закончился двадцатый век. Снова перед Россией старая проблема, снова мы уповаем не на революционные преобразования, а на реформы. И вглядываемся, все пристальнее и пристальнее вглядываемся в недавнее прошлое. Что там?

Чудовищное покушение

Двенадцатого августа 1906 года в субботу к подъезду дачи председателя Совета министров на Аптекарском острове подъехало ландо с тремя мужчинами. Двое — в форме жандармских офицеров, один — в штатском платье. Столыпин принимал в своем кабинете посетителей, в приемной ожидало несколько десятков человек, среди них были женщины с детьми. На балконе, прямо над крыльцом, сидели двое детей Столыпина, дочь Наташа и малыш Аркадий вместе с няней, молоденькой воспитанницей Красностоцкого монастыря Людмилой Останькович.

Через несколько минут взрывом бомбы дача будет разрушена, Останькович погибнет, малыш — легко ранен, а Наташа с раздробленными ногами окажется под копытами взбесившихся от боли раненых лошадей.

Пока же двое в жандармской форме остановлены

швейцаром. Первый из них — с портфелем. Они настаивают на встрече с министром, ссылаются на очень важное дело. Швейцар-служака: «Запись к приему лиц, имеющих отношение к министру, прекращена, министру понадобится не менее двух часов для приема лиц, уже находящихся в приемной». Так передает суть речей швейцара полицейский документ. Но посетители спешат, рвутся к двери, ведущей в коридор, откуда вход в столыпинский кабинет. На их пути встает агент охраны Горбатенков. Короткая схватка. На помощь Горбатенкову устремляется его помощник, агент Мерзликин, из приемной на шум выходит генерал Замятин.

И все они мгновенно исчезают в страшном взрыве.

* * *

В Центральном Государственном архиве Октябрьской революции в делах охранного отделения — списки погибших и раненых от того взрыва. Есть там и маленькие, в ладонь, альбомы с фотографиями и словесными портретами боевиков-эсеров. Есть и фотокарточка молодой двадцатитрехлетней сероглазой девушки с косой — Климовой, участницы покушения. Сегодня, в конце века, видишь, как жестоко разделалась история не только с ней, не только со Столыпиным, но даже и с дочерьми Климовой, отбывшими свой срок в сталинских лагерях. Молчит архивный альбом. Истлели кости жертв и героев. Молча глядит с выцветшего снимка террористка, еще не ведая ни боли, ни страха.

* * *

В этот день старшая дочь Столыпина Маша, закончив с младшей сестрой Олечкой урок, пошла с ней из нижней гостиной наверх. Взрыв застал Машу в коридоре. Она собиралась открыть дверь, но никакой двери не было. Вместо двери — пустота, внизу — набережная, блеск Невки, деревьев. Взрыв ошеломил девочку. Она подумала об отце: что с ним?

Несколькими днями раньше в Варшаве бросали бомбу в генерал-губернатора Скалона. В Саратове был разорван бомбой губернатор Блок. От взрывов сотрясалась жизнь. И дочь боялась за отца, не понимая, что случилось в России.

Маша Столыпина кинулась к окну, чтобы прыгнуть на

крышу нижнего балкона и перебраться в кабинет Петра Аркадьевича. Ее остановил Казимир, слуга, взял обеими руками за талию и отодвинул в сторону.

Тут она увидела мать с белой от известки головой.

— Ты жива, — сказала мать. — Где Наташа и Адя?

Не было двух ее детей. Как каждая мать, супруга Столыпина думала прежде всего о родных детях.

Они вошли в верхнюю гостиную. Здесь лежала на кушетке выздоравливающая от тифа Елена. На полу среди осколков — горка. Стены и пол целы. Зато из соседней комнаты вся мебель вылетела в приемную и даже на набережную Невки.

Откуда-то снизу, с улицы, раздался голос Столыпина:

— Оля, где ты?

Мать вышла на балкон.

— Все дети с тобой? — спросил он.

— Нет Наташи и Ади, — с ужасом и тоской вымолвила Ольга Борисовна.

В эту минуту Столыпин, наверное, отдал бы посты министра внутренних дел и премьера, все честолюбивые упования, все патриотические планы ради одного доброго слова о Наташе и Аркадии.

Маша хотела сбежать вниз по лестнице, но от лестницы осталось ступенек десять. Надо было прыгать на кучи щебня или ждать пожарных. Она спрыгнула, упала, вскочила на ноги и бросилась на шею отцу. Какое счастье было видеть его живым и невредимым!

Но что творилось кругом?! Кричали и стонали раненые, стлался дым, метались обезумевшие женщины. Шелестели липы, по дорожке ползли две Наташины черепахи, на газонах лежали мертвые и разорванные тела: тут нога, тут чья-то кисть, там челюсть.

Наташа и Аркадий были найдены под обломками дачи тяжело раненными.

«Наташа была ранена очень серьезно, — вспоминала потом Мария Столыпина (по мужу — фон Бок), — и странно было видеть, когда ее переносили, это безжизненно лежащее тело с совершенно раздробленными ногами и спокойное, будто даже довольное лицо. Не издавала она ни одного звука: ни крика, ни стоны, пока не переложили ее на кровать. Но тогда она закричала и кричала уже все время, — так ее в больницу и увезли, — кричала так жалобно и безнадежно, что мороз по коже проходил от крика этой четырнадцатилетней девочки...

А у Ади были раны на голове и перелом ноги, и все последующее время бедный ребенок очень страдал больше от нервного потрясения, чем от ран. Он несколько дней совершенно не мог спать: только заснет, как снова вскакивает, с ужасом озирается и кричит: “Падаю, падаю!”». (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л., Реформатор. М., 1991. С. 7).

К вечеру увезли пострадавших. Кого в покойницкие, кого в лечебницы. Наташе предстояла ампутация обеих ног, немедленно, иначе не спасут. Это была цена, которую Столыпин должен уплатить за твердый курс, спасающий страну от трагедии революции?

Он умоляет докторов отложить операцию до утра. Они с трудом соглашаются. Наступает утро. Ампутацию снова откладывают. Потом сообщают, что попробуют сохранить обе ноги, а что дальше, останется калеккой или поправится, — это как Бог даст.

Надо думать, прошедшая ночь была для Столыпина мучительной. На нем лежала кровь его детей. Он не мог не знать, что и в дальнейшем ничто не уберезет их, никакая охрана, никакие жандармы. Уберечь детей может только отец. При одном условии...

Голая правда документов

«Список лицам, убитым при взрыве бомбы на даче Господина Министра Внутренних Дел Столыпина 12-го августа 1906 г.

1. Непременный член Ярославского губернского по земским и городским делам представителя Коллежский Ассессор Николай Юльевич Слефогт — 32 лет.

2. Отставной Статский Советник Михаил Тимофеевич Вербицкий — 60.

3. Потомственный почетный гражданин Леонтий Клементьевич Клементьев — 59.

4. Запасный унтер-офицер Кавалергардского полка из крестьян Смоленской губернии Духовищинского уезда, Жировичской волости деревни Новоселок Василий Прокофьев Солдатенков — 32.

5. Запасный боцман Гвардейского экипажа из крестьян Курской губернии Дмитриевского уезда, Михайловской волости, слободы Жидневки Александр Иванов Проценков — 28.

6. Гражданской инженер Иероним Иулианович Терлецкий — 25.

7. Унтер-офицер Санкт-Петербургского Жандармского дивизиона Иван Павлов Слепов — 27.

8. Коллежский регистратор Афанасий Ларионов Горбатенков — 45.

9. Крестьянин Нижегородской губернии, Лукояновского уезда, Крюковской волости, села Крюкова Петр Григорьев Синятин — 47.

10. Сотенный медицинский фельдшер Области Войска Донского Захар Семенов Мерзликін — 29.

11. Крестьянин Ковенской губернии и уезда, Сурзинокской волости, Свентаброкского общества Франц Казимиров Станюлис — 22.

12. Член Совета Министерства Внутренних Дел сенатор Действительный Статский Советник Сергей Алексеевич Хвостов — 60.

13. Харьковский мещанин Александр Леонтьев Вольфович — 54.

14. Жена прапорщика запаса Ольга Истомина — 32.

15. Вдова Действительного Статского Советника Княгиня Евдокия Артемьевна Кантакузена — 56.

16. Князь Иван Александрович Некашидзе — 55.

17. Церемонимейстер Высочайшего Двора Действительный Статский Советник Александр Александрович Воронин — 43.

18. Генерал-майор Александр Замятин — 54.

19. Отставной канцелярский служащий Николай Григорьев Воронин — 59.

20. Крестьянка Анна Петровна Долгушина.

21. Неизвестный.

22. Неизвестный.

23. Ноги с частью живота бывши в жандармских брюках.

24. Неизвестный. Первоначально был доставлен в лазарет Лейб-гвардии Московского полка».

Вслед за этим списком идет список раненых и умерших от ран. В нем двадцать пять имен. Крестьяне, мещане, офицеры, чиновники, женщины, дети. Я бы мог привести их, чтобы подчеркнуть мысль о том, что платят за политику, за нетерпение террористов, за нашу революционность, всегда платят они. Надеюсь, никто со мною не станет спорить.

«Начальник отделения по охране порядка и общественной безопасности в Санкт-Петербурге.

...Жена Губернского Секретаря Ольга Евгеньевна Истомина, 40 лет, проживала в доме № 26, по Гусевой ул., по бессрочному свидетельству Валдайского Полицейского Управления от 8 УП 1904 г. за № 160, при ней находился малолетний сын около 5 лет.

Истомина занимала в этом доме угол и, так как ее муж

находился в безвестной отлучке, сильно нуждалась в средствах к жизни.

12 августа 1906 г. Истомина со своим ребенком пошла подавать Господину Министру Внутренних Дел прошение о пособии, где и была убита вместе с ребенком во время взрыва, по доставлении трупов в Петровскую больницу она была опознана домовладелицей дома, где проживала, Марией Берлиной и женщиной того же дома, Идой Шеберт.

Истомина вместе с ребенком погребена за счет казны на Смоленском кладбище.

Приметы ее: 40 лет, рост средний, худощавая, волосы и глаза черные.

И.д. Делопроизводителя М. Красовский».

Вот так, дорогой читатель!

Не сливается ли в нашем представлении этот убитый ребенок с кричащей, изувеченной Наташей Столыпиной? А вот пожертвовавшие собой террористы «бывши в жандармских брюках» не сливаются с ними. Разные жертвы.

Посмотрим, кем были террористы.

«Доклад отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице 24 сентября 1906 г.

Его Высокопревосходительству Господину Министру Внутренних Дел.

Секретно.

Произведенным агентурным розыском по делу взрыва 12-го Августа дачи господина Министра Внутренних Дел удалось получить следующие сведения о погибших участниках этого преступления.

1. Преступник в жандармской форме атлетического сложения — Уроженец города Смоленска Никита Иванов. В начале Марта с. г. содержался под стражей в Брянской тюрьме по делу ограбления артельщика Брянских заводов. Мать Иванова живет в Смоленске на Московской улице, где содержит чайную;

2. второй жандармский офицер (разорванный) — еврей, уроженец г. Минска, до середины 1905 г. проживал во Франции, откуда вернулся в Россию. В последнее время проживал по папорту бельгийского подданного;

3. преступник во фраке — уроженец г. Брянска и рабочий бежецких заводов, имя его — Иван. Известен хорошо местным жандармским властям, т. к. неоднократно привлекался к дознанию.

Все эти лица принадлежат к Московской организации «максималистов».

Полковник Герасимов».

Розыск действовал быстро и результативно. Война между террористами и правительством началась не вчера. Интеллигентное просвещенное общество с нескрываемым сочувствием следило за ней, ожидая, когда твердокаменная власть изнеможет под ударами.

«3 декабря 1907. Доклад отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице.

Совершенно секретно.

13 августа прошлого, 1906 г. на перроне станции Новый Петергоф был убит выстрелом из «браунинга» командир Лейб-гвардии Семеновского полка Свиты Его Величества генерал-майор Мин. Задержанный убийца, домашняя учительница Зинаида Коноплянникова, как на предварительном следствии, так и на суде заявила, что она член летучей боевой дружины Северной области партии социалистов-революционеров и убила генерал-майора Мина по приговору этой партии.

Областные летучие боевые дружины организованы при каждом областном комитете, и согласно постановлению последнего съезда партии социалистов-революционеров на них возложено приведение в исполнение смертных приговоров, постановленных областными комитетами по отношению лиц, проживающих в районе областного комитета...

Принятыми мерами установлено, что организаторами всех политических убийств, выполненных летучей боевой дружиной Северной области, является некто Карл, он же конспиративную кличку носит Иван или Иван Иванович.

Проживая почти постоянно в пределах Финляндии, Карл организовал кроме убийства свиты Его Величества генерал-майора Мина следующие политические убийства, выполненные находящимися в его подчинении членами боевой дружины Северной области:

1) 2 декабря 1906 г. было совершено покушение на убийство генерал-адъютанта Дубасова. Покушавшиеся на убийство Воробьев и Березин были задержаны и по приговору санкт-петербургского военного трибунала, военно-окружного суда казнены.

2) 26 декабря 1906 года был убит главный военный прокурор генерал-лейтенант Павлов. Убийца, член боевой дружины, матрос, дезертир Егоров, по приговору СПб военно-окружного суда казнен.

3) 17 января сего года был убит начальник временной тюрьмы Гудима неизвестным, также боевиком боевой дружины. Убийца не был задержан.

4) 16 июля сего года предполагалось убийство военного министра генерал-лейтенанта Редигера. Убийство было предотвращено арестом лиц намеченного предполагаемого покушения. Были арестованы назвавшиеся: Файнбергом, Гольцом, Гуминским, Руссаком и Фабрикантом, которые по приговору СПб военно-окружного суда приговорены к каторжным работам.

5) 13 августа сего года был убит начальник Санкт-Петербургской тюрьмы полковник Иванов. Задержанный неизвестный убийца, член боевой дружины, по приговору СПб суда казнен.

6) 15 октября был убит начальник главного тюремного управления Максимовский. Убийца Евстолия Рагозникова, член той же дружины, была казнена по приговору СПб военно-полевого суда.

7) 19 октября при похоронах Максимовского на Волковом кладбище был задержан неизвестный, с двумя «браунингами». При допросе он заявил, что состоит членом летучей боевой дружины и командирован Карлом для убийства министра юстиции Щегловитова, и в настоящее время Карлом подготавливалось покушение на жизнь господина премьер-министра П. А. Столыпина во время пребывания его на заседании Государственного совета...

В декабре Карл вместе с двумя неизвестными женщинами был арестован на даче в Колломяках...

Полковник Герасимов».

Снова жизнь Столыпина под угрозой. Даже можно сказать — он обречен стать жертвой.

В его портфеле — стальной лист, чтобы можно было заградиться от пули как щитом.

Он знает, что обречен и что единственное спасение — уйти, исчезнуть с петербургского горизонта, уехать в Колноберже, где он только отец, только муж, только помещик.

Он, ненавидимый либерально-революционной интеллигенцией, был любим, уважаем, счастлив в Колноберже, неподалеку от Ковно.

И все-таки обречен.

Со всеми своими мечтами вывести Россию к благоденствию — обречен.

Большинство не хочет терпеть, долго трудиться. Легче убить.

Выписка из полученного агентурным путем письма с подписью «Сова»: «Почему не написали об убийстве С. А.?»

(Великий князь Сергей Александрович, убитый эсером Калевым. — Авт.) У нас слышны по этому поводу, преимущественно среди рабочих, такие речи: «Собаке собачья смерть». Я лично так этому обрадовалась, что вы и представить себе не можете. Как хорошо, что одним подлецом стало меньше. Молодцы С.-Р. — как удачно они действуют».

Радоваться убийству было в обычае общества.

Террор стал божеством.

Старейший кадет И. Петрункевич заявляет о невозможности для партии осудить террор, ибо это явилось бы «моральной гибелью партии».

Александр Солженицын, приводя эти слова Петрункевича («Март семнадцатого»), не ужасается, нет. Он свидетельствует об обреченности Реформатора.

Дух убийства, жажда немедленного переворота, романтизация всякого насилия и всяких террористов — вот воздух времени. Им дышат, опьяняясь все сильнее, рабочие, гимназисты, студенты, чиновники. Опьяняется интеллигенция, великая русская интеллигенция (и не великие, рядовые интеллигенты), погружается в завораживающие сны.

Отсюда — шаг до бездны, которая поглотит их всех и превратит Россию в «бездыханный труп» (Н. Бердяев).

И маленький стальной щит в портфеле премьера!

А рядом со сталью — проекты аграрной реформы, разрушающей русскую крестьянскую общину, эту великую народную крепость и великую темницу.

Столыпин должен был успеть, прежде чем погибнет, наверстать упущенное за пятьдесят лет, дать то, что должно было быть дано крестьянину на следующий день после Освобождения, то есть 20 февраля 1861 года, — личную свободу и право распоряжаться своей землей.

Сколько ему отпущено времени? Кто в России его поддержит?

Александр Васильевич Кривошеин, правая рука Столыпина, завершивший политическую карьеру премьер-министром правительства Юга России в Крыму, говорил на встрече с журналистами в июне 1920 года:

— Трагедия России в том, что к землеустройству не приступили сразу после Освобождения. Русская революция потому и приняла анархический характер, что крестьяне жили земельным укладом царя Берендея. Если Западная Европа, треща и разваливаясь, еще обошлась без большевизма (и обойдется), то потому, что земельный быт французского, немецкого, английского, итальянского фермера

давно устроен. (Опубликовано в крымских газетах в сентябре 1920 года.)

Кривошеин пережил Столыпина на десять лет, увидел весь оборот исторического колеса и даже у Врангеля в условиях Гражданской войны пытался проводить реформы. Увы, время давно было упущено. (Однако прощальные кривошеинские реформы мы еще вспомним в заключительных главах этой книги.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ОТ РОЖДЕНИЯ ДО ВОЗВЫШЕНИЯ

Родословие

Теперь вернемся к началу жизни Столыпина. Кто он? Кто его отец и мать? Какие молитвы твердили его предки, за что умирали?

Один из самых знаменитых родственников Реформатора — русский поэт, чьи стихи знают с детства. «...умереть мы обещали, и клятву верности сдержали мы в Бородинский бой».

Да, Лермонтов.

Петр Аркадьевич родился в 1862 году 2 апреля в Дрездене, где гостила его мать, затем был перевезен в подмосковное имение Средниково, которое сегодня является лермонтовским мемориалом.

Дед премьер-министра, Дмитрий Алексеевич Столыпин, и бабушка поэта, Елизавета Алексеевна Столыпина, — родные брат и сестра. Значит, Реформатор и Поэт — троюродные братья.

Генеалогия Столыпиных прослеживается с XVI века, с Григория Столыпина. Его сын Афанасий — муромский дворянин. Сильвестр Афанасьевич Столыпин участвует в войне с Польшей в 1654—1656 годах, заканчивает жизнь московским дворянином. Затем идут служилые дворяне Семен Сильвестрович, Емельян Семенович, Алексей Емельянович. Они ничем особым не выделяются из массы русских дворян, были воинами и земледельцами, представляя собой типичных патриархальных помещиков.

Впрочем, Алексей Емельянович, прадед премьер-министра, вышел в отставку поручиком (родился в 1744 году), был предводителем пензенского дворянства. То есть его выделили из общей массы. У него шестеро детей: Александр — адъютант Суворова, Аркадий — друг реформатора Сперанского, тайный советник, обер-прокурор и сенатор, Николай — генерал-лейтенант, разорванный толпой во время бунта в Севастополе. Дмитрий — дед Петра Аркадьевича — генерал-

майор, Афанасий — штабс-капитан, саратовский предводитель дворянства, и Елизавета, бабушка М. Ю. Лермонтова, вышедшая замуж за М. В. Арсеньева.

Величественное родовое древо, поднявшееся из глубины российской истории. Какие фигуры соприкасались с ним? Какие потрясения, трагедии, победы России воплощались в судьбах Столыпиных?

Вот один из великих людей России, судьба которого переплеталась со столыпинским родом. Лев Толстой, который считал премьер-министра Столыпина идейным противником, дружил с его отцом Аркадием Дмитриевичем, был с ним на «ты». Они принадлежали к одному поколению. Оба участвовали в Крымской войне, пережили унижение России, подъем патриотизма, эпоху Великих реформ. Аркадий Дмитриевич дослужился до чина генерала от артиллерии, участвовал в освобождении Болгарии от турецкого ига. Побывала на той войне и его жена Наталия Михайловна, ей пришлось под огнем ухаживать за ранеными, она была награждена медалью. Наверное, когда генерал гостил в Ясной Поляне, беседовал с Толстым о судьбе России, они не подозревали о том, что оба — прошлое, невозвратное прошлое и любимая ими великая дворянская Россия — на краю пропасти. Не ведали они и того, что младший Столыпин почти спасет Россию от надвигавшейся катастрофы.

Аркадий Дмитриевич писал книги, был скульптором, играл на скрипке. Известна его «История России» для народного и солдатского чтения. На академической выставке 1869 года экспонировались его работы — «Голова Спасителя» и «Медаль статуи Спасителя».

То, что отец передал сыну, не охватить никаким исследованием. Понимание долга? Культура? Родовые традиции? Любовь к родине? Безусловно, да.

Однако больше всего выразил свое отношение к отцу сам Столыпин. Когда умер Аркадий Дмитриевич, он обнял дочь Машу и сказал со слезами на глазах:

— Как ты счастлива, что у тебя есть отец!

К долгу, культуре, традициям надо прибавить счастье следовать им.

И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные все места...

Это Лермонтов.

А вот исследования другого Столыпина, Дмитрия Аркадьевича, двоюродного брата нашего героя: «Арендные хутора», «Земледельческий порядок до и после упразднения

крепостного права». Главный вывод этих работ: корень экономических бед российского хозяйства таится в крестьянской общине, она сдерживает развитие сильных, ее необходимо разрушить.

Что можно добавить к этим удивительным связям внутри рода?

Воевали, вели хозяйство, сочиняли стихи, погибали, становились предтечами для потомков. Это бессмертие, как мы понимаем его. Было в этом и Божественное выражение человеческой истории.

Вначале ничего не говорило о предназначении Петра Столыпина. Он закончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, рано женился, стал служить в статистическом отделении Министерства земледелия. В его доме часто бывал поэт Алексей Алухтин. Помните? «Пара гнедых, запряженных с зарею...», «Ночи безумные, ночи бессонные...»?

Семья, служба, петербургские романсы, старая нянька Аграфена, обращавшаяся к Петру Аркадьевичу на «ты»... И ничего такого, что могло бы указать на предназначение.

Но оно близко. Столыпина переезжают в свое имение Колноберже неподалеку от Ковно, молодой помещик избирается уездным предводителем дворянства, начинается совсем иная жизнь.

При всей условности обращений к литературным героям не будет чрезмерным сравнить Петра Столыпина с Константином Левиным из толстовского романа «Анна Каренина». Хотя это разные характеры, но тип — один.

Самая любимая работа для Столыпина — создание сельскохозяйственного общества (одной из форм крестьянской кооперации), постройка и организация склада сельскохозяйственных орудий, народного дома с ночлежным отделением, библиотекой. В народном доме давали театрализованные представления, устраивали народные балы, был и кинематограф с первыми наивными картинками. Как пишет старшая дочь П. А. Столыпина Мария фон Бок в книге «Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине», ей запомнилась забавная лента, изображавшая, как маленькие дети дерутся подушками.

Зимой семья живет в Ковно, после Пасхи — переезжает в деревню, причем выезд на карете с четверкой цугом, кучер сидит в цилиндре, за каретой — телеги, по-местному — «курдянки» и «нытычанки». Помещик перебирается в имение. Патриархальная старина. Похоже на гоголевские времена. Да они не так уж и далеки, эти гоголевские времена.

Кинематограф и четверка цугом, кооперация и помещицье землевладение, огромная лужа перед ковенским домом и театр, и большая библиотека, вывезенная из Середникова, в которой есть книги, читанные Лермонтовым, — все переплетено неразрывно.

Старое и новое. Одно — отмирает, другое — отбрасывает привычное, родное, вечное и вырастает... Старятся родители, взрослеют дети. Петр Аркадьевич и Ольга Борисовна читают по вечерам вслух романы Толстого «Воскресение», «Анну Каренину», исторические романы Валишевского, а дочерям — Жюль Верна, стихи Пушкина, Лермонтова. Они еще молоды, полны сил, впереди — целая жизнь. Наверное, они счастливы.

Возможно, Столыпин так бы и прожил долгие годы, служа своему делу и воспитывая детей, если бы не изменения в глубине всей российской жизни.

Чтобы понять ее, перечитаем несколько страниц описаний деятельности русского сельского хозяина-дворянина Константина Левина.

«За чаем Левин узнал всю историю старикова хозяйства. Старик снял десять лет тому назад у помещика сто двадцать десятин, а в прошлом году купил их и снимал еще триста у соседнего помещика. Малую часть земли, самую плохую, он раздавал внаймы, а десятин сорок в поле пахал сам своею семьею и двумя наемными рабочими. Старик жаловался, что дело шло плохо. Но Левин понимал, что он жаловался только из приличия, а что хозяйство его процветало. Если бы было плохо, он не купил бы по ста пяти рублей землю, не женил бы трех сыновей и племянника, не построился бы два раза после пожаров, и все лучше и лучше. Несмотря на жалобы старика, видно было, что он справедливо горд своим благосостоянием, горд своими сыновьями, племянниками, невестками, лошадьми, коровами и в особенности тем, что держится все это хозяйство. Из разговора со стариком Левин узнал, что он был и не прочь от нововведений. Он сеял много картофеля, и картофель его, который Левин видел, подъезжая, уже отцветал и завязывался, тогда как у Левина только зацветал. Он пахал под картофель плугою, как он называл плуг, взятый у помещика. Он сеял пшеницу. Маленькая подробность о том, что, пропалывая рожь, старик прополонною рожью кормил лошадей, особенно поразила Левина. Сколько раз Левин, видя этот пропадающий прекрасный корм, хотел собирать его, но всегда это оказывалось невозможным. У мужика же это делалось, и он не мог нахвалиться этим кормом».

Вот так, дорогой читатель, мог смотреть на жизнь не только Лев Толстой, но и Петр Столыпин. Результат свободного крестьянского труда поражал. Невольно появлялась мысль: а что, если все мужики выйдут из общины, станут независимыми?

Крестьянская община? Великая русская народная крепость, которая спасла страну от всех завоевателей, которая непоколебимо держала крестьянский мир как самоуправляющуюся и самообеспечивавшуюся систему и которая регулярными уравнительными земельными переделами, следя за справедливостью, не позволяла никакому отдельному хозяину возвыситься над остальными, эта крепость была одновременно силой и тормозом России. За общину стояли и либералы, и консерваторы. Они видели в ней каждый свое: опору социалистических идей, хранительницу традиций.

Мужик из «Анны Карениной», правда, уже не вписывается в споры об общине. Он сам по себе, он свободен. Но таких — единицы, а большинство подчинено миру. О твердости, даже жестокости по отношению к инакомыслящим крестьянского мира написано много. Другим он и не мог быть, если вспомнить историю. «Крестьяне чрезвычайно косны...» «Зависть, недоверие друг к другу, подкапывание одного под другого, унижение слабого перед сильным, высокомерие сильного, поклонение богатству — все это сильно развито в крестьянской среде. Кулачские идеалы царят в ней, каждый гордится быть щукой и стремится пожирать карася. Каждый крестьянин, если обстоятельства тому благоприятствуют, будет самым отличнейшим образом эксплуатировать всякого другого, все равно — крестьянина или барина, будет выжимать из него сок, эксплуатировать его нужду». Это свидетельство принадлежит А. Н. Энгельгардту, автору известных писем «Из деревни». Сомневаться в точности его оценки вряд ли можно. Продолжим цитату и увидим, как делается рельефнее портрет мужика. «Все это, однако, не мешает крестьянину быть чрезвычайно добрым, терпеливым, по-своему необыкновенно гуманным, своеобразно, истинно гуманным, как редко бывает гуманным человек интеллигентного класса. Вследствие этого интеллигентному и бывает так трудно сойтись с мужиком. Посмотрите, как гуманно относится мужик к ребенку, к идиоту, к сумасшедшему, к иноверцу, к пленному, к нищему, к преступнику — от тюрьмы да от сумы не отказывайся, — вообще ко всякому несчастному человеку. Но при всем том нажать кого при случае — нажмет. Если скот из соседней деревни, в которой нет общности в выгонах, будет взят крестьянами в потраве, то они его не отдадут даром. Если крестьяне поймают в

своём лесу порубщика, то вздуют его так, что он и детям своим закажет ходить в этот лес — потому-то в крестьянском лесу не бывает порубок, хотя там нет сторожей и полесовщиков. Как бьют воров и конокрадов — всем известно...»

Кажется, портрет достаточно полон. Но зачем он нам? Мы-то с вами, дорогой читатель, по себе знаем свой национальный характер, сохраняющий многие черты русского мужика. Пусть этот характер кому-то не нравится, да и не все в нем впрямь безукоризненно, но переделывать его пока никому не удавалось.

Спокойный, вдумчивый взгляд Энгельгардта, старшего современника нашего героя, проникает еще дальше, возвращает нас к образу толстовского мужика.

«Каждый мужик при случае кулак, эксплуататор, но, пока он земельный мужик, пока он трудится, работает, занимается сам землей, это еще не настоящий кулак, он не думает все захватить себе, не думает, как бы хорошо было, чтобы все были бедны, нуждались, не действует в этом направлении. Конечно, он воспользуется нуждой другого, заставит его поработать на себя, но не зиждет свое благосостояние на нужде других, а зиждет его на своем труде. От такого земельного мужика вы услышите: «Я люблю землю, люблю работу, если я ложусь спать и не чувствую боли в руках и ногах от работы, то мне совестно, кажется, будто я чего-то не сделал, даром прожил день». У такого земельного мужика есть и любимый непроданный конь. Такой мужик радуется на свои постройки, на свой скот, свой конопляник, свой хлеб. И вовсе не потому только, что это доставляет ему столько-то рублей. Он расширяет свое хозяйство не с целью наживы только, работает до усталости, недосыпает, недоедает. У такого земельного мужика никогда не бывает большого брюха, как у настоящего кулака».

Пожалуй, Столыпин мог бы подписаться под этими словами. В них, впрочем, нет никакой загадки.

Загадка была в другом. По соседству с Российской империей, в Пруссии.

Почему в Пруссии? Потому что в Ковенской губернии, неподалеку от Колноберже, было еще одно имение, принадлежавшее Столыпиным. Кратчайший путь к нему лежал по железной дороге через Пруссию. Петр Аркадьевич наблюдал ухоженные богатые хутора немцев и поляков, наблюдал и наверняка сравнивал.

Мария Петровна утверждает, что именно эти поездки породили у отца мысли о необходимости скорейшего разрушения общины и перехода к хуторской системе.

Дочь упрощает. В истории невозможно отыскать никакой

вехи, с которой мы могли бы повести отсчет, когда Столыпин стал Реформатором... когда аграрные проблемы зажгли поместья... когда языком общественных споров сделались взрывы и выстрелы.

Да к тому же хуторское землеустройство было частично проведено в Царстве Польском и Прибалтийском крае — устроены тысячи хуторов. Хотя это никак не коснулось собственно России, однако Столыпину не обязательно было восхищаться одними прусскими хуторами. Просто история медленно двигалась, разрушая земельную общину повсеместно. Еще по прусскому закону 1821 года считалось: «Принимается без доказательств, что всякий раздел общих угодий служит благу земельной культуры».

Отчасти, значит, влиял прусский опыт и вообще опыт всей Европы.

Попутно обратимся к мемуарам Бисмарка, к той их части, которая проливает свет на тему нашего разговора.

«С другой русской особенностью я столкнулся во время моего первого пребывания в Петербурге в 1859 г. В первые весенние дни принадлежавшее ко двору общество гуляло по Летнему саду, между Павловским дворцом и Невой. Императору бросилось в глаза, что посреди одной из лужаек стоит часовая. На вопрос, почему он тут стоит, солдат мог ответить лишь, что «так приказано»; император поручил своему адъютанту осведомиться на гауптвахте, но и там не могли дать другого ответа, кроме того, что в этот караул зимой и летом отряжают часового, а по чьему первоначальному приказу — установить нельзя. Тема эта стала при дворе злободневной, и разговоры о ней дошли до слуг. Среди них оказался старик-лакей, состоявший уже на пенсии, который сообщил, что его отец, проходя с ним как-то по Летнему саду мимо караульного, сказал: «А часовая все стоит и караулит цветок. Императрица Екатерина увидела как-то на этом месте гораздо раньше, чем обычно, первый подснежник и приказала следить, чтобы его не сорвали». Исполняя приказ, тут поставили часового, и с тех пор он стоит из года в год. Подобные факты вызывают у нас порицание и насмешку, но в них находит свое выражение примитивная мощь, устойчивость и постоянство, на которых зиждется сила того, что составляет сущность России в противовес остальной Европе» (*Бисмарк О. Мысли и воспоминания. В 3 т. М., 1939*).

Вывод, сделанный «железным» канцлером из петербургского анекдота, имеет, думается, отношение и к русской земельной общине. Насколько прав Бисмарк в своем решительном выводе, не будем спорить. В чем-то, конечно, прав.

Впрочем, вспомним другое его знаменитое высказывание: «Национальные вопросы решаются железом и кровью». И вспомним ответ Тютчева:

Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней.

Прав ли Бисмарк? Большинство, наверное, ответит утвердительно.

А Тютчев разве не прав?

Имя Тютчева почиталось в семье Столыпиных не только потому, что Петр Аркадьевич разделял философские и политические взгляды поэта на судьбу России, но и по иной причине. Мать Столыпина, Наталья Михайловна, была племянницей канцлера Горчакова, ближайшим сотрудником которого был Тютчев. А Горчаков и Бисмарк являлись политическими противниками.

Поэтому для Столыпина, бесспорно, был прав Тютчев. Тем более что, как свидетельствует министр иностранных дел столыпинского кабинета А. П. Извольский, премьер был привязан «ко многим славянофильским теориям».

Вот тут-то и парадокс. Именно Столыпину, не «западнику», а человеку, любящему и понимающему Россию, было суждено проводить разрушительную для общины реформу.

«Умом Россию не понять, аршином общим не измерить» — эти тютчевские слова известны всем со школьных лет. Но насколько они истинны, каждый решает сам.

В семье Столыпиных очень уважали Тютчева и как поэта, и как философа, и как политического деятеля. Взгляды Тютчева, в некоторых моментах близкие к славянофильским, можно без натяжки считать и взглядами Столыпина. Правда, с одной оговоркой. Столыпина нельзя назвать ни славянофилом, ни почвенником. Он — практик, реалист, понимающий, что в противостоянии России и Европы наше Отечество остается внутри европейской цивилизации. Именно эта философия позволила ему критически смотреть на внутреннее устройство родимого Отечества.

* * *

Представим, что история столыпинского рода могла бы предстать перед нами как лента фантастического кино и мы бы увидели собравшихся вместе боярских детей с бердышами, служак-офицеров, помещиков, экономистов, ме-

дицинских сестер, писателей, политиков, — поняли бы они друг друга? Приняли бы закономерность исторической драмы? Или, как не способные видеть дальше очерченного судьбой круга, ужаснулись бы? Такой ленты нет. Нет у нас той России.

Две взлетные полосы: Витте и Столыпин

Наступил двадцатый век.

Новый век имел грозный облик. Империя начала терять стабильность. На авансцену вышла партия социал-революционеров, взявших на вооружение террор. Партию составляли молодые люди разных сословий и национальностей, как правило, образованные, идейные и бесстрашные. Многие из них были дворянами, детьми чиновников и священников; особую роль играли евреи. В связи с разрушением еврейских религиозных общин молодые люди оказались вне «черты оседлости» и буквально ворвались в российскую политическую жизнь, неся с собой страстное, доходящее до самопожертвования стремление быстро демократизировать жизнь в стране. Быстро — значит не ждать результатов медленных перемен, которые происходили в России в связи с неизбежным ходом экономического развития, а взять и свергнуть самодержавие.

Департамент полиции контролировал многих революционеров, внедрял в их среду своих агентов и даже создавал собственные псевдореволюционные организации, чтобы блокировать действия реальных революционеров. Этими утонченными методами прославился начальник московского охранного отделения С. В. Зубатов.

В феврале 1900 года эсер П. Карпович застрелил министра народного просвещения П. Боголепова.

Как ни парадоксально, начавшийся террор полиция сначала воспринимала как необходимое для государственного порядка явление, что откровенно выразил Зубатов, допрашивая одного арестованного: «Мы вызовем вас на террор и раздавим».

На деле это оказалось не так просто.

2 апреля 1902 года революционером С. Балмашовым был убит министр внутренних дел Д. С. Сипягин.

В тот же день планировалось в здании Синода убить обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. Покушение сорвалось из-за случайности.

Затем последовали покушения на виленского губернатора фон Вааля (ранен) и харьковского — князя Оболенского (легко ранен).

Убийство Сипягина поразило всю политическую элиту. Новым министром был назначен В. К. Плеве (которого тоже убьют).

Именно катастрофические события послужили началом блестящей карьеры Петра Аркадьевича: Плеве неожиданно вызвал его телеграммой в столицу.

Зачем вызвал? Столыпин и жена Ольга Борисовна терялись в догадках.

В Петербурге все выяснилось: министр предложил должность гродненского губернатора.

30 мая 1902 года император Николай II в высочайшем указе повелел:

«Ковенскому Губернскому предводителю Дворянства, Двора нашего в звании Камергера, Статскому Советнику Столыпину Всемилостивейше повелеваем быть Исправляющим должность Гродненского Губернатора, с оставлением в придворном звании».

Возникает вопрос: кто рекомендовал?

Но на него нет прямого ответа.

Конечно, общий кризис в стране требовал кадрового обновления. Однако сильную протекцию Столыпину никто не мог оказать. Его отец к той поре уже умер, а брат его жены, Д. Б. Нейдгардт, одесский градоначальник, вряд ли располагал необходимым весом.

Историки единогласны в том, что «не известно, чем заслужил Петр Аркадьевич доверие царя».

К этому мы можем добавить лишь одно: ситуация потребовала новых людей. Да, случай выдвинул Столыпина или, как говорили тогда, Провидение. Более определенного ответа история не дает.

Кстати, «отец политологии» Никколо Макиавелли давным-давно дал определение подобным ситуациям: в трудные времена выдвигают достойных людей, в обычные — тех, кто имеет деньги и связи.

В 1902 году Столыпин становится гродненским губернатором. Ему сорок лет. У него четыре дочери, сын родится через год.

Мало кому известно его имя. Да и что такое — гроднен-

ский губернатор? Губерния незначительная, в углу. Разве что болот много, а в самой Гродне (как тогда говорили) много евреев и поляков. История Гродны пестрая. От киевских князей до шведов. Отсюда Стефан Баторий целился в сердце Руси, но не угадал. Теперь от его замка одни развалины.

Чем занимается новый губернатор? Земельными делами: внедрением искусственных удобрений, улучшенных орудий, многопольных севооборотов, а еще больше — устройством хуторов. Это ему знакомо.

Губернатор, пусть и отдаленной небольшой губернии, участвовал в решении общегосударственных задач. Вот тут ему очень сильно помогает опыт уездного предводителя дворянства и знание будничных проблем сельской жизни и сельской экономики.

Так, В. К. Плеве прислал ему на отзыв проект упрощенного земского самоуправления в западных губерниях, где доминировали польские помещики. Согласно проекту земских гласных в таких губерниях должен назначать губернатор.

Столыпин подошел к проблеме очень рационально. Выборы в Западном крае, где богатый слой населения представляли в основном поляки, а крестьяне и мещане были литовцами, белорусами и евреями, ему виделась опасным делом, так как они обострили бы национальные противоречия.

Однако и прямое назначение гласных администрацией виделось губернатору малополезным. Назначенцы не могли бы стать связующим звеном между властью и народом, а только пережимали бы этот канал.

Столыпин предложил создать коллегии выборщиков, которые избирали бы гласных. Он считал важным, чтобы в числе гласных были бы крестьяне и даже евреи. Если учесть официальное отношение к евреям, то это казалось труднообъяснимым. Однако Столыпин смотрел на вещи без догматизма, считая, что нужны новые подходы.

При переработке проекта Плеве обратил внимание на замечания гродненского губернатора. Самый молодой губернатор оказался зрелым политиком.

Второй случай обратить внимание Петербурга на Столыпина представился, когда начало работу Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под руководством министра финансов С. Ю. Витте. Столыпин возглавил губернский комитет Особого совещания. Благодаря этой деятельности он погрузился в самую трудную российскую проблему и задумался над ее решением.

Столыпин мог повторить мысль А. Пушкина: «В России только одно правительство — европеец». Иными словами, долг власти заключался в улучшении народной жизни, не дожидаясь просьб со стороны самого народа, инициируя перемены сверху.

Впрочем, террористы тоже стремились к переменам.

Вот программа губернатора, объявленная им в июле 1902 года: расселение крестьян на хутора, ликвидация чересполосицы, выделение кредитов для мелиоративных работ, развитие кооперации, сельскохозяйственное образование крестьян, улучшение сельхозорудий, внедрение многопольных севооборотов.

Уже в Гродно можно было увидеть, как закладывался фундамент будущих реформ, получивших имя Столыпинских.

И что важно: изначально нацеленная на деятельность, не имеющую в своей основе получение прибыли, крестьянская община, по мысли Столыпина, должна была под патронажем государства преобразиться в новый экономический организм!

На заседании губернского комитета Столыпин впервые высказался о путях модернизации российской деревни: экономика страны будет расти только через подъем сельского хозяйства.

При этом Столыпин подчеркнул:

«Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы, рассчитывать, что при подъеме умственного развития населения, которое настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешатся сами собой — это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немислима ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью».

Итак, нужна государственная воля!

Но не успел Петр Аркадьевич прослужить в Гродно и года, как был вызван в Петербург. Оказывается, Плеве, присмотревшись, решил выдвигать Столыпина в губернаторы Саратовской губернии, самой крупной и самой революционизированной.

Назначение уже было согласовано с Николаем II. О чем говорил министр внутренних дел с царем, догадаться нетрудно. Очевидно, Плеве привел доводы в пользу своей кан-

дидатуры: образован, знатного рода, принципиален, понимает задачи текущего момента...

Однако Столыпину ехать в далекий Саратов не хотелось. Ему было интересно и в Гродно, тем более милое его семье имение Колноберже было неподалеку. А переезжать — это взваливать на плечи тяжелый груз. Выходило, что он не стремился к карьере.

Впрочем, Плеве не стал его слушать и заявил: «Меня ваши личные и семейные обстоятельства не интересуют, и они не могут быть приняты во внимание. Я считаю вас подходящим для такой трудной губернии и ожидаю от вас каких-либо деловых соображений, но не взвешивания семейных интересов».

В этих словах был вызов: мы будем говорить о нуждах Отечества и больше ни о чем.

Столыпин это понял.

Прощай, тихая Гродна!

Можно ли нам из нашего постсоветского времени полностью понять состояние образованного представителя политического класса той поры?

Полностью представить — невозможно.

Но почему, спросят нас, разве люди были не те?

Конечно, не те.

Во-первых, Россия была православной монархией и правил ею не избранный на четыре года президент, а царь, помазанник Божий, то есть представитель России перед Господом, защитник ее народа и «Хозяин земли русской».

Скорее всего, многие сегодня воспринимают эту роль российского императора с неприкрытой иронией. Но ведь тогда подавляющее большинство народа так не считало.

Во-вторых, промышленная революция затронула лишь тонюсенький слой населения и, хотя уже вызвала первые политические потрясения, еще не проникла в глубь неподвижного русского материка.

В-третьих, еще никому не было понятно, как надо строить будущую жизнь.

А между тем эсеры убивали губернаторов, министров и простых чиновников, крестьяне ждали, что царь совершит наконец какое-то чудесное решение и отменит выкупные платежи (еще за 1861 год!), отдаст им помещичью землю и утвердит жизнь по Правде и Справедливости.

Столыпин еще не знал, что начинается самая тяжелая пора его жизни и что она закончится только с его смертью.

В январе 1904 года разразилась война с Японией. Она-то и обнажила разрыв между политическим классом и населением. Говоря кратко, в огромной России не оказалось минимального числа управленцев, которые могли бы успокоить раздраженный народ. Как впоследствии горько посетует премьер-министр Столыпин: «Негде взять пятьдесят толковых губернаторов».

Конечно, люди-то были, и много людей, в мундирах и без оных, только они не представляли, куда летит сорвавшаяся с тормозов страна.

Вообще, новый век начинался под флагом еще одного сильного человека. Нет, это был не Плеве, хотя и тот был сильным администратором.

Мы говорим о Витте.

Саратовская — в центре страны, большая, русская. Здесь у Столыпина родовые земли, здесь Столыпины известны, двоюродный дед губернатора, Афанасий Алексеевич, был саратовским предводителем дворянства. Его дочь Марья была женой князя Владимира Алексеевича Щербатова, а тот был ни много ни мало как саратовским губернатором в шестидесятые годы, когда маленький мальчик Петя Столыпин только делал первые свои шаги.

Нет, не чужой Саратов.

Говоря современным языком, сам крестьянский народ (85% населения) был неадекватен.

Прибывший из Западного края новый губернатор очутился словно в другом историческом периоде. Вместо культурных польских помещиков в Саратовских степях обитали кочевники-киргизы да редкими оазисами зеленели поселения немцев-колонистов. Вместо спокойных литовцев и белорусов были вольнолюбивые малоземельные потомки Степана Разина, а поволжские помещики напоминали александровских вельмож.

Вдобавок здесь земство было выборным, настроенным оппозиционно по отношению к губернским властям.

Да и много еще особенностей было в жизни Поволжья, которые пришлось постигать Петру Аркадьевичу.

Весной 1903 года его семья выехала из Гродно (через Москву) в Саратов. В старой столице жена с детьми задержались у ее матери, а Столыпин в одиночестве прибыл к месту нового назначения.

В Саратове ему приходится заниматься устройством семейного жилья, так как прежний губернаторский дом был мал. У губернатора все же многодетная семья, и жена на сносях (вскоре родился сын Аркадий).

И только в преддверье, в конце октября 1903 года семья наконец прибыла в Саратов, в новый дом, где даже было электричество, которого Ольга Борисовна вначале опасалась из-за якобы дурного его влияния на зрение.

Настроение у Столыпина было радостное, несмотря на холодную серую погоду, снег с дождем.

Двадцатый век — новые песни. Прогрели войны: Англо-бурская, на которой побывали и русские добровольцы (в том числе прославившийся потом в Государственной Думе А. И. Гучков), и другая, тоже далекая, американо-испанская. Россия же еще раньше ввела войска в Маньчжурию. Казалось, продолжалась традиционная политика империи — защищаться на западе, наступать на востоке. А что внутри страны? Министр финансов С. Ю. Витте в 1900 году представил Николаю II доклад «О положении нашей промышленности», в котором подчеркивал необходимость индустриального развития России.

Роль Витте в истории России велика, это был выдающийся финансист и политик. Многие из начатого им пришлось продолжать Столыпину. Но пока до Столыпинских реформ, кажется, невообразимо далеко.

В докладе говорилось о богатых потенциальных возможностях России и обращалось внимание на отсталость отечественной промышленности в сравнении с Европой и Северной Америкой.

Витте подчеркивал, что Россия остается страной по преимуществу земледельческой, в то время как политическое да и военное могущество всех государств зиждется теперь на их промышленном развитии. России с ее огромным разнородным населением и сложными задачами в мировой политике прочный экономический фундамент необходим больше, чем какой-либо другой стране. «Международное соперничество не ждет. Если ныне же не будет принято энергичных и решительных мер к тому, чтобы в течение ближайших десятилетий наша промышленность оказалась в состоянии своими продуктами покрывать потребности России и Азиатских стран, которые находятся или должны находиться под нашим влиянием, то быстро растущая иноземная промышленность сумеет прорваться через наши таможенные прегра-

ды и водвориться как в нашем отечестве, так и в сказанных Азиатских странах, а укоренившись в глубинах народного потребления, она может постепенно расчистить пути и для более тревожных иноземных политических влияний». Он предупреждал царя, что медленный рост промышленности может затруднить выполнение великих международных задач России, ослабить ее могущество, повлечь за собой политическую и культурную отсталость» (*Игнатьев А. В. С. Ю. Витте — дипломат. Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 22).*

Эта мысль российского министра, пожалуй, актуальна и ныне. Витте доказывал: быстрое развитие нашей промышленности возможно, есть природные богатства, дешевая рабочая сила, защита правительством отечественных предпринимателей от иностранных соперников. Вывод Витте категоричен: необходимо привлечь средства из-за границы.

Сегодня споры о зарубежных займах весьма горячи. Тем необходимее аргументы министра. «Русская промышленность, — считал Витте, — выиграет не только от притока денег, но и от более опытной, искусной и смелой иностранной предприимчивости. Кроме того, зарубежные капиталисты будут заинтересованы в судьбе своих инвестиций в периоды политических осложнений в России» (Цит. по: *Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 22).*

Министр отмечал, что перспектива широкого наплыва чужестранных капиталов по-прежнему вызывает у многих некоторую тревогу. Он, однако, считал ее беспочвенной. Подобный путь развития прошли все современные богатые страны, не утратив при этом своей независимости. Витте признавал некоторую обоснованность подобных опасений лишь в области государственного кредита: безопаснее удовлетворить его потребности внутренними средствами, чем полагаться при выпуске займов целиком на иностранные биржи. Заграничные же инвестиции никакой опасностью для России не грозят, а потому желательно снять существующие ограничения к открытию здесь иностранных компаний, участию зарубежного капитала в русских акционерных обществах и к предпринимательской деятельности подданных других государств.

Идеи Витте отвечали требованиям времени и соответствовали социально-политическим условиям России, где финансирование дворянско-помещичьего землевладения отвлекало огромные средства. Другой путь к быстрому экономическому развитию могла открыть лишь революция.

Как видим, аргументы нам знакомы. Правда, это толь-

ко попутное замечание, подобных аналогий мы еще встретим немало.

Итак, Витте — в Петербурге, а Столыпин — в Саратове. Пока еще это несоизмеримые величины. Сергей Юльевич создал «Государство Витте» (В. Плеве), за Петром же Аркадьевичем ничего, кроме незаметной провинциальной деятельности, не наблюдается.

Разве саратовское земледелие, хлебную торговлю, сто пятьдесят фабрик и заводов, одиннадцать банков, шестнадцать тысяч домов, почти семьсот магазинов и свыше двух тысяч лавок можно сравнить с государством Сергея Юльевича? Нет и еще раз нет!

Всем хорош Саратов, даже восемь периодических изданий имеет, но нечего и сравнивать серьезного, волевого саратовского губернатора с великим министром финансов. Не сравнимы!

Справедливо будет заметить, что в Саратовской губернии при реке Алае лежит село Столыпино, а при нем — опытный хутор А. Д. Столыпина, родственника губернатора, и там культурное хозяйство. Заведено производство семян, возможные для данной местности полевые культуры, садоводство, огородничество, сушка плодов и овощей, плодово-ягодное виноделие, улучшение рабочего, мясного и молочного рогатого скота, производство масла и сыроварение, шерстяное тонкорунное овцеводство, конный завод, свиноводство беркширской, йоркширской и польско-китайской пород. Хорошо, должно быть, на хуторе.

Вот это — столыпинское. Он помещик, пусть и просвещенный, с университетским, как и Витте, образованием, но ведь феодал. Революция машин теснит помещиков, и мало кому из них удастся спастись на прекрасных культурных хуторах.

С одной стороны, вперед рвутся промышленники, с другой — крестьянское море все сильнее обламывает льдину помещичьего землевладения, несмотря на все усилия Дворянского банка помешать этому.

И неизвестно, как долго бы находился в тени молодой саратовский губернатор и вообще смог ли бы он когда-нибудь выйти в первый ряд исторических деятелей. Для выдвижения требовался случай. Какое потрясение должно было произойти?

Пока что в Россию входил с запада иностранный капитал, из России торговля и предпринимательство устремлялись в соседние азиатские страны. Завершалось строительство Сибирской железной дороги, больше половины проектируемой протяженности КВЖД и ЮМЖД было закончено.

Скорость строительства была огромна. По уровню прокладки железных дорог Россия вышла на третье место в мире после США и Великобритании.

Промышленники и купцы проталкивали на Востоке самые различные товары, от керосина до текстиля. Банкиры врывались на новые финансовые рынки. Учетно-ссудный банк Персии, банки Монгольский, Русско-Китайский, Русско-Азиатский, Русско-Корейский — сами названия этих финансовых объединений указывали направление. На Восток, в Азию?

Автор этих строк работал в Военно-историческом архиве, собирая материалы о генерале Самсонове, одной из самых трагических фигур Первой мировой войны. Александр Васильевич Самсонов участвовал восемнадцатилетним корнетом в войне с Турцией 1877—1878 годов, затем в Русско-японской и германской. Накануне германской он был генерал-губернатором Туркестана, участвовал в обеспечении продвижения России. Архивные документы обладают некоей самостоятельной субстанцией, дополняющей наши исторические клише. Например, как можно оценить следующий пункт политической инструкции начальнику Керкинского гарнизона?

«Не подвергать обаяние русского имени среди афганцев ненужному риску» (Цит. по: *Рыбас С., Тараканова Л.* Указ. соч. С. 24).

Или другой пример. Глава племени хезаре, правитель персидской провинции Бехар Шудж уль Мульк обратился в Ташкент к губернатору с просьбой устроить его сына на учебу в русский кадетский корпус. Одновременно английский консул в Мешедде, желая привлечь Шуджа на свою сторону, предлагал устроить мальчика в Индии. Шудж отказался. И мальчик поехал в Ташкент. Почему выбор склонился в сторону России? Разве англичане были слабее? По одному случаю, конечно, не надо оценивать противостояние двух держав, однако по донесению русского консула Михайлова из персидского города Турбеги-Хейдари можно понять, почему Шудж направил сына на Север. Он был дружен с чинами русской противочумной стражи. А больше никаких сведений.

Бесспорно, взаимопроникновение купцов и промышленников — это не только дружеские знакомства, но и соперничество, борьба. Поэтому, когда читаешь сводку о том, как в бухарском кишлаке Юрчи местные торговцы приставали к купцу Головащенко, чтобы тот принял мусульманство, грозя в противном случае перебить семью, то видишь новые краски движения на Восток. Правда, в данном столкновении все закончилось почти мирно: армянские торговцы пожаловались

бухарскому беку, а тот распорядился ретивым сторонникам религиозной борьбы с конкурентами дать по двадцать пять палок, после чего они стали относиться к христианам мирно.

Нелишне процитировать несколько строк из книги Дж. Керзона «Россия в Средней Азии в 1889 г. и англо-русский вопрос»: «Каждый англичанин приезжает в Россию русофобом и уезжает русофилом». Да, тот самый Керзон, будущий министр иностранных дел Великобритании, которого мы знаем по «ультиматуму Керзона» и «линии Керзона». Но ему принадлежит и определение одной из самых симпатичных черт нашего характера: «добродушная любезность всего народа, от высшего чиновника до простого мужика».

Впрочем, в центре англо-русского вопроса, подчеркивал молодой Керзон, — Афганистан, Иран, Китай, Индия.

К началу века экономическая деятельность России сделалась настолько активной, что она заметно потеснила из Персии соперника.

Современный читатель наверняка будет поражен, узнав, что это соперничество выражалось даже в том, что русский Ссудный банк получил право чеканить персидскую монету. А как мы отнесемся к намерению проложить трубопровод от Баку до Персидского залива для керосиновой торговли не только в самой Персии, но и в Индии и на Дальнем Востоке? Витте дерзко и решительно боролся с англичанами, имевшими монопольное право вести трубопроводы в Персии. Он навел юридическую лазейку: английские трубопроводы — для персидской нефти, а русский — для бакинской, это ведь совсем иное дело.

Серьезное столкновение двух стран предотвратило только их совместное противодействие германскому продвижению в этом районе.

Германский проект строительства Багдадской железной дороги встревожил Лондон, Петербург и Париж. Англичан беспокоил выход нового могучего конкурента к Индии. Русских — приближение немцев к Босфору и Дарданеллам.

В одной из статей Витте писал, что Багдадская линия открывает доступ в Европу малоазиатскому зерну, потеснит на немецком рынке русский хлебный экспорт.

И почти всюду, куда бы мы ни посмотрели, — Витте, Витте и снова Витте.

Нам тоже без Сергея Юльевича не обойтись, ведь Витте и Столыпин — две стороны российской медали. Оба служили идее Великой России, стремились избежать революционных потрясений, были противниками военных конфронтаций. Витте мог бы подписаться под политической формулой

Столыпина: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»

Историческое совпадение: дед Витте по матери, А. М. Фадеев, был в прошлом саратовским губернатором. Семья будущего графа и председателя Совета министров была ультра-русской и ультрадворянской. Новороссийский университет, служба в управлении Одесской железной дороги, работа по обеспечению военных перевозок в 1877—1878 годах, увлечение идеями панславизма, разработка принципов железнодорожно-тарифного дела в империи — так начиналась его карьера.

Главным Витте считал интересы «национальной экономики», независимость российской хозяйственной системы. Эти взгляды он выразил в книге «Национальная экономия и Фридрих Лист», в которой рассматривал работы немецкого экономиста и политику Бисмарка.

Далеко заглядывал молодой Витте! Вся его будущая политика была сформулирована в той небольшой книжке. Индустриальное развитие, внешняя и внутренняя торговля, мореплавание, усовершенствование земледелия, защита исторических достижений империи — вот это направление. Оно должно было обеспечиваться таможенным протекционизмом, железнодорожным строительством, созданием сильного флота, расширением рынков. И еще — Витте не ограничивался хозяйственными вопросами. От чего зависит роль народа в мире? — спрашивал он. Да от материальных обстоятельств. Но еще и от нравственных его начал, государственных традиций, идеалов, религии.

Витте не предлагал особого «русского пути», но интересы России и величие русского народа были для него опорными понятиями.

В сорок два года он становится управляющим Министерства путей сообщения, затем — министром финансов. Взлет поразительный! У Столыпина, впрочем, тоже был взлет не менее поразительный. Только с другой взлетной полосы.

За Витте должен был прийти не «новый Витте», а другой реформатор или даже диктатор.

Почему диктатор?

Потому что другая сторона, земледельческая, крестьянская, к которой относилось четыре пятых российского населения, жила (вспомним слова А. В. Кривошеина) по законам царя Берендея. И вот эта земляная Русь, питая своими соками «виттевское государство», рано или поздно должна была загореться на огне промышленного прогресса. Налоговый пресс давил именно ее. Прогресс оплачивало крестьянство.

Общинный Атлант в лаптях держал все более непосильное индустриальное небо. Надолго ли у него должно было хватить сил?

Витте повышал прямые и косвенные налоги, получал заграничные займы, но он не был слепцом — положение крестьянства весьма тревожило его.

Надо быть справедливым. Именно Витте сыграл огромную роль в подготовке Столыпинской реформы. Именно Витте стал раскачивать этот реформаторский колокол. Но нет ничего удивительного в том, что Реформатором Сергей Юльевич не стал. Он не хотел рисковать.

Перед нами книга «А. В. Кривошеин. Его значение в истории России начала XX века». Автор — К. А. Кривошеин, сын Александра Васильевича. Издана в Париже в 1973 году. Одна из серьезных книг по Столыпинской реформе, если учесть, что А. В. Кривошеин был правой рукой Столыпина.

Из нее следует, что Витте был в начале карьеры убежденным сторонником общины и всецело поддержал закон от 14 декабря 1893 года, запрещавший выход из общины без согласия двух третей домохозяев даже после погашения выкупного долга, как и залог выделенных в собственность земельных наделов и их продажу лицам «несельского состояния». Этот закон, по словам председателя Комитета министров Н. Х. Бунге, «потушал» навсегда у крестьян иное представление о личной собственности и уважение к собственности помещиков.

Признание Бунге проливает свет на многие наши неурядицы.

Прошло пять лет. Витте понял, что причина низкой платежеспособности крестьян — в правовых условиях их быта, то есть национальные традиции вступили в противоречие с историческим процессом.

Предоставим слово самому Витте:

«С административно-полицейской точки зрения она (община. — Авт.) также представляла более удобства — легче пасти стадо, нежели каждого члена стада в отдельности. Такое техническое удобство, кстати, получило довольно мощную поддержку в весьма почтенных любителях старины, славянофилах и иных старьевщиках исторического бытия русского народа, что посягать на общину, значит, посягать на своеобразный русский дух. Общество, мол, существовало с древности, это цемент русской народной жизни...»

Чувство любви старины очень похвально и понятно: это чувство является неперменным элементом патриотизма, без него патриотизм не может быть жизненным. Но нельзя

жить одним чувством — нужен еще разум... Общинное владение есть стадия только известного момента жития народов, с развитием культуры и государственности оно неизбежно должно переходить в индивидуализм — в индивидуальную собственность, если же этот процесс задерживается, и в особенности искусственно, как это было у нас, то народ и государство хиреют...

Одна и может быть главная причина нашей революции, это — запоздание в развитии принципа индивидуальности, а следовательно, и сознания собственности и потребности гражданственности, а в том числе и гражданской свободы. Всему этому не давали развиваться естественно, а так как жизнь шла своим чередом, то народу пришлось или давиться, или силою растопыривать оболочку: так пар взрывает дурно устроенный котел — или не увеличивай пара, значит, отставай, или совершенствуй машину по мере развития движения.

Чувство «я» — чувство эгоизма в хорошем и дурном смысле — есть одно из чувств, наиболее сильных в человеке...

Единственный серьезный теоретический обоснователь экономического социализма, Маркс, более заслуживает внимания своею теоретическою логичностью и последовательностью, нежели убедительностью и жизненной ясностью. Математически можно строить всякие фигуры и движения, но не так легко устраивать на нашей планете при данном физическом и моральном состоянии людей. Вообще социализм для настоящего времени очень метко и сильно указал на все слабые стороны и даже язвы общественного устройства, основанного на индивидуализме, но сколько бы то ни было разумно-жизненного иного устройства не предложил. Он силен отрицанием, но ужасно слаб созиданием. Между тем духом социализма-коллективизма заразились у нас многие, даже очень почтенные люди. Они, уже не говоря о натурах, поклоняющихся всякому государственному разрушению, также явились сторонниками «общины». Первые потому, что видели в ней применение принципа мирного социализма, а вторые потому, что в применении этого принципа в жизни народа не без основания усматривали зыбкую почву, на которой легко произвести колебания в общеэкономической, а следовательно, и в государственной жизни. Таким образом, защитниками общины явились благонамеренные, почтенные «старьевщики», поклонники старых форм, потому что они старые, полицейские администраторы, полицейские пастухи, потому что считали более удобным возиться со стадами, нежели с отдельными единицами; разрушители, поддерживающие все то,

что легко привести в колебание, и, наконец, благонамеренные теоретики, усмотревшие в общине практическое применение последнего слова экономической доктрины — теории социализма. Последние меня больше всего удивляли, так как если когда-либо и восторгается «коллективизм», то, конечно, он восторгается совершенно в других формах, нежели он имел место при диком или полудиком состоянии общственности» (Витте С. Ю. Воспоминания. Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 28).

Как далеко в конце жизни Сергей Юльевич отошел от своих ранних взглядов и как прямо утверждал совсем иные. Казалось, надо сделать всего один шаг, и тогда Столыпинская реформа называлась бы виттевской, а сам Столыпин остался бы второстепенным провинциальным деятелем.

Говоря об общине, необходимо вспомнить и крайне суровый для земледелия российский климат, наложивший свою тяжелейшую длань на все отечественное жизнеустройство. Ведь как можно было Руси защититься от натиска с Запада и Юга без мобилизации всех скромных наличествующих ресурсов? Община и была таким ресурсом, причем самым главным.

Община — этот союз бедных, основанный на взаимовыручке, — в конце девятнадцатого века тормозил расслоение крестьянства, накопление капитала и создание сильного внутреннего рынка для промышленности.

Развивающаяся российская промышленность требовала ускорить социальные перемены первоначально в сельском хозяйстве.

К концу девятнадцатого века все ощутили «перенапряжение платежных сил сельского населения».

Необходимо было помогать селу. Но как? Открывать крестьянам банковские кредиты? Для кредита требовалась (как залог) частная собственность, а никак не общинная.

Кроме того, чисто земельное перенапряжение (нехватка посевных площадей) подвигала крестьян к новой пугачевщине. Чтобы решить проблему, предлагалось дополнительно наделить крестьян землей: 10—20 миллионов десятин удельных и казенных земель и 20—25 миллионов десятин помещичьих в Европейской России.

Впрочем, столь радикальное покушение на дворянскую собственность (хотя бы и через выкуп) противоречило всем основам самодержавия. И прежде всего мироощущению самого Николая II и императрицы Александры Федоровны.

Но мог ли сделать этот шаг Сергей Юльевич?

Об окостенелости крестьянского бытия (внеэкономичности, ограниченности, оторванности от государственных задач, как сказали бы сегодня) знал не только министр финансов. Было в начале 1902 года учреждено Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, опиравшееся на местные дворянство и земства. В декабре 1903 года «Вестник финансов» напечатал сводку работ местных комитетов о правовой закреплённости крестьянских хозяйств, из-за него невозможно никакое экономическое движение. Одна из главных помех — община. Надо содействовать переходу к подворному и хуторскому владению, предоставить отдельным крестьянам выделять свой земельный надел, помимо согласия общины.

Кому принадлежали эти выводы? Социалистам, демократам или хлебопромышленникам? Нет, конечно. Прежде всего это было мнение группы дворян и чиновников, подобных Витте, выросших внутри российского хозяйственного дома. Они стремились к переменам, с надеждой глядя на Николая II, полагая, что тот сможет продолжить реформы своего деда Александра Освободителя.

А что думали сами крестьяне?

У нас есть возможность обратиться к уникальному свидетельству той поры — литературному наследию крестьянина Сергея Терентьевича Семенова, самого настоящего русского хлебопашца, бывшего и прекрасным писателем. В очерках «Двадцать пять лет в деревне» Семенов рассказал многое, что осталось в стороне от внимания профессиональной литературы. Хотя он выпустил шеститомное собрание сочинений и за него был удостоен премии Российской академии наук, хотя его высоко ценил Лев Толстой, он остался неизвестным нынешнему так называемому «широкому читателю». Почему? Потому что не укладывался в привычное клише. Объяснять этот феномен — не задача нашей работы, здесь речь о достоверности свидетельства. Л. Н. Толстой: «Искренность — главное достоинство Семенова. Но кроме нее у него и содержание всегда значительно: значительно и потому, что оно касается самого значительного сословия России — крестьянства, которое Семенов знает, как может знать его только крестьянин, живущий сам деревенской тягловой жизнью» (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 30).

Так вот, поразительно следующее автобиографическое свидетельство хлебопашца-писателя. В один из майских страдных дней, когда дорог каждый час, сельский сход постановил не работать, а праздновать храмовый праздник.

Лишь один Сергей Терентьевич пренебрег общественным решением и вышел пахать свой надел. Это нарушение не дешево ему обошлось. Однодеревенцы подали на него в суд за кошунство, он был осужден!

Жестокость и нетерпимость общины к новому выражены ярче яркого.

Казалось бы, какое дело крестьянам до того, как проводит свое свободное время их односельчанин? Но в пристальном внимании соседей к Семенову скрывались не просто чья-то зависть или недоброжелательство.

Суть в том, что к началу двадцатого века в Европейской России из-за естественного прироста населения возник огромный избыток рабочей силы (по некоторым оценкам, 23 миллиона человек, или 52% общего числа работающих). Это были просто лишние люди. При этом их нельзя было назвать безработными, они были заняты, но производство могло обойтись и без них.

Поэтому не случайно перенаселенность толкала общину к увеличению праздничных дней: в середине девятнадцатого века праздников было около 95, а в начале двадцатого — 123.

От давления скрытой безработицы и все увеличивающейся нехватки земли деревня постепенно превращалась в перегретый паровой котел, мощную базу революционных настроений.

Пока виттевское Особое совещание искало приемлемый способ убедить Николая II в необходимости перемен, внизу, в деревенской обыденности, тормозилось все, что могло способствовать сельскохозяйственному прогрессу.

Мы еще обратимся к творчеству Семенова, чтобы взглянуть его глазами на подлинные трагедии, происходившие при проведении Столыпинской земельной реформы. Увы, новое должно было пробиваться с кровью и муками.

Но еще «внизу» тихо, еще «наверху» неторопливо изучают проблему, ищут, как безболезненно проскочить между молотом нужды и наковальной помещичьих интересов.

Одни утверждают: временное владение общинным наделом — неодолимое препятствие к улучшению культур, оно порождает хищническую эксплуатацию земли.

Другие: община будет способствовать развитию кооперации.

Третьи: она не является национальной особенностью

русских, она была и у иных народов в эпоху примитивного земледелия.

Четвертые: надо сохранить общину, но не препятствовать тем, кто хочет выйти из нее.

В итоге запоздавшее на несколько десятилетий решение так и не получило своевременного устройства.

Работа Н. Бердяева «Духи русской революции», переключаясь в чем-то с ленинской «Лев Толстой как зеркало русской революции», проливает свет на эту проблему с неожиданной стороны. *«Возвышенность толстовской морали есть великий обман, который должен быть изобличен. Толстой мешал нарождению и развитию в России нравственно ответственной личности, мешал подбору личных качеств и потому был злым гением России, соблазнителем ее... В нем русское народничество, столь роковое для судьбы России, получило религиозное выражение и нравственное оправдание... В то время как принятие этого толстовского морального сознания влечет за собой погром и истребление величайших святынь и ценностей, величайших духовных реальностей, смерть личности и смерть Бога, ввергнутых в безличную божественность среднего рода... Исторический мир — иерархичен, он весь состоит из ступеней, он сложен и многообразен, в нем — различия и дистанция, в нем — разнокачественность и дифференцированность. Все это так же ненавистно русской революции, как и Толстому. Она хотела бы сделать исторический мир серым, однородным, упрощенным, лишенным всех качеств и всех красок. И этому учил Толстой как высшей правде. Исторический мир разлагается на атомы, и атомы принудительно соединяются в безличном коллективе»* (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 31).

«Не высовывайся!» — кажется, сей вечный девиз реет над земледельческой страной.

По-видимому, большинство читателей согласятся с такой картиной.

И попадут впросак!

Да, община поработала. Но община имела такие корни, что в иной ситуации, на земельных просторах Сибири, куда текла переселенческая река из малоземельного центра, изрезанного чересполосицей, она возрождалась совершенно в цветущем виде.

Немного забежим вперед, быстро перемахнем весь период реформ и очутимся на Алтае, где перед нами развернется волшебная картина.

Итак, перед нами «Всеобщий Русский Календарь 1918 г.».

«А для тех, кто не верит в быстрое возрождение деревни,

достаточно вспомнить о сибирской деревне Старой Барде Бийского уезда Томской губернии. Больше 20 лет тому назад устроили там жители маслодельную артель, через два года выросла артельная лавка, а потом явился и целый ряд кооперативных начинаний: ссудно-сберегательное товарищество, маслобойный завод, наконец, артельная мельница, а при ней электростанция для освещения мельницы, а заодно и деревни. И вот 28 декабря 1912 г. двести пятьдесят изб деревни осветились электричеством, причем за освещение брали три рубля в год. Потом провели в избы и телефон, устроили примерный опытный скотный двор, опытные посевы кормовой свеклы и кормовых трав. А скоро заговорили о постройке в селе народного дома, о собственном кинематографе. И жители со всей округи стали приезжать в Старую Барду поучиться, как дельные люди сумели сами себе построить новую свободную и разумную жизнь. Пусть же тот почин и та кипучая работа, которые преобразили жизнь далекой сибирской деревни, вспыхнут ярким пламенем и по лицу всей деревенской Руси» (Цит. по: *Рыбас С., Тараканова Л.* Указ. соч. С. 31).

Ну разве не волшебна эта картина? Как объяснить результат общинной работы крестьян-сибиряков? Ведь нет привычного объяснения? Как только с них сняли удавку малоземелья и чересполосицы, как только устранили многолетние выкупные платежи, лежавшие на всех круговой порукой и не позволявшие отпускать никого, так сразу же община показывает свою мощь. Вот где исток знаменитой сибирской кооперации: свобода и коллективность.

Но где свобода в начале века?

Крестьянское электричество не в состоянии осветить родимых углов. Там нет и тени свободы. Наоборот, давление выкупных платежей за землю, полученную в 1861 году, малоземелье, растущая бедность — разве это свобода? Да к тому же растет долг общины банкирам за ростовщические ссуды.

В деревню врывается новая сила. И никто — ни община, ни дворянин-помещик — не мог противопоставить ей что-либо серьезное.

Современный исследователь отмечает, что вплоть до Столыпинской реформы особенно прибыльным для финансовых дельцов было ипотечное дело, связанное с выдачей ссуд под заклад земли. Частным земельным банкам и мелким ростовщикам было выгодно сохранение общины с ее круговой порукой.

Так где же свобода?

Свободы не видно.

Даже Витте, по его собственному выражению, всего лишь

щупал почву и встречал явное нерасположение государя и государственных сил. Тут надо было либо рисковать своим положением и доказывать необходимость срочных мер, либо уметь ставить вопрос, лавировать, иметь всегда под рукой довод: «Я ведь предупреждал?»

Сергей Юльевич был реалистом и отступил.

Террор и политика. Явление Савинкова

Нужен другой герой. И он появляется.

«Делопроизводство о дворянине, студенте Санкт-Петербургского Университета Борисе Викторовиче Савинкове.

Приметы Бориса Савинкова.

Рост средний, не больше 2 аршин, 7 вершков, телосложения слабого, наружностью производит впечатление подвижного нервного человека, сутуловат. Плечи, гнутые вперед.

Глаза карие, беспокойно бегающие, близорук. Взгляд суrowsый, часто прищуривается.

Цвет волос — на голове и усах каштановый.

Голова — лысая, коротко острижена, круглая. Немного нагибает вперед.

Лицо — овальное, худощавое, в веснушках.

Лоб — несколько покатый.

Нос — продолговатый, тонкий, ровный, с малозаметной горбинкой.

Губы — тонкие, верхняя губа немного вздернута и с небольшим утолщением.

Усы — небольшие, редкие и под носом на верхней губе маленький пробел, т.е. очень редкие волосы усов.

Веки — верхние — немного утолщенные и морщинистые. Походка — руки при походке обыкновенно держит прямыми, опущенными вперед и при походке наклоняет весь корпус вперед. Тонкую палочку, которую он большей частью носит, вешает на левую руку ниже локтя... походка тихая и при ходьбе слегка приседает, в особенности на левую ногу, поэтому вся часть тела, совместно с головою раскачивается вперед, благодаря такой походке сутулость его становится более заметной.

Особые приметы: на наружной стороне левого предплечья черного цвета родимое пятно, величиною с двугривенный, покрытое черными длинными волосами.

На правой руке выше кисти наподобие шрама».

Это портрет, извлеченный из фондов Особого отделения Департамента полиции, дает только внешнее представление

о крупнейшей фигуре эсеровского террора. Внутренний огонь не виден. А внешний? Что ж, неприятный портрет, в чем-то отталкивающий.

И все-таки — это портрет героя того времени. Страстного, мужественного, самозабвенного революционера, готового погибнуть.

Снова и снова вспоминается Владимир Соловьев с его универсальным определением отношений личности и государства в России. Через жертву!

Савинков был жертвой. Да, этот обезьяноподобный, с суровым взглядом дворянин. И жертвой, и ускорителем прогресса.

Эсер, убийца, организатор убийства министра внутренних дел В. К. Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, осужденный на смертную казнь, бежавший — это Савинков.

Его брат, сосланный в Сибирь, кончает с собой. Отец сходит с ума.

Эсер Егор Сазонов, взорвавший Плеве, пишет Савинкову с каторги: «Сознание греха никогда не покидало меня».

К повести «Конь вороной» Савинков уже ставит эпиграф: «...Кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, ибо тьма ослепила ему глаза».

Раскаяние тоже настигает Савинкова, но это будет потом. А пока — он герой, жертва, ускоритель кровавый.

Но когда Савинкова как одного из руководителей Боевой Организации (БО) партии эсэров и Столыпина свела судьба, то он оценил Петра Аркадьевича высшей оценкой, на какую был способен. Савинков и другие вожди террора считали Петра Аркадьевича выдающимся политическим деятелем и самым сильным противником. «Вообще нужно отметить, что в революционных кругах гораздо лучше понимали истинное значение Столыпина, одного из величайших государственных деятелей России за всю ее историю, чем в правительственном лагере, где его при жизни да и после смерти так и не оценили по заслугам» (*Прайсман Л. Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. С. 198*).

Впрочем, мы несколько забежали вперед. Всюду, а не только в России, власть и оппозиция не только противники, но и своеобразные соратники в государственном строительстве. К этому можно добавить, что даже в отношениях жертвы и террориста часто присутствовал элемент нравственного контакта.

Савинков же прошел трагический путь, знакомый многим русским интеллигентам: дворянское происхождение, Петербургский университет, подпольный кружок, студенческие демонстрации, ссылка в Вологодскую губернию. Затем — участие в терроре, подготовке революции. При этом у него было развито чувство чести. Хорошо его знавший соратник по Русскому комитету в Польше К. Вендзягольский писал: «В долгих странствиях с ним по градам и весям российской равнины я часто слышал от него хоть и не злобное, но достаточно осудительное словечко: «Конго». Но это был лишь нетерпеливый укор, свидетельствовавший не столько об осуждении или презрении к родной действительности, сколько о патриотическом возмущении бездеятельностью виновников такого состояния, не умеющих, не желающих и не чувствующих потребности придать жизни другой, лучший характер» (*Прайсман Л. Г. Указ. соч. С. 205*).

Так, говоря о бывшем польском социалисте Ю. Пилсудском, ставшем руководителем Польши и маршалом, Савинков говорил, что «не Пилсудский переменял свои взгляды с социалистических на патриотические, а социализм Пилсудского, реального строителя и государственного деятеля из теоретического, книжного и революционного стал государственным и народным, ибо иным он не мог быть после того, как стал применяться к живому организму государства и народа» (*Прайсман Л. Г. Указ. соч. С. 205*).

Нет ли в этих словах чего-то весьма близкого, характерного и для образа Столыпина?

Безусловно, есть.

Различия, однако, в скорости ожидаемых перемен, в революции и эволюции.

Война и политика

Столыпин — в Саратове.

Витте — в Петербурге.

Семенов — в Волоколамском уезде.

Толстой — в Ясной Поляне.

Савинков — в терроре.

Все на своих местах. Но вот-вот все сдвинется. Уже сдвигается. Еще никто не слышит подземного гула, а гранитная плита российской жизни вздрогнула.

27 января 1904 года началась несчастная война с Японией, против которой решительно выступал Сергей Юльевич и которая так логично вытекала из его азиатской политики.

«Когда мы ввели наши войска в Маньчжурию, то мы тоже громогласно объявили, что мы вводим в Маньчжурию войска только для того, чтобы поддержать пекинское правительство и прекратить боксерскую смуту, которую не может прекратить законное Китайское правительство, и что, коль скоро эта смута будет прекращена, мы сейчас же уйдем из Маньчжурии.

Между тем смута была прекращена, но мы... не уходили...

Затем, если бы мы исполнили в точности наше соглашение с Японией и не начали в Корее тайных махинаций, имея в виду там доминировать, Япония, наверное, успокоилась бы и не начала довольно решительно действовать против нас» (*Bumme С. Ю.* Воспоминания. Цит. по: *Рыбас С., Тараканова Л.* Указ. соч. С. 35).

Война, начавшаяся, как всегда, с народной уверенности в победе, быстро сделалась непопулярной и тяжелой. Мог ли солдат легко идти в бой, защищать какую-то неведомую землю в каких-то неведомых краях? Что ему Корея, лесные концессии на реке Ялу?

Все новые круги дружно желали победы Японии.

Через Саратов шли воинские эшелоны на восток, губернатор Столыпин выходил встречать, играл оркестр, весело и дружно отзывались нижние чины.

Войска были сильны.

Впрочем, управляющий Саратовским отделением Крестьянского банка Зерен убеждал крестьян, клиентов банка, не покупать земли у помещиков, ибо в скором времени вся земля бесплатно перейдет народу.

Крестьяне только улыбались, не зная, что отвечать.

«Когда Куропаткин покинул пост военного министра, и поручение ему командования армией еще не было решено, он упрекал Плеве, что он, Плеве, был только одним из министров, который эту войну желал и примкнул к банде политических аферистов. Плеве, уходя, сказал ему:

— Алексей Николаевич, вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война» (*Bumme С. Ю.* Воспоминания).

Результат войны известен, нет смысла описывать военные действия. Она настолько далека от «сегодня», что подобна древнегреческим мифам. Лаоян, Мукден, Сандепу... Вы слышали эти названия? Они задевают ваши чувства? Вряд ли. Ну разве что когда-нибудь услышите печальный вальс «На сопках Маньчжурии» и сожмется сердце:

Плачет, плачет мать родная,
Плачет молодая жена...
Мертвые спят...

Однако назовем несколько имен: героев не героев, а просто участников тех битв. Самсонов, Жилинский, Эверт, Марушевский — деятели будущей мировой войны. Корнилов, Деникин, Врангель, Марков, Улагай, Крымов — будущей Гражданской войны.

Внутри русско-японской трагедии был мощный человеческий потенциал. Он разновелик, даже разнонаправлен. В нем прошлое сплетено с грядущим, смешное с трагическим.

Но уже сформировался тип русского героя, готового к героическим деяниям в героическую эпоху.

Может быть, автор оговорился и имеет в виду не героя, а кого-то другого?

Нет, не ошибся. Война выявила все, что было в обществе. Одно должно было отмереть, другое — выжить. Например, Корнилов, Лавр Георгиевич, тридцатипятилетний начальник штаба стрелковой бригады. Сын казака и киргизки, закончил с золотой медалью Академию Генерального штаба, знает восточные языки, участник «командировок» в Восточную Персию, автор ряда журнальных статей и книги «Кашгария и Восточный Туркестан». За храбрость получает в Маньчжурии орден Святого Георгия 4-й степени.

Или — Самсонов Александр Васильевич. Его Уссурийская казачья дивизия, вопреки приказу об отступлении, удерживает двое суток позиции у Янтай-копей и обеспечивает отход армии под Мукденом.

И так далее...

Но рядом патриархальный генерал Н. П. Линевиц, «папашка», старый туркестанец, имевший за Туркестан Георгия 4-й степени, а за командование русским отрядом в Китае в 1900 году и взятие Пекина — Георгия 3-й степени. Он был тверд, обладал здравым смыслом, военным чутьем и понимал солдатскую душу. Образование у него было самое простое. На войне его сопровождали зять и сын, оба офицеры. Он был постоянным источником анекдотов.

Однажды вечером Линевиц, собираясь идти спать, потянулся и объявил сыну:

- Ну теперь пора в объятия Нептуна!
- Не Нептуна, а Морфея, — поправил сын.
- Это все равно! Из одной минералогии!

Забавно, конечно. Но, возможно, дело не в мифологической путанице, а в том, что действительно эти старики были подобны каменным глыбам.

Пал Порт-Артур, погибла эскадра Рождественского в Цусимском сражении. Война была проиграна.

Генерал Драгомиров съязвил: «Япошки — макаки, а мы — кое-каки».

А негенералы выражались гораздо резче. Гимназисты и курсистки слали поздравительные телеграммы микадо. Русские поздравляли японцев с победой! Все были озлоблены, искали, на ком сорвать злость.

Министр внутренних дел В. К. Плеве был убит еще летом, 15 июля, Егором Сазоновым.

Летом же были совершены покушения и на саратовского губернатора. Но ему еще рано, еще не судьба.

И еще покушались на Столыпина — прямо на Театральной площади бомбу метнули. И снова обошлось. А у сотен, у тысяч не обошлось.

Убит в доме Столыпина генерал-адъютант Сахаров, направленный императором для укрепления порядка в губернии. Его застрелила молодая женщина. Она вошла в дом, сказала, что у нее просьба к петербургскому гостю, и беспрепятственно дошла до Сахарова.

Сахаров — что? Случаен в этом повествовании, но гибель его не случайна. Да и не он один, — сколько сотен, тысяч под пулями, под бомбами погибло от гнева обозленных мужиков... Сдвинулась русская плита.

Бунтовала крестьянская община. Жгли родовые дворянские гнезда, пылали от «иллюминаций» усадьбы, библиотеки, картины, мебель...

Петербург настаивал на использовании войск. Столыпин — против войск. Считал — должны управиться губернские власти.

Пожалуй, он был романтик. Кто как не романтик мог распахнуть пальто и подставить грудь револьверу террориста? Столыпин распахнул:

— Стреляй!

По-видимому, только так можно было поразить взбунтовавшуюся толпу. Через несколько минут она опустилась на колени, требовала священника, чтобы отслужить молебен.

Легенда? В том-то и дело, что не легенда. Он ездил без охраны, веря в свое знание крестьянской природы, в то, что он неразрывно, кровно связан с мужиками и ему ничего не будет.

А ведь и не было. Они чувствовали, что он свой.

Были еще подобные случаи. Столыпин покорял и оставался невредим.

Если оставить в стороне силу характера, то Столыпин брал пониманием крестьянских интересов.

— Не в крупном землевладении сила России, — говорил он. Мужики, должно быть, были с ним согласны.

По иронии судьбы первой из разгромленных усадеб была усадьба либерала, который субсидировал левые газеты. Он запросил войска, забыв весь либерализм.

Теперь взглянем из Саратова на Петербург. Кто там? Витте? Витте все понимал не хуже Столыпина, но покорялся обстоятельствам.

«Витте умный и достаточно сильный, чтобы спасти Россию, которую, думаю, еще можно удержать на краю пропасти. Но боюсь, он этого не сделает, так как, насколько я его понял, думает больше всего о себе, а потом уж о Родине. Родина же требует себе служения настолько жертвенно-чистого, что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу и парализует работу», — так отвечал Столыпин старшей дочери (*Бок М. П. Воспоминания... Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 38*).

Кроме Витте, в столице были и другие силы. Столыпин обратился к царю с предложениями перемен в крестьянском быту.

Но почему он должен быть услышан? Чем он лучше Витте?

В ответ — молчание. Как будто Россия неподвижно застыла.

Горят усадьбы. Там нет табличек: «Памятник истории и культуры. Охраняется государством». Горят и образцовые хозяйства, и обреченные на разорение. Огонь не разбирает.

Витте тоже видит пожары, видит больше Столыпина.

«Вся пресса обратилась в революционную в том или другом направлении, но с тождественным мотивом — «долгой подлой и бездарной правительством, или бюрократией, или существующий режим, доведший Россию до такого позора»... В последний год образовался ряд союзов — союз инженеров, адвокатов, учителей, академии (профессоров), фармацевтов, крестьянский, железнодорожных служащих, техников, фабрикантов, рабочих и проч. и, наконец, союз союзов, объединивших многие из этих частных союзов... В этих союзах принимали живое участие Гучков, Львов, князь Голицын, Красовский, Шипов, Стаховичи, граф Гейден... К этому союзу присоединились и тайные республиканцы, люди большого таланта, пера и слова и наивные политики: Гессен, Милюков, Гредескул, Набоков, академик Шахматов... Все эти союзы различных оттенков, различных стремлений были единодушны в поставленной задаче — свалить существующий режим во что бы то ни стало, а для сего многие из этих союзов признали в своей тактике, что цель оправдывает

ет средства, а потому для достижения поставленной цели не брезгали никакими приемами, в особенности же заведомой ложью, распускаемой в прессе. Пресса совсем изолгалась, и левая так же, как правая...

В балтийских губерниях революция выскочила несколько ранее.

На Кавказе целые уезды и города находились в полном восстании, происходили ежедневные убийства...

Царство Польское находилось почти в открытом восстании, но революция держалась внутри...

Вся Сибирь находилась в полной смуте...» (*Vumme С. Ю.* Воспоминания... Цит. по: *Рыбас С., Тараканова Л.* Указ. соч. С. 39).

Вообще об этих записках Сергея Юльевича сын Кривошеина заметил, что они «уксусом написаны». Но ведь не сказать, что они необъективны!

Бесстрастные дела архивов свидетельствуют о том же:

«4 февраля 1905 года в Московском Кремле эсером Иваном Каляевым был убит (бомбой разорван на куски) московский генерал-губернатор, дядя царя великий князь Сергей Александрович. С февраля 1905 года по май 1906-го совершено 15 покушений на губернаторов и градоначальников, 267 — на строевых офицеров, 12 — на священников, 29 — на торговцев. Среди жертв террора — и дети».

Разгар террора. Страсти Пятого года

Из отдельных сообщений возьмем донесение военного губернатора Сырдарьинской области: «Брошена бомба в лицейстера русской части Ташкента капитана Колушева (оглушила его на левое ухо), пристава Лундина ударили камнем в голову, помощника пристава — кистенем в лицо, у постового городского Овчарова пытались отобрать оружие».

Еще одно сообщение из Одессы: «В магазине Бомзе на углу Александровского проспекта и Европейской улицы от взрыва брошенной бомбы получили ранения частей тела: Григорий Промыслов, Вольф, Нисензон, Исаак Бекар, Яков Леймар».

Из Таврической губернии подполковник Вельсовский доносит: «Терроризованная полиция совершенно бездействует».

В России и в столице наступил хаос. Печать вышла из подчинения власти, остановились железные дороги, фабрики забастовали. Даже армия заколебалась. Броненосец «Потемкин» поднял флаг восстания.

И никто, ни один человек не мог сказать, что он защи-

шает или оправдывает правительство. Все жаждали покаяния властей в совершенных грехах. Все жаждали перемен.

В Москве в доме возле церкви Святого Николы на Пыжах произошел случайный взрыв, при обыске полиция нашла оторванный палец женской руки и следы изготовления самодельных бомб. Через несколько дней охранное отделение обнаружило в больнице Бахрушина женщину, у которой ампутировали кисть левой руки и два пальца правой. Она назвалась мещанкой Надеждой Яковлевой и не стала давать какие-либо показания.

Наверное, она готовила покушение на московского генерал-губернатора Дубасова, была готова к убийству человека, к самопожертвованию, но судьба распорядилась по-иному.

Эсеры неустрашимо шли на смерть, их не смущали ничьи страдания. Это была чарующая игра, которой было увлечено российское общество, добивающее неуютное правительство.

Противостояние дошло до высшего градуса. Ни о каком компромиссе, по-видимому, уже не могло быть речи. Общественность с ненавистью смотрела на власть и жила одним объединяющим ее лозунгом: «Долой самодержавие!». А то, что общественность делилась на различные партии и группы, среди которых были непреодолимые разногласия, сейчас как будто никому не было заметно. Либералы и социалисты, сторонники конституционной монархии, постепенных реформ, радикалы, сторонники революционных перемен — все они еще объединены.

А власть тоже едина только внешне. Власть в России, по сути, принадлежит бюрократам, они больше всего не желают новых идей, перемен, реформ, их методы — уклонение от кардинальных решений, затяжка, перенесение ответственности на верха. Конечно, и Витте, и Столыпин — тоже бюрократы, стоящие слева, настроенные конструктивно. Они понимают, что исторические реалии меняются и спасение — в реформах.

Выходит, в разорванной противоречиями стране были с двух сторон объединяющие тенденции?

Были. Надо было им только сделать шаг навстречу друг другу. Преодолеть многолетнюю непримиримость. Что и пытались сделать все: Витте, Столыпин, Кривошеин — и чему препятствовали тоже все.

Лев Толстой пишет в дневнике: *«Народы... хотят свободы, полной свободы. С тяжелого веза надо сначала скинуть столько, чтобы можно было опрокинуть его. Настало время уже не скидывать понемногу, а опрокинуть».*

Можно ли было пройти по центру, по единственно возможному третьему пути?

Никто этого не знал. Наверняка этот путь, даже если был возможен, был связан с огнем с обеих сторон.

Витте направлял царю всеподданнейшее письмо с предложением срочно заключить мир с Японией, направлял еще в феврале 1905 года, еще до Цусимского боя (несмотря на то, что в военном и экономическом отношении положение России не было поколеблено).

Витте выходил на срединную линию. Он стоял подобно богатырю и против крайне правых, и против революции. Противостояние в конце концов дошло до своего пика — манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 года; послужило основанием для парламентаризма, то есть породило Думу.

Столыпин вышел из этого манифеста.

Но еще летом, во время цусимской трагедии, столыпинский отчет на высочайшее имя о положении губернии за 1904 год ярко выразил требование жизни: «Дать выход энергии и инициативе лучших сил деревни».

Николай все больше проникался уважением к Столыпину.

Только вот в чем различие, незаметное на первый взгляд: для Витте проблема была экономической и правовой, для Столыпина политической и экономической. Витте мог терпеть, лавировать, избегать личного риска, Столыпин готов был на самопожертвование. Это различие вскоре обнаружится. Огонь вскоре опалил Столыпина.

В июле 1904 года Столыпин встречался с царем, который проезжал через Саратовскую губернию. Встреча была плодотворной, Николай был доволен поездкой и сказал: «Когда видишь народ и эту мощь, то чувствуешь силу России». Столыпин был им очарован. На прощание Николай сказал: «Вы помните, когда я вас отправил в Саратовскую губернию, то сказал вам, что даю вам эту губернию «поправить», а теперь говорю — продолжайте действовать так же твердо, разумно и спокойно, как до сего времени».

В письмах Столыпина жене хорошо виден кровавый и огненный фон крестьянского бунта.

30.10.1905. «Драгоценная, целую тебя перед сном. Теперь час ночи — работаю с 8 утра.

В приемной временная канцелярия письма разбирают на... Околоточные дежурят и ночью. И вся работа бесплодна. Пуга-

чевица растет — все уничтожат, а теперь еще и убивают. Во главе лица — в мундирах и с орденами. Войск совсем мало, и я их так мучаю, что они скоро совсем слягут. Всю ночь говорил по аппарату телеграфному с разными станциями и разсылал пулеметы. Сегодня послал в Ртищево 2 пушки. Слава Богу, охраняем еще железнодорож. путь. Приезжает от Государя ген. ад. Сахаров. Но чем он нам поможет, когда нужны войска — до их прихода если придут, все будет уничтожено. Вчера в селе Малиновка осквернили божий храм, в котором зарезали корову и испражнялись на образе Николая Чудотворца. Другие деревни возмутились и вырезали 40 человек. Малочисленные казаки зарубают крестьян, но это не отрезвляет. Я к сожалению не могу выходить из города, так как все нити в моих руках. Город совсем спокоен, вид обычный, ежедневно гуляю. Не бойся, меня охраняют, хотя никогда я еще не был так безопасен. Революционеры знают, что если хотя бы один волос падет с моей головы, народ их всех перережет.

Лишь бы пережить это время и уйти в отставку, довольно я послужил, больше требовать с обычного человека нельзя, а сознаешь, что бы ни сделал, свора, завладевшая общественным мнением, оплюет. Уже подлая здешняя пресса меня, спасшего город (говорю это сознательно), обвиняет в организации черной сотни.

Я совершенно спокоен, уповаю на Бога, который нас никогда не оставлял. Я думаю, что проливаемая кровь не падет на меня. И ты, мой обожаемый ангел, не падай духом...»

31.10.1905. «Олинька моя, кажется ужасы нашей революции превзойдут ужасы французской. Вчера в Петровском уезде во время погрома имения Аплечева казаки (50 чел.) разогнали тысячную толпу. 20 убитых, много раненых. У Васильчиков 3 убитых, еще в разных местах 4. А в Малиновке крестьяне по приговору перед церковью забили насмерть 42 человека за осквернение святыни. Глава шайки был в мундире, отнятом у полковника, местного помещика. Его тоже казнили, а трех интеллигентов держат под караулом до прибытия высшей власти... Местами крестьяне двух деревень воюют друг с другом. Жизнь уже не считают ни во что... Я рад приезду Сахарова — все это кровопролитие не будет на моей ответственности.

А еще много прольется крови.

В городе завтра хоронят убитого рабочего и готовятся опять демонстрации — весь гарнизон на ногах. Дай Бог силы пережить все это.

Целую тебя много нежно...

Как только уляжется, вышлю вагон. Сахарова приглашу жить у нас».

И следом опять телеграммы:

31.10.1905. «Здоров положение без изменений городе спокой-
но уездах много человеческих жертв».

1.11.1905. «Сегодня хоронили одного убитого рабочего, хоте-
ли грандиозную манифестацию. Весь гарнизон был на ногах. Ра-
бочие были у меня. Я с ними говорил и имел успех, так как граж-
дане рабочие не выкинули даже черного флага, как того хотели...

В уездах все-таки пугачевщина. Каждый день несколько
убитых и раненых.

Точно война!..

Не знаю почему, но что-то мне подсказывает, что те-
перь... будет ослабевать... Завтра выезжаю в Ртищево...»

2.11.1905. «Здоров телеграфируй какого числа ты могла бы
выехать для посылки вагона».

3.11.1905. «Здоров, благополучен не беспокойся если будет
перерыв известиях при первой возможности высылаю вагон с
надежным жандармом».

Вот еще два письма, точные даты которых установить не
удалось:

«Милая, душка моя, хотя я изнурен работою с 8 ч. утра
безоглядно до 1 ч. ночи (а еще папка с бумагами не тронута),
но хочу поговорить с тобою.

Дни идут плохо. Сплошной мятеж: в пяти уездах. Почти
ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими...
Войск мало и прибывают медленно. Пугачевщина! В городе все
спокойно. Я теперь безопасен, чем когда-либо, т. к. чувствую,
что на мне все держится, и что если меня тронут, возобно-
вится удвоенный погром. В уезд выведу конечно только с вой-
сками — теперь иначе нет смысла.

До чего мы дожили. Убытки — десятки миллионов. Сгорели
Зубриловка... исторические усадьбы. Шайки вполне организованы.

Целую, обожаю тебя, ангел. Деток целую».

«...Дорогая, глаза слипаются, утомлен, но боюсь новой за-
бастовки и пишу. Вчера часа два просидел в Ртищеве и не
дождался Сахарова, ночью вернулся в Саратов по тревожной
телеграмме о том, что в Петербурге началась опять всеобщая
забастовка. Какой ужас! Неужели я опять буду разобщен с
тобою. Сегодня приехал Сахаров, он очень мил, говорит — что
приехал помогать нам. Также говорит о том, что меня про-

чат в министры, а ты, душа, уже горевала. Слава Богу, мне никто ничего не предлагал, а уже газеты начали по этому поводу ругаться. Да минует меня чаша сия.

Целую, люблю, твой» (Сидоровнин Г. П. А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Саратов, 2002. С. 109–110).

Российский гранит сотрясается, надо что-то предпринимать. Но что? Земельная реформа? Ведь именно земельный голод — одна из первых причин сотрясения. Впрочем, этого уже мало, требуют политических свобод и участия общественности в управлении государством.

Витте вернулся из Америки, заключив Портсмутский мир с Японией, и считал себя в силах решить эти проблемы. Для начала — успокоить крестьян. Успокоить постепенно, чтобы пока не очень ослаблять общину. Власти колеблются: в результате немедленная реформа отклоняется, а принимается манифест об отмене с 1 января 1907 года выкупных платежей.

Снова пошли проекты, сомнения, иносказания. В результате проект главноуправляющего землеустройством и земледелием Кутлера, за которым стоял Витте, был свергнут всеми министрами как нарушающий принцип неприкосновенности частной собственности.

Сталкивались взгляды, велась борьба не только проектов, но и живых людей, желающих удержать свое положение, поставить на нужную карту. Неподвижный консерватизм был еще крепок. Даже А. В. Кривошеин еще неподвижен, хотя вскоре он полностью переменит взгляды.

18 октября 1905 года Александр Блок пишет такие строки:

Еще прекрасно серое небо,
Еще безнадежна серая даль.
Еще несчастных, просящих хлеба,
Никому не жаль, никому не жаль!

И над заливами голос черни
Пропал, развеялся в невском сне.
И дикие вопли: «Свергни! О, свергни!»
Не будят жалости в сонной волне...

И в небе сером холодные светы
Одели Зимний дворец царя,
И латник в черном не даст ответа,
Пока не застигнет его заря.

Тогда, алея над водной бездной,
Пусть он угрюмей опустит меч,
Чтоб с дикой чернью в борьбе бесполезной
За древнюю сказку мертвым лечь...

Эти стихи отражают страсти Пятого года. Черный латник — статуя на крыше Зимнего.

Правда, через два месяца Кривошеин в записке царю скажет: *«Укрепление в сознании крестьянства понятия о неприкосновенности частной собственности здесь может быть достигнуто... посредством облегчения каждому члену общины выделиться из ее состава с участком наделной земли... Достаточно сделать крестьянина собственником, чтобы он осознал всю чудовищность экспроприации чуждой собственности».*

Столыпин еще губернаторствует, не ведает ничего о том, что его мысли выражаются другими людьми. До Николая II наконец доходит возможность иной аграрной политики, он начинает понимать, что община ограничена. Теперь и Витте приходит к осознанию необходимости крестьянской единоличной собственности. Он выступает перед Государственным советом, доказывает политические и экономические преимущества выхода из общины, торопит принять решение.

Госсовет — против, «против общей ломки крестьянского быта накануне созыва думы».

Витте нажимает, доказывает, что в Думе крестьяне будут увлечены авантюристами и за обещания прибавки земли пойдут на что угодно, поэтому нужно еще до Думы открыть им иную перспективу: независимую, отдельную, личную.

Вот-вот крестьянин станет из «полуперсоны» (Победоносцев) личностью?

Нет, проголосовали. Витте проиграл. Это было 10 марта 1906 года.

Решающий год

В конце апреля 1906 года Столыпина вызвали в Царское Село и предложили пост министра внутренних дел. Сперва он отказался, но после слов Николая: «Прошу принять этот пост, я вам приказываю» — согласился.

К этому времени и для Николая, и для многих петербургских чиновников Столыпин был человеком, на которого можно опереться. После ожесточенных столкновений крестьян с властями в Саратовской губернии, которые были пресечены благодаря бесстрашию и распорядительности Столыпина, его авторитет стал достаточно высоким.

Вот благодарственная телеграмма Столыпину от царя:

«Саратов. Губернатору Столыпину. Осведомившись через

Министра Вн. Дел о проявленной вами примерной распорядительности, выразившейся в посылке по личной инициативе отряда войск для подавления беспорядков в пределах Новоузенского уезда Самарской губернии и издавна ценя вашу верную службу, объявляю вам мою сердечную благодарность. Николай» (4 января 1906 года).

(Надо вспомнить и слова Макиавелли о выдвижении достойных людей в трудные времена.)

Как отметил один из современных биографов Столыпина Борис Федоров, «он брал на себя ответственность, от которой другие бежали» (Федоров Б. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». СПб., 2002. С. 195).

Приведем личное свидетельство нашего героя, его письмо жене от 26 апреля 1906 года:

«Оля, бесценное мое сокровище. Вчера судьба моя решилась! Я Министр Внутренних Дел в стране окровавленной, потрепанной, представляющей из себя шестую часть мира, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет. Человеческих сил тут мало, нужна глубокая вера в Бога, крепкая надежда на то, что он поддержит, вразумит меня. Господи, помоги мне. Я чувствую, что Он не оставляет меня, чувствую по тому спокойствию, которое меня не покидает.

Поддержка, помощь моя будешь Ты, моя обожаемая, моя вечно дорогая. Все сокровище любви, которое Ты отдала мне, сохранило меня до 44 лет верующим в добро и людей. Ты чистая моя, дорогая. Ты мой ангел-хранитель.

Я рдеюсь одним — пробыть Министром 3—4 месяца, выдержать предстоящий шок, поставить в какую-нибудь взаимность работу совместную с народными представителями и этим оказать услугу родине. Вот как было: вчера получаю приказание прибыть, в 6 ч. вечера явиться в Царское. Поехал экстренным поездом с Горемыкиным. Государь принял сначала Горемыкина, потом позвали меня.

Я откровенно высказал Государю все мои опасения, сказал ему, что задача непосильна, что взять... губернатора из Саратова и противопоставить его сплоченной и организованной оппозиции в Думе — значит обречь Министерство на неуспех. Говорил ему о том, что нужен человек, имеющий на Думу влияние и в Думе авторитет и который сумел бы несокрушимым сохранить порядок. Государь возразил мне, что не хочет Министра из случайного думского большинства, что все сказанное мною обдумал уже со всех сторон. Я спросил

его, думал ли он о том, что одно мое имя может вызвать бурю в Думе, он ответил, что и это приходило ему в голову. Я изложил тогда ему мою программу, сказал, что говорю в присутствии Горемыкина как премьера, и спросил, одобряется ли все мною предложенное, на что, после нескольких дополнительных вопросов, получил утвердительный ответ.

В конце беседы я сказал Государю, что умоляю избавить меня от ужаса нового положения, что я исповедовался и открыл всю мою душу, пойду только если он как Государь прикажет мне, так как обязан и жизнь отдать ему, и жду его приговора. Он с секунду помолчал и сказал: «Приказываю Вам, делаю это вполне сознательно, знаю, что это самоотвержение, благословляю Вас — это на пользу России».

Говоря это, он обеими руками взял мою (руку) и горячо пожал. Я сказал: «Повинуюсь Вам» и поцеловал руку Царя. У него, у Горемыкина, да вероятно у меня, были слезы на глазах.

Жребий брошен, сумею ли я, помогут ли обстоятельства, покажет будущее. Но вся Дума страшно настроена, обозлена основными законами, изданными помимо Думы, до сформирования кабинета, и будут крупные скандалы.

Если ждет меня неуспех, если придется уйти через 2 месяца, то ведь надо быть и снисходительным — я ведь первый в России конституционный Министр Внутренних Дел...»

Что к этому можно добавить? Жребий брошен.

Отныне Столыпин становится под огонь со всех сторон. До покушения на Аптекарском — три месяца.

Вот будничные фон того периода.

1 мая 1906 года убит начальник петербургского порта, вице-адмирал К. Кузьмич.

14 мая не удается покушение на коменданта Севастопольской крепости, генерала Неплюева, убито семь человек, в том числе двое детей.

Всего в мае убито 122 человека, в июне — 127.

В июле — восстание в Кронштадте.

2 августа боевики Ю. Пилсудского провели в Польше ряд терактов против солдат и полицейских.

Убито 33 солдата и полицейских.

14 августа в Варшаве убит генерал-губернатор Н. Вонлярский.

15 августа группа боевиков, купив автомобиль «Форд», стала разъезжать по Москве и расстреливать стоявших на посту городских.

19 августа, буквально под грохот бомб и треск браунингов, Блок напишет стихотворение «Деве — Революции»:

О, Дева, иду за тобой —
И страшно ль идти за тобой
Влюбленному в душу свою,
Влюбленному в тело свое?

Наверное, всем было страшно и трудно.

Уже в мае Столыпин представил Совету министров ранее отвергнутый Государственным советом проект перемен в общинном законодательстве В. И. Гурко. На этом отрезке времени Столыпин присматривается, изучает опыт предшественников. Председатель Совета министров И. Л. Горемыкин не пропустил проект. Что ж, Столыпин промолчал.

* * *

Первая Дума была враждебной правительству с первого до последнего дня. Она поставила себе целью прорваться дальше прав манифеста 17 октября, хотя внешне, казалось, должна была быть вполне послушной.

10 мая депутаты собрались в Зимнем. Впервые в этом роскошном дворце, где в течение ста пятидесяти лет с екатерининских времен властвовала аристократия, появились люди совсем иного облика. Двести мужиков в крестьянских кафтанах, сельские священники, рабочие, адвокаты, профессора. Офицеры и камергеры в шитых золотом мундирах с любопытством наблюдали за этими представителями неведомой силы. Одни — с надеждой, ожидая радикального обновления в судьбе родины, другие — с презрением и озлоблением.

Депутаты тоже разглядывали обитателей Зимнего с противоречивыми чувствами. Сошлись две силы. Что будет завтра? Благоденствие или кровавые потрясения?

Речь Николая II выслушали в полной тишине и с одобрением. Ведь накануне многие с опасением ожидали, что такая речь еще раз подчеркнет самодержавную суть власти и ограниченность прав депутатов. Однако император подчеркнул другое:

«Со своей стороны, я буду неуклонно покровительствовать учреждениям, которые я даровал, будучи заранее уверенным в том, что вы приложите все силы, чтобы служить родине, удовлетворить нужды столь близких моему сердцу крестьян и обеспечить народу развитие его благосостояния, всегда памятуя, что действительное благосостояние государства заключается не только в свободе, но также и в

порядке, основанном на принципах конституции» (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 44).

Кто мог возразить против этих слов?

Они объединяли надеждой; раздраженность, вызов, жажда борьбы — все это отступало на второй план.

Новая Россия должна была родиться на свет божий. Старая Россия должна была протянуть ей руку и встретить понимание.

Из манифеста от 17 октября следовало: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов».

Казалось, остается совсем немного — и за военным поражением, злобой, революцией, террором, «иллюминациями» наступит наконец гражданский мир.

Правительство возглавлял уже не Витте, а Горемыкин, старый, консервативный, умный бюрократ. И все правительство было консервативным, что, наверное, было правильно для уравнивания чересчур левой Думы.

В ней наиболее организованной силой была партия конституционных демократов. К кадетам примыкали партия демократических реформ и партия мирного обновления. Были и другие — октябристы, социалисты, национально-автомистские группы — польская, латвийская, эстонская, литовская и западных губерний. В общем, к оппозиции принадлежало больше половины думцев.

Были и двести депутатов-крестьян. Может быть, некоторые из них раньше пострадали за сотрудничество с властями. Еще в 1902 году Витте собирал Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, а на местах собирались крестьяне и земские деятели, и вот чины Министерства внутренних дел видели в этом угрозу либерализма и отбивали охоту к самостоятельности. Мужики-думцы ждали теперь от Думы одного — земельного закона. Введенные в состав Думы в таком количестве, чтобы, по мысли правительства, укреплять там консервативные настроения, они колебались, не зная, к кому пристать.

Да, они были проникнуты консервативным духом, были верны царю-батюшке, послушны церкви. Но тем не менее правительство Витте ошиблось, издав избирательный закон, давший преимущество крестьянам. Они были равнодушны к политическим свободам, к парламентаризму, и только возможность передачи земли была для них путеводной звездой. Здесь они были готовы поддержать любого, кто помог бы им скорее достичь желанного.

Конечно, эта молчаливая сила должна была пойти не за правительством, а за кадетами — в кадетской программе перераспределение казенных и монастырских земель, а также принудительная экспроприация земель крупных и даже мелких собственников.

На что же могло надеяться правительство?

Оно попробовало организовать правую крестьянскую партию под руководством депутата Ерогина — и ничего не вышло.

Не на что было надеяться правительству.

Однако при всей оппозиционности почти все думцы были настроены заниматься мирной законодательной деятельностью по переустройству русской жизни и верили, что правительство не в силах помешать им, а тем паче распустить Думу.

Правительство не сразу поняло свое положение. Оно рассчитывало после первых формальных заседаний распустить Думу до осени, а уж там обстановка должна была показать, что дальше. Чиновники повели переговоры с председателем Думы кадетом С. А. Муромцевым. И Дума воспротивилась!

Власти были обескуражены. Чем же занять депутатов? Нечем занять. Серьезные вопросы предлагать нежелательно, несерьезные — неудобно. Думали, тянули время и наконец предложили на рассмотрение Думы вопрос о постройке прачечной и оранжереи в Юрьевском университете. Вот это был вопрос из вопросов, без которого Россия и жить не могла!

Увидев такое пренебрежение, думцы зашевелились и сами стали выдергивать из окружающей действительности жгучие вопросы для обсуждения. Первым заявлением, раздавшимся в Таврическом дворце, было требование об амнистии по революционным, аграрным и политическим преступлениям.

В ответ — молчание.

Начало конфликта было положено. Дума в ответ на тронную речь изложила свою программу реформ. Этот документ включал в себя все пункты кадетской программы: упразднить Государственный совет, установить ответственность министров перед Думой, всеобщее голосование, права собраний, свободы печати, полной свободы совести, отмены сословных привилегий. Аграрный вопрос тоже решался в духе кадетской программы.

Этот ответ Думы, несомненно, показывал, что депутаты стремятся присвоить себе права, подобные правам Учредительного собрания Франции либо парламентов конституционной монархии.

Властям надо было что-то делать.

Совет министров долго спорит о тексте декларации. Од-

ни требуют решительных мер, другие предупреждают, что не следует вмешиваться в диалог Думы и царя, не следует провоцировать опасный и бесплодный конфликт с Думой, а нужно представить на рассмотрение как можно больше законопроектов, чтобы занять ее делом. За мирный разговор были только двое — Столыпин и Извольский, министр иностранных дел. Остальные — за грозную декларацию.

В результате Горемыкин высокомерным и презрительным тоном огласил в Таврическом дворце ответ:

«Высказанные Думой пожелания частью выходят за пределы ее компетенции, частью не разделяются правительством, а аграрная реформа, основанная на принудительном отчуждении частновладельческих земель, является безусловно недопустимой».

Все яснее ясного.

Дума не стала терпеть. Ее охватило негодование, вылившееся в *«полное недоверие»* министерству и пожелание *«немедленного выхода его в отставку и замены министерством, пользующимся доверием народных представителей»*.

Если бы дело было во Франции, правительство ушло бы. Но министры выслушали чуть ли не единогласно принятую резолюцию и остались на месте.

Однако кто-то из них должен был уйти. В свое время Бисмарк разрубил подобный узел, отправив по домам непокорных депутатов. Правда, Горемыкину пришлось бы отправить в отставку почти полный состав Думы.

Председатель Совета министров не отправлял депутатов в отставку, не распускал Думы, не искал пути к взаимопониманию. Он отвернулся от Таврического дворца, как будто там никого не было. Этот шаг был необычен. Глава правительства решил игнорировать Думу и публично заявил, что рассматривает ее как собрание беспокойных людей, действия которых не имеют никакого значения, и даже не будет разговаривать с ними.

Это был бойкот.

Твердокаменный Иван Логгинович Горемыкин так больше и не почтил Думу посещением. Министры посещали, но не выступали, а то и посылали своих заместителей.

Ход русской государственной жизни замер. Дума чувствовала свое бессилие. К ней обращались с жалобами, она обращалась к министрам, министры не обращали внимания.

Тогда Дума попыталась действовать по-иному, возбудила вопрос об отмене смертной казни. Правительство выждало ровно месячный срок, даваемый ему на ответ, и отвергло инициативу.

Противостояние становилось все более тяжелым, бесплодным.

Рано или поздно оно должно было разрешиться кризисом и роспуском Думы. Почвой для этого должен был, бесспорно, послужить аграрный вопрос.

Споры о земле шли в Думе непрерывно. Результата не было. Крестьянская Россия с возрастающим недовольством наблюдала за Таврическим дворцом.

А правительство по-прежнему тянуло время. Дума выдвинула несколько аграрных законопроектов, все — на принципе принудительной экспроприации земель у крупных собственников.

Один из проектов, названный проектом 104-х, провозглашал национализацию всех земель государства, с тем чтобы распоряжение ими находилось в ведении местного самоуправления. Не кажется ли это нам знакомым?

Или такое предложение: уничтожить всякую частную собственность на землю и объявить ее общественным достоянием, которым имеет право пользоваться каждый гражданин в размере, который он может обработать личным трудом. И это знакомо.

А что правительство? Надо отвечать. Отвечал министр земледелия Стишинский и обещал расширить операции Крестьянского банка и развить переселение в Сибирь. Достаточно туманно обещал.

В итоге — новое раздражение общества.

Успокоить общество взялся председатель Совета министров, и поскольку Думу он игнорировал, то напечатал в петербургской газете официальное сообщение по аграрному вопросу: правительство не принимало принудительное отчуждение земли. Такое обращение, минуя Думу, конечно, было вызовом депутатам. И тогда Дума решает принять вызов: выпустить свое обращение к стране по земельному вопросу.

В мемуарах Витте есть одно любопытное замечание: *«Думу эту, кажется, прозвали “Думою народного возмездия”. Мне кажется, было бы правильнее ее прозвать “Думою общего увлечения и государственной неопытности”»*. Может быть, этот вывод универсален вообще для всех первых учреждений подобного рода: чувства переполняют, сердце колотится, и хочется сразу торжества прогресса... И еще: *«Само назначение министерства Горемыкина перед самым созывом Думы (крайние реакционеры и поклонники полицейского режима) не могло служить успокоением первой Государственной Думы, Думы левого направления, да еще такого тревожного направления, какое было в то время, когда, можно сказать, громад-*

ное большинство россиян как бы сошло с ума» (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 48).

Сергей Юльевич вольно или невольно ставит на одну доску «сошедшее с ума» общество и «увлеченную» Думу.

Итак, думское постановление, требовавшее опубликовать свое разъяснение по аграрному вопросу, вынудило правительство принять давно назревшее решение.

Шестидесятисемилетний Горемыкин, многоопытный петербургский чиновник, издавший еще в 1891 году обширный «Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния», должен был сделать то, ради чего он, собственно, и был выдвинут на авансцену, сменив Витте.

Министр внутренних дел Столыпин стал связываться с местными властями: как на местах отнесутся к роспуску Думы, не произойдет ли общественного возмущения?

Интерес правительства был оправдан. В самой Думе ходили упорные слухи, что ее закрытие вызовет революцию. К тому же, как мы помним, недавно было покушение на московского генерал-губернатора Дубасова, а в Батуме убит американский консул Стюарт, в Полтаве и Тамбове — открытое вооруженное возмущение Елецкого и запасного кавалерийских полков.

Вообще, надо отметить, положение Столыпина было явно двусмысленным. То, что делалось в Совете министров по крестьянскому вопросу (вернее, не делалось) и как бесплодно тратились силы в противостоянии, не могло его удовлетворять. Он подчинялся ходу событий только как законопослушный чиновник. Слушая Стишинского, Столыпин в душе был гораздо ближе кадетам, чем правительству.

«Галантный, обмазанный с головы до ног русским либерализмом, оратор школы русских губернских и земских собраний» — эта виттевская характеристика не какого-нибудь думского радикала, а самого Петра Аркадьевича.

Так, будто застывший в движении, в полушаге, с одной ногой, оторванной от земли и выдвинутой в будущее, и с другой, прочно опирающейся на государственную крепость, предстанет нам Столыпин летом решающего для него 1906 года.

Межеумочная политика Горемыкина, не сотрудничавшего с депутатами и не распускавшего Думу, показывала всем, левым и правым, слабость правительства. Доверия к нему не было. Вот-вот оно должно было сойти со сцены. А с ним — Столыпин.

К концу июня общее напряжение разразилось наконец грозным разрядом. Правительство, как свидетельствует

А. П. Извольский, решилось впервые представить Думе законопроект, предусматривающий открытие кредита в пятьсот миллионов рублей для помощи населению, пострадавшему от неурожая.

Дума фактически отказала, сократив его до пятнадцати миллионов и предоставив всего на один месяц. Что делать Горемыкину? Он обратился в Государственный совет и не нашел поддержки. Государственный Совет согласился с решением Думы!

Даже консерваторы не желали такого правительства. Как бы ни было трудно им смириться с необходимостью перемен, но безучастно наблюдать за горемыкинской окаменелостью они не хотели.

А что наш герой? Уйдет вслед за премьером, так ничего и не успев? Вполне возможно, история безжалостно бы сократила бывшего саратовского губернатора, если бы у него не оказалось одного важного качества. Он был консерватором, охранителем естественного хода жизни — и одновременно тянулся к либералам.

Все качалось над бездной. Одни были бессильны, другие — в параличе.

Спешно, нервно ищут вокруг: где тот человек, который может?

Старики не годятся, молодых нет или же молодые ушли к либералам.

Среди министров, пожалуй, только один Александр Петрович Извольский (репутация либерала) мог помочь Столыпину. Ранее Извольский, имевший дружеские связи с влиятельными оппозиционерами, участвовал в переговорах с ними, приглашал их войти в первое конституционное правительство, возглавляемое Витте. Тогда либералы отказались поддержать Витте и не позволили ему создать устойчивый кабинет накануне выборов в Думу. По сути, упорство либералов вызвало «из нафталина» Горемыкина, предопределило противостояние Думы и власти.

Теперь Извольский делает новую попытку выйти из замкнутого круга. Его переговоры тайны, зато не ограничены никакими условностями. Это заговор против прошлых принципов. Но Извольского это не смущает. В его жилах течет кровь одного из заговорщиков против Павла I — князя Яшвиля. (*«Наше отечество управляется самодержавной властью — самой опасной из всех видов власти, так как она ставит судьбу миллионов людей в зависимость от воли одного человека»*, — когда-то писал Яшвиль Александру I.)

«Ясно видя невозможное положение, в котором находится

правительство, я взял на себя смелость использовать мои личные отношения с некоторыми из членов умеренно-либеральной партии в Думе и в Государственном Совете, чтобы посоветоваться с ними в надежде найти какой-нибудь выход из затруднения», — признается Извольский (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 50).

Безусловно, правительство уже не спасешь. И никому его не жаль. Но жалко Россию, больно за родину. Кто спасет Россию? Извольский оглядывается вокруг, видит достойных людей в кадетском стане — Муромцева, Головина, Родичева, Набокова, Ванавера, князя Шаховского, Петрункевича, Кошкина, Герценштейна, среди умеренных либералов — Стаховича и Львова, среди октябристов — Гучкова и Шипова... Разве он не в состоянии найти с ними общий язык? Разве такой аристократ, как Столыпин, еще будучи в Саратове, не пытался объединить противостоящие силы, собирая вместе дворянство и земство, фракки и поддевки? Еще ничего не потеряно, еще можно найти согласие, преодолеть раздвоение.

Столыпин был привлечен к тайным переговорам Извольского. Он оказался единственной в те дни реальной фигурой, представляющей сразу две силы — губернскую помещичью Россию и Россию земскую. Он не успел вцементироваться в стену бюрократизма, отгораживавшую двор от общества.

Итак, для Петра Аркадьевича начиналась новая жизнь, в которой он должен был многим пожертвовать. Вряд ли он догадывался, что и самой жизнью.

Пока Извольский действует, пока другие фигуры ткнут невидимую сеть совещаний и переговоров, еще никто не может сказать, чем это кончится. Попробуют ли покрепче придавить крышку парового котла или сменят машиниста на более умелого?

Но если оставлять Горемыкина и ничего не менять — это поощрять революцию.

(В книге последнего председателя Государственной Думы М. В. Родзянко «Крушение империи» приводятся слова Талейрана: «Никто не устраивает революцию и никто в ней не повинен. Виновны все». Другими словами, не только террор и смута переждали революцию, но и несоответствие правящей элиты требованиям грозного времени.)

Извольскому выпала задача наперекор всем дворцовым обычаям сообщить государю об опасности положения и о переговорах с представителями оппозиции. Другого выхода уже не было. Согласится Николай II с доводами, не согласится — колебаться больше нельзя.

И министр иностранных дел на аудиенции в Петергофском дворце подает записку, все содержание которой антиправительственно.

«Отношения между Думой и правительством, которое представлено Советом министров, совершенно ненормальны и создают действительную угрозу установлению порядка в империи.

Всякие сношения между Думой и правительством прерваны, и между ними легла пропасть, созданная взаимным недоверием и враждебностью.

Ясно, что такое положение вещей устраняет всякую возможность какой бы то ни было творческой работы. Эта разобщенность проистекает прежде всего из состава министерства, который совершенно не отвечает требованиям современного политического положения. Личный состав министерства выбран из среды бюрократии, и это вызывает к нему глубокое недоверие со стороны широких общественных кругов.

Это та самая бюрократия, которая повинна во всех бедах, постигших Россию, — в беспорядке и разрушении, царящих дома, точно так же как в неудачах японской войны, и нельзя отрицать, что эти упреки — правильны они или нет — будут всегда направляться против всякого бюрократического министерства.

Настоящий кабинет не только не стремится рассеять это неизбежное недоброжелательство, но увеличивает его целым рядом ошибок.

Более того, всякое министерство, составленное исключительно из представителей бюрократии, неизбежно обречено на отсутствие доверия со стороны представительных учреждений, без которого невозможно приобрести необходимый авторитет в их глазах.

Не личные качества того или иного руководителя ведомства, не его опыт или добрые намерения способны обеспечить ему необходимый авторитет в политической жизни. Очень часто случается, что одного добросовестного исполнения бюрократических обязанностей оказывается недостаточно для успешного разрешения новых проблем в сложной и весьма разнообразной обстановке. А так как симпатии народа остаются с Думой, вся враждебность направляется против министерства, и это не может не вызывать роковых последствий для управления государством и для спокойствия страны.

Дума, занявшая враждебную позицию по отношению к исполнительной власти, игнорируется этой властью и,

встречая с ее стороны такое к себе отношение, вынуждена оставаться в оппозиции, не уделяя внимания практической плодотворной работе. Дума такого состава перестает представлять из себя мирный законодательный орган и все более превращается в горнило революционных страстей.

Настоящий состав Думы, будучи плохо подготовленным — нужно признать это — к законодательной работе ввиду недостаточной подготовленности большинства ее членов, не может быть, однако, охарактеризован как исключительно революционный. Совершенно верно, что он включает крайние элементы, но они не играют руководящей роли. Большинство Думы состоит из сторонников мирной законодательной работы, враждебных революции. Только ненормальное положение и необходимость применять свои поступки к этому положению склоняют Думу к протестам и недовольству по адресу правительства. Законы, внесенные Думой, заранее осуждены на отклонение.

Поставленная в такое положение, Дума теряет мало-помалу доверие к правительственной власти и привыкает рассматривать правительство как враждебную силу. Несомненно, что Дума из-за неудачной избирательной системы не дает полного представительства всех слоев русского населения, напротив, имеются значительные и влиятельные круги общества, которые совершенно лишены представительства. Крестьяне далеки от того, чтобы отражать истинное настроение земледельческого класса. В Думе господствуют так называемые городская интеллигенция и полуинтеллигентные представители земледельческих кругов. По мнению невежественных крестьянских масс, Дума настолько всемогуща, что может передать землю всему населению и избавить его от безработицы и голода.

Одно это обстоятельство делает не только нежелательным, но и весьма опасным разрыв между правительством и Думой. Единственный путь, способный помешать этому, состоит в восстановлении нормальных отношений между обоими учреждениями, что невозможно без замещения нынешнего кабинета новыми министрами.

Необходимо призвать к власти людей, способных добиться понимания у Думы.

Новое министерство одно только способно спасти авторитет правительства и вполне восстановить к нему доверие и уважение народа.

Нежелательно, однако, составлять новое министерство из представителей какой-либо одной политической группы. Только образование министерства смешанного характера

будет наилучшим образом отвечать требованиям момента. Это совершенно очевидно, так как в настоящее время правительство должно быть свободно от партийного влияния и от всякой зависимости от узких взглядов и теорий. Действительно, различные группы в Думе не имеют настоящих признаков политических партий в собственном значении этого слова, поскольку они не приняли еще законченных форм и не являются правильным представительство слагающихся различных социальных группировок в стране.

Министерство, составленное из членов одной партии, было бы парализовано в своей деятельности теми обстоятельствами, которые были приняты ею в прошлом. Необходимо, чтобы перемены в направлении внутренней политики определялись инициативой монарха и не вынуждались бы у него влияниями той или иной партии.

Император свободен в замещении одного министра другим и, делая это, должен руководствоваться соображениями об общем благе, а не требованиями партий, участвующих в политических конфликтах.

Это не должно, однако, обозначать, что какой-либо отдельный член Думы не может быть призван для работы в новом министерстве; наоборот, таким путем правительство дало бы доказательство своего решения порвать с прежней бюрократической системой. Настоящее министерство бессильно, продолжает совершать ошибки и придерживаться традиций, которые уже получили всеобщее осуждение.

Новое положение требует новых людей. Образование министерства с участием членов Думы, помимо того что произведет благоприятное влияние на общественное мнение, в то же самое время внесет замешательство в ряды оппозиции. Все умеренные элементы объединятся для защиты министерства против нападков крайних элементов, которые будут таким образом дезорганизованы, и недоверие, существующее между народом и правительственной властью, будет уничтожено. Наконец, самый факт участия членов Думы в органе исполнительной власти увеличит интенсивность работы самой Думы. Она осознает сложность проблем, стоящих перед государством, и почувствует тяжесть власти. Это успокоит крайние элементы и создаст тенденцию к умеренности, которая неизбежно появится вместе с чувством ответственности за совершаемые действия. На пост председателя Совета министров нельзя найти лучшего кандидата, чем настоящий председатель Думы Муромцев, который пользуется громадным авторитетом среди членов этого учреждения. Выбор Муромцева, человека холодной рассуди-

тельности и положительности ума, предпочтительнее перед выбором какого-нибудь другого общественного деятеля, так как он не принадлежит ни к одной партии, которая пыталась бы контролировать его политические поступки. Его замечательное самообладание и хладнокровие быстро снискали бы ему авторитет в административных кругах.

То, что Дума теряет в лице Муромцева образцового председателя, если он станет председателем Совета министров, не должно рассматриваться как препятствие, так как в результате этого центр влияния переместится от Думы к правительству и влияние Думы соответственно уменьшится. Правительство — а не Дума — примет на себя, таким образом, руководство в деле преобразования России.

Наиболее трудным представляется выбор министра внутренних дел. Ясно, что употребление военной силы и полиции для подавления революционного движения может быть доверено только человеку, который решался бы на энергичные действия только в случае крайней необходимости и в то же время восстановил бы в своем министерстве порядок и дисциплину, которые столь необходимы.

Человек, пригодный для этого дела, должен быть беззаветно предан своему долгу перед государством, так как эта служба требует в настоящий момент величайшей самоотверженности. Таким министром мог бы быть член настоящего кабинета Столыпин или Муромцев, который мог бы совмещать обязанности председателя Совета министров с обязанностями министра внутренних дел при условии, что в этом случае он имел бы в качестве своих сотрудников Муханова или князя Львова.

Менее затруднительно было бы распределить другие портфели.

Очень важно было бы включить в министерство Шипова, так как он пользуется большим влиянием среди известных социальных кругов, которые весьма разнообразны по своим политическим симпатиям, и так как он олицетворяет собою движение, имеющее только немногих представителей в Думе, но чрезвычайно влиятельное среди членов земства. Кузьмин-Караваев может быть назначен министром юстиции. Участие в министерстве Милюкова было бы особенно желательно, так как, хотя он и не является членом Думы, его влияние в общественных кругах и в Думе чрезвычайно значительно. Несмотря на все его недостатки — громадное самолюбие и известную склонность к интригам, — он обладает острым умом и чрезвычайно редким политическим чутьем. Его вхождение в министерство являлось бы даже не-

заменяемым, так как он мог бы стать наиболее сильным защитником министерства от нападков на правительство крайне левых.

Участие членов Думы в министерстве не только выразится в замене настоящих министров новыми людьми, но передаст инициативу реформ из рук Думы в руки правительства. Только те мероприятия, целью которых будет парирование ударов революции, будут исходить от исполнительной власти. Этот порядок должен быть принят со всем мужеством и решительностью».

После этой записки все должно было решиться. Удастся ли вторая попытка объединиться власти и обществу?

Извольский: *«Через несколько дней после представления докладной записки я был призван императором, который сказал мне, что он прочел ее с интересом и был поражен силой и справедливостью аргументов, содержащихся в ней... "Единственной целью, которую я и мои политические друзья имеют в виду, — сказал я, — является укрепление исполнительной власти, угрожающе потрясенной революционным движением и ошибками, совершенными кабинетом. Не бойтесь доверять нам, даже если мы покажемся вам сторонниками слишком либеральных идей. Ничто так не умеряет радикализм, как ответственность, связанная с властью..."»* (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 56).

Николай II слушал, не перебивая.

Министр продолжал: *«...за границей единодушно осуждается политика кабинета Горемыкина, и никто не ожидает восстановления нормального положения в России помимо призыва к власти новых людей и изменения политики. Это мешает нам предпринимать различные шаги во внешних делах и, как несомненно подтвердит министр финансов, подрывает наш финансовый кредит».*

Николай II, безусловно, помнил страшное финансовое давление со стороны Франции во время октябрьской стачки 1905 года, когда России грозило банкротство и когда министр финансов предложил прекратить размен бумажных денег. Тогда рухнула дипломатическая идея Витте о посредничестве во франко-германском споре по поводу Марокко. Витте надеялся заключить финансовый заем при помощи международного финансового консорциума, чтобы не зависеть от Антанты и не обострять отношений с Германией. В разгар стачки в Петербург прибыли представители консорциума, увидели смуту и отказались вести дело. Заем был получен от Франции позже, уже в апреле, ценой обострения отношений с Германией.

Поэтому Николай II прекрасно понимал, что стоит за замечанием Извольского об осуждении горемыкинского кабинета за границей. Как ни оскорбительно слушать такое, а надо прислушаться, ибо ни хозяйственных, ни военных сил у России в запасе не было. Тем не менее государь возражал. По его мнению, «в Думе господствовали наиболее крайние элементы, и она больше походила на революционный митинг, чем на парламентское собрание... Не могла ли подобная уступка быть расценена как доказательство слабости со стороны монархической власти и не вынудило ли бы это в самое короткое время приступить к энергичным мерам?»

Извольский стоял на своем. Последний его довод звучал так: пусть даже попытка будет неудачной, но тогда ответственность за это несла бы Дума.

Они разговаривали час. Николай II, не принимая окончательного решения, уполномочил Извольского вести переговоры о создании коалиционного правительства. Отдельно было названо имя Столыпина. Царь написал ему записку, приглашая его помочь Извольскому.

Казалось бы, зачем приглашать того, кто и так уже действует?

Но Извольский явно не стал обнаруживать участия Петра Аркадьевича в переговорах, чтобы не создавать у царя мысли о широком тайном заговоре. Или, возможно, чтобы не засвечивать раньше времени Столыпина.

Теперь у Столыпина развязаны руки. Он живо включается в подготовку небывалого явления, каким может стать многопартийное правительство. Извольский секретно встречается с влиятельными думцами, затем с ними встречается Столыпин, составляются варианты кабинета, куда должны войти Муромцев, Милюков, Шипов.

Дальше события разворачиваются по двум направлениям.

В них вмешивается и генерал Трепов, дворцовый комендант, человек правых взглядов, как говорилось в левой печати, реакционер. Трепов тоже намеревается организовать чисто кадетское правительство и ведет с ними, кадетами, переговоры. Зачем убежденному монархисту, храброму до самозабвения, сотрудничать с партией, которая стремилась к конституционным свободам? Нет, он не изменил своим взглядам, не стал сторонником оппозиции. Его план был прост, как двухходовая комбинация. Для того чтобы помешать Извольскому и Столыпину в составлении жизнеспособной коалиции, он собирался составить однопартийный кадетский кабинет, который с первых же шагов должен был вступить в борьбу с верховной властью. Вместо

гражданского мира — война. Это был бы конец всяким демократическим попыткам. И для установления порядка Трепов с помощью столичного гарнизона установил бы военную диктатуру.

Николай II, надо признать, тоже знал о переговорах своего дворцового коменданта с кадетскими лидерами. Он выбирал, что лучше.

Выбирали и кадеты.

Выбирала и история.

Как чаще всего бывает в таких случаях, ни одно ни другое направление не получило развития, а случилось нечто третье.

Дума приступила к обсуждению обращения к народу по земельному вопросу. Что должно было делать правительство? Допустить обращение? Запретить его? Но как запретить депутатам?

Пока же напряжение нарастало.

Столыпин встречался с Милюковым, обсуждал план создания думского кабинета на следующих условиях: назначение министров двора, военного, морского, иностранных и внутренних дел, должно остаться за царем. Милюков соглашался на все, кроме последнего. Столыпин доказывал, что кадеты не справятся с удержанием порядка и революционным движением. Милюков возражал: «Этого мы не боимся. Если надо будет, мы поставим гильотины на площадях и будем беспощадно расправляться со всеми, кто ведет борьбу против опирающегося на народное доверие правительства».

Напряжение делалось нестерпимым.

Смертельный пост

Сейчас мы знаем, чем закончились те попытки объединить противоборствующие силы. Ничего не вышло. Ничего. Сейчас мы тоже уповаем на консолидацию, на согласие во имя спасения многострадальной родины — и что же? Сильно ли мы продвинулись с начала века? Мы вглядываемся, вглядываемся вдаль, ожидая ответа...

Наконец противостояние правительства и Думы завершилось указом царя о роспуске Думы и об отставке правительства! Ни один из возможных вариантов не был осуществлен.

Николай II пошел по пути полумер, который в конце концов привел империю к катастрофе, а миллионы людей, в том числе его самого и Столыпина, к гибели.

Что означало распустить Думу? Первый шаг к отмене манифеста 17 октября? Возврат к феодальному правлению?

Все оппозиционные партии, вся интеллигенция, либеральная печать — были поражены.

Накануне указа Извольский и Столыпин решили, что в случае роспуска Думы они подают в отставку. Они не предполагали, что правительство уйдет вместе с депутатами.

Утром 9 июля указ был опубликован, а Таврический дворец занят войсками, не пропускавшими депутатов.

И что же? Вспыхнула революция? Народ возмутился? Нет, все спокойно. Несколько попыток демонстраций полиция легко пресекла. Государство показало свою силу.

Этим же указом Столыпин назначался председателем Совета министров.

Для того чтобы недавний провинциал, еще не вполне вписавшийся в столичную правящую группу, возглавил правительство, должны были быть чрезвычайные обстоятельства.

Столыпин вновь отказывался от поста. Он понимал, что останется один на один с неподъемными задачами. Нет, он не боялся проблем. Он принадлежал к тому типу героев, которых трудности только раззадоривают. Боялся Столыпин своих, петербургского политического класса, для которого он был чужаком и который был уязвлен назначением провинциала на высший пост.

— Нет, Петр Аркадьевич, — возразил Николай, — вот образ, перед каким я часто молюсь. Осените себя крестным знаменем и помолимся, чтобы Господь помог нам обоим в трудную, быть может, историческую минуту (*Федоров Б. Указ. соч. Т. 1. С. 230*).

Царь перекрестил Столыпина и поцеловал.

Эта сцена напоминает почти семейную, в ней больше чувства, чем политических реалий.

Ее можно сравнить с братанием, целованием креста, то есть она уходит корнями куда-то глубоко во времена киевских князей и Святой Руси.

Но дело происходило не в Святой Руси, а в Российской империи. Разница огромная.

Только что наш герой был готов работать в коалиции и под началом оппозиционного деятеля; консерваторы видели в нем либерала; а отныне его судьба складывалась так, что

он оказывался под огнем справа и слева. Для оппозиции Столыпин становился гонителем Думы, для правых — гонителем правоверного Горемыкина. Словом, с первого же дня новый глава правительства оказался в тяжелом положении. Но от должности он не отказался, принял ее при условии, что два министра, Стишинский и Ширинский-Шихматов, известные крайне консервативными взглядами, будут уволены. Конечно, условия были приняты.

Столыпин вошел в круг, откуда уже не было выхода.

Месяц назад, будучи министром внутренних дел, он говорил: «Мне рисуется волшебный круг, из которого выход, по-моему, такой: применять существующие законы до создания новых, ограждая всеми способами и по мере сил права и интересы отдельных лиц. Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье, употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный часовой ответит: покуда я на посту, я буду стараться умело действовать старым».

И еще: «Власть не может считаться целью. Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка».

Итак, вооруженный этой простой, «кремневой» истиной, Петр Аркадьевич Столыпин встал на пост.

Задумывался ли он в те дни, чем это закончится? *«Все наблюдатели единогласно отмечают редкое личное мужество П. А. Столыпина, спокойно входившего в середину бушующей толпы, не принимавшего никаких мер для охраны своей личности в то время, когда террор был в разгаре»* (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 59).

Он вышел не из губернской или земской России, как можно было бы предположить, судя по его послужному списку. Он вышел из катастрофы, он деятель чрезвычайного положения: или спаси, или погибни. Сперва он верил, что спасет, но с ростом сопротивления справа и слева, с ростом числа покушений на его жизнь он понял, что ему не суждено увидеть результата своих действий.

Однако в июле 1906 года Столыпин был полностью уверен в успехе.

Его нисколько не смутил протест кадетов, собравших в Выборге всех своих думских депутатов во главе с Муромцевым и обратившихся к народу с воззванием.

По Петербургу ходила шутка: «Поехали в Выборг крендели печь».

В воззвании правительство обвинялось в том, что оно преследовало Думу за ее требование принудительной экспроприации земли в пользу крестьян. Народ призывался не

платить налоги, не давать новобранцев в армию. Это можно было рассматривать как призыв к революции.

Столыпин смеялся: «Детская игра!»

Он не стал всерьез преследовать авторов Выборгского воззвания, ограничился только формальным судебным разбирательством, в результате которого главные кадетские лидеры были лишены права участвовать в будущей Думе. (Правда, ни Милюков, ни Родичев по разным причинам не были в Выборге и этого права не лишились.)

Впрочем, кадетская акция на фоне последующих горячих событий выглядела действительно весьма скромной. Социалисты попытались организовать всеобщую стачку, вспыхнули восстания в Кронштадте, Ревеле и Свеаборге, — правда, и эти события не поколебали уверенности правительства. Никто не сомневался, что мятежи будут подавлены, а стачка провалится. «Аппарат власти функционировал точно», — пишет в своих мемуарах «На лезвии с террористами» А. В. Герасимов, начальник Петербургского охранного отделения.

Столыпин был осведомлен не хуже своего подчиненного. В те трудные дни его больше всего занимало формирование нового правительства и попытки все же ввести в его состав умеренную оппозицию. Несмотря ни на что! Он встречается с А. И. Гучковым и Н. Н. Львовым, которому хочет предложить портфель министра землеустройства, излагает им свои аграрные проекты, основанные на свободном выходе крестьян из общины.

Затем следует встреча Извольского с Милюковым. Но кругом отказ. Две недели переговоров, а коалиционный кабинет так и не создан. Вместо политических расчетов оппозиция руководствуется чувством обиды, раздражением, боязнью потерять престиж, войдя в правительство.

У Столыпина остается последний небольшой шанс — создать полностью кадетское правительство. Однако если вспомнить, как намеревался Трепов путем создания кадетского кабинета привести страну к диктатуре, то станет ясно: этот шанс не мог быть использован.

В правительство вошли два человека, даже не связанные с бюрократией, — князь Васильчиков, новгородский предводитель дворянства, и профессор Извольский, брат министра иностранных дел. Оба пользовались репутацией умеренных либералов, и Николай II с трудом согласился на их назначение.

Столыпину не раз пришлось сталкиваться с государем, обаятельным, упрямым, нерешительным человеком. Будучи

монархистом, Столыпин должен был подчиняться. Будучи реформатором, он должен был спорить. Никогда между ними не было полного понимания.

И оба сознавали это.

В конце концов правительство худо-бедно было создано, огромная российская скрипучая телега двинулась дальше.

Куда? С какой скоростью? Это еще никому не известно. В том числе и Столыпину. Пока что — в воздухе только носится предчувствие перемен. Столыпин всего три месяца в Петербурге. Он зеленый новичок. Им должны манипулировать, использовать его волю, мужество, способность вести разговор с оппозицией. Все еще неопределенно. Даже в главном. Что такое Российская империя — конституционная или абсолютная монархия? Согласно манифесту от 17 октября — конституционная, однако Дума распущена, новые выборы не назначены. Правда, вскоре оплошность была исправлена, срок выборов Второй Думы определен.

Столыпину предстояло сделать самый решительный шаг. Его, помещика и дворянина, история подвела к буржуазным реформам, которые должны были разрушить его родной мир. Вспомним страшную тоску бунинских рассказов о разоренном помещичьем быте. Вспомним стук топора в чеховском вишневом саду...

«Запах антоновских яблок исчезает из помещичьих усадеб» (И. Бунин «Антоновские яблоки»).

«Раневская. О мой милый, мой нежный, прекрасный сад!..

Моя жизнь, моя молодость, счастье мое, прощай... Прощай!..» (А. Чехов «Вишневый сад»).

Горько прощаться с родным. Сколько твердости духа требуется реформатору! По сути, он уничтожает, в его руках тоже топор. Конечно, можно сказать не «топор», а «скальпель», да только предстоявшая операция тяжела и мучительна. И чеховское пророчество скоро сбудется:

«Раневская. Вам понадобились великаны. Они только в сказках хороши, а так они пугают».

Требовались великаны. И спустя месяц (9 августа) после назначения Столыпин форсирует разработку земельной реформы, которая сосредоточивается в межведомственной комиссии при Министерстве внутренних дел под председательством В. И. Гурко. (Имя Гурко известно только узкому кругу историков, но он сделал очень много для подготовки Столыпинской реформы.)

Первый шаг был сделан.

12 августа произошел взрыв на Аптекарском острове.

Уцелевший Столыпин на следующий день приобрел сочувствие почти всей России.

С августа начинается самое напряженное и плодотворное время его управления. Он как будто понял, что начинается бешеная гонка, в которой он может просто не успеть, ему не дадут успеть...

* * *

Еще в июне ЦК партии социалистов-революционеров, поняв, что горемыкинское правительство не пойдет на уступки Думе, решил возобновить террор и поставил на очередь подготовку убийства министра внутренних дел. Столыпин еще не был значительной фигурой, он был символом.

С первых же дней завязавшейся игры охранного отделения, руководимого полковником Герасимовым, и Боевой Организации эсеров, руководителем которой был агент Герасимова знаменитый Евно Азеф, Столыпин согласился быть под прицелом, арестов не производить, чтобы не выдать Азефа, и довольствоваться только разрушением замыслов своих преследователей.

Герасимов гарантировал министру безопасность. Столыпин не побоялся. У него не было другого выхода, он не забыл, как еще в Саратове к нему обращались два начальника охранных отделений, просивших, когда их убьют, позаботиться об их семьях. И они погибли. Мог ли Столыпин отступить?

План Герасимова заключался в том, чтобы изнурить эсеровских боевиков неудачами и заставить признать невозможность террора. Был ли он опасен? Об этом излишне говорить.

В перлюстрированной полицией почте попадались яркие свидетельства гибкости, непредсказуемости действий боевиков. «Относительно террора я думаю: Дума для нас трибуна, одна из тех «частностей» партийной работы, как всякий митинг, всякое общественное учреждение. Мы идем не с надеждой творить, заниматься органической работой. Мы идем, чтобы разрушить Думу, а потому нет смысла нам идти по этической стороне террора. Если признаём этичность активных действий в прошлом, необходимо признать их и теперь» — так писал неведомый нам «Седой» в феврале 1907 года, подтверждая страшную истину гражданской войны: здесь не может быть никаких правил.

Столыпин знал это. Герасимов — тоже. (В конце 1909 года Герасимов только чудом уцелел от взрыва бомбы, под-

строенного Азефом более мелкого разряда, а погиб полковник Карпов.)

Взрыв на Аптекарском острове тоже был непредсказуем. Эсеры, по данным охраны, не могли этого совершить, поскольку они были под контролем; и максималисты, более горячие, чем эсеры, тоже были под наблюдением: видный максималист Соломон Рысс, арестованный в Киеве при попытке ограбления артельщика, стал секретным агентом. Для организации «побега» Рысса из тюрьмы пожертвовано двумя невинными полицейскими, приговоренными к каторге. Зато максималисты, считалось, в кармане Департамента полиции.

Тем не менее 12 августа отличились именно максималисты. Они не скрывали этого, выпустили соответствующую листовку.

А что же Рысс? Оказалось, он вел по ложному следу, напрасно на него надеялись.

Да, Столыпин еще до покушения на Аптекарском знал, что никто не может гарантировать ему безопасность. После покушения он просто перестал думать об этом, с холодным равнодушием идя навстречу неизбежному.

На приеме у Николая II в ответ на предложение денег на лечение дочери Столыпин сказал:

— Ваше величество, я не продаю кровь своих детей.

Некоторая чрезмерность звучит в этих словах. Он словно говорит, что не приемлет такого уровня взаимоотношений. Дома у него — мучения четырнадцатилетней Наташи, на сердце — угрызения совести, впереди — неизвестность. И чувство долга. Положение трагическое.

Трудно сравнивать отцовские чувства двух мужчин, видевших страдания своих детей, — Столыпина и Николая. Николай не смог стать выше личного горя, болезни сына, которую мог приостанавливать Распутин. Последствия царского уравнивания государственного и личного были катастрофическими. Перед Столыпиным стоял подобный же выбор, и он был готов к жертве. Разве можно было «продать кровь своих детей», когда он совершал жертву? Тут вспоминается формула Н. В. Соловьева: в России взаимоотношения личности и государства проходили через жертву. Жестоко? Как согласиться с такой правдой?

Но в ответе: «Я не торгую...» звучит именно этот железный звук.

Через два года бывшему директору Департамента полиции А. А. Лопухину предстоит пройти через ужасное испытание — эсеры, поняв, что в их рядах агент охраны, похи-

тили дочь А. А. Лопухина, чтобы шантажом вырвать у него нужное имя. Невозможно гадать, как поступил бы на месте Лопухина тот или иной человек, это лежит за пределами нашего разговора. То, что случилось, никогда широко не обсуждалось. Сам Лопухин об этом умалчивал, несмотря на суровые испытания, обрушившиеся на него впоследствии. Революционным идеологам тоже было невыгодно обнародовать столь циничные методы борьбы. И только двоюродный брат Лопухина, умерший в 1966 году, оставил записки, где ссылается на рассказ А. А. Дело было так. Лопухин в Париже получил письмо из Лондона, что его дочь похищена. Он едет в Англию, в его купе входит З. Л. Бурцев (издатель «Былого», в прошлом террорист), предлагает сделку. Лопухин называет имя и назавтра встречается с живой и невредимой дочерью в Лондоне. Двухходовая комбинация эсеров успешно сыграна!

Страшная борьба шла в России, ее семена еще прорастут в Гражданской войне.

В инструкциях эсеровских охранных дружин записано наказание для нарушителей дисциплины — смерть. Это — своим. А противникам?

5 августа 1906 года в пятом часу вечера варшавский генерал-губернатор Скалон выехал к германскому вице-консулу, проживавшему на Наталинской улице, дом № 9, и, не застав последнего, отправился обратно. Когда проезжал мимо дома № 12, то со второго этажа было сброшено четыре бомбы, две разорвались и ранили трех казаков конвоя. Генерал Скалон был контужен. Расследование быстро установило, кто снимал квартиру в злополучном доме. Оказалось, молодые женщины 20—23 лет. Хозяйства не вели, плитой не пользовались. Бомбы бросали молодые женщины и мужчины. Их не удалось арестовать. Зато установили, как готовилось покушение, как вычислялся маршрут Скалона, как загоняли его в этот маршрут.

Генерал-губернатор ездил к германскому вице-консулу барону Лерхенфельду неспроста. Накануне на того напал мужчина в офицерском мундире и дал пощечину. «Оскорбление это было нанесено преднамеренно, в надежде вызвать поездку генерал-губернатора к вице-консулу, как и случилось», — отмечено в донесении Варшавского охранного отделения.

Одновременно с оскорблением барона Лерхенфельда к дворнику дома напротив консульства явилось несколько человек, потребовали его оставить место, а вместо него поставить своего человека и нанять в этом доме свободную квар-

тиру. Однако дворник «не внял угрозе революционеров и остался на своем месте».

Вице-консул, конечно, мог не оглашать происшествия, но его вынудили к этому, и Скалон обязан был ехать с извинениями.

12 августа Столыпин получает письмо от Скалона с описанием случившегося. Через несколько часов на Аптекарском тоже рвутся бомбы.

* * *

«Солдат не может быть обвинен в убийстве» — так год спустя, когда австро-венгерский суд присяжных оправдал организатора варшавского покушения Добродзинскую, писали австрийские газеты.

Председатель суда спросил ее:

— Были ли вы уверены, что погибнете?

Она ответила:

— Да. От взрыва бомбы или при аресте жандармами.

— Разве вы не испытывали при этом никаких нравственных угрызений или мук совести?

— Нет.

— Но ведь католическая религия говорит: не убивай.

— Христос сказал: придет время, когда нужно будет продать плащ и купить меч.

— От бомбы могли погибнуть невинные.

— При великой войне бывают невинные жертвы.

Сейчас этот безжалостный человеческий тип нам слишком хорошо знаком. Тогда он вызывал сочувствие. Суд присяжных единогласно оправдал Добродзинскую.

В полицейском деле хранится ее фотокарточка: молодая, высокий лоб, чуть вьющиеся волосы, твердый округлый подбородок, большой рот, усмешка, глаза глубоко посажены, черные, изогнутые брови, выражение упорства, иронии, чего-то недоброго.

Полицейское описание результата еще одного покушения — на самарского губернатора Блока: «Труп обезображен. Оторваны руки, нога, туловище представляет окровавленную массу». Тоже — взрыв бомбы. Согласно донесению начальника губернского жандармского управления генерал-майора Короткова, Блок бравировал опасностью, ездил без охраны, уповал на провидение Божье.

Они все уповали на провидение, жертвы и убийцы. Но кроме охоты, преследования, мести, требовалось обеспечивать жизнь страны.

Начиналось столыпинское пятилетие.

Для защиты от террористов он с семьей переезжает в Зимний дворец. Всюду расставлены часовые. Осада. Столыпин не может появиться на улицах города. Для прогулок охрана назначает ему недоступные революционерам места — крышу и залы дворца.

Вечером по пустынным громадным залам, освещенным одной дежурной лампочкой, шагал Реформатор, глядя на темные портреты Петра Великого, Екатерины Великой, Павла, Александра... Что думал он? Надолго ли эта осада? Удастся ли остановить разрушение страны?

Его старшую дочь, Машу, тоже начинают преследовать. Кто-то подложил рядом с ее чашкой письмо, звали сбросить нравственные цепи, отдаться счастью партийной работы.

Девочка не стала рассказывать отцу, но через несколько дней — новое письмо, тон развязный. Это она уже показала, но только адрес тщательно замарала, чтобы не быть доносчицей.

Вот какое было воспитание: даже после покушения 12 августа, искалечившего родную сестру, убившего десятки людей, Маша Столыпина не могла переступить нравственный барьер.

Но Петр Аркадьевич должен был начинать борьбу. 24 августа в «Правительственном вестнике» появилось сообщение:

«За последние два года революционное движение проявляется с чрезвычайным напряжением. С весны этого года оно особенно усилилось. Почти не проходит дня без какого-либо нового злодеяния... Преступления эти ясно доказывают, что революционные организации напрягли все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать спокойной работе Правительства, расстроить его ряды и применением грубого насилия прекратить всякую работу мысли и всякую возможность сознательной жизни государства... После роспуска Государственной Думы, быстрого подавления Кронштадтского и Свеаборгского мятежей, неудачи задуманной общей забастовки и принятия решительных мер против аграрных беспорядков крайние революционные группы, желая ослабить впечатление неудачи их замыслов и не допускать творческой работы Правительства, решили путем уничтожения высших должностных лиц произвести впечатление в стране, а на Правительство навести панику. Хотя такие отдельные террористические акты знаменуют скорее бессилие революции в деле осуществления движения общего, чем успех ее, но вся обстановка подобных преступлений по жестокости своей

располагает общество к смятению и тревоге более даже, чем длительное революционное движение.

В чем же при таких обстоятельствах должна заключаться обязанность Правительства и что оно должно предпринять? Ответ на это может быть один: цель и задачи Правительства не могут меняться в зависимости от злого умысла преступников: можно убить отдельное лицо, но нельзя убить идеи, которой одушевлено Правительство. Нельзя уничтожить волю, направленную к восстановлению возможности жить в стране и свободно трудиться».

Пожалуй, это главное. Столыпин принимал вызов. Он противопоставлял насилию силу, вводились военно-полевые суды. Но одного этого мало, хотя раздаются громкие требования ограничиться только подавлением зла.

Столыпин объявлял направления своей политики в подготовке важнейших законов:

- о свободе вероисповедания;
- о неприкосновенности личности и о гражданском равноправии в смысле устранения ограничений и стеснений отдельных групп населения;
- об улучшении крестьянского землевладения;
- об улучшении быта рабочих и, в частности, о государственном их страховании;
- о реформе местного управления;
- о преобразовании местных судов;
- о реформе высшей и средней школы;
- о подоходном налоге;
- о земском самоуправлении в Прибалтийском, а также Северо- и Юго-Западном крае;
- о реформе полиции...

Даже нам с вами, читатели, понятно, как значительна эта программа, много из нее мы хотели бы видеть воплощенным и в нашей жизни. Для России начала века она значила не меньше.

Впрочем, столыпинская декларация еще не означала перемен. Следовало начинать движение, не уповая на будущую Думу.

И к тому же разве кто-то мог гарантировать, что ее депутаты окажутся столь радикальными?

Ждать было некогда.

Столыпин воспользовался 87-й статьей Основных законов, которая предоставляла правительству право решать вопросы во время перерывов в работе Думы и в случае исключительных обстоятельств. Это практически означало, что он не надеется на российское общество. Он — одинок.

Это, конечно, трагедия индивидуалистического, европейского сознания, нашедшая в русской литературе отражение в различных вариациях «лишних людей». Трагедия тем не менее очень русская, неподсудная тогдашней литературе, ибо спланировала два типа, русский дворянский и буржуазно-либеральный, в один, новый. Это явление осталось за чертой отечественной словесности.

Вообще русская литература не дала или не захотела дать ответ на вопрос: кто же создал «Новую Америку» на Юге России, великую крестьянскую Сибирь, первоклассные оружейные заводы, кадры инженеров, летчиков, земской интеллигенции?.. Откуда они взялись? Из «лишних»? Из «идиотизма» русской жизни?

Нам не ответить на эти вопросы без Столыпина. Столыпин — это не только личность, но имя целой эпохи нашей жизни, которая была надломлена страшным катаклизмом и которая может возродиться, если мы вернемся к здравому смыслу.

Как ни странно, речь о здравом смысле, всегда кажущаяся простой, обычно связана с крайним противостоянием сторон.

Проблема Столыпина — безжалостное подавление всяких беспорядков и проведение либеральных реформ — должна была натолкнуться на попытки склонить императора объявить военную диктатуру, и, предвидя это, он заявил, что скорее покинет пост, чем откажется от конституционного направления своей политики.

Напомним, что взрыв дачи на Аптекарском острове и заседание кабинета произошли в один день и разделены всего лишь несколькими часами. Значит, когда Столыпин говорил о невозможности вернуться к старому режиму, он знал, что назавтра его Наташе должны ампутировать ногу. Все случилось в один день: ужас смерти и поразительное самообладание Реформатора.

Те дни, последовавшие до публикации правительственной декларации, решили судьбу Столыпина. Борьба правых против премьер-министра была ожесточенной, симпатии Николая склонялись на его сторону.

Военная диктатура или гражданское правительство? Николай же уступает Столыпину. Фигуры, равной ему, у него нет.

Но тут несколько министров, включая военного и морского, начинают атаку с другой стороны. Они требуют предоставить полиции право расправляться с террористами без суда и следствия. Как будто их можно понять. Зачем ис-

полнять закон, если это тормозит воздействие? Зло должно быть мгновенно наказано.

Да, должно быть наказано, соглашается Столыпин. Однако что останется для созидательной жизни государства, коль законы будут трактовать полиция и военные? Это приведет к полной анархии.

Правые и военные продолжают давить.

В конце концов премьер-министр был вынужден искать компромисс и представил Николаю закон о военных судах над наиболее опасными преступниками, совершившими преступления в местах, объявленных на военном положении.

И до последнего времени наша обглоданная история советского периода бубнила одно и то же: казни, «столыпинские галстуки»... Отбросив все идеологические штампы, сегодня надо сказать: это была настоящая война государства с террором, в которой защитные действия государства были, по крайней мере, логичны. Когда современные террористы захватывают самолет и, не обращая внимания на жертвы, добиваются своих целей, как мы реагируем на это? Одобрительно? А если к тому же мы сами сидим в том самолете, и наши дети, и наши старики? К тому же российский самолет должен лететь дальше. Первым решающим шагом стало заседание Совета министров 10 октября, посвященное земельной политике. Докладывал В. И. Гурко. Уже никем не оспаривался сам принцип свободного выхода из общины. Не оспаривался открыто. Но возражали против применения 87-й статьи, требовали непременно одобрения Думой. «Смертный приговор над общиной» по-прежнему воспринимался как конец государства. Но большинство министров поддержали Столыпина, а Николай II — одобрил.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР

Нож крестьянского вопроса

9 ноября (22-е по ст. ст.) 1906 года, спустя четыре месяца после прихода Столыпина к руководству, был обнародован исторический указ, освободивший крестьян от власти общины. Столыпин стал Столыпиным, а крестьяне переставали быть «полуперсонами» и впервые становились гражданами.

В России начиналась экономическая, бескровная, но самая глубокая революция.

На Крестьянский банк возлагалась обязанность скупки помещичьих имений и продажи земельных участков крестьянам по льготной цене в многолетний кредит. Кроме того, передавались в Крестьянский банк большинство удельных земель и степных угодий, значительно уменьшались владения царской семьи, земли Алтайского округа обращались для устройства переселенцев.

Этой реформой должен был наконец завершиться кровавый междоусобный период. Не в один день, но завершиться. Выбивалась база из-под эсеровской политики.

Крестьянский поземельный банк был финансовым инструментом реформы. Он скупал миллионы десятин и потом, давая кредиты, продавал земли крестьянам. Банковская ссуда на покупку земли доходила до 90—95% стоимости покупаемого участка.

При этом земля не продавалась ни помещикам, ни даже крестьянским обществам. Только крестьянам в личную собственность!

Естественно, что деятельность банка вызывала сильное недовольство помещиков.

Характерно, что богатые крестьяне покупали совсем немного, 5—6%. Большинство покупателей были середняки и бедняки.

(В скобках заметим, что перемены не везде происходили

гладко, ведь революция, пусть и «тихая», — это все же переворот. Не удалось властям избежать административного давления даже в самой грубой форме. Так, например, в селе Вологове Тамбовской губернии, где отрубщикам выделялись лучшие земли, а общине оставляли худшие, общинники возмутились, и чтобы привести их в подчинение, стражникам пришлось стрелять в толпу, было убито шесть человек.)

Вот что писала дочь Столыпина: *«Проведением хуторской реформы, где каждый крестьянин становился сам маленьким помещиком, уничтожалась партия социал-революционеров. Поэтому понятно их стремление остановить реформу... Работа этой партии выражалась не только в агитации среди крестьян, часто благодаря этому и противодействовавших проведению реформы, но и вообще в искусной агитации против моего отца и устройстве на него покушений»* (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 70).

Вот что писал В. И. Ленин в статье «Новая аграрная политика» (газета «Пролетарий», 19 февраля 1908 г.): *«Окончательный переход правительства царя, помещиков и крупной буржуазии (октябристов) на сторону новой аграрной политики имеет огромное историческое значение. Судьбы буржуазной революции в России, — не только настоящей революции, но и возможных в дальнейшем демократических революций, — зависят больше всего от успеха или неуспеха этой политики...»*

И вот правительство контрреволюции поняло это положение. Столыпин правильно осознал дело: без ломки старого землевладения нельзя обеспечить хозяйственного развития России. Столыпин и помещики вступили смело на революционный путь, ломая самым беспощадным образом старые порядки, отдавая всецело на поток и разграбление помещикам и кулакам крестьянские массы» (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 70).

Здесь все правильно, кроме одного: «Столыпин и помещики вступили смело...» Насчет помещиков — преувеличение публициста.

И еще из Ленина: *«Что, если столыпинская политика продержится действительно долго... Тогда добросовестные марксисты прямо и открыто выкинут вовсе всякую «аграрную программу...», ибо после «решения» аграрного вопроса в столыпинском духе никакой иной революции, способной изменить серьезно экономические условия жизни крестьянских масс, быть не может. Вот в каком соотношении стоит вопрос о соотношении буржуазной и социалистической революции в России»* (ПСС. Т.17. С. 32).

«Тихая революция» (М. Меньшиков) была явно эффективнее для двадцатого века, перепробовавшего позднее все виды социальных потрясений и опытов. В данном случае борьба революции с эволюцией не завершилась победой социалистических теорий. Совершив великий подвиг эксперимента, человечество заплатило дорогой ценой.

«Олимпийское величие теории» разбилось о «болезненную чувствительность жизни». С этим уже не спорят. Или отголоски кадетской критики реформ, запугивавшей Николая, не покажутся нам знакомыми: «В них чувствуются зловещие призраки невиданной гражданской войны»? Эти слова принадлежат члену партии конституционных демократов С. Котляревскому.

А эти слова, кому они принадлежат? Столыпину? Современному идеалисту? «Если хотите переродить человечество к лучшему, почти что из зверей наделать людей, то наделите их землю — достигнете цели».

Это Достоевский, «Дневник писателя», 1876 год. Написано прямо для нас.

И Столыпин — для нас.

Как будто бы не миновал век с осени 1906 года!

В октябре издали указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий». Крестьянам разрешалось получать паспорта свободно, без согласия общины. Отменялись и ограничения в приеме их на работу, разрешалось свободное избрание профессии и места жительства, земские начальники потеряли право штрафовать и арестовывать крестьян без постановления волостного суда.

Это было «тихое» освобождение от несвободы. Но самое значительное, конечно, последовало 9 ноября. Становилось достаточно подать заявление через старосту, и крестьянин оказывался вечным хозяином находившейся в его пользовании земли. Его образ жизни можно назвать тюремным. Террористы не оставили мысли расправиться с премьером. От своих агентов, служащих в Зимнем, они узнавали о предполагаемых выездах Столыпина.

«В течение полутора часов каждые десять минут меняющиеся члены ЦБО держали под наблюдением все выходы из Зимнего дворца. Но и охранка совершенствовала свои методы. В. Попова, одна из наблюдателей, описывала выезд Столыпина из дворца: «Сыщики реют по площади и буквально пожирают глазами каждого прохожего. На площади к первому подъ-

езду от Адмиралтейства подана карета, стоит плотно-плотно у дверей под аркой; кучер обращен лицом к Адмиралтейству. Если даже смотреть сбоку, то нельзя видеть, кто в нее входит. В сторону к Миллионной за решетчатыми воротами, внутри дворцового двора стоит закрытый черный автомобиль (каких много в Петербурге). Он подан тоже к самому подъезду. Ворота вдруг распахиваются, и автомобиль несется по площади под арку на Морскую.

В то же время я успеваю заметить, как сыщик на площади со стороны Адмиралтейства быстро вынимает из кармана что-то ярко-белое, вроде платка, один момент держит в руке, и карета так же быстро отрывается от подъезда и несется вслед за автомобилем. Схватить взглядом, кто находится внутри за стеклом, нет возможности. Столыпин проехал — это несомненно, но где же он был, в автомобиле или в карете?»

Напасть непосредственно у Зимнего дворца очень тяжело. Организация получила сведения, что, направляясь в Царское Село, Столыпин садится в поезд где-то в пути за Обводным каналом. Но он каждый раз приезжает туда в разные дни и в разное время, и от этого плана пришлось отказаться.

Несколько авантюрный план предложил Б. Никитенко. У Зильберберга был свой человек во дворце, служитель низкого ранга. Он готов был подать условный сигнал, когда Столыпин выходит на прогулку: «Он (Никитенко) предлагал покончить со Столыпиным в саду, забросав его с трех сторон (с площади, с Адмиралтейского проезда и набережной) бомбами, а сам вызвался мгновенно перекинуться туда, зацепив веревочную лестницу за решетку. Как морской офицер, он привык к подобного рода упражнениям». Но этот план не удалось осуществить.

В начале января Зильберберг получил точную информацию. Ему сообщили время, когда Столыпин должен был вернуться из Царского Села в Зимний дворец. На конспиративной квартире, которую под видом супругов снимали П. Иванов и М. Прокофьева, В. Попова собрала два снаряда. В 11 часов вечера она передала их двум метальщикам — Никитенко и Синявскому. В третьем часу ночи террористы вернулись. Карету Столыпина они не встретили» (Прайсман Л. Указ. соч. С. 229).

По великой земледельческой стране прошел «нож свободы». Общинной земли не хватало, правительство запрещало землеустроительным комиссиям и Крестьянскому банку передачу казенной земли деревенским беднякам, не имевшим ни инвентаря, ни лошадей. Слабосильные выталкивались, вынуждены были продавать наделы и искать свою долю в

городах, на фабриках и стройках. Старый крестьянский мир с его уравнилельно-патриархальными представлениями о справедливости уничтожался. Открывалась широкая дорога к экономической свободе, рынку труда, развитию промышленности. Те, кто вступал на эту дорогу, должны были быть готовы к испытаниям. И мучительным испытаниям. Но и те, кто надеялся остаться в стороне, втягивались в борьбу.

Чтобы вырваться из общины, крестьянам зачастую приходилось платить собственной кровью. Мир держал, не хотел выпускать сильнейших. У С. Т. Семенова, уникального крестьянина-писателя (что само по себе является фактом проявления духовной силы крестьянства), об этом написана повесть «Односельцы», именно о выделении из общины, закончившемся кровопролитием (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 71—72).

Вот несколько отрывков.

«— А по-твоему, в хуторах хорошо? — бросил из-за своего стола Восьмаков, и в тоне его почувствовался задор...

— На хуторах, говорят, лучше живут, — сказал Мельников. — Земля близко, обрабатывать ее много легче.

И только он это сказал, как неуловимый огонь промелькнул в глазах Восьмакова. На лице его выступила краска, в голосе задрожали едкие, злые ноты».

Разговор крестьян продолжается, речь заходит о том, что свою землю лучше удобришь, больше от нее получишь, что за границей тоже так делают.

«Все лицо Восьмакова стало вдруг чугунное, в глазах появилась дикая враждебность, даже изменился, как будто бы пересел голос.

— Какие в загранице люди? Там не люди, а нехристи. Они религию отвергают... Нешто можно нам глядеть на заграницу?

В тоне Восьмакова чувствовалась вражда; она дрожала в каждом слове его. Это задело Мельникова, и вдруг его стало разбирать раздражение.

— Отчего же не поглядеть, где есть хорошие примеры? На худые дела нечего обращать внимания, а хорошему учиться везде можно.

— Урожай от Бога, а вы хотите, чтобы все от самих себя. Нет, на это вас еще кишка жидка...

Мельникову непонятно было такое отношение Восьмакова к самому себе и вообще непонятна душа таких людей, как Восьмаков и его дядя. И он опять почувствовал свое бессилие найти хотя бы какой-нибудь подход к их сердцу, и ему стало нехорошо».

Противостояние двух крестьянских мировоззрений налицо. Но еще далеко до открытой борьбы. Они пока что философствуют, обсуждают, что справедливо, а что — нет.

«— Чем же мы себя мучаем?»

— А вот тем, что такую траву косим да такой хлеб едим. У господ вон хлеб-то родится, хоть борону приставляй, а у нас колос от колосу — не слышать человеческого голосу.

— Что ж поделаешь, когда лучше не родит.

— Можно добиться, что будет родить.

— Чего ж ты не добиваешься?

— А то, что я не один. У меня соседи. У соседей плохо, и у меня не выйдет хорошо. А вы вот выделите мой пай к одному месту, тогда я вам покажу.

Последними словами Машистый сразу раскрыл, чего боялся мир, когда слышался его голос; вся толпа вокруг заколыхалась сгрудилась плотней и вдруг у всех развязались языки...»

Община не отпускает нескольких предприимчивых хозяев, и тогда они обращаются в землеустроительную экспедицию, чтобы мирской приговор отвергнуть чисто гражданским актом. Разве это не революция в крестьянском сознании?

«И землеустроитель, отведя глаза в сторону и только изредка взглядывая на Мельникова, с легкими запинками, как будто бы он повторял наизусть не совсем хорошо заученную историю, стал говорить о тех выгодах, которые может получить каждый хозяин, перейдя на отруб или хутор. Тут было и повышение урожая, и было очень внушительно. Мельников с интересом слушал его беседу, но он никак не мог понять, как это такой видный господин может так глубоко входить во все подробности крестьянского хозяйства. Неужели это искренно?..

Землеустроитель, пожимая ему на прощанье руку, еще раз обещал, что сделает все возможное, чтобы скорей и лучше устроить выдел...»

Еще одно крестьянское рассуждение: «А в миру какая крепость? Все, как арестанты, скованы, хлеб добывают, а сыты не бывают, друг дружку грызут, а никогда не наедятся, за стакан вина под стол лезть готовы...»

Мир взбудоражен, сопротивляется, вот-вот что-то случится. Наконец на покосе вспыхивает драка, и сторонников нового едва ли не отправляют на тот свет. Один избит, другой изрезан ножом. В больнице доктор как бы между прочим замечает: «Пошли у нас ножи прививаться. За это лето шесть случаев такой расправы... А бывало, в два года раз. Точно Кавказ. Заботятся о просвещении народа, а он дичает, совсем Азия делается».

Кончается повесть трагически. Хотя раненый и остается жить, хотя темные односельцы раскаялись, а виновные наказаны, но прежнего мира больше нет.

Пожалуй, это единственная повесть о Столыпинской реформе, которой русская литература, прощаясь с уходящим миром, отметила «тихую революцию». Она написана в 1917 году. Что было потом, тема других трагедий.

Однако остались и иные свидетельства, со стороны помещиков; их тоже немного.

Например, воспоминания участника Гражданской войны со стороны белых Н. В. Волкова-Муромцева «Юность. От Вязьмы до Феодосии» (Париж, 1973 год) рисуют картину идиллических взаимоотношений с крестьянами.

«Я не знаю, наверное, причин, начеку у нас в машинном сарае стояли без употребления два паровика-трактора. Там же стояли три сноповязалки, которые на моих глазах тоже не употребляли. Мне казалось дикостью не использовать современные машины... Он (управляющий. — Авт.) говорил, что мой отец прекратил пользоваться паровиками, потому что это отнимало заработок у наших крестьян. Во время пахоты многие местные крестьяне приходили приработать лишние деньги. Они пахали однолинейными плугами с двумя лошадьми. Лошадей на рабочей конюшне было приблизительно 40, так что 16 или 18 плугов могли работать одновременно. Вывоз навоза оставлялся исключительно крестьянам с их собственными «навозниками» и лошадьми, это давало выгодный заработок на неделю или две. Наша пахота, сенокос, уборка урожая, дерганье льна — никогда почти не совпадало с крестьянскими, потому что они всегда сеяли на неделю или две позднее, так что это выходило очень удобно и для них, и для нас. Эти две недели оставляли крестьян свободными. Отец купил сноповязалки, не подумав. Это значило, что не нужно было нанимать женщин вязать снопы и, следовательно, бабы теряли 75 копеек в день; что для них значит очень много».

Идиллия помещичьей жизни, однако, разрушается, если задаться вопросом: почему крестьяне вынуждены были пропускать лучшие сроки пахоты?

Мало земли, избыток рабочих рук. Поэтому-то нет смысла употреблять помещику трактора и сноповязалки. Поэтому-то выгодна «дикость», а в конце концов имения становились неконкурентоспособны.

«На моей памяти многое переменилось, — пишет Н. В. Волков-Муромцев. — Столыпинские реформы, Крестьянский банк, кооперативы сильно изменили земледелие...

Земли было много. Недалеко от нас было шесть разоренных

имений, где и помещики, и все постройки исчезли. Земля тысячами десятин была на продажу. По столыпинской реформе, в наших краях цена на полевою десятину была установлена как максимум 80 рублей, выплачивать надо было по закладной на 20 лет, это выходило по 4 рубля в год Крестьянскому банку. Проценты на заем были 1,5%, что вместе выходило дешевле аренды...»

Вот тут очень важная для понимания реформы точка: помещичье землевладение тоже разрушалось, исчезало. Никакие «трактора в сараях» не могли остановить этого процесса. Античная, дворянская Россия должна была пройти через неизбежное обновление, чтобы стать — нет, не «новой Америкой», а новой Россией.

«В нашей округе крестьянам было экономически трудно купить земледельческую утварь. Вложенный капитал был бы слишком велик на среднего размера деревню в 21—22 двора, следовательно — капитал должен быть кооперативный, который мог бы давать напрокат нужное оборудование на несколько деревень. Но кооперативные магазины и лавки в селах скоро стали успевать, и крестьяне мало-помалу стали склоняться и к найму оборудования. Мой отец на сходе предложил, чтобы кооперативы купили бы веялки, молотилки всякого рода, паровики. И в 1911 году крестьяне решили попробовать. Первым стал покупать кооператив в деревне Хмелите, а за ним и другие. Поддержали первыми, конечно, однодворцы. Их становилось все больше и больше после столыпинских реформ, и тогда дело, конечно, ускорилось».

Что мы слышали о «столыпинских кооперативах»? А ведь сельская кооперация стала бурно развиваться именно тогда, без насилия, свойственного сталинскому «кооперативному плану».

Но вернемся в Петербург осени 1906 года. Столыпину удалось сделать невозможное — разорвать заколдованный круг. До него проведение реформ неизменно сопровождалось ослаблением власти, а следовавшие затем суровые меры останавливали реформы; власть качалась и была малопродуктивна.

Столыпин укреплял власть и не останавливал реформы.

А. И. Гучков, председатель ЦК «Союза 17 октября», заявил в печати, что глубоко верит в Столыпина. И далее, касаясь военно-полевых судов: «У нас идет междоусобная война, а законы войны всегда жестоки. Для победы над революционным движением такие меры необходимы. М.б., в Баку резня была бы предотвращена, если бы военно-полевому суду предавали лиц, захваченных с оружием».

Все смешалось: землеустройство, взрывы, грабежи, экономическая необходимость, охрана... Закон о военно-полевых судах вводил особые суды из офицеров, ведущих такие дела, где преступления очевидны. Предание суду происходило в течение суток после акта убийства или вооруженного грабежа, разбор дела не мог превышать двое суток, а приговор приводился в исполнение в 24 часа.

Часовой «с кремневым ружьем» стал защищаться.

Общество с нарастающим возмущением смотрело на умножившиеся террористические акты. Людей убивали чуть ли не ритуально, только «за должность», границы между политическим и уголовным убийством становились неощутимы. Шайки уголовников прикрывали свои преступления «нуждами революции».

Даже такие идеалисты террора, как Борис Савинков, понимали, что движение разлагается. В его романе «Конь бледный» персонаж, признающий, что «для дела» можно убивать, приходит к оправданию убийства ради собственных интересов (устранения мужа возлюбленной) и в конце концов кончает с собой.

«Революционное движение породило полную разнузданность подонков общества», — писал «Вестник Европы».

В борьбе, под грохот бомб и треск револьверов, той осенью создавалось новое законодательство. Правительство проводит несколько важных законов: о свободе старообрядческих общин; ограничении рабочего дня и воскресном отдыхе приказчиков; отмене преследований за тайное преподавание в Западном крае (то есть разрешалось в частном порядке обучение на польском языке).

Загадка Реформатора, останавливающего вздыбившуюся страну, была доступна далеко не всем. Большинство его сотрудников подчинялись ходу событий, твердили еще плохо выученный урок, и только некоторые понимали подводные течения. А. В. Кривошеин, В. И. Гурко, А. И. Лыкошин, А. А. Риттих были его ближайшими помощниками. Но В. А. Маклакова, члена Второй, Третьей и Четвертой Думы от кадетской партии, союзником Столыпина назвать трудно. Поэтому его объяснение загадки вдвойне интересно.

«Напряженная борьба с внешними проявлениями революционной стихии не помешала, однако, Столыпину в исполнении другой главной задачи: подготовке тех законопроектов, которые должны были обновить русскую жизнь, превратить Россию в правовое государство и тем подрезать революции корни. 8 месяцев, которые были ему на это даны роспуском Думы, потеряны не были.»

Объем работы, которую с этой целью правительство в это время проделало, делает честь работоспособности бюрократии. Эту работу невозможно определить объективным мериллом. Я пересчитывал законы, которые с созыва Думы правительство в нее почти ежедневно вносило. В первый же день их было внесено 65; в другие дни бывало и больше; так 31 марта было 150. Но такой подсчет ничего не покажет. Законы неравноценны; наряду с «вермишелью» пришлось бы ставить и такие монументальные памятники, как организация местного суда, преобразование крестьянского быта и т.п.. Достаточно сказать, что не только 2-я Дума, но 3-я и 4-я до самой революции не успели рассмотреть всего, что было заготовлено именно в первое междудумье.

Важнее, чем количество, общее направление законопроектов, их соответствие поставленной цели.

Я раньше указывал, что идеи либерализма не были исконным кредо Столыпина; он необходимость их понял, но все же считал второстепенными. Главную задачу свою для торжества правового порядка он полагал не в провозглашении их; подход к этому у него был другой. Чтобы правильно понять его, полезно сделать одно отступление... Без него вся политика Столыпина не будет понятна.

Если Столыпин и признавал значение «свободы» и «права», то эти начала он все-таки не считал панацеей, которая переродит наше общество. Громадное большинство населения, то есть наше крестьянство, по его мнению, их не понимает и потом в них пока не нуждается. «Провозглашение» их не сможет ничего изменить в той среде, где еще нет самого примитивного права — личной собственности на землю и самой элементарной свободы — добром и трудом располагать по своему усмотрению и в своих интересах. Для крестьян декларация о крестьянских свободах и даже введение конституции будут, по его выражению, «румянцем на трупе». Если для удовлетворения образованного меньшинства он эти законы вносил, то копий за них ломать не хотел, только когда желательность их поймут и оценят крестьяне, сопротивляться им будет нельзя и не нужно. Главное же внимание его привлекало пока не введение режима «свободы» и «права», а коренная реформа крестьянского быта. Только она в его глазах могла быть прочной основой и свобод, и конституционного строя. Это было его главной идеей. Не дожидаясь созыва Думы, он по 87 ст. провел ряд законов, которые подготавливали почву к дальнейшему...

Эти указы в своей совокупности должны были начать в крестьянском быту новую эру. Но настоящего государственного смысла этих реформ Столыпин в то время еще не высказы-

вал. Может быть, он не хотел идеологических возражений и справа, и слева. «Справа» потому, что эта программа была, по существу, «либеральной», т. к. делала ставку на личность, «слева» потому, что там издавна питали слабость к коллективу, к демократической общине. Столыпин не находил полезным подчеркивать, куда этими законами он ведет государство» (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 77).

Объяснения Маклакова исчерпывающи: Реформатор не ждет поддержки общества, он одинок, и его путь — добавим мы — это путь к 1 сентября 1911 года, то есть к жертве.

Возможно, столь резкое соединение начальной и конечной точек выглядит упрощением? Советская историография всегда рисовала Столыпина крайне правым, «обер-вешателем» (Ленин), противником демократии. Но какое нам дело до политических ярлыков? Гораздо важнее в данном случае вспомнить другое. Петр Аркадьевич знал, что погибнет.

Тактика и эстетика терроризма

В 1911 году начальник Киевского охранного отделения сообщал в Петербург: «Дмитрий Богров состоял сотрудником отделения по группе анархистов-коммунистов под кличкой «Аленский» с конца 1906 г...»

Вряд ли в разгар своей реформаторской деятельности Столыпин, хотя он и был министром внутренних дел, что-то слышал о Богрове. Он должен был узнать о его существовании год спустя, когда «Аленский» сообщил о подготовке покушения на царя.

«Сегодня в Киев из Севастополя приехала Мержеевская и остановилась в доме № 5 по Трехсвятительской улице. Мержеевская рассказала, что отколовшаяся от Центрального Комитета группа соц-рев. командировала из Парижа в Севастополь отряд для совершения террористического акта против государя в день прибытия его в Севастополь. В состав этого отряда вошла будто бы и Мержеевская, которая должна была находиться в числе публики с букетом цветов с вложенной внутри его бомбой, предназначенной для метания в день высочайшего проезда...»

Покушение не состоялось. Богров продолжал сотрудничать, выдавал анархистов, получал сто пятьдесят рублей в месяц «на жизнь», как он скажет потом на допросе:

«В охранное отделение я ходил раза два в неделю и между прочим сообщал сведения о готовящихся преступлениях, как, например, Борисоглебской организации максималистов об экс-

проприации в Киевском политехническом институте, лаборатории в Киеве, на Подоле, по которой была привлечена Р. Михельсон, разъяснил дело Мержеевской, подготовившей покушение на жизнь государя, и много других замыслов анархистов».

От руки этого человека погибнет Столыпин.

Впереди еще целых пять лет.

Охранное отделение было начеку, зная, что на 14 октября максималисты готовят большую экспроприацию. Агент сообщил: это будет налет на кассира, перевозящего деньги из таможни в казначейство.

С охранным отделением (Герасимов) соперничал Департамент полиции (Трусевич). Напомним, полиция завербовала одного из видных максималистов — Рысса, получая от него сведения о намерениях революционеров.

Герасимов, опасаясь двойной игры, добился от Столыпина разрешения проверить эти данные. И оказалось: Трусевича водят за нос. Герасимовский агент вошел в полное доверие к руководителю максималистов Медведю и узнал, что Рысс вступил в сношения с политической полицией с ведома и в интересах максималистов. Медведь намеревался устроить нападение на царский дворец, повторить покушение на Столыпина. Для этого они приобрели два автомобиля и пару породистых рысаков. Теперь нужны были деньги.

Герасимов встречается с Трусевичем, рассказывает о Рыссе. В итоге Герасимов получает право на арест максималистов. Но как? Крупные руководители террористов жили не в Петербурге, а в Финляндии. Для того чтобы их арестовать, требовалось согласие финнов. Это грозило утечкой информации. Поэтому решили допустить экспроприацию 14 октября и брать всех на месте преступления.

Однако на деле вышло не так гладко.

На следующий день в петербургских газетах был напечатан сенсационный материал:

«Экспроприация 368 тыс. рублей. В одиннадцать часов транспорт казенных денег в количестве 600 тысяч рублей выехал из портовой таможни на Гутуевском острове под обычным в последнее время конвоем из семи конных жандармов с ружьями в руках и направился в губернское казначейство, находящееся на Екатерининском канале. Деньги транспортировались в мешках, из которых в одном находилось золотом 3600 рублей, в другом 368 тысяч рублей, в третьем 229 тысяч 400 рублей в процентных бумагах. В карете ехал помощник казначея С. П. Герман в сопровождении двух присяжных счетчиков. Транспорт ехал, как всегда, медленно, почти шагом, и благополучно достиг угла Фонарного переулка и набережной Екате-

рининского канала. Было 11 часов 27 минут дня. У угла дома № 83, где помещается в первом этаже портерная, против будки электрического трансформатора и пешеходного мостика через канал, транспорт неожиданно был окружен сравнительно небольшой толпой человек в пятнадцать молодых людей. Под лошадей был брошен металлический разрывной снаряд вершка в два длины и около трех четвертей в диаметре. В тот же момент последовал страшный взрыв. Одна лошадь с перебитыми передними ногами упала на землю. Карета остановилась. Растерявшийся конвой от неожиданности и испуга отпрянул от транспорта, а взбесившиеся лошади галопом понесли пролетку в противоположную сторону набережной. Лишь унтер-офицер конвоя остался на месте и открыл пальбу, уложив на месте одного из нападавших. Не успел еще затихнуть гул первого взрыва, как вновь раздался страшный грохот второго взрыва, происшедшего, по словам кучера, под каретой и, по словам других, близ ворот следующего по каналу дома № 81. После второго взрыва сидевшие в карете, открыв двери, в страшном испуге бросились бежать, оставив в карете мешки с деньгами, по набережной к Вознесенскому проспекту. Тем временем нападавшие окружили карету со всех сторон, трое из них схватили мешки и бросились бежать враспынную, но по разным направлениям. Остальные злоумышленники выхватили браунинги, открыли беглую стрельбу по поднявшимся и спешившим к месту схватки жандармам. Последние стали отвечать, стреляя из винтовок...»

Прервем репортера газеты «Око», взглянем на схватку с другой стороны.

Полковник Герасимов свидетельствует, что весь наличный состав филеров был мобилизован, однако в толпе, в уличной толчее было невозможно отличить революционеров — «они мундира не носят».

Моросил дождь. Транспорт приближался. Филеры не знали, кого пасти. Один из них стоял в подворотне и переговаривался с неким господином, который через несколько минут бросил бомбу. Если бы рядом с филерами были секретные агенты, знавшие налетчиков в лицо, тогда...

Начался настоящий бой. «Завязалась жаркая и горячая перестрелка. Злоумышленники, захватившие мешок с 368 тысячами рублей кредитными билетами, на бегу успели передать его какой-то даме, очевидно, своей сообщнице, поджидавшей на углу Фонарного и Офицерской, сидя на извозчике.

Результат нападения: дама помчалась на своем извозчике и успела скрыться. Самое нападение, взрывы бомб и перестрелка тянулись не более пяти минут. Швейцар одного из домов на

противоположной набережной Екатерининского канала бросился в пивной склад «Ливония» и оттуда сообщил по телефону в четвертый участок Спасской части. Немедленно к месту схватки в карьер понеслись жандармский дивизион и конно-полицейская стража. Из казарм Лейб-гвардии стрелкового полка, расположенных недалеко от места схватки (Воздвиженский переулок, дом 15), выбежала первая рота. Держа ружье на руку, бегом прошла на набережную канала. Туда же поспешила первая рота городовых.

Злоумышленники, ведшие перестрелку, начали отступать и бросились бежать в разные стороны по обоим берегам канала и почти все скрылись.

Один из них, убегая по Фонарному переулку, на углу Казанской, против ресторана Кипа, случайно обронил бомбу. Последовавшим взрывом были ранены сам убежавший, дворник и случайно проходившая женщина-прислуга. Один из нападавших скрылся в воротах проходного дома № 91 по Катерининскому каналу. Четверо злоумышленников из числа отстреливавшихся добежали до Офицерской улицы, очевидно не желая обратить на себя внимание. Некий прохожий, указывая на них дворнику дома на Офицерской Алексею Харитонову, сказал: «Что смотришь? Это идут скрытые в серых шляпах преступники, только что стрелявшие на набережной». Харитонов бросился к шедшим сзади и нанес одному из них имеющимся у него твердым предметом удар по голове (метлой). Тот обернулся и выхватил револьвер, но не успел выстрелить, так как Харитонов нанес ему второй удар, оглушив его и свалив с ног. Харитонову на помощь бросился его родной брат Михаил и дворник дома № 5, крестьянин Голубев. Они успели сбить с ног остальных трех уголовников, уходивших в это время. К месту схватки явился на помощь своим пятый злоумышленник. Последний на бегу открыл стрельбу из браунинга по дворникам. Один из упавших злоумышленников, придя в себя, также начал стрелять в них. Все три дворника были ранены. Михаил Харитонов получил шесть огнестрельных ран, из которых две в бок очень тяжкие. Сильнее всех пострадал Алексей Харитонов, он ранен смертельно. Сюда, привлеченные стрельбой, поспешили офицер Нейшлотского полка Н., рядовой стрелкового полка и городской Казанской части. Двумя выстрелами из винтовки рядовой уложил на месте одного из злоумышленников, второй был тяжело ранен штыком в лицо и ударом приклада в голову тем же солдатом, третий — шашкой городовым. Один из злоумышленников, преследуемый городовыми и прохожими, бежал по Фонарному переулку, при повороте в Максимилиановский переулок он быстро оборачивается и производит в своего преследо-

вателя, городского, выстрел из револьвера, но неудачно. Он падает под ударом шашки городского. По Мариинской площади бегом мчится в серой шляпе молодой человек. На мосту беглеца окружают городовые. Он бросает пустой револьвер и быстро опускает руку в правый карман. Раздается глухой треск, и он падает, обливаясь кровью, на мостовую. Был ли это случайный выстрел или намеренный, с целью самоубийства, неизвестно. Невредимыми задержаны четыре злоумышленника. Из них один был арестован... У злоумышленника, раненного шашкой в голову городовым, был отнят мешок с золотой монетой на 3600 рублей. Третий похищенный мешок с процентными бумагами преследуемый, выстрелами жандармских солдат будучи смертельно ранен, бросил по дороге...»

Снова прервем репортера. Его непосвященность в полицейские тайны вполне понятна, но и объективность его точки зрения не вызывает сомнения.

Дерзость ограбления поразила многих. Почему такое возможно? Почему гибнут люди? Когда это кончится? Эти вопросы адресовались правительству. Не исключено, что кто-то думал: «Наступает конец». Если бы публика узнала об информированности полиции и о ее бессилии, то подобная мысль только бы усилилась.

Но если взглянуть на случай в Фонарном переулке как на исторический факт, то мы увидим как бы модель жизни — ни одна из сторон не смогла воплотить свой замысел, результат получился никем не предвиденный.

«Несколько человек остались убитыми на месте, — пишет Герасимов. — Несколько человек мы арестовали. Но, в общем, надо признать, что экспроприация удалась максималистам. Тотчас же были налажены обыски по всем известным адресам. Были обнаружены конспиративные квартиры, лаборатории, конюшни с двумя выездами, были захвачены два автомобиля, оба рысака, кучера и шоферы. Автомобили и рысаки поступили в распоряжение Охранного отделения. Ряд людей нам удалось взять на границе...»

Это почти протокол или дневник боевых действий: потери свои, потери противника, трофеи. «По делу о Фонарном переулке 7 человек были приговорены военно-полевым судом к смертной казни».

Мы можем заглянуть и дальше, в крепость, где совершалась казнь. Можем понять, что ощущал русский интеллигент, когда узнавал о казнях молодых людей.

19 октября в «Новом времени» была помещена короткая информация «К вооруженному нападению на транспорт с казенными деньгами»: «...в порядке закона от 19 августа

1906 года преданы военно-полевому суду... Суд признал виновными неизвестного, именовавшего себя Сергеем, Ицко Рабиновича, Евгения Эйхенбаума, Ивана Мишина, Александра Кочеткова, он же Сомов и Розенберг, Ивана Толмачева, Сергея Голубева и Павла Дорофеева и постановил: подвергнуть названных лиц смертной казни через повешение. Что же касается подсудимых Никиты Лебедева, Афанасия Михайлова и Николая Ларишкина... За недостаточностью очевидности направить дело в обычном порядке. Упомянутый приговор приведен в исполнение. 18 октября в четвертом часу утра... на пароходе морского министерства были перевезены в Кронштадт, где за чертой крепости над ними был приведен в исполнение смертный приговор».

Вешали ночью. Последние минуты жизни, море, осенняя сырость, взгляды в темноту, ужас — всего этого нет в «Новом времени».

Зато в другой газете, «Сегодня», от 19 октября, проскользнула заметка «К вооруженному ограблению 14 октября. Как встретили смерть повешенные экспроприаторы». «Повешенные на рассвете позавчера восемь экспроприаторов, идя на виселицу, не только не выказывали какого-либо чувства страха, но, к удивлению очевидцев, громко смеялись, обменивались едкими замечаниями. Ни малейшего содрогания, точно на смерть шли загипнотизированные люди, до последнего мгновения бравировавшие смертью и не искавшие пощады».

На суде неизвестный Сергей дразнил судей, меняя показание. Он не сомневался в смертном приговоре. В газетных отчетах проскочило даже восхищение его мужеством. Высокий, в белой папахе, размахивавший браунингом, кроющий своих товарищей ободряющей бранью, а бедных обывателей — «сволочами», таким предстает этот максималист перед нами.

«Лица большинства — полуинтеллигентны», — добавляет «Око». Что за этими словами? То, что молодые люди не похожи ни на крестьян, ни на студентов? Возможно. Если обратиться к авторитету историка, то увидим более полную картину.

В. О. Ключевский: «Обычные явления в жизни народов, отсталых и почему-либо ускоренно бросившихся вдогонку за передовыми: разрушение старых идеалов и устоев жизни вследствие невозможности сформировать из связанных с вековыми преданиями и привычками новых занятий, сложить новые бытовые основы. А пока не закончится эта работа, несколько поколений будут прозябать и шататься в том межеумочном, сумрачном состоянии, когда мирозерцание поменяется настроением, а нравственность размени-

вается на приличие и этику» (написано в 1909 году. Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 83).

Была своя эстетика в терроре. Убийца генерала Мина Зинаида Коноплянникова всходила на эшафот, читая стихи Пушкина:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Казалось, шла какая-то дерзкая небывалая игра, где не надо было ничего: ни большого ума, ни образования, ни труда — только воля и смелость.

Вспомните «Рассказ о семи повешенных» Леонида Андреева, посвященный Льву Толстому. Фабула проста: готовится покушение на министра, но террористов выдал провокатор, и их приговаривают к смерти. Последние дни перед казнью, прощание с родными, с жизнью, нераскаянность и узость этих людей — все это старательно описывается Андреевым с одной целью: показать душевную красоту революционеров.

Что там министр — «гора вздутого мяса»? Он даже как будто и не человек. Его нечего жалеть. Зато террористы — бесспорные герои, их гибель должна мучить читателей, вызывать протест. Описание трупов ужасно: «с вытянутыми шеями, с безумно вытаращенными глазами, с опухшим синим языком, который, как невидимый ужасный цветок, высовывался среди губ, орошенных кровавой пеной...»

Страшное описание, и, читая его, мы уже не вспоминаем «гору вздутого мяса», расстрелянных дворников, разорванных бомбами людей. Искусство писателя перевернуло картину: жертвы стали виновны, а убийцы кажутся жертвами.

Но прошли годы, улеглись революционные страсти — и все-таки вспоминаем все, как было. Рассказ Андреева становится фальшивым, умозрительным. Ведь дело не в литературном мастерстве, не в том, что страдания одних можно подать впечатляюще, а муки других — затемнить. Дело в старом вопросе Достоевского: все ли дозволено? Каково счастье, купленное ценой «слезинки ребенка»?

Революционных идеалистов такие вопросы не смущали.

Вот, например, идет по киевской улице знакомый Богрова некто « Степа », высокий, плечистый молодой человек, идет на какой-то террористический акт или экспроприацию, в кармане браунинг. Видит: офицер распекает солдата, который

не отдал чести. Какое дело «Степе» до офицера и солдата? Шел бы себе спокойно на убийство или грабеж. Но «Степа» — за справедливость. Поэтому он выхватывает браунинг, и бедный офицер уже лежит на мостовой, обливаясь кровью.

Именно этот «Степа» в августе 1911 года придет к Богрову и заявит, что провокаторская деятельность Богрова безусловно и окончательно установлена и что тот приговорен к смерти, а спастись может только одним способом, «а именно путем совершения какого-либо террористического акта, причем намекал мне, что наиболее желательным актом является убийство начальника охранного отделения Н. Н. Кулябко, но что во время торжеств в августе я имею “богатый выбор”» (цитата из допроса Д. Богрова).

Многие имели «богатый выбор». Много было дозволено, и в атмосфере витала вседозволенность убийства.

Столыпин, защищаясь от революционного террора, должен был найти прочную политическую опору в обществе. Можно было какое-то время скрываться в Зимнем, терпеть взрывы и налеты, допускать отмщение военно-полевых судов. Сколько у него было этого времени? Очевидно, мало. Требовалось вслед за земельной реформой выстроить политическую крепость. Для Столыпина такой крепостью виделась реформа местного самоуправления, закрепляющая для большинства народа (крестьян) их экономическую свободу. То есть, разрушая общину, он создавал ее заново, брал из нее лучшее. Однако законопроект «Об установлении главных начал устройства местного самоуправления», отменявший сословно-дворянский принцип организации местной власти, привел Столыпина к жестокому спору с помещиками. Перед ним встал вопрос: на кого же опереться?

На крестьян? Разумеется, да только зачастую землеустроительные комиссии работают под вооруженной охраной. Деревня сопротивляется реформе. Иногда доходит до стрельбы.

Крах общины

Россия — страна крестьянского землевладения. Только в губерниях, почти по всей черноземной зоне, более половины земли принадлежит им. А прибавьте к этому казенные и удельные земли, которые они арендуют, — получится подавляющая цифра. Такого не встретишь ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции. Вот откуда Столыпин ждет поддержки.

Но пока страна страдает от неурожая, неурожая, не-свободы — поддержки не будет.

Да и вправду, средний урожай на частновладельческих землях на треть выше, чем на крестьянских, а в культурных помещичьих имениях — там просто в несколько раз выше. Избыток российского хлеба для торговли с границей, для прокорма в неурожай поступает с частновладельческой земли. А там, где наибольшая доля крестьянского землевладения, там больше бескормицы и неурожаев, — в губерниях плодороднейших: Казанской, Самарской, Воронежской, Пензенской, Тамбовской.

В октябре 1906 года Столыпин созвал на совещание по аграрному вопросу около пятидесяти весьма авторитетных персон, имеющих отношение к земельному вопросу. Он распределил их по губерниям, куда они были командированы для объяснения целей и задач предстоящих реформ.

Вот как описывал обстановку той поры один из энтузиастов земельной реформы А. А. Кофод:

«В тех частях России, на которые распространялись эти реформы, помещичьи крестьяне составляли абсолютно доминирующую часть крестьянства. При освобождении право этих крестьян на распоряжение землей, наделенной каждой деревне, было подвергнуто некоторым юридическим ограничениям, которые вначале были задуманы как вид гарантии своевременной уплаты процентов и выплаты той суммы, которую государственная казна заплатила помещикам за землю, наделенную данной деревне. Эти ограничения должны были оставаться в силе только до окончания выплат, но позднее, в начале девяностых годов, срок их действия был удлинен на неопределенное время.

Согласно этим установлениям, наделная земля не могла перейти ни к кому, кроме крестьян, не могла быть заложена или отчуждена за долги крестьянина. Даже крестьянин-единоличник не имел права продавать свои наделные участки без разрешения мира, так как их юридическим владельцем была деревня в целом. В случае нужды он мог продать только право пользования на эти участки, не спросив разрешения на это. Крестьянин — член общины даже этого не мог сделать, так как он не имел права наследства на ту землю, которой владел. Он мог только сдавать право на пользование своей доли в общинном землевладении до следующего передела, но время проведения его никто не знал, если только в этой деревне не было традиции устраивать переделы через определенный промежуток времени. Промежуток этот не мог быть, однако, менее 12 лет.

Таким образом, русский крестьянин, несмотря на освобож-

дение, оставался полукрепостным. Правда, он мог податься, куда хотел, но даже если он, его отец и дед жили не в деревне, и хотя он для своего дела в городе остро нуждался в той сумме, что стоила его доля в общем земельном наделе, его экономические интересы запрещали ему все же отступить от этой доли, так как он при тогдашних обстоятельствах не мог освободиться от нее за цену, хоть приблизительно соответствующую той стоимости, которую имела бы та же самая площадь у крестьян, если бы она смогла быть проданной по законно составленной купчей, если бы на нее не распространялись ограничения права пользования и если бы она не была разбросана повсюду мелкими кусочками.

Кроме того, крестьяне частично были подвержены другим судам, нежели остальная часть населения.

Столыпинские аграрные реформы, претворяемые в жизнь умом и волею великого государственного деятеля, имели целью исправить эти несоответствия, а также в целом поднять тот социальный и культурный уровень, на котором находилось в то время русское крестьянство. Все это должно было быть достигнуто с помощью ряда законов, изданных в пятилетие 1906—1910 годов. Крестьянин ставился перед законом наравне с другими классами населения, он освобождался от тех экономических пут, которые привязывали его к месту рождения. Чтобы создать для каждого отдельного хозяйства такие условия, которые в данных обстоятельствах были бы наилучшими для поднятия его продуктивности, крестьянские земли должны были быть развёрстаны, и разверставшимся крестьянам должна была словом и делом оказана помощь в более рациональном ведении их хозяйств. Чтобы найти место как можно большей части избыточного сельского населения, организация, регулирующая крестьянское переселение в Сибирь, состоявшая ранее при Министерстве внутренних дел, была передана Министерству земледелия и при этом значительно расширена. В связи с земельным голодом крестьян деятельность Крестьянского банка тоже развернулась как никогда прежде.

Из этого цикла реформ только уравнение крестьян с другими классами населения было проведено безапелляционно раз и навсегда. Распустить же общину даже сам Столыпин не решился сразу же, да еще по всей стране. Конечно, вера в спасительные свойства общины сильно ослабела в течение последних 25 лет, но для большей части русской интеллигенции община все еще была чем-то специфически русским, чем-то, что защищало от пролетаризации сельского населения. Поэтому только отдельным крестьянам было дано право выходить из

общины с сохранением за ними тех участков земли, которыми они владели в момент выхода. Но сама возможность отмирания общины в будущем, которая возникала при этом, вызвала шторм возмущения в интеллигентских кругах обществённости. Ослабление экономических пут, привязывающих крестьянина к месту рождения, могло поэтому осуществляться только постепенно» (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 85).

Чем скорее перестроит Реформа экономику, тем скорее поддержат ее деревни. А пока — не спешат поддерживать.

От кого еще ждать понимания? От дворян? Они все больше теряли свое влияние. Конкуренция американского зерна на европейском рынке привела к падению цен, только крупные помещики могли выдержать испытание. Задолженность помещиков Дворянскому банку перешла далеко за миллиард рублей. Когда столыпинская политика в расширении крестьянского землевладения и укреплении действительно рентабельных помещичьих хозяйств стала ясной дворянству, Реформатор подвергся новой критике. В. И. Гурко назвал процесс продажи помещичьих земель и скупки их Крестьянским банком самым энергичным осуществлением программы социалистов-революционеров. Довольно скоро стало понятно, что правительственная политика строится в уверенности, что земли, предлагаемые на продажу, будут не уменьшаться, а увеличиваться, то есть помещикам все труднее будет удержаться и уцелеть.

Интеллигенция Столыпина не поддерживала. Гонитель Думы и «твердая рука» не мог вызвать ее симпатий. Усиление государства, подъем патриотизма, что лежало в основе политики реформ, не воспринималось ею.

Достаточно вспомнить Русско-японскую войну. Когда, по словам С. Ю. Витте, японцы «дошли до кульминационного пункта», а русские только «входят в силу», тогда интеллигентское общество в один голос заговорило о мире. Военные воскликнули: «Неужели хоть на полгода времени нельзя вдохнуть в интеллигенцию России чувство патриотизма?!» П. Н. Милюков писал: «Следует помнить, что по необходимости наша любовь к родине принимает иногда неожиданные формы и что ее кажущееся отсутствие на самом деле является у нас наивысшим проявлением подлинно патриотического чувства».

Патриотизм, выходит, — это отсутствие патриотизма? Что ж, когда петербургские курсистки слали японскому ми-

кадо поздравления — это, должно быть, и выражало их любовь к России. К этому надо добавить, что почти половина капитала, вложенного японцами в войну, принадлежала одному из руководителей американского еврейского центра Янкелю Шиффу. (Об этом до сих пор пишут в американских газетах. Например, «Сан-Франциско кроникл» 6 февраля 1990 года.) Об отношении Столыпина к евреям мы еще поговорим, а о Шиффе упоминаем здесь для того, чтобы напомнить, что во всем мире, в Европе и Америке, большинство желало поражения русских.

Русская интеллигенция начала века в основном выработала мировоззрение, непримиримое к русской исторической государственности. Она отрицала религию, национальную идею, монархию. Любовь к отечеству клеймилась как реакционная, она заменялась любовью к «массам», к народу. Патриотические стихи Пушкина «Клеветникам России» назывались «позорными страницами» в творчестве поэта.

Отсюда недалеко до поддержки революции и террора, если не прямой поддержки, то моральной, что еще сильнее.

П. Б. Струве пишет о «глубоко несочувственном отношении» образованного общества, «его глубоко преобладающего либерально настроенного большинства к политике правительства и его главе». В статье «Преступление и наказание» он так определяет производную от интеллигентского мироощущения: «Народился новый тип революционера. Подготавливался он — незаметно для общества, незаметно для каждого из нас — в дореволюционные годы и родился в 1905—1906 гг. «Максимализм» означал слияние «революционера» с «разбойником», освобождение революционной психики от всяких нравственных сдержек. Но «разбойничество» в конце концов есть только средство. Душевный переворот шел глубже абсолютной неразборчивости в средствах. В революцию ворвалась струя прожигания жизни и погони за наслаждениями, сдобренной «сверхчеловеческими» настроениями в стиле опошленного и оподленного Пшибышевского».

Кто же поддерживал Столыпина?

Можно ответить так: все и никто. После взрыва на Аптекарском острове, пресыщения террором и новых смелых законов к Столыпину склонилась народная надежда.

Уже после смерти Петра Аркадьевича в английской газете «Дейли телеграф» появилась статья, в которой говорилось: *«Можно признавать Столыпина П. А. великим государственным деятелем или не признавать, но нельзя отказать ему ни в энергии, ни в смелости. Многие следили за его дея-*

тельностью не только с интересом, но и с искренней симпатией. Был момент, когда он оказался единственным человеком, способным взять на себя трудное дело введения в России конституционного строя...»

Британский журналист, по-видимому, точно ответил на вопрос, кто поддерживал Столыпина.

Но хотелось этого далеко не всем. Вековой уклад крестьянской жизни сдерживал экономическое развитие, но, с другой стороны, поддерживал бедных и слабых, контролировал богатых, обеспечивал полную духовную свободу каждому крестьянину. Не подчиняя его беспощадной экономической машине.

То есть несвобода общины не была абсолютным злом. Она вообще не была злом. Она была иной реальностью, «молекулой» единственной социальной защиты большинства народа. И Столыпин не мог не задумываться о двойственном и даже рискованном характере своей реформаторской деятельности.

Община, хотя и была больной и исторически обреченной, тем не менее была живым организмом.

Как быть с общиной? Этим вопросом были озабочены и на другом фланге. Еще Карл Маркс после долгих раздумий пришел к парадоксальному для себя выводу, что русская крестьянская община не должна быть разрушена, а должна быть трансформирована в базовую ячейку социалистического общества. К этой же мысли был близок и Ленин. А философ Макс Вебер, автор знаменитой «Протестантской этики», исследуя феномен русской революции 1905 года, пришел к выводу, что Россия «опоздала» со строительством капитализма и ей надо идти другим путем (*Кара-Мурза С. Столыпин — отец русской революции. М., 2002*).

По свидетельству современников, Столыпин собрал лучших администраторов. Но насколько их число было велико, дает ответ одна горькая фраза Реформатора, что ему никак не удастся найти 50 дельных чиновников для губернаторских постов.

Как отметил один из крупнейших современных историков, «в течение XIX — начала XX в. Российское самодержавие явилось лидером модернизации, бесспорным проводником экономического, культурного и социального прогресса в стране. Существенные, может быть, наибольшие успехи за всю историю России были достигнуты в два последних царствования, при активном участии верховной власти и ее правительства... Патернализм верховной власти оставался

востребованным со стороны народа в течение всего императорского периода. Слова Петра I из указа от 5 ноября 1723 года звучат актуально и сейчас: *“Наш народ, яко дети, не учения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из нынешних дел...”* (Миронов Б. Н. Социальная история России. В 2 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 227).

Говоря другими словами, определяющую роль в судьбе реформ и самого Реформатора играла правящая элита, те, кто связывал верховную власть и народ. Деятельность Столыпина должна была создать новую связку.

Кровь. На пути к новой Думе

Теперь вернемся к событиям осени 1906 года.

В конце ноября начиналась предвыборная кампания. Было ясно, что на сей раз в ней примут участие все: правые, стоящие за возвращение к неограниченному самодержавию; октябристы, принявшие программу Столыпина; кадеты; левый блок, объединяющий эсеров, социал-демократов и другие социалистические группы.

Если к выборам в Первую Думу правительство Витте относилось пассивно, то сейчас оно должно было вести активную борьбу за голоса избирателей.

Но самое главное — изменилась политическая атмосфера. Правительство Витте никто не защищал, общество единодушно поддерживало революционные перемены; теперь же значительная часть населения повернулась в сторону реформ, против революции.

На фоне этих настроений неожиданно громкое звучание приобрела загадочная история смерти максималиста Якова (Янкеля) Черняка, имевшего отношение к ограблению в Фонарном переулке.

Первый печатный отклик на нее появился в нью-йоркской газете «Вархайт» («Правда»), издающейся на идиш.

«По требованию русского правительства в Швеции был арестован социалист-революционер Черняк. Правительство предоставило какое-то доказательство, что Черняк участвовал в афере на Фонарной улице, и шведское правительство уже готово было выдать его, хотя Черняк, кажется, состоял до последнего времени только членом партии социалистов-революционеров, однако наш центральный комитет поручил представителю партии в интернациональном бюро употребить

всякие усилия, чтобы желание русского правительства не было исполнено. Были заведены все пружины, и в конце концов нашему представителю в интернациональном бюро удалось вырвать в полном смысле этого слова Черняка из лап правительства, и Черняк, к всеобщей радости, отправился на пароходе для отъезда в Англию. Вдруг наш представитель получает телеграмму из Антверпена, что с пароходом прибыл труп Черняка. Оказывается, когда пароход был уже в Антверпене, Черняк был найден в каюте мертвым. Кроме него были там же, в каюте, три трупа посторонних пассажиров. На общественное мнение это тотчас произвело такое впечатление, что Черняк был убит царскими шпионами, а для сокрытия всяких следов они убили еще трех пассажиров, бывших в этой каюте, чтобы они не были свидетелями этого убийства. Впечатление было чрезвычайное.

Об этой истории закипело везде. Через два дня нашли следы, выяснилось, что с ними в каюте был еще один пассажир, который исчез. Доказано еще кое-что, указывающее на то, что исчезнувший пассажир был шпион. Можете себе представить, какой шум это вызвало в прессе и в обществе. Антицаристская газета «Матэн» выступила с явным обвинением против русского правительства и с требованием, чтобы эта ужасная политика была опубликована. Над этой статьей значилось откровенное заглавие: «Рука царя». В Антверпене между тем произошли пышные похороны Черняка. Тело убитого было исследовано. Что именно показало исследование, это пока еще содержится чиновниками в строгой тайне. Покамест удалось лишь осведомиться, что убитые были отравлены ядом углекислого вещества. Предполагают, что шпион опустил в каюту газ из ручного аппарата.

Григорий Гершуни».

Мог начаться мировой скандал. Случайна ли смерть Черняка, или он был убит? В январские дни 1907 года, когда в России шло избрание выборщиков, ответ на этот вопрос приобретал особое значение.

В мемуарах полковника Герасимова «На лезвии с террористами» об этом случае ничего не сказано, хотя в начале года оперативная обстановка в столице была крайне напряженной.

Боевая организация эсеров усилиями Азефа была фактически выведена из строя, но отдельные вспышки террора продолжались. Азеф опасался за свою жизнь, был сильно раздражен и решил отдохнуть за границей. Перед отъездом он сообщил адреса террористической группы, готовившей покушение на Столыпина. Полиция организовала за ней на-

блюдение, но неудачно. Заметив слежку, боевики скрылись в Финляндии.

В Финляндии базировались еще две группы — Карла Трауберга и Зильберберга. За первой числилось убийство генерала Мина и еще несколько других покушений, за второй — организация динамитных лабораторий и подготовка покушения на Столыпина.

По сравнению с этими группами фигура Черняка незначительна.

На 3 января было назначено торжественное освящение нового здания Института экспериментальной медицины, во главе которого стоял член императорского дома принц Петр Ольденбургский. На открытии должны были присутствовать Столыпин и петербургский градоначальник фон-дер-Лауниц. Накануне полиции стало известно, что готовится покушение на Столыпина и оно вот-вот должно произойти. Герасимов немедленно отправился в Зимний дворец предупредить председателя Совета министров. Тот не захотел отменять свое обещание присутствовать на торжестве. Тогда полковник обратился к его жене, и они вместе уговорили Столыпина остаться дома.

А фон-дер-Лауниц не внял предостережению.

3 января в капелле института, на третьем этаже, совершилась торжественная служба. Когда гости стали спускаться по лестнице, молодой человек во фраке трижды выстрелил из маленького браунинга в затылок градоначальнику. Хлопки выстрелов были слабы. Лишь предсмертный крик умирающего всполошил людей. К молодому человеку кинулся полицейский офицер с обнаженной шашкой, размахнулся и ударил. Но мгновением раньше террорист успел выстрелить себе в висок.

Герасимов по горячим следам повел расследование и быстро установил, что на молебне был еще один посторонний. Он ушел до покушения, предварительно перемолвившись с убийцей, взял у швейцара модное пальто, дал щедрые чаевые и уехал в экипаже.

О личности убийцы узнать ничего не удалось. По распоряжению судебных властей его голова с простреленным виском и рубленой раной была заспиртована в стеклянной банке и выставлена для публичного опознания. Безрезультатно. Лишь через несколько месяцев «лучший агент» Герасимова, Азеф, назвал его имя — Евгений Кудрявцев, по кличке Адмирал, бывший член тамбовского комитета партии эсеров, затем член группы Зильберберга. Кудрявцев охотился за фон-дер-Лауницем с 1905 года, когда тот, будучи

тамбовским губернатором, подавил крестьянские бунты. В ответ за ту расправу эсеры приговорили его и двух помощников к смерти. Помощники были застрелены. А Кудрявцев, переодетый сельским священником, явился к губернатору якобы для того, чтобы поблагодарить за подавление мятежа в его деревне. Однако Лауница уже не застал: его перевели в Петербург — что и продлило ему жизнь. Продлило и самому Кудрявцеву.

Столыпин же снова побывал на краю гибели. Попутно отметим, что выстрелы Адмирала оборвали жизнь его противника. Фон-дер-Лауниц был крайне правым, не стеснялся почти открыто критиковать политику Столыпина, считая ее чересчур либеральной, и открыто опекал боевые дружины Союза русского народа.

О Союзе русского народа известно, что это объединение «черносотенцев», врагов революции и, как ни удивительно, врагов и Столыпина.

Определение «черная сотня» фигурировало еще в старых русских летописях и обозначало горожан и сельчан, свободных крестьян, то есть «черных», «земских людей».

Основоположник организованного «черносотенства» В. А. Грингмут писал: «Враги самодержавия называли «черной сотней» простой, черный русский народ, который во время вооруженного бунта 1905 года встал на защиту самодержавного Царя. Почетное ли это название, «черная сотня»? Да, очень почетное. Нижегородская черная сотня, собравшаяся вокруг Минына, спасла Москву и всю Россию от поляков и русских изменников» (*Кожин В.* Россия, век XX (1901—1939). М., 2002. С. 21).

И еще о том же. В. И. Ленин: «В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это — темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий» (*Кожин В.* Указ. соч. С. 21).

Среди черносотенцев было много известных и выдающихся деятелей культуры, науки, церкви: Антоний (Храповицкий), будущий патриарх Тихон, протоиерей Иоанн Кронштадтский, академик-филолог А. И. Соболевский, академик, будущий президент Академии наук В. Л. Комаров, академик-византолог Н. П. Кондаков, художники Константин Маковский и Николай Рерих, профессор медицины С. С. Боткин, поэты Константин Случевский и Михаил Кузмин, знаменитая актриса М. Г. Савина и т.д.

Конечно, это интеллектуальная и духовная вершина «черносотенства». Внизу его были и горячие головы, и боевые организации, стремившиеся на террор слева ответить силой.

Поскольку и петербургский градоначальник, и председатель Совета министров боролись против революции, то внешне могло казаться, что деятельность фон-дер-Лауница совпадает со столыпинской, чего на самом деле не было. Разве мог политик, стремившийся вылечить общество путем реформ, иметь что-то общее с генералом, желавшим уничтожить все выборные учреждения в России? К этой теме мы еще вернемся, когда коснемся вопроса о «национализме» Столыпина.

После гибели Лауница правящую элиту охватил ужас.

2 декабря 1906 года в Петербурге в Летнем саду произошло второе покушение на бывшего московского генерал-губернатора Дубасова, он был легко ранен.

9 декабря в Твери был убит один из лидеров правых в Государственном совете граф А. Игнатъев.

15 декабря в Омске был убит генерал-губернатор Восточной Сибири Литвинов.

27 декабря убит главный военный прокурор Павлов.

Как свидетельствуют историки, Павлов принимал особые меры предосторожности против террористов. Он никуда не выходил из здания военного суда на Мойке, где была и его квартира. Позволял себе прогулки только во внутреннем дворе здания, где был сад. Тем не менее эсеровские боевики нашли сочувствующих среди военных писарей, которые подали сигнал боевику из отряда Карла, бывшему матросу Егорову. Егоров переоделся в мундир секретаря военного суда и с пакетом в руках был пропущен часовыми. Павлов был застрелен.

Сын убитого графа Игнатьева так описал обстановку той поры: «Что ни день, надевай мундир с траурной повязкой и поезжай на панихиду, то по тому, то по другому генералу или сановнику... Теперь же грустные православные песнопения только усиливали мрачное настроение правящих кругов, еще не оправившихся от страха, вызванного революцией» (Прайсман Л. Указ. соч. С. 235).

Чтобы современный читатель сильнее почувствовал уровень страха, можно представить, что в течение месяца

убивают мэра Москвы, генерального прокурора, нескольких губернаторов... Разве не содрогнется после этого вся страна?

А пока угроза новых покушений заставила Герасимова задуматься о том, как обезвредить в Финляндии группу Зильберберга.

Азеф выдал ее расположение — лесная гостиница неподалеку от водопада Иматра, именуемая «Отель для туристов». В этом незаметном деревянном двухэтажном доме жили только террористы. Хозяин по фамилии Спрениус одобрял их борьбу с российским правительством, к тому же неплохо зарабатывал на их деятельности: всегда было полно постояльцев. Он пускал только рекомендованных лиц, а если забредал чужой, то ему отвечали, что свободных номеров нет.

Однажды в январский морозный вечер в гостинице появились юноша и девушка и попросились на ночлег.

Что было делать? Открывать продрогшим лыжникам, измученным блужданием по лесу? Они умоляли пустить переночевать в тепле, а наутро они пойдут дальше. К тому же надвигался снежный буран. Как тут не сжалиться над юными туристами? У швейцара дрогнуло сердце, он уговорил Зильберберга — и комнату, нарушив заведенное правило, предоставили.

Милосердный порыв стоил Зильбербергу жизни. Правда, до последнего мгновения, пока петля не раздавила ему горла, он не узнал, что та славная пара, которую он пожалел, выдала его. Получив комнату, юноша и девушка сразу ушли отдыхать. Наутро за общим столом они завладели всеобщим вниманием, весело рассказывая всякие истории из жизни петербургских студентов. От них веяло безмятежной юностью, не ведающей ни о жестокости, ни о быстротечности жизни. Террористы, сами бывшие студенты, поддались этому обаянию. Они устали друг от друга. Постоянное напряжение неожиданно потребовало разрядки. Случайные гости невольно навевали мысли об ушедших навсегда радостях. Все оживилось, после обеда отправились гулять к водопаду, а вечером пели под гитару. Пара прожила в гостинице трое суток, подружилась с постояльцами настолько, что ее позвали участвовать в стрельбе из револьверов.

Когда пришло время прощания, долгим речам и искренней грусти не было конца. Не хотелось отпускать людей из настоящей жизни, не хотелось снова зауживаться в тесный коридор убийств и самопожертвований. Может быть, многие завидовали уезжающим в столицу...

Вернувшись в Петербург, туристы прямо с вокзала поехали к Герасимову. Это были лучшие его агенты. Он лично их инструктировал и теперь ждал с нетерпением результата. И вот они стояли перед ним. Живые, возбужденные пережитым приключением и ожидающие похвал. Они выполнили задачу прекрасно. Там, где нельзя было ничего добиться лобовым ударом, юные агенты играючи одолели неприступную крепость. Мало того что они смогли назвать всех террористов и дать их приметы, им удалось завербовать швейцара и горничную отеля.

Игра закончилась. Теперь Герасимов мог установить наблюдение за прибывающими из Финляндии поездами и подкарауливать постояльцев «Отеля для туристов». И вскоре его лучшие агенты, дежурившие на вокзале, узнали среди пассажиров Зильберберга и Сулятицкого, того террориста, который готовил убийство Столыпина на торжественном богослужении.

По приговору военного суда оба были повешены 20 июля 1907 года.

Остальным постояльцам удалось уйти. К тому времени, когда полиция получила официальное разрешение произвести аресты в Финляндии, они через финских полицейских уже прознали о грозящей опасности. Официальный путь борьбы с террористами на сей раз оказался недейственным, слишком медленным.

Герасимов, конечно, понимал, что ускользнувшая часть зильберберговской группы вскоре объявится либо новым убийством, либо экспроприацией. И тут выплыла история с Черняком.

Впрочем, были истории поважнее: Герасимову стало известно, что вот-вот будет покушение на царя. Что тут до ускользающего Черняка?

Французская социалистическая газета «Юманите» 1 февраля писала о том, что шведскому правительству нельзя выдавать «воинствующего социалиста Черняка» на расправу царскому правительству Столыпина, ибо это «поразит горем всю Европу».

Указывается на причастность Черняка к делу в Фонарном переулке, которое называется «революционным актом», и при этом журналист обращается прямо к «шведскому народу, благородной нации».

Через несколько дней — снова о Черняке, о применении пыток русским правительством (именно правительством). Затем печатается протест Лиги прав защиты человека и гражданина, адресованный председателю шведского риксдага.

К газетным вырезкам добавляется переписка полицейских чиновников о запросах иностранных корреспондентов, письмо из российского МИДа о справке посланника в Брюсселе, откуда следует: причина смерти на пароходе — испарения от перевозимых в трюме серных спичек.

Но вот другое письмо — прямо к Столыпину: груз спичек, выяснилось, ни при чем, смерть произошла по иной причине.

Из бумаг исходит какая-то неопределенность, словно Петербург не знает, почему в Европе цепко держатся за дело Черняка. Из домашнего дело стало международным.

По-видимому, полиции удалось выманить Черняка из Парижа, но потом он что-то понял и попытался уйти от преследования. Так ли? Социалистические газеты стоят на такой версии.

В похоронах Черняка принимают участие, судя по репортажу, множество социалистов из разных стран.

Газета «Современная речь» 25 января напечатала заметку из Стокгольма о результатах расследования шведской полицией: нет, Черняк умер не от пищевого отравления или угара, а от отравления парами мышьяка или ртути, то есть убит.

Далее российское консульство в Стокгольме сообщает директору Департамента полиции М. И. Трусевичу, что в Стокгольме какой-то шведский инженер выпустил брошюру о причинах смерти «государственного преступника Янкеля Черняка», в которой доказывает, что трагический случай произошел не от злого умысла, а от отравления газом, выделявшимся из большого количества спичек. Всемогущий трест шведских спичечных фабрик не заинтересован в установлении истины, поэтому повлиял на результаты расследования.

Кажется, наметился новый поворот детективного сюжета. Сперва ограбление, выманивание и преследование преступника, затем загадочная гибель, и вот — вмешательство крупного капитала.

Здесь все так запутывается, что уже никогда и никому не раскрыть загадки. Пусть одни обвиняют, а другие оправдывают, темнота не развеется.

Одновременно с делом Черняка жандармское управление установило имя незнакомки, увезшей мешок с деньгами 14 октября — «мещанки Адели Габриелевны Каган; отец и сестра ее Ревекка проживают в Гродно». Адель ускользнула. Соединилось в январе 1907 года — смерть Лауница, спасение Столыпина, финляндская операция Герасимова, смерть Черняка, подготовка цареубийства... Слишком много, слишком круто. Столыпин подписывает письмо в Министерство

юстиции, И. Г. Щегловитову, министру. В письме то, что никто тогда не мог узнать:

«31 января 1907 года.

Совершенно секретно.

В собственные руки.

Милостивый государь Иван Григорьевич!

Имею честь уведомить Ваше высокопревосходительство, что обвинявшийся в ограблении портового казначея Германа 14 октября минувшего года мещанин Янкель Черняк был отравлен на пароходе, на котором он ехал в Лондон после высылки его из пределов Швеции, агентом охранного отделения, коему было поручено наблюдать за Черняком, посредством мелинитового снаряда. Ныне агент Андрей Викторов возвратился в пределы Российской империи, находится в Финляндии. Примите, милостивый государь, уверения в истинном почтении и совершеннейшей преданности».

Вот такой поворот!

До Столыпина дошло дело Черняка, и он должен был поставить в нем точку. Что он думал при этом? Наверняка не мог сочувствовать деятельности несчастного Черняка. Наверняка сочувствовал и жертвам террора. А что еще? То, что цель оправдывает средства?

Все это так. Но главным для Столыпина был результат: его жестокая борьба с террористами, полевые суды стали для революции шоком.

«18 февраля 1907 года.

Министр внутренних дел.

Секретно.

В собственные руки.

Милостивый государь Иван Григорьевич!

Имею честь уведомить Ваше высокопревосходительство, что я со своей стороны не встречаю препятствий к удовлетворению изложенного в письме Вашем ходатайства агента охранного отделения мещанина Андрея Викторова званием гражданства и нахожу возможным выдать ему одновременно 3000 рублей. К изложенному считаю должным присовокупить, что я полагал бы в настоящее время командировать названное лицо за границу в целях ограждения его от покушения революционеров, приговоривших Викторова к смертной казни.

Примите, милостивый государь, уверения в истинном почтении и совершеннейшей преданности.

П. Столыпин».

Андрей Викторов сделал свое дело.

Надо было обеспечить защиту от новых покушений.

Азеф сообщал, что план убийства царя уже разработан во

всех деталях: один из казаков должен подложить адскую машину под кабинет Николая II. Имена и адреса преемников Зильберберга Азеф назвал.

Между тем в январе прошло избрание выборщиков. В Москве и Петербурге кадеты сохранили свои позиции, победили они и в большинстве крупных городов.

Зато губернская Россия их не поддержала. Крестьяне голосовали за тех, кто решительно обещал им землю. (Заметим, Столыпинская реформа еще не могла дать никакого результата.) Настроения землевладельцев качнулись резко вправо. Все смешалось. Одни губернии посылали в Думу эсеров, социал-демократов, трудовиков, а другие — умеренных и правых. Вторая Дума — это Дума полярных противоположностей.

Когда определился общий итог, он поразил. Из 500 мест 216 было за социалистами! Это число левых депутатов не отражало подлинной обстановки: революционная волна схлынула, они не имели реальной поддержки в народе и были избраны крестьянами по инерции, «на всякий случай, авось исхлопочут землю».

Была ли новая Дума работоспособной, никто не брался сказать.

Столыпин предвидел отрицательный результат и был готов распустить ее и, изменив избирательный закон, назначить новые выборы. Он не собирался гибнуть в законодательном тупике.

Но ближайшей опасностью была не рассогласованность российского молодого парламента, а угроза Николаю.

Полковник Герасимов установил необходимое наблюдение, выяснил связи террористов вне царского дворца, но не смог установить их пособников внутри дворца. Каждый день промедления мог закончиться трагически.

Столыпин приказал арестовать всех, кто попал в сферу наблюдения. Было бы очень опасно ждать результатов обычного сбора улики и установления новых связей. Покушение на царя сразу оборвало бы все реформы.

Герасимов же склонялся в интересах розыска не спешить, чтобы потом захватить пошире, никого не упустив. Но все-таки риск был очень большой.

В конце концов решили арестовать немедленно. И тут полиции помог дворцовый комендант Дедюлин. Он позвонил Герасимову и попросил приехать в Царское Село по чрезвычайному делу.

Оказалось, сын начальника дворцовой почтово-телеграфной конторы Владимир Наумов вот уже несколько месяцев агитирует в революционном духе казака конвоя Ратимова, а

теперь стал допытываться, каким образом можно добраться до царя, чтобы его убить. Ратимов обо всех встречах сообщал своему начальнику конвоя князю Трубецкому, тот — начальнику дворцовой команды полковнику Спиридовичу.

Наконец-то Герасимов получил возможность ухватиться за кончик ниточки, ведущей во дворец.

Он срочно встретился с Ратимовым, уговорил его встретиться с террористами в Петербурге.

За казаком следили агенты Спиридовича, за одним из главных террористов Синявским — агенты Герасимова. И эти две цепочки соединились. Теперь было ясно, что данные Азефа были бесспорны.

Ратимов встречался с террористами еще несколько раз, служба Герасимову приманкой и крючком. Казака уговаривали принять активное участие в деле, сулили ему славу героя и добивались от него точного плана дворца и парка со всеми уголками и закоулками, подвалами и погребями.

Ратимов сообщил о легком доступе к комнатам под бельэтажем, где находится кабинет Николая, и другие сведения. Затем из него «выжали» обещание сообщить о времени прибытия в Царское Село великого князя Николая Николаевича и Столыпина и времени их отбытия. Несомненно, оба они тоже были на прицеле.

Телеграммы Ратимова сыграли большую роль на судебном процессе как главные улики обвинения.

Арестовать террористов уже не представляло никакой сложности. Однако неожиданно судебный процесс вызвал немало осложнений.

ЦК партии эсеров выступил в печати с заявлением, что отношения к заговору не имеет и что никому не поручал готовить покушение.

Либеральные адвокаты выдвинули аргумент — «мы имеем тут дело с кружком энтузиастической молодежи, за спиной которой действовали провокаторы, руководимые политической полицией». Лучшие петербургские защитники Маклаков, Муравьев, Соколов, Зарудный доказывали, что дело о цареубийстве раздуто практически из ничего.

Герасимову пришлось выступать на суде. Он слегка заgrimировался, чтобы обезопасить себя от возможных в будущем неприятностей, и доиграл свою роль до конца.

«Сущность моих показаний была совершенно определенная... Тот факт, что Центральный Комитет партии официально отвергает свою причастность к этому делу, абсолютно ничего не значит, ибо, как свидетельствует история, и в прошлом, и в настоящем все революционные организации не останавли-

ваются в интересах своего дела перед ложными заявлениями. Что касается царубийства, то, насколько мне известно, партия социалистов революционеров не только не отказалась от этой преступной мысли, но как раз на ее последней конференции при обсуждении вопроса о необходимости усилить террор эта мысль пользовалась всеобщим сочувствием».

Оправдательных приговоров не было. Три — смертных, пятнадцать — на каторгу.

К этим цифрам ничего не прибавишь. На сей раз невидимое сражение гражданской войны завершилось победой сил государства.

«... Я думаю, что для благоразумного большинства наши внутренние задачи должны были бы быть и ясны, и просты. К сожалению, достигать их, идти к ним приходится между бомбой и браунингом... А там, где аргумент — бомба, там, конечно, естественный ответ — беспощадность кары! И улучшить, смягчить нашу жизнь возможно не уничтожением кары, не облегчением возможности делать зло, а громадной внутренней работой...»

Мы, правительство, мы строим только леса, которые облегчают вам строительство. Противники наши указывают на эти леса, как на возведенное нами безобразное здание, и яростно бросаются рубить их основание. И эти леса неминуемо рухнут и, может быть, задавят и нас под своими развалинами, но пусть, пусть это будет тогда, когда из-за обломков уже видно, по крайней мере в главных очертаниях, здание обновленной, свободной, свободной в лучшем смысле этого слова, свободной от нищеты, от невежества, от бесправия, преданной, как один человек, своему государю, России». (Из речи Столыпина о деле Азефа, произнесенной в Государственной Думе.)

Впрочем, не всегда противостояние власти и общества достигало такого яркого выражения, как в судебном процессе о царубийстве. Чаще оно разделялось на уровне будничном, на «они» и «мы», а между — стена. Поэтому в жестокой борьбе нечего было ждать ни от кого ни снисхождения, ни даже призыва к справедливости. Если от взрыва погибали невинные, то, следовало из либеральных кругов объяснение, не террор тому виной, а слепой случай, а террористы — герои; если же действовали государственные органы, то те же круги всячески стремились их опорочить. Соответственно и полиция руководствовалась жесткими законами войны.

Что должно было выйти в итоге? Кто-то должен был отступить либо погибнуть.

Неустойчивое равновесие

Вторая Дума открылась 2 февраля 1907 года, в будничной обстановке, ничуть не напоминающей открытие Первой. Ее состав тоже изменился. Было меньше депутатов с высшим образованием, больше — с начальным и «полуинтеллигенции». Граф А. А. Бобринский насмешливо назвал ее «Думой народного невежества».

Силы в ней распределялись таким образом, что при равновесии сторон решающая роль центра принадлежала польскому колу, фракции депутатов-поляков, возглавляемому лидером национал-демократов Романом Дмовским («коло» — по-польски «круг»).

Правые и примыкавшие к ним умеренные составляли одну пятую Думы. Кадеты, изменившие свою тактику, с примыкавшими к ним мусульманами — чуть больше. Социалисты — более двух пятых.

Это неустойчивое равновесие было в руках польских депутатов. Для решения общегосударственных вопросов такое возвышение одной национальной фракции было крайне неудобным.

Но самая большая перемена по сравнению с Первой Думой была в фигуре председателя Совета министров. 6 марта в зале Дворянского собрания Столыпин объявил правительственную программу.

Еще никогда, начиная с Великой реформы, перед Россией не стояло таких задач.

«В стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно, и брожения, — сказал Столыпин, — ... отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как, пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут точно установлены».

Столыпин предложил следующие направления деятельности правительства:

Решение земельного вопроса.

Обеспечение свободы личности.

Укрепление начал веротерпимости и свободы совести.

Упразднение административной (внесудебной) высылки.

Введение местного самоуправления, в том числе в Прибалтийском, Западном крае и Царстве Польском.

Передача самоуправлению части государственных доходов.

Преобразование полиции, передача политических дозна-

ний из ведения жандармской полиции следствию, установление точной сферы действия полиции.

Преобразование судов, допущение защиты на предварительном следствии.

Реформа рабочего законодательства, ненаказуемость экономических стачек, государственное страхование рабочих, снижение продолжительности труда, снижение норм малолетним, организация врачебной помощи.

Защита интересов русской торговли и промышленности на Дальнем Востоке, постройка Амурской железной дороги.

Школьная реформа, улучшение материального положения преподавателей, общедоступность, а впоследствии — и обязательность начального образования.

Возрождение армии и флота.

Правительственная декларация показывала, что времена переменялись. Никто не перебивал, как прежде, председателя Совета министров криками «В отставку!». Выслушали молча, по окончании раздалась шумные аплодисменты справа.

Семья Петра Аркадьевича находилась в зале, в ложах для публики, и с облегчением глядела на его удовлетворенное лицо, когда он сходил с трибуны. Может быть, наступала долгожданная пора объединения властей и Думы во имя блага России?

Но нет. На трибуну поднимается молодой грузинский социал-демократ Церетели и снова — резкое неприятие правительства. Его перебивают возгласами:

— Долой! Ложь! У вас руки в крови!

Сталкивались две непримиримые силы. На каждую речь левых ораторов правые отвечали двумя. На трибуне побывало больше двадцати депутатов. Наконец было принято решение прекратить прения, и все повернулись к Столыпину. Что он? Промолчит? Проигнорирует, как Горемыкин? Или даст отповедь?

Мария фон Бок (Столыпина): *«Слушая с бьющимся сердцем ораторов, я не спускала в то же время глаз с папá. Зная и понимая его, насколько это было доступно, я переживала с ним эти горькие минуты и сразу сознала, что не в его характере оставить дело так, что на грубые выпады он ответит и не допустит в такой момент прекращения прений.*

Да. Так и есть. Папá встал и с гордо поднятой головой спокойно взошел на трибуну, и так властно и уверенно раздался его голос, что вся огромная, только что гудевшая и стонавшая от криков зала вдруг замерла.

Никогда еще папá так не говорил. Никогда не были его слова и интонация так выразительны и так полны чувством соб-

ственного достоинства, как этот раз» (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 101).

Что же сказал в своей неожиданной речи Реформатор?

То, что он не имел возможности ее подготовить, что она родилась мгновенно, делает ее очень интересной для нас. В ней — вся столыпинская натура.

«Господа, я не предполагал выступить вторично перед Государственной Думой, но тот оборот, который приняли прения, заставляет меня просить вашего внимания. Я хотел бы установить, что правительство во всех своих действиях, во всех своих заявлениях Государственной Думе будет держаться исключительно строгой законности.

Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна совместная работа, найти тот язык, который был бы нам одинаково понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы. Я им пользоваться не буду.

Возвращаясь к законности. Я должен заявить, что о каждом нарушении ее, о каждом случае, не соответствующем ей, правительство обязано будет громко заявлять: это его долг перед Думой и страной. В настоящее время я утверждаю, что Государственной Думе волею Монарха не дано право выражать правительству недоверие. Это не значит, что правительство бежит от ответственности. Безумием было бы предполагать, что люди, которым вручена была власть во время великого исторического перелома, во время переустройства всех законодательных устройств, чтобы люди, сознающие всю тяжесть возложенной на них задачи, не сознавали тяжести взятой на себя ответственности. Но надо помнить, что в то время, когда в нескольких верстах от столицы, от царской резиденции, волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийский край, когда революционная волна разлилась в Польше и на Кавказе, когда остановилась вся деятельность в южном промышленном районе, когда распространялись крестьянские беспорядки, когда начал царить ужас и террор, правительство должно было отойти и дать дорогу революции, забыть, что власть есть хранительница государственности и целостности русского народа, или действовать и отстоять то, что было ей вверено. Но, господа, принимая второе решение, правительство роковым образом навлекло на себя и обвинение. Ударяя по революции, правительство, несомненно, не могло не задеть частных интересов. В то время правительство задалось одной целью — сохранить те заветы, те устои, начала которых были положены в основу реформ императора Николая II. Борясь исключительно средствами в исключительное время, правительство вело и привело страну во вторую

Думу. Я должен заявить и желал бы, чтобы мое заявление было слышно далеко за стенами этого собрания, что тут, волею монарха, нет ни судей, ни обвиняемых, что эти скамьи (показывает на места министров) — не скамьи подсудимых — это места правительства. (Справа аплодисменты: «Браво! Браво!»)

За наши действия в эту историческую минуту, действия, которые должны вести не ко взаимной борьбе, а к благу нашей Родины, мы точно так же, как и вы, дадим ответ перед историей. Я убежден, что та часть Государственной Думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести тут свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядам правительства. Я скажу более, я скажу, что правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений.

В тех странах, где еще не выработаны определенные правовые нормы, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях. Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы. Но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление; эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли. Все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: «Руки вверх». На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты, может ответить только двумя словами: «Не запугаете». (Бурные аплодисменты справа.)»

Эта речь произвела огромное впечатление в России и за границей. Из первой схватки Столыпин вышел победителем.

Мария фон Бок (Столыпина): «Впечатление... было потрясающее. Что делалось в публике, трудно описать: всем хотелось высказать свой восторг, и со слезами на глазах, с разгоряченными лицами входили к нам в ложу знакомые и незнакомые, пожимая руки мамá».

На следующий день в передовой статье германской газеты «Тэглихе Рундшау» были напечатаны такие строки: «У г. Столыпина нет правительственного большинства, но зато большинство, выступающее против него, распалось в вопросе о тактике. Государственная Дума, по-видимому, решила относиться к г. Столыпину с доверием. Без преувеличения можно сказать, что будущее России покоится на плечах г. Столыпина. Очень возможно, что он и есть тот герой-рыцарь, которого ждет царь для спасения России...»

Думская жизнь потекла дальше, к своему концу, который случился через три месяца.

Для Столыпина наступило время свершений. Он был признан российским лидером, именно он, а не Николай II, что, безусловно, вызывало у императора некоторое смущение, перешедшее в дальнейшем в более неприязненное чувство к премьеру.

Столыпинские речи в Думе — это вехи, по которым можно судить, как развивался отечественный парламентаризм в начале прошлого века.

Следующим поводом для выяснения отношений послужил временный закон о военно-полевых судах. Правительство не внесло его на рассмотрение Думы, и его действие должно было прекратиться само собой 20 апреля. Поэтому обсуждение его понадобилось для критики правительства.

Из речи Столыпина 13 марта 1907 года: *«Мы слышали тут обвинения правительству, мы слышали о том, что у него руки в крови, мы слышали, что для России стыд и позор, что в нашем государстве осуществлены такие меры, как военно-полевые суды. Я понимаю, что хотя эти прения не могут привести к реальному результату, но вся Дума ждет от правительства ответа, прямого и ясного, на вопрос: как правительство относится к продолжению действия в стране закона о военно-полевых судах?»*

...Но, господа, государство должно мыслить иначе, оно должно становиться на другую точку зрения, и в этом отношении мое убеждение неизменно. Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада. Когда дом горит, господа, вы вламываетесь в чужие квартиры, ломаете двери, ломаете окна. Когда человек болен, его организм лечат, отравляя его ядом. Когда на вас нападает убийца, вы его убиваете. Этот порядок признается всеми государствами. Нет законодательства, которое не давало бы права правительству приостанавливать течение закона, когда государственный организм потрясен до корней, которое не давало бы ему полномочия приостанавливать все нормы права. Это, господа, состояние необходимой обороны... Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью государства. Но с этой кафедры был сделан, господа, призыв к моей политической честности, к моей прямоте. Я должен открыто ответить, что такого рода временные меры не могут приобретать постоянного характера; когда они становятся длительными,

то, во-первых, они теряют свою силу, а затем они могут отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом. Временная мера — мера суровая, она должна сломить преступную волну, должна сломить уродливые явления и отойти в вечность...

Я беру документ официальный — избирательную платформу российской социальной (так в тексте. — Авт.) рабочей партии. Я читаю в ней: «Только под натиском широких народных масс, напором народного восстания поколеблется армия, на которую опирается правительство...» Передо мной другой документ: резолюция съезда, бывшего в Таммерфорсе перед началом действия Государственной Думы. В резолюции я читаю: «Съезд решительно высказывается тактики, определяющей задачи Думы как органическую работу в сотрудничестве с правительством...» Затем резолюция окончательная: «Съезд находит необходимым, в виде временной меры, все центральные и местные террористические акты, направленные против агентов власти, имеющие руководящее, административно политическое значение, поставить под непосредственный контроль и руководство центрального комитета. Вместе с тем съезд находит, что партия должна возможно более широко использовать для этого расширения и углубления своего влияния в стране все новые средства и поводы агитации и безостановочно развивать в стране, в целях поддержки, — основные требования широкого народного движения, имеющего перейти во всеобщее восстание».

Господа, я не буду утруждать вашего внимания чтением других, не менее официальных документов. Я задаю себе лишь вопрос о том, вправе ли правительство при таком положении дела сделать демонстративный шаг, не имеющий за собой реальной цены, шаг в сторону формального нарушения закона? Вправе ли правительство перед лицом своих верных слуг, ежеминутно подвергающихся смертельной опасности, сделать главную уступку революции?..»

Столыпин призвал депутатов сказать «слово умиротворения», но был ли он услышан?

Колорит того времени прекрасно передает перехваченное полицией письмо В. Спиридонова, ссыльного из Пинеги Архангельской губернии. Вот оно: «6 марта 1907 года. Любезный товарищ Вася! Здорово живешь ли, хорошо ли, жена здорова ли? Я теперь здоров, умирать не думаю. Теперь жить здесь на много надо. Здесь житье не такое, какое у нас. Драться не приходится. Что ни сделаешь, в тюрьму не садят и не высылают. Здесь ровно в ином государстве. 5 марта, в прошедший день, здесь мы очень большую демонстрацию и митинг устроили на

улице. Это было так. В 4 часа черносотенцы выставили на сани лодку, вывесили три правительственных флага, поставили одну четверть вина и выехали кататься на улицу. Увидав это дело, мы не стерпели. Собрались да флаги у них вырвали, водку разбили и их самих немного побили. Потом пять флагов с разной надписью вывесили на улицу. Нас около 200 человек собралось, населения города и деревень 400—500 человек. Потом прошли по улице. Дойдя до церкви, напротив ее собрали митинг, говорили о современной России. В шесть часов стали благовестить к вечерне. Но так как колокол заглушал наш разговор, мы звонить запретили. Потом после 7 вечера митинг кончился, и тогда только началась служба в церкви. На улицах никто уж не катался. Полиция в это время разбежалась, спряталась. Исправник из города бежал, солдаты местной команды, более 700 человек, — на нашу сторону, так что город в наших руках находится. Что делать, так бывает. А на нашей стороне так ли?

Здесь дают денег на одежду в год 52 рубля. Зимних 30 рублей, летних 22 рубля, кормовых и квартирных 7 рублей 70 копеек. Только зарабатывать негде, город маленький (1000 душ обоего пола, а ссыльных около 300 человек). Только жаль, что семью не взял. Тогда бы я в месяц получал более 25 рублей, кроме одежных. А жить очень хорошо. Только трудно доставать литературу...

Ну как у вас поживают, что думает народ? В случае разгона Думы думают ли поддерживать? А Думу не сегодня, завтра разгонят. А может, разогнали уже. Тимофей Николаевич почему не попал в Думу, зачем его отстранили? Высылки не бойтесь, народное дело не забывайте. Собирайтесь, сговаривайтесь, «плевушками» (револьверами. — Авт.) запасайтесь. Наверное, скоро придется сражаться» (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 103).

Как видим из письма, жизнь революционеров была весьма вольной. И ни о каком примирении с властью речи не было. А вот судьбу Думы угадывали даже из ссылки.

Немало времени Дума затратила на обсуждение бюджета и аграрного вопроса. С программным заявлением выступали все партии. Все стремились оспорить главный политический капитал Реформатора, предлагая чуть ли не молниеносный эффект от своих проектов.

10 мая Столыпин выступил с речью об устройстве быта крестьян и о праве собственности. На предложение левых о национализации земли он отвечал: «Та картина, которая наблюдается теперь в наших сельских обществах, та необходимость подчиняться всем одному способу ведения хозяйства, необходимость постоянного передела, невозможность для хозяина с инициативой применить к временно находящейся в его

пользовании земле свою склонность к определенной отрасли хозяйства, все это распространится на всю Россию. Все и все были сравнены, земля стала бы общей, как воздух и вода... Я полагаю, что земля, которая распределилась бы между гражданами, отчуждалась бы у одних и предоставлялась бы другим местным социал-демократическим присутственным местом, что эта земля получила бы скоро те же свойства, как вода и воздух. Ею бы стали пользоваться, но улучшать ее, прилагать к ней свой труд с тем, чтобы результаты этого труда перешли ж другому лицу, — этого бы никто не стал делать. Вообще стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена... Все будет сравнено, — но нельзя ленивого равнять трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному. Вследствие этого культурный уровень страны понизится...

Надо думать, что при таких условиях совершился бы новый переворот, и человек даровитый, сильный, способный силою восстановил бы свое право на собственность, на результаты своих трудов. Ведь, господа, собственность всегда имела своим основанием силу, за которой стояло и нравственное право».

В этих словах — предостережение и пророчество. Сейчас, когда путь «молниеносных» проектов пройден до конца, с какой горечью мы слышим речь Реформатора! Но, может быть, и с надеждой.

Его речь 10 мая 1907 года стала знаменитой не потому, что в ней изложены социальные и экономические аргументы, а потому, что он — последний защитник империи.

Реформатор вопрошал авторов «молниеносного» проекта: «А эта перекроенная и уравненная Россия, что, стала ли бы она и более могущественной и богатой?»

И отвечал:

«Ведь богатство народа создает и могущество страны. Путем же переделения всей земли государство в своем целом не приобретает ни одного лишнего колоса хлеба. Уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства».

Повторим слова Столыпина: «Богатство народа создает могущество страны».

Это — ключ его реформ. Кто сегодня оспорит его правоту? Она сегодня еще ясней, чем в начале прошлого века. Тогда, казалось, тысячелетняя Россия будет жить вечно, и торопиться, в общем-то, не обязательно.

«Но положим, что эта картина неверна, что краски тут сгущены, — слышали депутаты Думы сильный голос Столыпина. — Кто же, однако, будет возражать против того, что

такое потрясение, такой громадный социальный переворот не отразится, может быть, на самой целостности России. Ведь тут, господа, предлагают разрушение существующей государственности, предлагают нам среди других сильных и крепких народов превратить Россию в развалины для того, чтобы на этих развалинах строить новое, неведомое нам отечество».

Понятна мысль Столыпина?

Он был против насилия, против разрушения ста тридцати тысяч существовавших тогда поместий, среди которых имелись и «очаги культуры»; был против разрушения и крестьянской общины в тех краях, где она была сильна.

То, что предлагал Столыпин, вряд ли можно впрямую применять сегодня, но идея, направление постепенного преобразования, должна быть нам ясна.

«Господа, нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать все государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства, как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на помощь слабейшей его части, может напоминать принципы социализма, но если это принципы социализма, то социализма государственного (разрядка наша. — Авт.), который не раз применялся в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты. У нас принцип этот мог бы осуществиться в том, что государство брало бы на себя уплату части процентов, которые взыскиваются с крестьян за предоставленную землю».

Немного удивительно слышать столь современное толкование применительно к российским условиям (как ныне говорят) социального регулирования. Аристократ и дворянин Столыпин поворачивал круто в будущее.

Его план: государство закупает продаваемые частные земли, затем, давая ссуды через Крестьянский банк, продает в кредит землю крестьянам. Оплату кредита (значительную ее часть) должно взять на себя государство, и крестьянину в результате помогут все слои населения, все налогоплательщики. Это работа без «волшебных средств».

«Пробыв около десяти лет у дела земельного устройства, я пришел к убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на

это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»

Это знаменитое восклицание в конце знаменитой речи обнаруживает не только взгляды оратора, не только твердость его политической линии, но и неустойчивость его положения.

В деловой речи по экономическому вопросу не обязательно бросать вызов оппонентам.

Он не верил, что большинство депутатов поймут его.

К кому же он обращался?

Кажется, что он через десятилетия обращался к нам. Во всяком случае сейчас, в измученной России, его слова звучат куда как современно. Но, конечно, в первую очередь Столыпин обращался не к нам, а к другим людям, другим временам.

Взгляд из-за рубежа

Сегодня принято говорить, что история не имеет сослагательного наклонения и что бессмысленно рассуждать на тему о судьбе России в случае полного осуществления Столыпинских реформ. Допустим, что это так. Но никто не мешает современным исследователям обратиться, например, к работам зарубежных экономистов, с пристальным вниманием наблюдавших за ростом России.

В мае 1913 года французский экономический обозреватель Эдмон Тэри получил от французского правительства задание изучить результаты русских реформ и состояние железных дорог в России. Его работа «Россия в 1914 году» никогда у нас не издавалась в силу понятных причин, ибо ее выводы, бесспорно, свидетельствуют, что перед революцией Россия была сильной, здоровой державой, стремительно рвущейся вперед.

Тэри пишет:

«Возрастание государственной мощи создается тремя факторами экономического порядка: 1) приростом коренного населения, 2) увеличением промышленной и сельскохозяйственной продукции, 3) средствами, которые государство может вложить в народное образование и национальную оборону».

И далее он приводит эти факторы.

Население России с 1902 по 1917 год выросло на 31,7 миллиона человек (22,7%). *«Этот прирост тем более примеча-*

тельный, что в течение предшествующего десятилетия, 1892—1902, он едва достигал 18 600 000 человек, то есть 15,4%».

Производство зерновых выросло на 22,5%, картофеля на 31,6%, сахарной свеклы на 42%. В частности, производство пшеницы выросло на 44,2 миллиона центнеров (37,5%), ячменя на 36,3 миллиона центнеров (62,2%), картофеля на 79,1 миллиона центнеров (31,6%). *«Излишне говорить, что ни один из европейских народов не достигал подобных результатов (выделено нами. — Авт.), и это повышение сельскохозяйственной продукции, — достигнутое без содействия дорогостоящей иностранной рабочей силы, как это имеет место в Аргентине, Бразилии, Соединенных Штатах и Канаде, — не только удовлетворяет растущие потребности населения, численность которого увеличивается каждый год на 2,27%, причем оно питается лучше, чем в прошлом, так как доходы его выше, но и позволило России значительно расширить экспорт и сбалансировать путем вывоза излишков продуктов все новые трудности внешнего порядка».*

Сделав такой вывод, Тэри приводит данные торговли продуктами питания. Они тоже впечатляют. Экспорт составляет 1120,1 миллиона франков (прирост на 93,7%), импорт 207,28 миллиона франков (66,3%), превышение экспорта над импортом 912,9 миллиона франков (103,4%, более чем вдвое!). *«Одна эта таблица объясняет стабильность обмена и постоянное улучшение внешнего кредита (выделено нами. — Авт.) России, ибо средний излишек годового экспорта, который она показывает, достаточно велик, чтобы покрыть тяготы иностранного долга и промышленного дефицита».*

Еще Тэри замечает: аргентинская, американская и канадская пшеница испытывает сильную конкуренцию со стороны российской.

Рост промышленности за десятилетие показан в таких цифрах: каменный уголь — 79,3%, железо и готовая сталь — 53,1%...

«Русские... сами производят свои паровозы, железнодорожное оборудование, военные и торговые суда, все свое вооружение и большое количество скобяных изделий: хозяйственных предметов, земледельческих орудий, труб и т.д.».

Эти миллионы центнеров и десятки процентов роста, однако, не отражают в полном объеме происшедших перемен. И Эдмон Тэри анализирует динамику расходов на народное просвещение и национальную оборону. В 1902 году на просвещение тратилось 99 миллионов франков, в 1912-м — 312 миллионов (прирост 216,2%). Соответственно на оборону: 1210 и 2035 миллионов франков (68,2%).

«Таким образом, российское государство сделало за десятилетний период огромные усилия, чтобы поднять уровень народного просвещения, оно увеличило также в огромных пропорциях свои военные расходы, а широкое использование в экономике бюджетных ассигнований обычного порядка позволяет казне продолжать эти усилия, ибо кредиты, принятые Думой на 1913 бюджетный год, достигли: для народного образования — 366 млн. франков против 312 млн. в 1912 году, военные кредиты — 2312 млн. франков против 2035 в 1912 году».

Главный вывод отчета: «Если у больших европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годами, как они шли между 1900 и 1912, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении» (выделено нами. — Авт.).

Прогноз французского экономиста численности населения к 1948 году (млн. человек):

Россия — 343,9

Германия — 104,6

Австро-Венгрия — 81,9

Англия — 61,9

Италия — 45,3

Франция — 42,3

Европейские страны, вместе взятые, — 336,0.

«Итак, если в течение 36 последующих лет все будет идти так, как между 1900 и 1912 гг., население России в 1948 г. будет выше, чем общее население пяти других больших европейских стран».

Судите сами, насколько сбылся прогноз. Сейчас население России составляет менее 150 миллионов человек.

Были и другие зарубежные исследования, германские, вывод которых полностью совпадал с французским: через десять лет Россию не догнать.

Ликвидация Думы

А между тем Столыпин проживает под усиленной охраной в Зимнем дворце, его дочь Наташа не может ходить даже на костылях, а сам он по-прежнему гуляет либо по залам, либо по крыше дворца. Опасность новых покушений все еще огромна...

В Думе все заметнее происходила поляризация. Кадеты склонялись к сотрудничеству с правительством, стремились сохранить Думу. Социалисты же избрали другую тактику.

Особенно серьезно они относились к работе в армии, свидетельствует полковник Герасимов, возлагали большие надежды на военные восстания.

Неожиданное противостояние возникло во время прений о наборе новобранцев. Социалисты отклоняли проект. Их оратор, социал-демократ из Тбилиси Зурабов, произнес оскорбительную для армии речь. («Армия будет великолепно воевать с нами, и вас, господа, разгонять, и будет всегда терпеть поражения на Востоке».)

В Первой Думе подобная речь депутата Якубзона не привела к бурным спорам. Но во Второй поднялась буря. Министры покинули зал. Председатель Думы Ф. А. Головин стал делать замечания правым. Шум усилился. «Вопрос не исчерпан! Россия оскорблена! Вон его!» — кричали справа.

Объявили перерыв. Депутаты разошлись по фракциям. Говорили, что правительство не позволит безнаказанно оскорблять армию и может распустить Думу.

Что делать? Головин и кадеты готовы исключить Зурабова из заседания. Стали совещаться с остальными — социалисты и польские коло отказались их поддержать.

Заседание возобновилось. Головин говорит, что ознакомился со стенограммой, убедился в недопустимости высказываний Зурабова, лишает его слова и делает ему замечание.

Дума голосует. Большинство правых, кадетов и польского коло предложение председателя принимают. Левые протестуют и покидают зал.

Решающими стали голоса польских депутатов.

Кадеты отмежевались от социалистов. Однако этот поворот не мог обеспечить прочности Думе. Для того чтобы правые и кадеты имели большинство, им еще были нужны голоса польского коло. А надеяться на прочность такой необычной коалиции было нечего. Правда, набор новобранцев на военную службу был одобрен именно этим большинством.

Роспуск Думы был не за горами. «Революция объективно закончилась», — делал вывод П. Б. Струве в «Русской мысли». Социал-демократы тоже признавали, что революционной ситуации больше нет.

Перелом завершился. Самодержавная монархия переходила к парламентской. Надо было продолжать реформы, вести мирную созидательную работу. Но требовалось найти выход из законодательного тупика: Вторая Дума была неработоспособна, а новые выборы по существующему закону о выборах вряд ли могли внести качественные перемены в состав депутатов.

Дальнейшие события показали, что правительство решило действовать без колебаний. Воспользовавшись тем, что думская фракция социал-демократов вела работу среди солдат и вошла в связь с группой солдат различных полков, называвшейся «военной организацией», правительство санкционировало обыск в помещении фракции. Было арестовано несколько членов этой организации.

Столыпин провел совещание с прокурором судебной палаты и министром юстиции Щегловитовым. Решили предъявить Думе требование выдать социал-демократических депутатов для суда, а в случае несогласия Думы — не останавливаться перед ее роспуском.

К этому времени Столыпин уже вел подготовку нового избирательного закона.

1 июня Столыпин явился в Думу и попросил провести закрытое заседание. Он потребовал лишить депутатской неприкосновенности всех членов думской фракции социал-демократов за устройство военного заговора.

Был ли заговор? По-видимому, на вопрос надо ответить отрицательно. Заговора как такового, имеющего конечной целью свержение государственного строя, не было. Был процесс, подтачивающий строй. Были агитация, собрания и т. п.

Требование Столыпина поставило кадетов в сложное положение. Они не могли отрицать подготовку заговора, им хотелось «сберечь» Думу. Однако доказательства заговора, предъявленные прокурором Петербургской судебной палаты, казались не вполне убедительными.

Короткое заявление Столыпина заканчивалось недвусмысленным предупреждением: *«...всякое промедление со стороны Государственной Думы в разрешении предъявленных к ней... требований или удовлетворение их не в полной мере поставило бы правительство в невозможность дальнейшего обеспечения спокойствия и порядка в государстве».*

Он не собирался церемониться. Полковник Герасимов прямо указывает, что Столыпин рассчитывал именно на несогласие Думы.

2 июня было последнее заседание Думы. Дело о заговоре накануне переадресовали в комиссию, а сейчас обсуждали вопрос о местном суде. Левые партии несколько раз призывали депутатов обсуждать «предстоящий государственный переворот», отвергнуть бюджет и все законы, проведенные по 87-й статье, обратиться с воззванием к народу. Большинство каждый раз отвергало эти предложения.

В конце дня зачитали сообщение от комиссии: доклад еще не готов.

На следующий день Дума была распущена и введен новый избирательный закон. Население отнеслось к ее роспуску очень спокойно, не было ни демонстраций, ни попыток организовать забастовки.

Государственный переворот, или Думская монархия

Новый избирательный закон должен был создать совершенно новую ситуацию. По форме своей это был государственный переворот, по духу — наконец-то закон вносил определенность в государственную жизнь, которой не хватало в переломные годы.

«Не выйдем мы из беспорядков и революций до тех пор, не станет всенародно ясно и неоспоримо, — где верховная власть, где та сила, которая при разногласиях наших может сказать: «Roma locuta — causa finita», — потрудитесь все подчиниться, а если не подчинитесь — сотру с лица земли», — так писал тогда Л. Тихомиров.

Другими словами, манифест 3 июня определил, что власть ввиду крайней необходимости не будет ради соблюдения буквы закона позволять разрушать государство.

Изменялся не только избирательный закон, изменялась и державная идея.

Столыпин делал теперь ставку на национальную идею.

Это был еще более глубокий переворот, отступление от имперской идеи, в силу которой все населяющие Россию народы признавались равноценными гражданами единой империи. В манифесте 3 июня провозглашалось: «Государственная Дума должна быть русской и по духу. Иные народности должны иметь в Государственной Думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских». Здесь явно прочитывался намек на решающую роль польского коло во Второй Думе.

Теперь русское население (великороссы, малороссы и белорусы) получало больше возможностей определять государственную политику. Сильно изменился и удельный вес отдельных групп населения. В европейской части страны крестьяне по старому закону избирали 42% выборщиков, землевладельцы — 31, горожане и рабочие — 27%. По новому закону крестьяне избирали 22,5%, землевладельцы — 50,5, горожане и рабочие — 27%, но горожане при этом разделялись на две курии, голосовавшие отдельно, причем первая курия («цензовая») имела больше выборщиков.

Главным результатом закона должно было стать формирование большой группы выборщиков (65%), которые представляли культурные и состоятельные слои населения. Они уже участвовали в земских и городских выборах и были более подготовлены к общественной деятельности. Представительство национальных окраин сокращалось: Польши — с 36 до 12 (и два депутата от русского населения), Кавказа — с 29 до 10, в отношении ряда среднеазиатских губерний признавалось, что они еще «не созрели» для выборов.

Историки единодушно оценивают закон как «реакционный». Действительно, он ограничивал избирательные права многих, и его нельзя назвать шагом к демократии.

Кроме того, национальная государственная идея в такой многонациональной стране, как Россия, где исторически сложилось органичное взаимодействие русских с нерусскими, не могла быть воспринята безоговорочно.

У правительства были иные возможности: объявить чрезвычайное положение, передать власть военным и т.д. Правительство к этим мерам сильно подталкивали не только придворные круги и генералы, даже не столько они. Например, страстные обличения иеромонаха Илиодора: *«Дальше с настоящим кадетским, крамольным, трусливым, малодушным Правительством жить, а тем более мириться нет никакой возможности. Довольно. Сам Обер-Прокурор тем, что поднял гонение на меня, стоящего за исконные Русские начала, доказал, что он изменил Русскому народу... Изменил ему и первый министр Столыпин, считая истинных сынов Родины погромщиками, убийцами, разбойниками и заигрывая с врагами Родины, Церкви и Русского народа!»* (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. с. 113).

Обвинение в адрес Столыпина не случайно, не единично. Оно исходит из крайне правого лагеря, который исповедует как будто одинаковые с ним «национальные принципы».

Из письма Илиодора, однако, видна и пропасть, разделяющая крайне правых и Реформатора. Продолжим цитирование:

«О чем другом, как не об этом также свидетельствует его противное заявление в Государственной Думе, что Правительство будет применять военно-полевые суды в случаях самых дерзновенных убийств. Интересно знать, какие случаи Столыпин считает исключительными, какие убийства считает он дерзновенными? Если прямо говорить, то нужно признать, что Столыпин открыто становится в ряды врагов Русского народа. Напрасно он сказал громкие слова: «Не запугаете!» Стоит только удивляться тому, что и Православные Русские люди по поводу этих слов присылали первому министру сочувственные

телеграммы! Одно недомыслие, и только! Не понимаю просто, как это многие Православные люди не поняли, что слова «не запугаете» есть не чистый, внушительный голос твердой и верной Души, а надтреснутое дребезжание оторвавшейся струны, мелкой души, далеко отстающей от Русского народного самосознания. Если бы Столыпин, действительно, не боялся крамольников, то он не стал бы слушать их безумных, преступных, оскорбительных речей и немедленно сказал бы кому следует, что нужно сказать зазнавшимся и зарвавшимся злодеям: «Вон отсюда!» и вздернуть их на виселицу. Вот тогда бы виднее было бесстрашие первого министра! Более подходящим будет признать, что слова «не запугаете» были сказаны не по адресу крамольников, ибо Столыпину нечего их бояться, так как они своего не тронут, а по адресу черносотенцев, которым Столыпин, действительно, сделал много зла; это зло он начал делать с первых шагов своего премьерства, когда сказал: «А что за Союз Русского Народа, где он находится: я на него внимания не обращаю». И все время он шел по этому преступному, предательскому пути. Но да будет ведомо господину Столыпину, что Русский Православный народ только посмеется над его словами «не запугаете», когда настанет время, а это время наступит скоро и не дозволит ему дурманить Русских граждан какими-то заморскими конституциями и кадетскими бреднями!

Нет, все говорит за то, что настала пора покончить все политические счёты с нынешним Столыпинским министерством и спасти Родину, Церковь и Трон Самодержца великого самому народу!

Дальше полагаться на Правительство преступно!»

Такие взгляды исповедовал не один иеромонах Илиодор, называющий русских людей «гражданами» и поносящий конституцию. Это голос сильный и страстный. Он не принадлежит одиночке. Но на этот призыв Столыпин, конечно, не отозвался. Зато на обращение другого критика он ответил. Критика звали Лев Николаевич Толстой. Как мы уже говорили, он был дружен с Аркадием Дмитриевичем Столыпиным, переписывался с ним; на деятельность Реформатора, впрочем, смотрел очень неодобрительно.

«Нужно теперь для успокоения народа, — писал Толстой Столыпину, — не такие меры, которые увеличили бы количество земли таких или других русских людей, называющихся крестьянами (как смотрят обыкновенно на это дело), а нужно уничтожить вековую, древнюю несправедливость...

Несправедливость состоит в том, что как не может существовать права одного человека владеть другим (рабст-

во), так не может существовать права одного, какого-то бы ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землей как собственностью. Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею».

Похож ли великий писатель в неприятии столыпинских преобразований на иеромонаха Илиодора? Похож! Внешне они разные, но оба стоят на одной и той же позиции. Они верны общинным патриархальным идеалам, которые разрушает Столыпин.

«Вы считаете злом то, что я считаю для России благом, — отвечает Толстому Петр Аркадьевич. — Мне кажется, что отсутствие «собственности» на землю у крестьян создает все наше неустройство.

Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, как то: чувство голода, половое чувство и т.п. и одно из самых сильных чувств этого порядка — чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею.

Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности.

А бедность, по мне, худшее из рабств...

Смешно говорить этим людям о свободе или свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той по крайней мере наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным...» (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 115).

Эти мысли Реформатора уже знакомы нам. Вольно или невольно мы переносим их на последующую историю, на современные споры о частной собственности, забывая при этом о жестокой борьбе, в которой они рождались.

А что касается Льва Николаевича, то он не раз писал Столыпину, и всегда, как вспоминает М. П. фон Бок (Столыпина), «то он упрекал его в излишней строгости, то давал советы, то просил за кого-нибудь. Рассказывая об этих письмах, мой отец лишь руками разводил, говоря, что отказывается понять, как человек, которому была дана прозорливость Толстого, его знания души человеческой и глубокое понимание жизни, как мог этот гений лепетать детски-беспомощные фразы этих якобы «политических» писем. Папа еще прибавлял, до чего ему тяжело не иметь возможности удовлетворить Льва Николаевича, но исполнение его просьб почти всегда должно было повести за собой неминуемое зло».

Огромная сила противостояла Столыпину. В том числе и русская сила.

Окончание его письма Толстому говорит о многом: *«Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий — вероятно, на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину. Как же я буду делать не то, что думаю и сознаю добром? А вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и, главное, греха. Поверьте, что ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем. Сознаю, что все это пишу Вам напрасно, — это и было причиной того, что я Вам не отвечал...*

Простите...

Ваш П. Столыпин» (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 116).

Они были людьми одного круга, одной веры и культуры, одинаково любили Россию.

И что же?

Они стояли по разные стороны.

Новый период, начавшийся манифестом 3 июня, еще больше обострил отношение общества к Столыпину.

Национальная идея не могла быть для империи всеобъемлющей. Зная русскую историю, видимо, можно не тратить особых усилий на доказательства этой мысли. *«Россия больше, чем народ, — писал В. Соловьев, — она есть народ, собравший вокруг себя другие народы...»* Достаточно? *«Дух России — вселенский дух. Национален в России именно ее сверхнационализм... в этом самобытна Россия и не похожа ни на одну страну мира».* Это Н. Бердяев.

Все, достаточно. Только чрезвычайные обстоятельства могли вызвать к жизни национальную идею. Она не могла быть «долгожительницей», ибо противоречила не только имперской, но и объединяющей силе рыночных отношений.

С другой стороны, для российской политической жизни неудивителен и такой вывод: *«Может великорусский марксист принять лозунг национальной, великорусской, культуры? Нет. Такого человека надо поместить среди националистов, а не марксистов. Наше дело — бороться с господствующей черносотенной и буржуазной национальной культурой великороссов, развивая исключительно в интернациональном духе и в теснейшем союзе с рабочими иных стран те зачатки, которые имеются и в нашей истории демократического и рабоче-*

го движения. *Бороться со своими великорусскими помещиками и буржуа, против его «культуры», бороться... а не проповедовать, не допускать лозунга национальной культуры».* Это Ленин, «Критические заметки по национальному вопросу», 1913 год.

Конечно, 1907-й и 1913-й — разные годы. В 1913 году Столыпина уже не было в живых, давно стабилизировалось экономическое положение страны, но здесь дело не в этом, а в отношении к национальному. Столыпин видит в национальном опору, социал-демократия — помеху.

Поэтому в красках национального спектра, где с одной стороны иеромонах Илиодор, с другой — «Критические заметки...», Столыпин занимает особое место. Осуждать его за это было бы странным.

Очень существенным в нашем понимании этой темы может быть свидетельство Аркадия Столыпина, сына Реформатора. Он рассказывает о проекте изменения границ между некоторыми уездами Холмского края и Гродненской губернии с тем, чтобы «окатоличенные и ополяченные» уезды остались в Польше, а «русские» соединились с «общерусской стихией». Для чего это делалось? Кажется, понятно. Для укрепления национальной русской идеи, не так ли? Нет, не совсем так. «Мера эта имела целью установление национально-государственной границы между Россией и Польшей, на случай дарования Царству Польскому автономии».

А полное отделение Польши от империи Столыпин наметил на 1920 год.

Впрочем, Государственная Дума действовала по-иному и, несмотря на возражения правительства, расширила пределы будущей Холмской губернии, включив в ее состав такие местности, где русских было едва ли треть. Об уступке же Польше уездов Гродненщины депутаты не захотели говорить.

Как после этого мы должны национальную идею Столыпина назвать? По-видимому, ее скорее следует назвать государственной.

Как бы там ни было, в результате третьеиюньского переворота в России утвердилась не военная диктатура, не диктатура революционная, а новый строй. Думская монархия. Назад, к неограниченному самодержавию, пути не было.

Что же тогда случилось в русской истории?

Под взрывы бомб и треск перестрелки за короткое время в России произошли огромные перемены — началась европеизация. Это был необычный период успокоения.

Новая российская государственная система просуществовала недолго и осталась во многом неизученной.

Император по-прежнему сохранял исполнительную власть, но в области законодательства и финансовой Дума обладала большими правами. Никакой новый закон, а также отмену старого нельзя было осуществить без согласия обоих законодательных учреждений — Государственной Думы и Государственного совета. Точно такой же порядок существовал и для новых ассигнований, налогов, займов. Если новый бюджет не утверждался, оставался в силе старый.

Государственный совет наполовину назначался императором, наполовину избирался: духовенством — 6 человек, земскими собраниями — 34, дворянскими обществами — 18, академией и университетами — 6, купечеством и промышленниками — 12, съездами землевладельцев Царства Польского — 6, губерниями, где не было земств, — 16.

Общество по сравнению с периодом до 17 октября 1905 года получило новые права.

Изменилось положение печати. Была отменена предварительная цензура, исчезли запретные темы. Арест отдельных номеров газет или журналов мог проводиться только по решению присутствия по делам печати, закрытие органов печати — только по решению суда. Открыто выходили ежедневные оппозиционные газеты, от кадетских до социал-демократических. Даже Ленин и Троцкий, будучи в эмиграции, печатались в российских легальных журналах. Разумеется, не разрешались прямая революционная агитация, призывы к восстанию, богохульство, оскорбление власти.

В новых условиях изменилось и политическое влияние царя. Теперь он не мог быть «своим собственным премьером». Активно работал Совет министров и его председатель. Но взаимоотношения Николая II и Столыпина не были безоблачными. Как свидетельствует С. С. Ольденбург в книге «Царствование Императора Николая II», *«новый порядок вещей во многом не соответствовал Его идеалам, но Государь сознательно остановился на нем в долгом и мучительном искании выхода из трагических противоречий русской жизни»*. За этим признанием угадывается причина охлаждения Николая к Столыпину, последовавшая после стабилизации политической обстановки.

3 июня было последним днем революции. Снова, как и год назад, кадетская партия собралась в Финляндии на экстренный съезд, вынесла резолюцию протеста, но подавляющим большинством отклонила предложение бойкотировать новые выборы.

Партия октябристов («Союз 17 октября»), поддерживавшая Реформатора, заявила: «Мы с грустью должны признать, что возвешенное манифестом 3 июня изменение избирательного закона осуществлено не тем путем, который предусмотрен основными законами, но оценку этого факта считаем преждевременной, а его необходимость — прискорбной». Виноватыми в перевороте октябристы считали левые партии.

П. Б. Струве в «Биржевых ведомостях» упрекал, наоборот, кадетов за то, что они не сумели отмежеваться от левых. А либеральный «Вестник Европы» признавал за государством право отступать в случае необходимости от законодательной нормы.

3 июня стало последним днем революции, потому что отныне не существовало коалиции оппозиционных сил (земства, городские самоуправления, торговцы, промышленники, интеллигенция). Теперь эти силы утратили единство.

Выборы в земские и городские органы самоуправления показали изменение общественных настроений. Еще в 1906 году они давали все более консервативные результаты. Газеты свидетельствовали, что «средний класс» предпочитал Столыпина. В июне, уже после манифеста екатеринославский губернатор А. М. Клингенберг писал: «Два года смуты отрезвили до неузнаваемости большинство капиталистов».

Но было еще одно обстоятельство — сами реформы.

Посмотрите, как думали промышленники перед реформами. В 1905 году в записке петербургских заводчиков и фабрикантов на имя министра финансов В. Н. Коковцова говорилось: «*Промышленность не может процветать там, где народ бедствует*». Это прямая переключка с мыслью Столыпина об основе могущества государства.

Еще одна болячка промышленности — излишняя регламентация ее деятельности. В том же 1905 году железозаводчики писали Витте: «*Проявление частной промышленной инициативы у нас крайне стеснено. Акционерное дело, железнодорожное строительство, земельный, городской и коммерческий кредит — все это в России продукт прави-*

тельственного усмотрения, а не следствие свободно развивающейся народной жизни. После этого неудивительно, что нужды нашей промышленности на различных съездах выливаются почти исключительно в ряд многочисленных ходатайств перед правительством и лишены начал самостоятельности и самопомощи» (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 119).

С этой запиской перекликается мнение уральских промышленников: *«В России нет ни твердо обеспеченного правопорядка, ни гражданской свободы и удовлетворительного законодательства и в этом лежит главная причина тех неурядиц, которые приходится переживать нашей промышленности».*

О чем говорить, если к началу периода реформ действовали, например, такие законы, согласно которым «хозяину дозволялось унимать приказчика мерами домашней строгости».

Появление на исторической сцене Столыпина совпало с осознанием промышленниками своих нужд. Главная нужда — отсутствие правовых основ, удушение самостоятельности. Даже одна отмена Реформатором обязанности крестьян и мещан в случае отлучки из дома получать в полиции «виды на жительство» устранила самое широкое стеснение населению заниматься предпринимательством. Его курс — на инициативу — был понятен всем.

Старая Россия стала обновляться, что привело к выравниванию положения. Более того, во время выборов в Третью Думу, проходивших в сентябре-октябре, лидер кадетской партии П. Н. Милюков выступил в газете «Речь» с резкой критикой крайне левых: *«Всею этой нашей деятельностью мы приобрели право сказать теперь, что, к великому сожалению, у нас и у всей России есть враги слева... Те люди, которые разнуздали низкие инстинкты человеческой природы и дело политической борьбы превратили в дело разрушения, суть наши враги... И мы сами себе враги, если бы по каким бы то ни было соображениям захотим непременно, по выражению известной немецкой сказки, тащить осла на собственной спине».*

Решительно сказано!

Вспомним Первую Думу, где о сотрудничестве с правительством не могло быть и речи, и сравним с нею новых депутатов, избранных на платформе именно сотрудничества, — результат весьма красноречивый.

Из 442 депутатов примерно 300 представляли октябристов и правых. Успех Столыпина, казалось, был полный. На

самом деле это было далеко не так. И вскоре Столыпин убедился в этом.

Но сразу после выборов он был полон надежд, просил Николая принять депутатов, на что тот предусмотрительно возразил, проявив большую дальновидность.

С весны Столыпин уже не жил в Зимнем дворце, где чувствовал себя взаперти, а переехал на Елагин остров, в дом, в котором раньше жил Александр III. Атмосферой прошлого спокойного царствования здесь дышали все постройки в классическом стиле, высокие вековые деревья парка, светлые лужайки. Сам Столыпин часто гулял по парку, а младшие дети лазили по деревьям, откуда их порой приходилось снимать пожарным. По сравнению с крепостью Зимнего это была свобода. Только колючая проволока, вдоль которой ходили часовые и полицейские, предостерегала от иллюзий.

А то, что у Реформатора были иллюзии, — не вызывает сомнений. Первые дни работы Третьей Думы показали, что он неожиданно отстал от перемен.

Октябристы предложили послать правительственный адрес государю императору от имени всей Думы. Казалось бы, вполне рядовой эпизод, и никто не предполагал, что он выльется в большой политический конфликт.

При составлении адреса вспыхнул спор: правые настаивали на включении в текст слова «самодержавие», а кадеты — на упоминании слова «конституция».

Решили организовать согласительную комиссию. Безрезультатно. И вот на общем собрании Думы 13 ноября началась полемика. Все понимали, что обсуждается не текст послания, а важнейший вопрос, какой строй в стране — самодержавный или конституционный.

Выступил А. И. Гучков, лидер октябристов. Смысл его речи — поддержка конституционной точки зрения, хотя формально он возражал против включения самого термина в текст.

Выступили правые, горячо отстаивали идею самодержавия.

Расхождение между правыми и центром обнаружилось все глубже. Спор затянулся до поздней ночи. Разрешился он неожиданной перегруппировкой сил. Кадеты и прогрессисты предложили октябристам голосовать за их текст, если там не будет слова «самодержавие». Правые предложили озаглавить адрес: «Его Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссийскому». Это предложение не прошло. 212 голосов против, 146 — за. В результате адрес был принят

большинством центра и левых. Правые направили царю свой адрес.

Это голосование переворачивало все ожидания Столыпина.

Кадетская «Речь» напечатала, что Дума *«в ночь с 13 на 14 ноября положила грань межееумочному состоянню великой страны, и на 25-м месяце российской конституции объявила, что конституция в России действительно существует».*

«Самодержавие погибло на Руси бесповоротно», — напечатал «Товарищ».

«Первая победа левых — неожиданная и громовая, — отмечал М. О. Меньшиков в «Новом времени». — Взамен неудачной осады власти начнут японский обход ея, — обход как будто совершенно мирный, лояльный, преданный — только повольте связать вас по рукам и ногам!»

В словах публициста слышатся изумление и тревога. Что делать, если взамен революции в государстве объявляется новая сила, антиправительственная и антицаристская? Неужели это начало новой смуты?

Николай тоже был поражен, ведь Дума отвергла его титул, закрепленный в Основных законах.

Неужели из тупика мог быть только один выход? Военная диктатура?

Положение должен был спасать премьер-министр. Крах Думы был бы и крахом его политики, и Россия была бы ввергнута в новый хаос. Столыпин твердо стоял за развитие парламентского направления и не видел возможности избежать сотрудничества с новой Думой. Он встречается с октябристами, доказывает Гучкову, что тот совершает непоправимую ошибку — идет на союз с открытыми противниками власти, чем ослабляет возможность демократических перемен.

Александр Иванович Гучков был колоритнейшим деятелем времен упадка империи. Вот его портрет: выходец из старообрядческой купеческой семьи, любитель военных приключений, дуэлянт, офицер пограничной стражи на строительстве Китайско-Восточной железной дороги, участник Англо-бурской войны, лидер октябристов, сторонник конституционного строя, считавший, что для этого надо сотрудничать с властью, «врастать» в государственный организм без революционных потрясений.

Столыпин поставил перед ним вопрос: хотят ли октябристы, победившие на выборах, действовать под флагом сотрудничества с правительством, или они изменяют страте-

гию? Он мог идти навстречу Думе только до известного предела, не препятствующего реформам.

К тому же оба они, Гучков и Столыпин, понимали, что октябристы голосовали заодно с кадетами в азарте политической схватки, подменяя реальности своими мечтаниями. На самом же деле их путь лежал по центру, ни с левыми, ни с правыми. Неожиданность 13 ноября была порождена иллюзиями.

Иллюзии развеялись, и Столыпин предложил Гучкову отойти от деклараций, вернуться к здравому смыслу, пока волна борьбы не захлестнула партию.

Через три дня Столыпин выступил в Таврическом дворце с правительственным заявлением. Он продолжал путь реформ.

Потом развернулись дебаты, и ему пришлось снова выступить. Но уже было ясно — большинство с ним.

«Нас тут упрекали в том, что правительство желает в настоящее время обратить всю свою деятельность исключительно на репрессии, что оно не желает заняться работой созидательной, что оно не желает подложить фундамент права, — то правовое основание, в котором, несомненно, нуждается в моменты созидания каждое государство и тем более в настоящую историческую минуту Россия. Мне кажется, что мысль правительства иная. Правительство наряду с подавлением революции задалось задачей поднять население до возможности на деле, в действительности воспользоваться дарованными ему благами. Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он остается рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы».

Здесь Столыпину стали аплодировать октябристы и правые, левые молчали.

Он продолжал, повторив мысли, уже высказанные в письме Толстому, и развил их:

«Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земской единицы; он, трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток. Вот тогда только писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, складывается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма».

И снова раздались сильные аплодисменты в центре и справа, крики «браво». Левые молчали.

«Тут говорилось о децентрализации. Представитель Царства Польского говорил о необходимости для правительства, особенно в нынешнюю минуту, черпать силы не в бюрократической централизации, а в том, чтобы привлечь местные силы к самоуправлению с тем, чтобы они заполнили тот пробел, который неизбежно окажется у центральной власти, опирающейся только на бюрократию. Прежде всего скажу, что правительство против этого возражать не будет. Но должен заявить, что та сила самоуправления, на которую будет опираться правительство, должна быть всегда силой национальной... Децентрализация может идти только от избытка сил. Могущественная Англия, конечно, дает всем составным частям своего государства весьма широкие права, но это от избытка сил; если же этой децентрализации требуют от нас в минуту слабости, когда ее хотят вырвать и вырвать вместе с такими корнями, которые должны связывать всю империю, вместе с теми нитями, которые должны скрепить центр с окраинами, тогда, конечно, правительство ответит: нет!»

Аплодисменты стали раздаваться очень часто. Было ясно, что Столыпин окончательно вернул себе поддержку большинства. Кризис миновал.

«Я хочу еще сказать, что все те реформы, все то, что только что правительство предложило вашему вниманию, — ведь это не сочинено, мы ничего насильно, механически не хотим внедрять в народное сознание, — все это глубоко национально. Как в России до Петра Великого, так и в послепетровской России местные силы всегда несли служебные государственные повинности. Ведь сословия и те никогда не брали примера с Запада, не боролись с центральной властью, а всегда служили ее целям. Поэтому наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в этих русских национальных началах. Каковы они? В развитии земщины, в развитии, конечно, самоуправления, передачи ему части государственных обязанностей, государственного тягла — и в создании на низах крепких людей земли, которые были бы связаны с государственной властью. Вот наш идеал местного самоуправления, так же как наш идеал наверху — это развитие дарованного государем стране законодательного, нового представительного строя, который должен придать новую силу и новый блеск царской верховной власти... Правительство должно избегать лишних слов, но есть слова, выражающие чувства, от которых в течение столетий усиленно бились сердца русских людей. Эти чувства, эти слова

должны быть запечатлены в мыслях и отражаться в делах правителей. Слова эти: неуклонная приверженность к русским историческим началам. Это противовес беспочвенному социализму, это желание, это страстное желание и обновить, и просветить, и возвеличить Родину, в противовес тем людям, которые хотят ее распада. Это, наконец, преданность не на жизнь, а на смерть царю, олицетворяющему Россию! Вот, господа, все, что я хотел сказать. Сказал, что думал и как умел».

По сути, 16 ноября депутаты слышали больше, чем полагалось. Столыпин во втором выступлении говорил уже не как премьер-министр, а как человек, осознающий свое положение последнего защитника империи, как последний римлянин.

В этой открытости были и сила его, и слабость. Он был чересчур героичен для политика капиталистической эпохи.

И буквально на следующий день в Думе случилось событие, вынудившее Столыпина забыть, что он глава правительства, отец шестерых детей, и послать вызов на дуэль.

День начался спокойно. Выступивший первым кадетский лидер П. Н. Милюков старался досадить правительству, но сбивался на мелочи, забывая главное — правительственную декларацию. Потом выступали Сагателян, Пуришкевич — и все было скучно, уже известно. Но вот вышел депутат Родичев.

О том, что случилось потом, было напечатано в газете «Новое время»:

«После небольшого перерыва на трибуну поднялся г. Родичев. Он начал с повторений доводов г. Маклакова, перешел на гражданские мотивы о патриотизме, национализме и заканчивал защитой польских интересов. Слова оратора: «Мы, любящие свое отечество... Мы, защищающие порядок...» — вызвали смех на скамьях крайней правой, и оттуда в ответ часто слышались напоминания о выборгском воззвании. Выкрики с мест, не прекращающиеся, несмотря на неоднократные замечания председателя, видимо, еще сильнее взвинчивали г. Родичева; он становился все более и более резким, теряя самообладание, злоупотреблял жестикуляцией — и, не находя подходящих выражений, выбрасывал неудачные афоризмы.

Когда г. Родичев, вспоминая выражение Пуришкевича о «муравьевском воротнике», сказал, что потомки его назовут это «столыпинским галстуком», зал в одно мгновение преобразился. Казалось, что по скамьям прошел электрический ток. Депутаты бежали со своих мест, кричали, стучали пюпитрами; возгласы и выражения негодования сливались в невероят-

ный шум, за которым почти не слышно было ни отдельных голосов, ни звонка председателя. Полукруг перед трибуной мгновенно наполнился депутатами, а сидевшие позади оказались в первых рядах.

— Долой, вон, долой!

— Не расстались со своим Выборгом! Выгнать его немедленно вон!..

— Нечестно, подло!.. Вы оскорбили представителя Государя...

— Мерзко, недостойно члена Думы, недостойно высокого собрания...

Крики неслись со всех сторон. Октябристы, умеренные, правые — все столпились около трибуны, к которой тянулись десятки рук, и казалось, что зарвавшегося, забывшегося г. Родичева моментально силою стащат с трибуны. Несколько человек уже стояло за пюпитрами секретарей, а г. Пуришкевич порывался бросить в г. Родичева стаканом.

Н. А. Хомяков начал было звонить, но, когда увидел, до какой степени разгорелись страсти, покинул трибуну и прервал заседание. За председателем удалились и остальные члены президиума.

Взволнованный, бледный П. А. Столыпин при первых же криках встал со своего места и, окруженный министрами, вышел из зала почти одновременно с Н. А. Хомяковым. За председателем Совета министров тотчас же поспешило несколько депутатов. Родичев все еще стоял на трибуне, краснел, бледнел, пробовал что-то говорить и затем будто замер, видя, что его выходкой возмущена почти вся Дума, за исключением, может быть, небольшой кучки лиц.

Наконец сквозь ряды депутатов к кафедре протискивается высокий старик, кадет г. Покровский, и прикрывает руками г. Родичева, который при несмолкавших криках: «вон», «долой», «вон» — спускается к своему месту и затем, окруженный кадетами, выходит в Екатерининский зал.

Едва трибуна освободилась, на нее вбегает г. Крупенский, стучит кулаками и переругивается с левыми. Г. Шульгин старается увести не в меру разгорячившегося депутата.

— По фракциям, по фракциям! — раздаются возгласы, и депутаты с шумом покидают зал.

— Два года не дают работать...

— Оставались бы себе в Выборге, коли не отучились ругаться...

— С первых шагов снова делают скандалы...

Это все больше голоса крестьян, которые более всех других

были взволнованы и удручены скандальной выходкой и сыпали по адресу кадетов весьма нелестные замечания.

Сами кадеты только разводили руками и почти не находили оправданий для непонятного выступления своего лидера... Он не обобщал, а говорил лишь о потомках г. Пуришкевича, — только и могли сказать кадеты, видимо, крайне недовольные скандальным инцидентом.

Во время перерыва правые, умеренные и октябристы в своих фракционных заседаниях приходят к одинаковому решению: применить высшую меру наказания и исключить Родичева на пятнадцать заседаний.

Н. А. Хомяков, не желая допустить никаких прений, предвосхитил это; и Дума громадным большинством против 96 голосов левых, поляков и кадетов исключает г. Родичева на 15 заседаний.

Н. А. Хомяков перед этим с большим достоинством напоминает, что в руках депутатов священный сосуд, неприкосновенность которого каждый должен хранить, как самого себя.

Г. Родичев в большом смущении произносит свои извинения и просит верить в их искренность. Позднее раскаяние хотя и смягчает вину, но прискорбного, непозволительного факта не изменит. Если его и могло что сгладить, то разве те бурные овации, которые Дума под конец устраивает П. А. Столыпину, остававшемуся на своем месте до конца заседания.

Выходка г. Родичева произвела на всех депутатов тягостное впечатление.

— К чему это? Чем это объяснить? — спрашивали со всех сторон.

— Какое недостойное, возмутительное оскорбление!..

Депутаты волновались, не могли скрыть негодования, не находили оправданий, разводили руками и пеняли, главное, на то, что снова Думе ставятся препятствия при первых ее шагах.

— И зачем только все это говорят? — недоумевали крестьяне. Затем г. Индюков и г. Пуришкевич по целому часу говорили — что, от этого, мужицкий хлеб станет белее, что ли? Школы сами настроятся, разбои и грабежи прекратятся?..

— Они хотят в Думу эти пожары перенести...

— Много ли на пятнадцать заседаний!.. Я бы для острастки на всю сессию исключил, — разошелся какой-то депутат, недовольный, что в наказе нет высшей меры наказания.

Во время перерыва стало известно, что председатель Совета министров, взволнованный неожиданным оскорблением, потребовал от г. Родичева удовлетворения.

В комнату председателя Думы Н. А. Хомякова явились двое

министров, г. Харитонов и г. Кауфман, и просили передать об этом г. Родичеву, который и не заставил себя ждать. Извинение происходило в присутствии министров, Н. А. Хомякова и саратовского депутата Н. Н. Львова.

Г. Родичев признавался, что он совершенно не имел в виду оскорбить главу кабинета, что он искренне раскаивается в своих выражениях, которые не так были поняты, и просит его извинить.

— Я вас прощаю, — сказал П. А. Столыпин, и объяснение было окончено.

П. А. Столыпин, как передают, был при этом крайне взволнован, а г. Родичев казался совершенно подавленным.

Известие о том, что председатель Совета министров принял извинение, быстро облетело залы и внесло первое успокоение» (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. с. 128).

К этому эпизоду старшая дочь Столыпина добавляет, что отец не подал Родичеву руки и смерил его презрительным взглядом с головы до ног. Может быть, при этом вспомнил о том, что на дуэли в юности был убит его старший брат, или о пятигорской дуэли? Хотя вряд ли. Он знал, что Родичев понимает, что говорит неправду о «столыпинских галстуках», что это клевета в интересах партийной борьбы. Для Столыпина такое двоедушие было нестерпимым.

Но если бесстрастно посмотреть на случившееся, то бросится в глаза безрассудство, с которым Реформатор отнесся к выпад Родичева. Оно по-человечески объяснимо и выдаст его с головой.

История впоследствии проштемпелевала эти «галстуки», занесла их в наши школьные учебники. Точно так же, как и вагоны, созданные специально для удобного переселения крестьян из Европейской России в Сибирь, после, в 20—30-е годы, использовались для перевозки заключенных и тоже были историей соответственно перекрашены в «столыпинские», в тюремные. (А. И. Солженицын, с большим уважением относящийся к Реформатору, упоминает об этом в «Архипелаге ГУЛАГ».)

Итак, в результате бурных заседаний Дума повернула к мирной работе.

Хотя крайне правые (Союз русского народа) и левые смыкались в желании противостоять правительству, думское большинство твердо поддерживало его. Настроение большинства ярко выразилось при выборе комиссии Государственной обороны. Несмотря на предварительную договоренность о пропорциональных выборах, октябристы и правые заблокировали социал-демократов, трудовиков, поляков, ка-

детов, считая, что им опасно доверять военные тайны. Во главе комиссии встал Гучков.

Не надо думать, что Дума сделалась совсем послушной правительству. Нет, она очень требовательно относилась к своим обязанностям, а при обсуждениях бюджетных вопросов многие ведомства испытывали настоящий страх, ибо Дума могла сократить и штаты, и финансирование. Правда, на просвещение она обратила пристальное внимание, приняв расходы на народные школы в восемь миллионов рублей. (Вспомним отчет француза Эдмона Тэри.)

В одном очень важном вопросе об управлении армией Гучков неожиданно выступил с резкой критикой того, что некоторые высшие военные учреждения возглавляют лица, «безответственные по своему положению», имея в виду великих князей и особенно — председателя Совета государственной обороны Николая Николаевича. Казалось, это был выпад и против премьер-министра, но это — только на первый взгляд. На самом деле такая критика отвечала интересам правительства, стремившегося избавиться от ненужного вмешательства властолюбивого царского дяди. Правительство и Дума были заодно. (Через три года после смерти Столыпина Россия будет ввергнута в войну, и роль великого князя Николая Николаевича в этом огромна. К теме «Реформатор и война» мы еще вернемся.)

Слова Столыпина: «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» — являются ключевыми в понимании его политики.

Прозвучавшую в речи Гучкова фразу о безответственности надо рассматривать как оппозицию Столыпина придворным кругам.

Другими словами, оппозиция самому императору? И это тогда, когда председатель Совета министров искренне называет историческую идею самодержавия бесспорной?

Нет ли здесь противоречия?

Противоречие налицо.

Можно ли здесь найти закономерность?

Безусловно.

И противоречия, и закономерности сопутствуют курсу Столыпина. Он балансирует между двумя силами, сохраняя равновесие государственного корабля. Он против парламентаризма; как только Милюков во время прений о ревизии железных дорог потребовал создания «парламентской следственной комиссии», Столыпин резко оспорил это. Он опасался парламентаризма, который при неопытности партий-

ных фракций в Думе и оппозиционности интеллигенции вряд ли был бы созидательным фактором. Одновременно с этим он считал: неограниченное самодержавие приведет страну к застою.

Парадокс: «третий путь» хорошо выражен в докладе на съезде объединенного дворянства (1909 год) В. И. Гурко. По его мнению, правительство энергично осуществляет социал-демократическую программу, ведущую к изгнанию из деревни помещиков и тем самым — к экономической ликвидации тех слоев населения, на которые оно политически опиралось при выборах в Думу по закону 3 июня.

Но парадокс нетрудно объяснить эволюционностью «третьего пути», стремлением избежать революционных потрясений.

* * *

Россия изменилась. И громко звучали голоса против «самобытного, особого пути России», под которым подразумевается, увы, застой и который был идейно близок самому Петру Аркадьевичу. Особенно озабочены были промышленные круги, видевшие в правительственной политике перекокс в сторону сельского хозяйства.

Приведем несколько цитат из докладов и отчетов Союза промышленных и торговых предприятий России (по книге Л. Шепелева «Царизм и буржуазия в 1904—1914 гг.»):

«В нашей... прессе даже из-под перьев заправских экономистов и мыслящих людей то и дело выдвигается гонение против всего того, что связано с развитием, доходностью и поддержкой нашей обрабатывающей, горной и даже мелкой промышленности. А слово «промышленник» по «крепостнической традиции» сделалось синонимом слов «мошенник», «кровопийца», «эксплуататор» и прочих не менее лестных определений. Такая практика вошла в плоть и кровь нашего общественно-го мнения».

«Мировой опыт поучает нас, что интенсивное сельское хозяйство возможно лишь тогда, когда в стране достаточно сильно развиты промышленность и торговля, и наоборот, не может быть и речи о здоровом развитии промышленности и торговли там, где нет устойчивого сельского хозяйства».

«Когда мир будет знать, что у России кроме планов восстановления военного флота, реорганизации армии, сооружения стратегических железных дорог, ассигнований на продовольственную помощь населению, введения новых налогов и т.д. имеются еще разумные планы к развитию производительных сил

страны, к подъему ее богатства, — тогда кредит России подыметься настолько высоко, что на все ее насущные нужды найдутся капиталы на выгодных условиях. Без плана подъема производительных сил страны Россия всегда будет казаться своим кредиторам неосмотрительным и ненадежным должником, а поэтому кредит ее будет ничтожен по размерам и тяжел по своей дороговизне».

«Нельзя забывать, что помощь одному, хотя бы и слабому, ставит в неравные условия соперничества другого, что понятием исключительных мер извращается здоровое развитие народного производства».

«Железные и водные пути, кредит, забота о кооперации — вот с чего надо начать экономическое оздоровление России. Производительные займы за границей — вот единственное оружие подъема экономической силы нашего отечества».

«...Для страны выгоднее ввозить средства для производства, чем его результаты, т. е. выгоднее допустить капиталы, чем иностранные фабриканты».

«Несомненно, переобременение налоговой тяготы многих отделов народной деятельности является причиной того, что население не может накопить средств, которые неизбежно необходимы ему как первоначальная основа поступательного движения».

«...Отечественная фабрично-заводская промышленность не нуждается в государственных ассигнованиях. Она сама по себе проложит путь, если только государственная власть не будет ее подавлять».

«...Имевшимся до сих пор прямым и косвенным препятствием иностранной — впрочем, не только иностранной — предприимчивости и инициативе в деле расширения нашей железнодорожной сети, усиления эксплуатации недр и оживления всей промышленной деятельности страны будет положен предел вопреки всем воплям о мнимой распродаже России».

«Необходимо в интересах экономического преуспевания страны не подчинять экономику политике».

«...Отуземить иностранный капитал, заставить его выполнять русскую службу».

«...Развиваться, богатеть, можно будет выкупить малопомалу из рук иностранцев отечественные предприятия».

«Самобытные экономисты забили тревогу и объявили отечество в опасности ввиду грозящего ему нашествия... Пущен в ход весь арсенал подобающих случаю страшных слов вроде закабаленного потребителя, кандалов на Россию, алчности синдикатов, вплоть до хищного и властного международного капитала, открыто идущего к бескровному завоеванию России».

«Заграничный капитал, выводя нас из состояния данников иноземной промышленности, в конечном итоге способствует возникновению национального капитала».

«Нельзя забывать, что Россия — как это ни странно для тех, кто привык верить, что в России все скуплено, все присвоено иностранцами, — принадлежит как раз к числу тех стран, куда капитал идет крайне неохотно, притекая крайне медленным темпом. Причинами этого являются... архаичность многих наших законов, недостатки нашего торгового законодательства и, сказал бы я, отсутствие уверенности в существовании твердой экономической политики» (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 130).

Во всех этих цитатах — неизвестная нам картина промышленного развития России. Оставим в стороне напрашивающиеся параллели с нашим сегодня, в истории Столыпина таких параллелей возникает множество. Дело не в «распродаже России», не в засилье иностранного капитала, которого, кстати, было в акционерных компаниях к 1914 году всего 16% по отношению к русским капиталам, дело в конце концов даже не в преодолении государственной сверхцентрализации, что является основой преобразования той поры.

Главное — результат. Вспомните имена первых русских авиаторов, первые аэроклубы (Николай II становится покровителем Петербургского), всероссийские праздники воздухоплавания. Россия — взлетела.

«Русские летуны народились на свет без году неделя, — отмечали «Биржевые ведомости», — однако уже представляют разные типы. Во-первых, офицеры. У них все под руками: военная команда и прекрасные аэропланы... Во-вторых, авиаторы из высшего круга. Они приобретают аэропланы на собственные деньги. В-третьих, авиаторы из разночинцев, интеллигентского класса, но бедные — Попов, Лебедев. А еще выходят из народа самородки, как Ефимов».

Русские летуны, моряки, инженеры — сколько их вдруг открылось в начале века.

16 января 1908 года состоялось собрание учредителей Императорского Всероссийского аэроклуба.

22 апреля — первый полет на планере собственной конструкции совершил А. В. Шмаков в Тбилиси.

Декабрь — журнал «Спорт и наука» с авиационным разделом стал издавать Одесский аэроклуб.

И в следующем году — журнал «Аэро и автомобильная

жизнь», воздухоплавательные кружки и клубы, полеты, начало работы первого в России самолетостроительного завода акционерного общества «Первое Российское товарищество воздухоплавания С. С. Шетинина и К^о», строительство И. И. Сикорским первого вертолета...

Вспомним Уточкина, Ефимова, Славороссова, Ткачева, Арцеулова...

Кажется, совсем мало общего у авиаторов и Столыпина. Разве что участие Реформатора в первых показательных полетах вместе с капитаном Л. М. Мациевичем? На этот счет вполне уместно замечание тогдашнего репортера о качествах, необходимых летчику: «К счастью, славянская раса, отличающаяся смелостью самой беспечною, дает к этому превосходный материал: хотя именно эта беспечность и удаль очень часто идут в ущерб холодной осмотрительности, столь необходимой для воздухоплавания».

Смелость Столыпина проявилась не только в полете с Комендантского поля на «летающей этажерке», но еще и в том, что он знал от полковника Герасимова о возможности покушения со стороны эсера Л. М. Мациевича. Несмотря на серьезность предупреждения, Столыпин полетел.

Летун отпущен на свободу.
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи.

Его винты поют, как струны...
Смотри: недогнувший пилот
К слепому солнцу над трибуной
Стремит свой винтовой полет...

Александр Блок написал это стихотворение после гибели летчика на Комендантском поле.

И зверь с умолкшими винтами
Повис пугающим углом...
Ищи отцветшими глазами
Опоры в воздухе... пустом!

Столыпин ответил Герасимову, что не верит, будто офицер способен на преступление. Ничего страшного не произошло. Через два дня Мациевич разбился, выпав из самолета. Официальное заключение комиссии так объяснило причины трагедии: лопнула диагональная растяжка, проволока попала в пропеллер, порвались растяжки, аэроплан резко качнулся вперед и летчик вывалился наружу. Версия полиции иная — вынужденное самоубийство в результате

приговора эсеров. Впрочем, прямых доказательств, естественно, нет.

Хоронил летчика весь Петербург. Люди как будто предчувствовали наступление нового трагического времени.

Погиб герой. Его смерть не могла остановить развития прогресса. Впереди были новые потери, новые подвиги, новые достижения. Мало кто знал, что Россия уже набирала мировую высоту. Не знали, а чувствовали, скорбя об утрате.

«Когда страна находится на том уровне развития знаний и предприимчивости, каков наблюдается в настоящее время в России, нет уже более никакой надобности в импорте чужих знаний, навыков и энергии», — написал журнал «Промышленность и торговля».

Поэтому Столыпин, переживший инцидент на Аптекарском острове, не мог отказаться от возможности лететь с капитаном Мациевичем. С каким бы ужасом потом ни смотрела на него семья и какие бы упреки ни раздавались из уст его жены Ольги Борисовны, он шел навстречу опасности.

Империя под прицелом

Однако вернемся в 1907 год.

Перелом русской жизни касался не только внутренних дел. Хотя внешняя политика в думские годы отошла на второй план, в ней происходили большие перемены. До сих пор Россия соперничала с Англией везде, придерживалась терпимых отношений с Австро-Венгрией, имела союзный договор с Францией и добрые отношения с Германией.

Через несколько лет все перемещается в европейском доме. Англия пригасит очаги напряжения с Россией и Францией и определит для себя новые ориентиры. Создание нового типа броненосцев обесценивало старые дредноуты, подрывало морское преимущество Лондона. А Германия, недавно начавшая строить флот, имела большие возможности бороться за морское первенство с «владычицей морей». Прогресс подарил армиям скорострельные пушки, пулеметы, аэропланы. Дал шанс тем, кто не успел в прошлом веке перекроить границы мира.

Со времен покорения генералом Черняевым Кокандского ханства соперничество России и Англии ощущалось повседневно. В Китае, Маньчжурии, Персии, Афганистане, Турции — всюду Россия наталкивалась на английские интересы. Англичане поддерживали японцев в войне с Россией.

Великий стратег Бисмарк давно говорил, что Индию не

См. документ 1

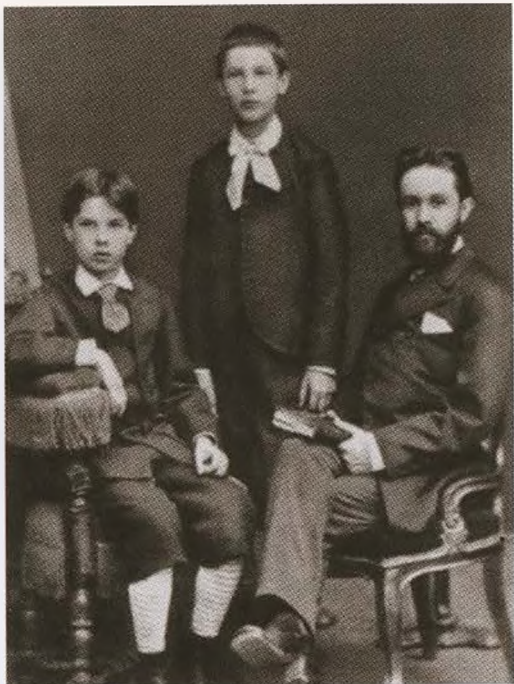

Герб
рода
Столыпиных.

Петр (справа)
с младшим
братом
Александром.
1869 год.

Петр (в центре)
и Александр
с гувернером
Д. Д. Решетило.
1872 год.

Петр Аркадьевич
в Виленской
гимназии. 1876 год.

В студенческие годы.

С женой и дочерью Машей.

Семья Столыпиных.

В Колноберже.
Литва,
конец XIX века.

Дочери
Столыпина
в маскарадных
костюмах.

П. А. Столыпин
с уездными
предводителями
дворянства
Ковенской
губернии.
1901 год.

П. А. Столыпин.
1902 год.

Гродненский
губернатор
и его ближайшие
подчиненные.
1903 год.

Дом в Колноберже.

Гостиная. Колноберже.

Дети Столыпиных.
Слева направо:
Наташа, Елена,
Александра, Мария,
Ольга. На полу
сидит Аркадий.
Саратов. 1905 год.

Дом Столыпиных
в Санкт-Петербурге
по улице
Гагаринская, 5.

Рапорт волостного
старшины в селе
Пристанном.

Саратовский
губернатор
в городе Камышине.
*31 августа
1903 года.*

Супруги Столыпины.

На санитарном осмотре в Царицыне во время холеры.
Сентябрь 1904 года.

Дача
на Аптекарском
острове после
покушения.

Кабинет
П. А. Столыпина
после взрыва.
*12 августа
1906 года.*

Елагин остров в Санкт-Петербурге.

На террасе Елагинского дворца. 1907 год.

В Зимнем дворце. 1908 год.

На крейсере «Алмаз» в Ревеле. 27 мая 1908 года.

П. А. Столыпин и А. П. Извольский представляют королеве Великобритании в Ревеле в присутствии императрицы Марии Федоровны. 27 мая 1908 года.

П. А. Столыпин и А. П. Извольский на «Штандарте»
в финляндских шхерах. *Июнь 1909 года.*

обязательно сторожить на афганской границе, проще — на польской, намекая на выгоду англо-германского союза. Однако эту пропозицию англичане никогда не принимали. Наоборот, их геополитическая идея опиралась на создание такого положения, чтобы столкнуть обеих соперниц — Германию и Россию.

Если вспомнить Крымскую войну, Русско-турецкую за освобождение Болгарии, то мы тоже увидим Англию в числе российских противников.

Однако начиная с 1906 года традиционная антирусская политика Лондона изменилась. Завязались переговоры об урегулировании спорных вопросов в Азии.

Несмотря на то, что почин принадлежал Англии, русская интеллигенция восприняла начавшийся процесс как инициативу официального Петербурга. Идея сближения с Англией быстро стала популярной, ибо связывалась с предполагаемой либерализацией. Тотчас же газеты забыли об исторической англо-русской борьбе, стали петь новые песни.

Казалось, переговоры о Тибете, Персии и Афганистане должны укрепить наше положение в этих странах.

До Русско-японской войны Россия поддерживала интересы русских подданных бурят-буддистов, связанных с далай-ламой, и противостояла английскому влиянию в Тибете. Во время войны англичане направили туда военную экспедицию, далай-лама скрылся в Монголии. Англичане вынудили тибетцев заключить договор, устанавливающий английский контроль за внешними связями страны. Время от времени русская пограничная стража задерживала в горах английских агентов.

Действовала в этом районе и русская военная разведка, располагавшая хорошими кадрами специалистов-востоковедов. Пользуясь географической близостью, осваивали новые рынки русские купцы. Отряды русской противочумной охраны вели здесь самоотверженную работу, привлекая к ней и местное население. Известны случаи, когда соперничество русских и англичан выражалось в борьбе за то, куда направят местные вожди своих детей на учебу, в Россию или в английскую Индию. Например, русский консул Михайлов из персидского города Турбети-Хайдери писал в штаб Туркестанского военного округа, что правитель провинции Бехар Шуджа-уль-мульк просит взять на воспитание в кадетский корпус четырнадцатилетнего сына, отказываясь от предложения англичан направить мальчика в Индию. И маленький перс оказался русским кадетом на казенном коште под приглядом владевшего восточ-

ными языками подполковника Багратуни. Вообще знание местных языков для русской администрации было правилом, а не исключением. В этом проявлялся дух российского освоения Азии, без религиозного или национального притеснения. Как один из примеров можно привести биографию служившего в Туркестане капитана Корнилова, выпускника Академии Генерального штаба, знавшего тюркские языки. Привязанность к нему туркмен-текинцев общеизвестна из истории Первой мировой и Гражданской войн, где роль генерала Лавра Георгиевича Корнилова весьма значительна. Однако мало кто знает, что безвестный капитан самоотверженно служил на границе империи, был уважаем и даже любим местным населением. (Попутно заметим, что сильно разнились фигуры русского и английского офицеров, служивших в Азии. Англичанин исповедовал киплингговскую идею «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут». Русские подобно лермонтовскому Максиму Максимовичу или реальным подполковнику Багратуни, капитану Корнилову вживались в чужой народ, становясь если не своим, то во всяком случае близким.)

В Персии англичане стремились помешать строительству русских железных дорог, не хотели допустить ни малейшей возможности выхода России в Индийский океан в Персидском заливе (порт Бендер-Аббас). Но как бы ни старалась «владычица морей», само положение давало России неоспоримое преимущество, и все попытки Лондона противодействовать Петербургу должны были в исторической перспективе сойти на нет.

Переговоры с Англией длились долго. Они встревожили Германию и приветствовались Францией. Это было понятно: если Россия сближалась с Англией, нарушался весь европейский баланс.

Примечательны переговоры в Бьерке в июле 1905 года, когда Вильгельм II и Николай II заключили взаимное обязательство оказывать друг другу поддержку в случае нападения на них в Европе. Особой статьей оговаривалось, что Россия предпримет шаги для присоединения Франции к этому соглашению.

В нашей исторической литературе с легкой руки С. Ю. Витте, яростного противника этого договора, соглашение в Бьерке однозначно стало считаться коварной уловкой кайзера, который якобы хотел разрушить франко-русскую Антанту. На самом же деле это было не так. Антанта являлась союзом оборонительным, Бьеркский договор — тоже. Он со-

здавал возможность обесценить мир в континентальной Европе и был направлен против Англии. Впрочем, он мог не отвечать интересам французов в том смысле, что они на юридически безупречном основании заключили с врагом России Японией тайное соглашение, а это потом сказалось на положении русского флота. Так почему же Витте и многие другие были против Бьерке? Из-за недалёковидности или по причине тесной связи. Можно спросить по-иному: кто был заинтересован в прекращении Бьеркского соглашения? Ответ известен: Англия и отчасти Франция. Оно так и не вступило в силу. Весной 1907 года было подписано соглашение с Францией, а летом — и России с Японией.

18 августа заключен англо-русский договор. Англия отказывалась от притязаний на Тибет, Россия — на Афганистан. Персия делилась на три зоны: северная входила в русскую сферу влияния, юго-восточная — в английскую, а между ними пролегалá «нейтральная» зона, охватывавшая почти все побережье Персидского залива.

Кто выиграл?

«Мне кажется, — сообщал в Берлин германский дипломат Микель, — что новшества, вводимые в Азии этим соглашением, не так велики, как ожидалось, значение русско-английского соглашения не столько в Азии, сколько в Европе, где его последствия будут давать себя знать».

Россия отказалась от почти нереальных претензий («индийского похода»), взамен получила значительные выгоды. Было поразительно, как быстро она восстановила свое положение в Азии. В сфере ее влияния остались огромные территории — Северная Маньчжурия, Монголия, китайский Туркестан. Япония была значительно ослаблена войной, не получила ожидаемой контрибуции из-за твердости Николая, запретившего выступающему за контрибуцию Витте какие-либо переговоры на этот счет.

Взгляд Столыпина на мировую политику отличался предельным рационализмом: никакой «имперской романтики», никаких русских жертв за чужие интересы, а только упорное сосредоточение сил.

Несколько позже, в марте 1908 года, Столыпин выступил в Думе с речью о сооружении Амурской железной дороги. Вот некоторые его мысли:

«Но я повторяю, что я не говорю о войне, я понимаю, что для нас высшим благом явился бы вечный мир с Японией и Китаем, но и с мирной точки зрения важно, господа, может быть, еще важнее иметь тот людской оплот, о котором я только что говорил.

Докладчик комиссии государственной обороны сказал тут, что природа не терпит пустоты. Я должен повторить эту фразу. Отдаленная наша суровая окраина, вместе с тем, богата, богата золотом, богата лесом, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годными для культуры. При таких обстоятельствах, господа, при наличии государства, густонаселенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее прососется чужестранец, если раньше не придет туда русский, и это просачивание, господа, оно уже началось. Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками и, когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию...

Но не забывайте, господа, что русский народ всегда со-знавал, что он осел и окреп на грани двух частей света, что он отразил монгольское нашествие и что ему дорог и люб Восток; это его сознание выражалось всегда в стремлении к переселению, и в народных преданиях оно выражается, и в государственных эмблемах. Наш орел, наследие Византии, — орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью».

В речи Столыпина можно услышать явную азиатскую направленность. А вот мнение министра иностранных дел А. П. Извольского: «Мы должны поставить наши интересы в Азии на надлежащее место, иначе мы сами станем государством азиатским, что было бы величайшим несчастьем для России».

Здесь мы слышим не азиатскую, а европейскую ноту.

Разноголосица?

Увы, трагическая разноголосица! Под ее рокот Россия прожила почти весь двадцатый век, да и девятнадцатый — отчасти. Чаще всего мы забывали, что наша история выглядела как оборона на Западе и наступление на Востоке.

Соглашение с Англией можно было рассматривать двояко: или как общий договор, нацеленный против Германии, или как укрепление восточных позиций для «культурной работы» (Столыпин).

Председатель Совета министров и Николай были сторонниками второго подхода. Но они не смогли удержать государственную политику в желаемом направлении.

Русская интеллигенция считала, что англо-французский союз несет «свободу», а союз с Германией — «реакцион-

ность». Как только было подписано русско-английское соглашение, так в русской и английской печати прокатились антигерманские статьи. С какой целью?

Историк С. С. Ольденбург пишет о «могущественных влияниях», увлекавших Россию на путь конфронтации с Германией. Он указывает на Думу, приводит статью П. Б. Струве «Великая Россия»: *«Для создания Великой России есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область — весь бассейн Черного моря, т. е. все европейские и азиатские страны, выходящие к Черному морю»* (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 139).

Отсюда — рукой подать до идеи «проливов», благодаря которой подготовили общественное мнение и ввергли Россию в войну.

Конечно, вся идея ближневосточной политики была не новой. Просто все основательно забыли, что ее проводил Николай I, конец жизни которого завершился поражением и позором в Крымской войне (с Англией, Францией и Турцией), а также Александр II, который торжествовал победу в Болгарии и испытал позор Берлинского конгресса, где Европа, объединившись, низвела его торжество до унижительного полусуспеха.

Теперь русское просвещенное общество вдруг поворачивалось к пройденному. А правительство — не хочет, не верит старым призывам. И снова — разногласия.

Но кто же прав: правительство или общество?

Здесь надо вспомнить одно замечание графа Ламздорфа, предшественника Извольского на посту министра иностранных дел:

«Наше сближение с Францией и простирающееся отсюда пресловутое равновесие сил в Европе... на долгое время упрочивает разделение великих держав на два вооруженных до зубов лагеря, которые постоянно подстерегают друг друга и готовятся напасть друг на друга в ущерб безопасности и благосостояния народов. Бог знает, не было ли бы для нас лучше понемногу изменить свою тактику? Какое имеет для нас, в сущности, значение, что немецкие социалисты и французские динамитчики ссорятся между собой, дерутся и стараются друг друга истребить? За это время Россия могла бы обеспечить себе лучшие условия для быстрого урегулирования своих жизненно-важных интересов на Балканах, в проливах и в других местах своих интересов, от которых зависит ее будущее и мирное развитие ее могущества. Бояться полного разгрома Франции при той материальной мощи,

которой она обладает, неосновательно, насколько бы мощной и вооруженной ни была Германия, в войне она приобретет не «провинцию Францию», а беспощадного врага, который надолго ее свяжет... Вместо того чтобы систематически ссориться с немцами и донкихотствовать в пользу французов, мы должны были бы договориться с ними о нашем нейтралитете, необходимом для них обоих; мы могли бы его обещать при условии предоставления нам известной свободы действий на Востоке. После этого нам оставалось бы только заниматься нашими собственными делами, предоставив другим утрясать свои дела между собой. Им понадобилось на это не менее столетия!..» (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 139).

Но о Ламздорфе не вспомнили.

Вскоре разыгравшиеся вокруг боснийского кризиса события показали, что России, как и в прошлом, нечего уповать на благосклонность союзников.

В январе 1908 года австро-венгерский министр иностранных дел Эренталь объявил, что поднят вопрос об австрийской концессии на строительство железной дороги через Новобазарский санджак. В этой турецкой провинции, отделявшей Сербию от Черногории, Вена имела право держать только небольшие гарнизоны. Новая железнодорожная линия, которая должна была пройти параллельно старой, шедшей через Сербию, давала Австрии экономическое преимущество, прямой путь до Эгейского моря.

Это не укладывалось в рамки согласованной австро-русской политики, и, как пишет С. С. Ольденбург, «это был первый ход в шахматной партии, которая впоследствии привела к мировой войне».

И вот что любопытно. Русская печать резко отозвалась на попытку нарушить равновесие, задевавшую интересы России, а германский посол Пурталес поспешил объяснить это ростом «реакционных течений» и «панславистскими планами».

Как видим, для того чтобы скомпрометировать защиту национальных интересов, с легкостью используется жупел «реакционности и национализма». «Панслависты» в устах германского дипломата — это славянский национализм.

А. П. Извольский посчитал нужным в ноте германскому МИДу уточнить: «Международные соглашения, подписанные нами с единственной целью оберечь себя от осложнений в Азии, не содержат какого-либо острия против Германии».

Впрочем, русские газеты не стесняются в антигерманских и антиавстрийских публикациях.

В противовес Австрии Россия выдвинула свой проект железной дороги — из Румынии через Сербию к Адриатическому морю. Кайзер обещал его поддержать, что можно было рассматривать как жест доброй воли накануне заключения англо-русского договора.

Еще во время майского свидания английского короля Эдуарда VII и Николая II в Ревеле вокруг царской яхты «Штандарт» плавали лодки, в которых сидели седовласые члены местного немецкого певческого общества и под присмотром агентов тайной полиции пели немецкие патриотические песни. Словно просили не забывать о Германии.

Однако договор с Англией, конечно, был заключен, а обстановка на Балканах осталась непроясненной. К тому же в начале июля в Турции началась революция, направляемая офицерами-националистами («младотурками»), судьба балканских провинций Турции стала очень неопределенной. Начались разговоры о «турецком наследстве».

3 сентября Извольский встретился с Эренталем в замке Бухлау в Богемии, где случилось то, что можно назвать «вторым шахматным ходом». Об этой встрече много говорилось. В результате ее Австрия получила возможность аннексировать Боснию и Герцеговину, а Извольский потерял свой портфель.

Начать рассказ об этом эпизоде лучше со слов самого Извольского:

«Напрасно «Новое время», а за ним и вся Россия считали, что мой австрийский коллега Эренталь меня провел, что я не показал достаточной твердости в защите славянских интересов. Зная, насколько сильна позиция Австро-Венгрии в этом вопросе (Босния и Герцеговина находились под протекторами Австрии по Берлинскому договору 1878 года), я перед отъездом на свидание в Бухлау зашел к нашему военному министру и поставил ему простой вопрос: готовы ли мы к войне или нет? И когда он мне объяснил, что русская армия еще не успела залечить маньчжурских ран, я понял, что кроме дипломатической лавировки мне ничего не остается делать и я ничем не смею угрожать. Вот и весь секрет. Я предпочел пожертвовать собой, принять на себя потоки грязи, чем рискнуть втравить Россию в войну с Австрией» (А. А. Игнатьев «Пятьдесят лет в строю»).

Есть и другая точка зрения. Согласно ей Александр Петрович Извольский, умный, безгранично честолюбивый дипломат, поступил в Бухлау самонадеянно. Там была «волшебная обстановка» — пиры, охоты, концерты, женщины. В удобный час, на охоте, Эренталь сказал ему:

— Возможна аннексия Боснии и Герцеговины. Да, конечно, это похоже на авантюру, могут быть осложнения. Но на предстоящем съезде делегаций в Будапеште народные представители пожелают озарить розовым светом закат дней своего маститого императора. Скажите прямо, возможна ли война?

Извольский ответил:

— Поднятие этого вопроса крайне нежелательно. Но войны из-за него мы не объявим, а потребуем соответствующей компенсации: признать независимость Болгарии, уступки в пользу Черногории, выход Сербии к Адриатическому морю и разрешение вопроса о Проливах в желательном для России смысле.

Эренталь поспешил согласиться. Главного он достиг: Россия не собиралась воевать, его руки были развязаны.

По-видимому, Извольский считал, что все эти перемены будут приняты на международной конференции, но просчитался: Эренталь уже 24 сентября объявил на съезде делегаций об аннексии Боснии и Герцеговины, одновременно князь Фердинанд провозгласил полную независимость Болгарии и принял титул царя. Последствия самонадеянности Извольского были налицо. Без каких бы то ни было переговоров, без соблюдения интересов России Австро-Венгрия делала решительный шаг к расширению влияния на Балканах.

В России были возмущены. Началась кампания протеста, осуждения действий правительства, призывов бороться с аннексией. «Вестник Европы» писал о том, что «вырвать эти области из австрийских рук можно было бы теперь, как и раньше, не иначе как путем победоносной войны». Неожиданно должны были вступить в силу все европейские союзы.

Франция и Англия не одобряли нарушение Берлинского трактата и поддержали русские заявления о необходимости международной конференции. При этом Англия была против компенсации, на которую уповал Извольский, — на свободное плавание через Проливы.

Германия же твердо встала на сторону Вены.

Что получалось? С одной стороны — Россия и Франция, с другой — Австро-Венгрия и Германия. И в отдалении — пекущаяся о своих интересах и не желающая связывать себе руки «владычица морей».

Такой же расклад сил был и в 1914 году. Весной 1909 года Босния и Герцеговина были аннексированы. Столыпин сделал все, чтобы избежать войны.

«Пока я у власти, я сделаю все, что в силах человеческих, чтобы не допустить Россию до войны, пока не осуществлена целиком программа, дающая ей внутреннее оздоровление. Не можем мы меряться с внешним врагом, пока не уничтожены злейшие внутренние враги величия России — эсеры. Пока же не будет проведена полностью аграрная реформа, они будут иметь силу, пока они существуют, они никогда не упустят ни одного удобного случая для уничтожения нашей Родины, а чем же могут быть созданы более благоприятные условия для смуты, чем не войной?»

Прагматизмом веет от этих слов. «Никакой жертвы!» — как будто призывает Реформатор вопреки традиции.

Вспомним другой подход, когда генерал Скобелев говорил, что Россия единственная страна в мире, позволяющая себе роскошь воевать из чувства сострадания.

«А как же братья-славяне? — вопрошали Столыпина отовсюду, справа и слева. — Неужели мы их бросим на произвол судьбы?»

Но Столыпин не уступал никаким доводам в пользу войны.

Он не обольщался насчет возможных союзников, считал, что во Франции нет ни любви, ни уважения к России, только страх перед Германией толкает ее к военному союзу; Англия видит в России постоянно усиливающегося соперника, поэтому больше всех ненавидит Россию и будет искренне радоваться, если когда-нибудь в России падет монархия, а сама Россия не будет больше великим государством и распадется на целый ряд самостоятельных республик.

* * *

Боснийский кризис еще раз подчеркнул главнейшую геополитическую идею, которой должно было жить российское государство, — у него не могло быть постоянных союзников в Европе, особенно опасным было вовлечение в какую-либо группировку в качестве ударной силы «русского парового катка».

Если вспомнить Первую мировую войну, начавшуюся тоже по «балканскому сценарию», то бросается в глаза нервная обстановка, в которой принималось катастрофическое решение о всеобщей мобилизации. На заседании Совета министров 25 июля Николай одобрил частичную мобилизацию потому, что «великие державы могли провести у себя частичную мобилизацию, не доводя тем самым до вой-

ны. Это в течение предшествовавших лет несколько раз имело место в Австрии и России». 27 июля Николай направил министру иностранных дел С. Д. Сазонову письмо о передаче конфликта на рассмотрение Гаагского трибунала. «Может быть, еще не упущен момент, пока не произойдут непоправимые события, — писал Николай. — Я еще не потерял надежды на мир».

Однако давление военной партии, которую возглавлял великий князь Николай Николаевич, женатый на дочери черногорского князя Анастасии, оказалось сильнее. А Столыпина уже не было в живых.

Чем же был боснийский кризис для России?

Столкновением двух принципов. Победил принцип Столыпина.

Террор. Конец Азефа

Накануне ревельской англо-русской встречи к полковнику Герасимову обратился Азеф с предупреждением: государь император намерен ехать поездом, а не яхтой, и в связи с этим на него готовится покушение. Герасимов ничего не знал об этом и усомнился в достоверности сведений. Однако Азеф был лучше информирован, чем глава петербургской тайной полиции. Действительно, оказалось, императрице Александре Федоровне нездоровилось и она не пожелала плыть по морю. Как ни странно, Столыпин тоже ничего не знал. Как же случилось, что террористам об этом стало известно раньше всех? Азеф уклончиво ответил, что их осведомляет один очень высокопоставленный чин из Министерства путей сообщения. На настойчивые расспросы Герасимова он отвечал уклончиво и в конце концов сказал, что не назовет его имени, ибо не хочет быть разоблаченным, но свое обещание выполнит — покушение расстроит. И Азеф расстроил планы террористов, как это делал раньше не раз. Нападение на царский поезд не могло состояться, ибо Азеф задержал условную телеграмму о выходе поезда и передал ее боевикам с опозданием.

Это было последнее дело выдающегося агента тайной полиции, он попросился на отдых. Герасимов не удерживал его, понимая: тот находится на пределе; только попросил хоть изредка информировать о наиболее важных событиях. Азеф согласился. Ему продолжало идти жалованье — 1000 рублей в месяц, что походило на пенсион.

Письма от него приходили нечасто, ничего особенного

в них не было. Герасимову стало известно, что Азефу приходится несладко, многие его подозревают, но все же эсеровский ЦК пока ему доверяет. Впрочем, осенью 1908 года положение изменилось: Азеф сообщил, что начался суд между ним и В. Л. Бурцевым, в прошлом террористом, ныне журналистом; он не сомневался, что суд закончится благополучно, так как все партийные лидеры безоговорочно верят ему.

Тогда никто не ведал, что Бурцев получил сильнейшее доказательство предательства Азефа. Для этого ему пришлось организовать небывалое дело: похитить дочь бывшего директора Департамента полиции А. А. Лопухина, о чем мы уже упоминали.

Вечером в толпе возле одного лондонского театра девушка была оттеснена от гувернантки и исчезла. Лопухин находился в Париже. Ему передали записку о случившемся, и он поехал в Лондон. Можно представить положение отца. Обращаться за помощью было не к кому, он знал, с кем имеет дело, не приходилось рассчитывать и на сострадание. Надо было попытаться договориться.

В купе к Лопухину вошел незнакомый мужчина, спросил: — Алексей Александрович? Я Владимир Львович Бурцев, надо потолковать.

Бурцев потребовал в обмен на дочь назвать имя агента в руководстве эсеровской партии.

Как быть?

Лопухин считался человеком долга, сам ходил под угрозой покушения, от чего, кстати, его избавил Азеф, и, бесспорно, понимал, что Бурцев предлагает ему совершить предательство.

Но с другой стороны — жизнь дочери.

Эсеры пользовались бесчеловечным, запрещенным приемом. Лопухин мог, наверное, пожертвовать собой, а распорядиться жизнью дочери было выше его сил.

Он сообщил Бурцеву имя агента.

На следующий день в лондонскую гостиницу привезли лопухинскую дочь, живую и невредимую. Теперь Азеф был обречен.

В ноябре он неожиданно появился у Герасимова в петербургской секретной квартире. Пришел прямо с поезда, ища спасения. Теперь это был не уверенный, знающий себе цену человек, а затравленное, жалкое существо.

Герасимов, выслушав рассказ, не поверил. Революционный суд уже вот-вот был готов оправдать Азефа и заклеить Бурцева как клеветника, когда вдруг Бурцев объявил о

новом важнейшем свидетеле. Суд был отложен, чтобы проверить доводы Бурцева. Тем временем Азеф смог узнать имя того свидетеля. Лопухин. Тот самый, который когда-то лично встречался с Азефом. Если он подтвердит на суде то, что говорил Бурцеву, Азеф обречен, смертного приговора ему не избежать. Но если на Лопухина повлиять, чтобы он отказался от своих слов, тогда еще можно спастись.

Азеф был совсем разбит и расплакался, не зная, как спастись.

Но Герасимов не мог представить, что могло заставить Лопухина «преступить долг и пренебречь сохранением служебной тайны».

— Это недоразумение, — сказал Герасимов. — Этого не может быть. Вам надо пойти к Лопухину и выяснить с ним все дело. Вместе все уладите.

Азеф продолжал всхлипывать. Для него, по-видимому, все было кончено. Уже выйдя из игры, он был достигнут расплатой, которой боялся много лет. Зачем идти к Лопухину? Что это даст?

Но Герасимов настаивал, и Азефу ничего не оставалось, как согласиться.

Герасимов, волнуясь, ждал его возвращения. Нет, он не верил Лопухину, — но вдруг?

Азеф пришел еще подавленнее, чем прежде. Лопухин не стал с ним разговаривать, не пустил дальше прихожей.

— Он выдаст меня, — твердил Азеф.

Герасимов, однако, еще не верил и решил сам пойти к Лопухину.

Пришел уже в сумерках, вошел в кабинет. Герасимов сказал, что озабочен делом Азефа.

Лопухин не стал лукавить, назвал Азефа негодяем и добавил, что для него не будет ничего делать.

Но Герасимов не оставлял надежды убедить бывшего сослуживца, напомнил, что Азеф спас тому жизнь и что у Азефа есть жена и дети.

Лопухин при упоминании о детях разволновался, но ответил, что Азеф вел преступную двойную игру, предавая всех, а теперь пора положить конец этой лжи и предательству.

Что было делать Герасимову? Он понял, что Лопухин прав, тем не менее с чиновничьей настойчивостью продолжал уговаривать собеседника. Теперь это были другие аргументы: служебная тайна, долг, ответственность, бремя вины за предстоящее убийство Азефа. И последнее: неужели вы будете участвовать в революционной, кровавой расправе?

Надо учесть, что говорил представитель спецслужб с отступником. И у него даже мысли не появлялось использовать силу, пригрозить арестом, а то и физическим уничтожением. Да, конечно, было убийство Черняка тайным агентом Викторовым, но там устраняли террориста. Там — необъявленная война. А здесь — разговор своих, другие правила.

Лопухин не уступил. Почему? Герасимов предполагал, что он зашел слишком далеко, но уже не мог вернуться назад.

На прощание Лопухин заявил, что перед революционным судом не появится; но если его спросят — скажет об Азефе правду. Все яснее ясного. Тем не менее Герасимов, уже убедившийся в решении Лопухина предать Азефа, больше не пытался изменить ход событий. Ареста не последовало.

Герасимов дал Азефу фальшивые паспорта, деньги и простился навсегда. (Азефу удалось скрыться; он поселился в Берлине под именем Александра Неймайера, купца, и прожил там остаток жизни.)

Лопухин же после встречи с Герасимовым стал готовиться к отъезду за границу. Почему он не пытался избежать встречи с похитителями дочери? Неужели, дав им слово, не хотел его нарушить? Думается, объяснение лежит в другой плоскости: он знал, что в случае обмана не сможет укрыться от их мести.

Герасимов докладывал Столыпину каждый день и, понятно, не скрывал от премьера и разговора с Лопухиным. Наверняка они обсуждали возможные последствия эсеровского суда над Азефом. Выпускать ли Лопухина? Что откроется на суде? Кому это выгодно? На эти вопросы надо было отвечать.

По-видимому, они решили не препятствовать Лопухину, ибо результат суда можно было использовать как сильное доказательство бесперспективности террора и мощи государства. (Судьба бывшего агента при этом, конечно, не учитывалась.)

Лопухина не удерживали, только приставили к нему наблюдение, и вместе с внимательными попутчиками-соотечественниками он прибыл в Лондон, где встречался с членами ЦК партии эсеров Савинковым, Черновым, Аргуновым (Вороновичем). Теперь можно было не сомневаться в его предательстве. Он особо и не таился, послав Столыпину письмо, в котором обвинял Герасимова в моральном насилии и просил оградить семью от полиции.

Вскоре в печати появился приговор ЦК «предателю и провокатору» Азефу, и вся Европа с упоением читала в газетах статьи о небывалом коварстве российской полиции.

Но, начав кампанию по разоблачению руководителя боевой организации и члена ЦК Азефа, эсеры быстро поняли, что ведут кампанию против себя. Несколько террористов даже покончили с собой. Можно постараться понять их, этих выломившихся из обычной жизни людей, тешившихся иллюзией своей исключительности. Какими бы убийцами они ни были, в действительности они не могли считать себя таковыми. Теперь их «героизм» оказывался всего-навсего фарсом, разрешенным тайной полицией. Вероятно и другое предположение: самоубийцы могли быть осведомителями менее крупного уровня, чем Азеф, но испугались разоблачения.

Бурцевское расследование нанесло партии эсеров тяжелый удар. Надо было как-то объясняться с русской общественностью.

Между тем Лопухин как ни в чем не бывало вернулся в Россию и не делал никаких попыток оправдаться. С ним тоже надо было что-то делать.

Заметим, что во всей этой истории с обеих сторон, несмотря на необъявленную войну, проявилось много патриархальности. Эсеры судят Азефа, но не пытаются его задержать. Герасимов не уповает на силу, а уговаривает Лопухина не выдавать агента. Лопухин не старается избежать наказания и укрыться. Бурцев публикует свои обличения, не думая о последствиях. Если вспомним поведение самого Столыпина перед полетом на аэроплане капитана Мациевича, то картина получится достаточно полной.

Итак, Лопухин вернулся. Факт измены налицо, и теперь можно производить арест. Через несколько дней Лопухина арестовали: после того как Николай велел начать судебное расследование. Государь император, которому Столыпин вынужден был доложить и про Азефа, и про поездку Лопухина в Лондон, был взбешен.

В феврале 1909 года Лопухина приговорили к четырем годам каторги за разглашение служебной тайны и сотрудничество с эсерами. О похищении дочери он не сказал и в глазах либеральной публики выглядел героем, боровшимся с царскими сатрапами. Сенат смягчил приговор, заменив каторгу пожизненной ссылкой. Через четыре года он после амнистии в честь трехсотлетия династии вернулся в Петербург. Впрочем, драма Лопухина прошла для истории незамеченной, заслоненная шумной кампанией против

правительства, развернувшейся в России из-за раскрытия Азефа.

Еще до ареста Лопухина «Юманите» писала: «Очевидно, правительство чувствует себя виноватым в деле Азефа, так как не решается задержать Лопухина. В любой стране государственный чиновник, выдавший вверенную ему служебную тайну, был бы немедленно арестован и соответственно наказан».

В Думе социал-демократы и трудовики сделали запрос, в котором прямо говорилось, что полиция сама организовала террор через своих агентов «в целях усиления реакции и для оправдания исключительных положений».

Октябристы заявили: «Благодаря делу Азефа партия социал-революционеров потерпела страшное поражение, и теперь она хочет выместить свою злобу».

Столыпин 11 февраля выступил в Думе с большой речью, отвечая на запрос. Прежде всего он сказал, что само определение «провокация» в деле Азефа не применимо, его используют революционеры для собственной выгоды.

«Правительство должно совершенно открыто заявить, — подчеркивал Столыпин, — что оно считает провокатором такое лицо, которое само принимает на себя инициативу преступления, вовлекая в эти преступления третьих лиц... Точно так же трудно допустить провокацию в среде закоренелых революционеров, в среде террористов, которые принимали сами участие в кровавом терроре и вовлекали в эти преступления множество лиц...

Кто же такой Азеф?.. По расследовании всего материала, имеющегося в Министерстве внутренних дел, оказывается, что Азеф в 1892 году живет в Екатеринославе, затем он переезжает за границу, в Карлсруэ, кончает там курс наук со степенью инженера, в 1899 году переселяется в Москву и остается там до 1901 года. После этого он уезжает за границу, где и остается до последнего времени, иногда только наезжая в Россию, о чем я буду говорить дальше.

Отношение его к революции, опять-таки, конечно, по данным департамента полиции, таково: в 1892 году он в Екатеринославе принадлежит к социал-демократической организации, затем, переехав за границу, вступает в ряды только что сформировавшегося союза российских социал-революционеров, затем в Москве он примыкает к московской революционной организации, упрочивает там свои связи и сходится с руководителем этой организации Аргуновым. К 1902 году, опять-таки, конечно, по данным департамента полиции, относится его первое знакомство с Гершуни, Гоцом

и Виктором Черновым. Это — люди революционного центра. Первые двое играли главнейшую роль в революции — Гоц в качестве инструктора, а Гершуни — в качестве организатора всех террористических актов.

В это время влияние Азефа растет, растет именно благодаря этим влиятельным знакомствам, в это время он получает и некоторую случайную, но, благодаря именно этим связям, ценную для департамента полиции осведомленность. К концу 1904 года и относится вступление Азефа в заграничный комитет партии. Заграничный комитет не есть еще тот центральный комитет, которые дает директивы и руководит всеми действиями революционеров. В это время, после ареста в 1903 году Гершуни, опять-таки по сведениям департамента полиции, во главе боевого дела партии находится Борис Савинков, и только после ареста Савинкова, с 1906 года, Азеф, уже в качестве члена центрального комитета, подходит ближе к боевому делу и становится представителем этой организации центрального комитета.

Таким образом, с мая месяца 1906 года, по сведениям департамента полиции, Азеф получает полную осведомленность о всех террористических предприятиях, а до этого времени осведомленность его была случайная и далеко не полная...

В числе сотрудников (полиции) Азеф был принят еще в 1892 году. Конечно, временами, когда Азефа начинали подозревать в партии или после крупных арестов, которые колебали его положение, он временно отходил от агентуры, но потом опять приближался к ней.

Вот, господа, после выяснения отношения Азефа к службе розыска и революции, позвольте мне перейти к террористическим актам того времени... Все данные департамента полиции с большой яркостью указывают на то, что главари революционных организаций для того, чтобы укрепить волю лица, непосредственно исполняющего террористический акт, для того, чтобы поднять его дух, всегда сами находятся на месте преступления. Так, Гершуни был на Исаакиевской площади во время убийства егермейстера Сипягина (министр внутренних дел. — Авт.). Он был на Невском рядом с поручиком Григорьевым во время неудачного посягательства на обер-прокурора Победоносцева. Он был в Уфе во время убийства губернатора Богдановича, он сидел в саду «Тиволи» в Харькове во время покушения Фомы Качуры на князя Оболенского и даже подтолкнул его, когда заметил в последнюю минуту с его стороны колебание.

Точно так же Борис Савинков во время убийства статс-секретаря Плеве и великого князя Сергея Александровича, во время замышлявшегося покушения на генерала Трепова и во время метания бомб в Севастополе на Соборной площади в генерала Неплюева был на месте преступления. Поэтому, изучая отношение Азефа к преступным деяниям, необходимо наряду с другими обстоятельствами иметь в виду и этот террористический прием, обычный и, очевидно, свойственный руководителям террористических актов в России.

...К этому 1902 году относится первоначальное знакомство Азефа с Гершуни, и тогда же немедленно Азеф сообщает департаменту полиции о преобладающей роли некоего Гранина, того же Гершуни, в революционных организациях, а затем изобличает всю подавляющую роль Гершуни в террористических действиях России за эти годы».

Столыпин приподнимал завесу тайны. Еще никогда глава правительства не рассказывал публично о необъявленной войне. Постепенно становится понятно, что вовсе не Азеф главный персонаж этого выступления, а трагедия, которая сопутствует реформам. Бомбы, выстрелы, жертвы террора, сообщения Азефа, имена убитых — все эти сведения отходят на второй план. Перед депутатами Думы — панорама битвы. Сошлись две силы, одна из них погибнет.

Столыпин сообщает еще об одном донесении Азефа — о конференции в Париже всех революционных и оппозиционных партий, на которой присутствовали и кадеты, в том числе депутат Павел Милюков. Столыпин сознательно бьет по своим политическим противникам.

Затем председатель Совета министров итожит деятельность Азефа:

«Я утверждаю, что с того времени все революционные покушения, все замыслы центрального комитета расстраиваются, и ни одно из них не получает осуществления. Указание в запросе на покушение на министра внутренних дел Дурново неосновательно, так как оно, собственно говоря, и открыто с участием Азефа. Затем дальше идет поражающий ряд преступлений: покушение на Дубасова, взрыв на Аптекарском острове, ограбление в Фонарном переулке, убийство Мина, убийство Павлова, убийство графа Игнатьева, Лауница, Максимовского. Но все эти преступления удаются благодаря тому, что они являются делом совершенно автономных, совершенно самостоятельных организаций, не имеющих ничего общего с центральным комитетом. Это удостоверено и про-

цессами, это удостоверяется и данными из революционных источников. Орган социалистов-революционеров № 4 «Революционной мысли» за 1909 г. указывает на «полное бессилие партии в смысле боевой деятельности» в такие решительные моменты, как конец 1905 г. и кровавый период, последовавший за разгоном Первой Думы, каковые данные свидетельствовали, что в центре партии существовала измена, сознательно парализующая все усилия партии в сторону широкого террора».

И Столыпин делает вывод, что дело Азефа «очень печально и тяжело, но никак не для правительства, а для революционной партии».

Затем он словно обращается с думской трибуны к молодежи, нетерпеливой, настроенной идеалистически, желающей быстрых перемен, и говорит:

«Поэтому я думаю, что, насколько правительству полезен в этом деле свет, настолько же для революции необходима тьма. Вообразите, господа, весь ужас увлеченного на преступный путь, но идейного, готового жертвовать собой юноши или девушки, когда перед ними обнаружится вся грязь верхов революции. Не выгоднее ли революции распускать чудовищные легендарные слухи о преступлениях правительства, переложить на правительство весь одиум дела, обвинить его агентов в преступных происках, которые деморализуют и членов революционных партий, и саму революцию?»

Герасимов с проницательностью сыщика отмечал в своих мемуарах: *«А трудно себе представить, что случилось бы с Россией, если бы террористам удалось в 1906—1907 годах совершить два-три удачных «центральных» террористических акта. Надо знать, какое смятение вносили такие террористические акты в ряды правительства. Все министры — люди, и все они дорожат своей жизнью. Растерянность правительства в 1904—1905 годах во многом объяснялась паникой, созданной успешными покушениями на Плеве и великого князя Сергея Александровича. Если бы в дни Первой Государственной Думы был бы убит Столыпин, если бы удалось покушение на государя, развитие России сорвалось бы гораздо раньше».*

В думской речи Столыпин считал также уместным освободить от иллюзий общество, которое считало, что «достаточно медленно выздоравливающую Россию подкрасить румянами всевозможных вольностей, и она станет здоровой».

Он закончил выступление словами о том, что правитель-

ство ничто не остановит в созидательной работе, что пусть оно и погибнет, но цель будет достигнута — будет построено здание обновленной, свободной в лучшем смысле этого слова, свободной от нищеты, от невежества, от бесправия России.

После столыпинской речи думские прения пошли на убыль. Большинство признало его объяснения исчерпывающими.

Боевая организация террористов была морально уничтожена и уже никогда не воскресла.

* * *

Конец Азефа означал не только начало новой страницы в угасании революционной ситуации: он совпал с идейной переоценкой традиционных взглядов русской интеллигенции. Весной того же года вышел сборник «Вехи». Его авторы Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, П. Б. Струве, С. А. Франк, Б. А. Кистяковский и другие не были связаны никакой партийной программой. В предисловии писалось: *«Революция 1905 года и последовавшие за ней события явились как бы всенародным испытанием тех ценностей, которые более полувека, как высшую святыню, блюла наша общественная мысль»*. Другими словами, «Вехи» показывали, что часть интеллигенции отказывалась от противостояния власти.

Бердяев писал, что интеллигенция интересовалась не Истиной, а способом доказать свои политические взгляды. Булгаков заметил, что революция — это «исторический суд над интеллигенцией». Он считал бесплодным путь богоборческого героизма и противопоставлял ему смирение русских святых и подвижников. (Эту мысль в современной трактовке можно передать как противопоставление: революция — эволюция. Столыпинская идеология, бесспорно, опиралась на подобную философию.)

Гершензон смотрел на исторические факты и видел источник трагедии в оторванности интеллигенции от народа. *«Мы не люди, а калеки, сонмище больных, изолированных в родной стране — вот что такое русская интеллигенция... Мы для него (народа) не грабители, как свой брат деревенский кулак, мы для него даже не просто чужие, как турок или француз; он видит наше человеческое и именно русское обличье, но не чувствует в нас человеческой души и потому ненавидит нас страстно... Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом — бояться мы его должны,*

пуще всех козней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

Прочитав эти слова, хочется воскликнуть: «Да ведь это капитуляция перед силой государства! Измена своим идеалам!»

Разве такое восклицание не будет правдой?

Нет, это правда.

«Вехи» отказывались от вековой традиции, идущей еще со времен Петра Великого, когда российскому организму был привит росток западной культуры. Индивидуализм русской интеллигенции противостоял коллективизму русского народа. Эта историческая драма осознавалась русским обществом в диалоге западников и славянофилов, однако власти всегда смотрели на последних подозрительно. Характерно, что Столыпин, чье детство и отрочество прошли в период наивысшего подъема славянофильского духа, происходившего в годы Русско-турецкой войны за освобождение Болгарии, выражал более глубокие, традиционные взгляды русского народа в отличие от своих политических противников. По сути, «Вехи» знаменовали осознание частью интеллигенции плодотворности его выбора (с учетом, конечно, отрицания Реформатором средневековой патриархальности).

Показательна статья Франка, в которой он говорил, что русский интеллигент — это «воинствующий монах нигилистической религии земного благополучия», то есть человек, лишенный души. Как пример морального нигилизма и неуважения к праву в сборнике напечатаны слова Ленина на съезде социал-демократов в 1903 году о необходимости сурового подавления несогласных даже внутри собственной партии.

Казалось бы, что в «Вехах» особенного? Эти мысли уже были известны, подобные предостережения высказывались и раньше. Но сборник был как бомба в стане либералов. Он стал модным. В нем было то, что позволяло интеллигенту наконец почувствовать себя не заложником, не рабом старых традиций, а иметь возможность выбора — путем сотрудничества личности с обществом. «Вехи» закладывали новый подход в гражданской позиции русской интеллигенции. Неспроста вся левая печать обрушилась на них с уничтожающей критикой («Слепые вожди слепых», «Творцы нового шума», «Обнялись с божественностью» и т.д.). П. Н. Милюков даже издал целый сборник статей против «Вех».

Столыпин, царь, Распутин и другие

1909 год — высшая точка в судьбе Реформатора. И одновременно — начало заката.

Первый признак отрицательных перемен еще не был осязаем, был воспринят как простое недопонимание между ним и Николаем. Разговор касался некоего Григория Распутина.

В конце 1908 года Герасимов от дворцового коменданта Дедюлина узнал, что на квартире фрейлины Вырубовой представлен государыне Александре Федоровне «старец» Распутин. Дедюлин заподозрил в нем возможного террориста, искавшего доступ в царский дворец. Герасимов установил за Распутиным слежку и навел справки о его прошлом. Сведения получил неутешительные. Сибирские жандармы докладывали, что за «старцем» числятся кражи и грабежи. Филеры доносили о его посещениях притонов, связях с проститутками, разгулах. Вместо «террориста» Герасимов получил развратника.

Герасимов сообщил об этом открытии Столыпину, полагая, что тот знает о Распутине. Но ни о каком Распутине Столыпин даже не слышал, а услышав, был поражен. Не хватало властям в смутный период еще и беспутника в сердце империи!

Герасимов стал его утешать на свой лад, считая все же, что террорист был бы хуже.

Столыпин рассуждал по-другому. Царь не имел права ронять свой моральный авторитет, жизнь его семьи должна быть чиста, как хрусталь; если погибнет авторитет, может случиться самое плохое.

Еще далеко было до обличений с думской трибуны, когда Гучков в достаточно понятных выражениях осуждал «высшие сферы» за связь с Распутиным.

Столыпин решил действовать быстро и во время ближайшего доклада Николаю, волнуясь оттого, что вторгается в личную жизнь царя, спросил:

— Знакомо ли Вашему величеству имя Григория Распутина?

Николай помолчал, потом спокойно ответил:

— Да, государыня рассказывала мне, что несколько раз встречала его у Вырубовой. Это странник, он много ходил по святым местам, хорошо знает Писание.

Столыпин продолжал расспрашивать:

— А Ваше величество с ним не встречались?

— Нет, — коротко ответил Николай.

И тут Столыпин переступил грань приличия и, почувствовав неуверенность в голосе царя, спросил:

— Простите, Ваше величество, но мне доложили иное.

Никто ему не докладывал. Герасимов говорил только об императрице.

— Кто же доложил это иное? — спросил Николай.

— Генерал Герасимов.

Николай отвел взгляд, поколебавшись, с усмешкой сказал:

— Но если генерал Герасимов так доложил, я не буду оспаривать. Действительно, государыня уговорила меня, я видел его два раза... Но почему это вас интересует? Это моя личная жизнь, ничего общего с политикой не имеющая. Разве у нас не могут быть личные знакомые?

Беспомощность и смущение Николая тронули Столыпина. Он не ожидал, что самодержец, чья жизнь и без того была под постоянным наблюдением охраны, будет поставлен его расспросами в неловкое положение. Со свойственной ему прямоотой Петр Аркадьевич сказал, что государь возвышается над всей страной и весь народ смотрит на него. Поэтому нельзя соприкасаться ни с чем нечистым. И Столыпин, как наставник, выложил все собранные полицией сведения о Распутине.

Николай не сразу поверил, переспрашивал. Потом как будто согласился, что на самом деле ему нельзя встречаться со «старцем», и пообещал, что больше встречаться не будет.

На обратном пути из Царского Села в Петербург Столыпин пересказывал Герасимову разговор с Николаем. Он был и взволнован, и удовлетворен, словно проделал тяжелую работу.

Герасимов же сомневался, спросил: не пообещал ли Николай, что и царица не будет встречаться с Распутиным? А такого обещания не было. Поэтому Герасимов, в отличие от премьер-министра, отнесся к рассказу Столыпина скептически.

Он приказал усилить наблюдение за Распутиным. И что же? Ошибки не было, агенты передали, что «старец» зачастил к фрейлине Вырубовой, где несколько раз встречался с царицей.

Теперь стало ясно, что с Распутиным нужно бороться самим. Вторично обращаться в Царское Село было бессмысленно. Но разве у председателя Совета министров и одновременно министра внутренних дел не было никаких прав? Герасимов предложил выслать Распутина в административ-

ном порядке в Сибирь. Он нашел старый закон, позволяющий министру внутренних дел высылать мошенников, пьяниц, развратников. Этот закон давно не применялся, но отменен не был.

Столыпин согласился не сразу. Он понимал, что, выслав Распутина, рискует в случае огласки замарать имя царицы.

Он дал согласие с одним условием: арест не должен происходить в Царском Селе.

Герасимов постарался сделать все, чтобы сохранить замысел в тайне. Постановление о высылке было написано им собственноручно, им же самим принесено Столыпину на подпись. Оба они походили на заговорщиков.

Постановление вручили агентам, и вот-вот колесо государственной полицейской машины должно было подхватить Распутина.

Агенты ждали случая, дежурили возле его квартиры. Прошел день, другой, третий. Распутин не появлялся. Однажды его засекли в Царском Селе у Вырубовой. Арестовывать в Царском Селе было запрещено, поэтому позволили Герасимову, и тот велел брать «старца» по возвращении в Петербург прямо на вокзале. Теперь уж, казалось, не уйдет.

Когда поезд, замедляя ход, подошел к вокзальному дебаркадеру, двери одного вагона распахнулись и на перрон выскочил господин в длинной шубе. Подобрал полы, он бегом кинулся к выходу, где его ждал автомобиль великого князя Петра Николаевича. За ним бежали несколько мужчин. В двух шагах от автомобиля они остановились. Распутин ускользнул. Преследователи снова не решились арестовать его, только проследили за ним до великокняжеского дворца.

Дело принимало анекдотическую окраску, глава правительства оказывался бессилён.

Агенты караулили все выходы из великокняжеского дворца. Теперь Герасимов дал приказ арестовать Распутина, несмотря ни на что.

И снова — безрезультатно. Только через несколько недель наблюдение сняли, потому что неуловимый Распутин объявился за тысячу верст от столицы, в Сибири, в своем родном селе. Как он выскользнул из дворца — в закрытом экипаже или улетел на кочерге?

Герасимов доложил Столыпину, что арестовывать некого. Тот воспринял известие благодушно: что ж, так будет меньше шума, вернуться Распутин не посмеет.

И Столыпин с облегчением разорвал свое постановление о высылке, решив больше не думать о случившемся. Если бы он знал, что Распутин вернется и делается всесильным, он бы действовал по-другому.

* * *

Примерно тогда же, в начале весны, Столыпин и Герасимов решали, можно ли ехать Николаю в Полтаву на торжества по случаю двухсотлетия Полтавской битвы.

Встретившись с царем, Столыпин во время доклада заговорил о поездке:

— Ваше величество, никакая опасность вам не грозит. Революция подавлена и можно ездить куда хотите.

Кажется, что неприятного могло быть в этих словах?

Но Николай поразил Столыпина своим ответом:

— Я не понимаю, о какой революции вы говорите. У нас, правда, были беспорядки, но это не революция... Да и беспорядки, я думаю, были бы невозможны, если бы у власти стояли люди более энергичные и смелые.

Столыпин ожидал услышать совсем другое — удовлетворение, благодарность, но не раздражение. Николай больно задел его.

Вряд ли это было следствием памятного разговора о Распутине. Это всесильный самодержец, сын могучего императора Александра III и внук Александра-Освободителя на мгновение вспомнил свое унижение 1905 года и одернул верного слугу, чтобы тот знал свое место. Только был ли он так всесильен? Без преобразований, без обновления традиции?

Что же мог ответить премьер-министр? Доказывать неправоту Николая было не в его характере. Не мог он обнаруживать и личную обиду, оскорбляться, говорить об отставке. Надо было просто стерпеть. Об отставке он скажет тогда, когда у него не будет других доводов в защиту реформ. Словом, Столыпин должен был следовать известному призыву: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Победишь себя, усмиришь себя, — станешь свободен, как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь...» (Ф. М. Достоевский. Пушкинская речь).

Возвращаясь из Царского Села в Петербург, Столыпин с горечью говорил Герасимову о странной забывчивости Николая, не желавшего помнить о пережитых опасностях и о тяжелой работе, остановившей катастрофу. Он уже ошущал,

что вместо революционного движения России начинает угрожать опасность справа, со стороны косного, омертвевшего консерватизма.

(Конечно, был консерватизм и живой, жизнедеятельный, в плане государственного строительства позволяющий России преобразаться. Он ставил во главу угла не абстрактное «спасение человечества», а повседневную работу.)

В судьбе Столыпина консервативные силы сыграли главную роль: живой, здоровый консерватизм вызвал его на историческую арену, а мертвый консерватизм — политически убил его за несколько месяцев до покушения Богрова.

Справедливости ради скажем, что в начале политической карьеры Столыпин не различал консервативных течений и был готов опираться на них безраздельно, пока вскоре не убедился в том, что не все русские люди, возмущенные революционной разрухой, могут служить ему опорой. Возникший как крайне консервативная сила Союз русского народа поддерживался в качестве противовеса революционному террору многими видными деятелями, особенно петербургским градоначальником Лауницем и дворцовым комендантом Дедюлиным. Первый удар СРН наносил по либералам и революционерам, второй — по Столыпину. Лауниц не раз заводил с Герасимовым разговоры о том, куда ведет Столыпин Россию, и искал в начальнике политической полиции союзника против премьер-министра.

Лауниц прямо поддерживал боевую дружину СРН, выделил деньги на организацию в июле 1906 года убийства депутата Думы кадета М. Я. Герценштейна, требовал от Столыпина одобрения этой деятельности. Постепенно взаимоотношения градоначальника и председателя Совета министров дошли до настоящей борьбы.

Лауниц выдавал членам боевой дружины удостоверения на производство обысков, во время каких случались пропажи ценностей. Узнав об этом, Столыпин возмутился и вызвал Лауница для объяснения. Их встреча сделала градоначальника врагом Реформатора. Столыпин решительно запретил людям Лауница вмешиваться в дела полиции, и возращения генерала ни к чему не привели.

По другому случаю Столыпин приказал начать расследование: дружинники СРН купили пулемет. Обстоятельства покупки были необыкновенными. Лауниц или его соратники придумали, что можно обезвредить террористов, скупив у них все оружие. Но как выяснилось, пулемет был украден в Ораниенбаумской стрелковой школе специально для продажи под видом принадлежащего революционерам.

Смерть Лауница мало что изменила в отношении СРН к Столыпину. Союз добивался закрытия Думы, участвовал в покушениях на левых, газета «Русское знамя» вела резкую кампанию против Реформатора.

Правое крыло консерваторов объявило, что Столыпинская аграрная реформа выгодна только жидомасонам, стремящимся поколебать российский государственный строй.

(Левые силы, как мы помним, тоже были против преобразований в деревне, не без оснований видя в них препятствие развития революции.)

От боевиков СРН до видных сановников и придворных протягивался правый фронт оппозиции Столыпину. Регулярно к царю обращались влиятельные лица с критикой Петра Аркадьевича. Доходило до утверждений, что популярность премьер-министра умаляет популярность самого Николая.

«Никакой революции в России не было, — говорили они. — Поэтому нет у Столыпина никаких заслуг в умиротворении страны. Наоборот, он проявляет крайне опасный либерализм, защищает чисто революционное учреждение — Думу».

Отовсюду в Царское Село шли телеграммы провинциальных отделов СРН. Казалось, весь народ возмущен. Царь передавал телеграммы Столыпину без особых комментариев, вызывая у него раздражение.

Петр Аркадьевич знал взгляды Николая и знал, что эти послания не вызывают у царя неприятия. Николай как будто говорил ему: «Не обольщайтесь».

Столыпин при содействии верного Герасимова ответил монарху тем, что передал ему справку об организациях Союза русского народа. Численность отделов СРН обычно не превышает десятка-двух человек, а их руководители в большинстве — люди ущербной нравственности, некоторые состоят под судом и следствием.

На том история с телеграммами закончилась.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ КАТАСТРОФА

Открытый конфликт

Взаимоотношения царя и Столыпина всегда были непростыми. Чем ближе Реформатор подходил к цели своих проектов, тем меньше в нем нуждались в Царском Селе.

Первое столкновение правительства и Николая произошло тоже в 1909 году. Оно касалось вопроса внешне не очень существенного, но в основе своей весьма серьезного.

Летом 1908 года морской министр адмирал Диков внес на рассмотрение Думы проект штатов морского Генерального штаба, чего не должен был делать, ибо она могла рассматривать только кредиты, отпускаемые на военные нужды. Впрочем, тогда это осталось незамеченным. Дума без прений приняла предложение учредить морской Генеральный штаб.

Несоответствие обнаружилось в Государственном совете, проект отклонили.

Морское министерство вновь обратилось в Думу, на сей раз прося только утвердить кредит. Адмирал ушел в отставку.

Думская комиссия обороны под руководством А. И. Гучкова, однако, восстановила проект в первоначальном виде, не желая поступиться авторитетом. Дума утвердила гучковский проект.

Столыпина на заседании не было, он тяжело простудился и не вставал с постели. В его отсутствие продолжилась борьба Думы за расширение своих прав. И повел ее союзник Столыпина Гучков.

— Отказа в кредитах правительство от нас не видело, — сказал он. — Несомненно, что в материальной стороне дела известные улучшения достигнуты. Но как раз в тех областях военного дела, которые находятся вне пределов нашей власти, мы не можем считать, что дело обстоит благополучно. Возьмите хотя бы область военного командования.

И здесь Гучков задал вопрос, потрясший не только Думу:

— Вы мне скажите, есть ли во главе всех округов люди,

которые могут в мирное время воспитать нашу армию к боевому подвигу и повести к победе наши войска?

Он не имел права критиковать высший командный состав армии. Ни в одном парламенте этого не делалось. (На следующий день кадетская «Речь» писала: «Бывший депутат Зурабов сказал, что при настоящих порядках наша армия будет всегда терпеть поражения. А. И. Гучков выразил это иначе, с присущим ему талантом, гораздо ярче и образнее».)

Гучкову отвечал военный министр генерал А. Ф. Редигер и вместо того, чтобы отвергнуть попытку вторжения в не подлежащую обсуждению область, стал рассуждать, что-де командный состав следует «улучшить, освежить», то есть как бы согласился с критикой Гучкова.

Правые возмутились, депутат Е. Н. Марков сказал, что военный министр не имеет права говорить, что в армии нет подходящего материала для хороших командиров, что подобное — оскорбление для русской армии.

Начинался открытый конфликт.

Николай был крайне подавлен случившимся. Редигер был уволен.

Обсуждение проекта перенесли в Государственный совет. Здесь министр финансов В. Н. Коковцов, заменявший больного премьера, предложил компромисс: принять проект в думской редакции, но с оговоркой, что это не может составить какого-либо прецедента. Без сомнения, это было мнение и Столыпина.

Большинство госсоветовской комиссии приняло это предложение, меньшинство (правые) не согласилось, пода-ло особое мнение. Собрался Государственный совет.

Лидер правых П. Н. Дурново заявил, что нельзя допускать опасного прецедента, «в результате тихо и медленно расшатываются устои, на которых покоится у нас в России военное могущество государства».

Словно и не было оговорки Коковцова насчет невозможности создания прецедента!

Тут неожиданно правым помог С. Ю. Витте («жидомасон», по определению СРН), произнесший страстную речь в защиту прерогатив императорской власти.

Напрасно Коковцов просил принять проект ввиду его практической неотложности. Витте не слышал его. Витте бил по Столыпину, к которому испытывал вражду.

И все-таки незначительным большинством проект приняли.

Теперь надо было ждать утверждения его царем. Николай не спешил. Поскольку Столыпин после болезни уехал на четыре недели отдыхать в Ливадию, он хотел дождаться его возвращения.

В левой печати появились статьи о скорой отставке правительства.

20 апреля председатель Совета министров вернулся, 24 апреля он получил от Николая письмо с отказом утвердить проект. «О доверии или недоверии речи быть не может. Такова моя воля. Помните, что мы живем в России, а не за границей или в Финляндии, а потому я не допускаю мысли о чьей-нибудь отставке».

Однако косвенное неодобрение действием кабинета все же было выражено. Это понимали все, и левые, и правые.

Николай не уступил, не побоялся принципиально отвергнуть позицию Совета министров.

Внешне Столыпин не утратил своих позиций. Но важный поворотный пункт уже был пройден.

* * *

В июне Николай встретился в финских шхерах, в Бьерке, с германским императором Вильгельмом. На царской яхте «Штандарт» во время завтрака Вильгельм проговорил со Столыпиным, забыв о царице Александре Федоровне, по правую руку от которой сидел. Он буквально впился в Реформатора. Столыпин рассказывал о преобразованиях в русской деревне.

Накануне войны в Россию приезжала из Германии правительственная комиссия под руководством профессора Аугагена для изучения результатов реформы. Объехав ряд губерний, она представила в Берлин отчет. Основной вывод — по завершении земельной реформы война с Россией будет не под силу никакой державе. Русский посол в Берлине узнал, что этот отчет сильно обеспокоил Вильгельма. Наверняка император вспомнил 1909 год, теплый июнь и уже убитого к тому времени Столыпина.

Вскоре после Бьерке Столыпин выезжал вместе с царем на празднование двухсотлетия Полтавской битвы. Роскошные пейзажи центральной Украины, степи, дубовые рощи, пирамидальные тополя, подпирающие голубое небо, гоголевские места, навевающие мысли о Тарасе Бульбе, — все это оживляло поездку в честь победы Петра Великого.

И урожай был небывалый.

Никаких угроз, никакого террора. Страна выздоравливала.

Для того чтобы обеспечить безопасность государя, в самых многолюдных местах были поставлены шеренги младших, двенадцатилетних воспитанников Полтавского кадетского корпуса. Мальчики в белых полотняных гимнастерках с красными погонами, конечно, защищали царя не как охранники.

Николая встречали довольные, веселые, праздничные люди. Революции не было и в помине.

Россия оживает Сибирью

Оживление царило во всех хозяйственных областях. Вывоз хлеба за границу достиг 748 миллионов рублей. Закладывался фундамент великих планов — через пять лет были готовы проекты Днепростроя и Волховстроя (ставших символами сталинских пятилеток). Деревня все больше требовала новых сельскохозяйственных орудий, машин, строительных материалов, средств потребления. Внутренний рынок быстро углублялся. Капиталы из сельского хозяйства, через сберегательные кассы, Крестьянский банк, кредитную систему перетекали в промышленность.

То, что началось в 1909 году, можно назвать возвышением России не благодаря искусному управлению народом, а силами самого народа.

Правительство протянуло руку земскому самоуправлению и всячески стремилось открыть земледельцам дорогу к знаниям, технике, кредиту. Самоуправление, еще вчера считавшееся не совместимым с государственным строем, было поставлено в привилегированное положение. Еще один толчок к пробуждению народных сил дало издание в 1908 году нормального устава сельскохозяйственной кооперации. Создавались кредитные товарищества, артели — создавались широко, даже жадно, ибо русский крестьянин жадно стремился к самостоятельной жизни.

Зато другая жизнь, общественная, угасала. Социалистические и либеральные газеты писали о «реакции, упадке, торжестве личного интереса».

Вспомним еще раз «Вехи». Отец Сергей Булгаков в статье «Героизм и подвижничество» писал:

«Русская революция развила огромную разрушительную энергию, уподобилась гигантскому землетрясению, но ее созидательные силы оказались далеко слабее разрушительных...»

Героическое «все дозволено» незаметно подменяется просто беспринципностью во всем, что касается личной жизни, лич-

ного поведения, чем наполняются житейские будни... У нас, при таком обилии героев, так мало просто порядочных, дисциплинированных; трудоспособных людей...

Для русской интеллигенции предстоит медленный и трудный путь перевоспитания личности, на котором нет скачков, нет катаклизмов, и побеждает лишь упорная самодисциплина...» (разрядка наша. — Авт.).

Вот, если угодно, и объяснение «упадка» общественного настроения при экономическом подъеме.

Энергичная, настораживающая Европу, не желающая ни с кем войны, эта Россия набирала силу.

В октябре Столыпин в беседе с редактором саратовской газеты «Волга» подметил, что пессимизму газетных статей противостоит бодрое настроение, бодрый оптимизм провинции. *«Я полагаю, — подчеркнул он, — что прежде всего надлежит создать гражданина, крестьянина-собственника, мелкого землевладельца, и, когда эта задача будет осуществлена, — гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность. У нас обыкновенно думают наоборот».*

Реформатор принимал обстановку точно так же, как и государственно мыслящая интеллигенция. Он действовал без скачков, катаклизмов, против «недобитого абсолютизма» (П. Б. Струве).

«Итак, на очереди главная задача — укрепить низы. В них вся сила страны. Будут здоровы и крепки у государства, поверьте, и слова русского правительства совсем иначе зазвучат перед Европой и перед всем миром. Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа — вот девиз для нас всех, русских! Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России».

20 лет — это был срок «медленной революции».

Необходимо посмотреть на Столыпина с точки зрения великих преобразований другого Реформатора, Петра Великого. *«Душа интеллигенции, этого создания Петрова, есть вместе с тем ключ и к грядущим судьбам русской государственности и общественности» (С. Булгаков).* И, добавим мы, истории понадобилось два столетия, чтобы навстречу образованному классу, оторванному от народа, не приобретшему навыка будничного труда и тем не менее служившему средоточием между Европой и Россией, двинулся сам русский народ.

Столыпинская опора на «низы» — это продолжение петровского строительства, но без петровского насилия, жажды мгновенного результата.

Наиболее ярко сила российских «низов» предстала перед Столыпиным во время совместной с министром земледелия Кривошеиным поездки в Сибирь в конце лета 1910 года. Эта поездка имела две цели — в русле переселенческой политики правительства и, более широко, в плане развития русского влияния в Азии.

За триста лет колонизационного освоения русскими Сибири переселение туда шло стихийно и только с началом строительства Великого сибирского пути стало принимать формы государственного дела. Идея создания «цепи деревень от Урала до Тихого океана» родилась у С. Ю. Витте. Тогда надо было решать задачу объединения азиатских территорий с европейскими. Другая задача — наделение безземельных крестьян землей. Многие помещики опасались лишиться рабочих рук.

С Сибирью связана и крестьянская мечта о Беловодье, сказочной стране народного благоденствия без государственных чиновников, помещиков и всякой несправедливости.

Замыслы Витте были велики: развитие сети дорог от грунтовых до железных; обеспечение Туркестана дешевым сибирским хлебом; расширение за счет зерновых посевов производства хлопка в Средней Азии; заселение киргизских степей, Приамурья; привлечение в Сибирь «образованных слоев общества» путем создания крупной частной собственности и льготного предоставления рабочим земельных участков в аренду; индустриализация огромной и почти незаселенной страны, хотя бы ценой привлечения иностранного капитала.

Единственное, в чем Витте не учел реальной обстановки: поглотить всех малоземельных Сибирь не могла. Сокращение их числа могло быть достигнуто лишь привлечением в промышленность. Здесь виттевская индустриализация подкрепилась столыпинским «освобождением» крестьян. И затем в Сибири, уже после Витте, было положено начало промышленной колонизации — строились дороги, порты, рудники, заводы. К 1914 году дальневосточные области стояли на втором месте в империи по развитию городской жизни.

В переселенческом деле, как и в проведении земельной реформы, хорошо видна преемственность столыпинской политики, способность премьер-министра сосредоточиваться на главном. Процесс связывания России и Азии показывал, как историческая общинная традиция, которая определила

характер народа и с которой он боролся в большинстве районов европейской части страны, может оставаться жизнедеятельной и развиваться.

Расскажем одну необыкновенную историю того времени.

В Сибири, на Алтае, в Бийском уезде в селе Старая Барда крестьяне организовали маслодельную артель и торговали сливочным маслом. Они сообща владели сепараторами, маслобойками, другими орудиями. Организовали кредитное товарищество, поставили на мельничной запруде небольшую электростанцию, провели в избы электрический свет. Как назвать те лампочки, горевшие в крестьянских горницах в начале века? «Столыпинскими»? Кроме того, они построили у себя народный дом, то есть клуб, купили синематографический аппарат и смотрели в темном помещении на оживающие в электрическом луче различные случаи далекой жизни. Этот алтайский кооператив, конечно, кажется чудом. Позднейшие кооперативы, подневольные сталинские колхозы, отличались совсем иными достоинствами. Но что скажем мы, когда узнаем, что в Старой Барде, кроме того, была телефонная станция и все желающие за небольшую плату могли установить у себя телефонный аппарат? А между тем все это было.

Сибирь была богата и свободна. Община сохранила здесь лучшее наследие, идею социальной защиты, коллективизм и была освобождена от «равенства бедных». Неспроста до сих пор образ сибиряка, сильного, великодушного, независимого человека, остается в народной мифологии, несмотря на катастрофическое разрушение сибирской жизни.

Столыпин не был идеологическим противником ни общины, ни крупного помещичьего землевладения. Он был реалистом. Жизнеспособность того или другого явления была для него главным критерием. Может быть, в этом ярче всего выразилась его философия — все, что на пользу России, все хорошо.

«Сибирь всасывала в себя поток людей и затем начинала выбрасывать на внутренний рынок потоки пшеницы, масла и других сельскохозяйственных продуктов», — отмечал в либеральном «Вестнике Европы» экономист Н. Огановский. Более того, и на внешний рынок — тоже. Например, стоимость вывезенного в 1912 году только в Англию масла — 68 миллионов рублей — в два раза превышала стоимость добычи сибирского золота.

Конечно, на вырученные от торговли деньги сибиряки-кооператоры могли бы завести у себя не только телефоны, но и авиацию!

По результатам сибирской поездки Столыпин и Кривошеин представили Николаю обширную записку: «...Растет сказочно... в несколько последних месяцев выросли большие поселки, чуть ли не города». Кроме насущных задач освоения территории в ней ставилась задача перехода с «мужицкого», недостаточно интенсивного, ведения хозяйства к интенсивному, а для этого требовалось ввести в сибирской деревне межевание общинных земель и право собственности. То есть Реформа должна была реализоваться и тут. Но как реализоваться, ведь не принудительно? Столыпин и Кривошеин видели путь в индустриализации, увеличении потребителей сельскохозяйственной продукции.

Из огромного инертного придатка исторической Руси Сибирь превращалась в *«органическую часть становящейся евразийской географически, но русской по культуре Великой России»* (К. А. Кривошеин).

Столыпин и Гучков

Между тем правительственной политике, нацеленной больше за Урал, противостояло иное настроение, иная идея — гегемонии на Ближнем Востоке. Напомним, что после соглашения с Англией в 1908 году либеральная интеллигенция вспомнила о Проливах. А осуществление этой идеи неизбежно привело бы к столкновению с Германией, Австро-Венгрией и Турцией.

Впрочем, внешняя политика России отличалась спокойствием и миролюбием. В середине августа 1910 года, когда Столыпин и Кривошеин колесили по Сибири, Николай со всей семьей приехал в Германию и провел два с половиной месяца на родине жены в Гессенском замке Фридберг, в тихой сельской обстановке.

Перед отъездом Николай захотел встретиться с Вильгельмом и обсудить международные дела. Правда, германский император был настроен скептически: соглашение с Англией не прошло бесследно. К тому же тон русских газет был антигерманским.

Тем не менее 22 и 23 октября Николай с Вильгельмом встречались в Потсдаме. Они признали, что нет прямых столкновений интересов России и Германии, и обязались не поддерживать политики, направленной друг против друга. Германия обещала не поощрять австрийские устремления на Балканах, Россия — не поддерживать английские действия

против Германии. Это означало сохранение на Ближнем Востоке существующего положения. (И неприятие царем идеи гегемонии в этом районе.)

Не удивительно, что российские газеты холодно отнеслись к Потсдамской встрече.

В Думе произошла открытая дуэль. Милюков выступил с критикой: «Это значит, что наши союзные соглашения перестали быть наступательными и остались только на оборонительной функции». «Ему хочется войны?!» — воскликнул в ответ правый депутат П. Березовский.

В действительности франко-русский союз был только оборонительным, а с Англией никакого союза не было.

Кому же выгодно накалять отношения с Германией?

В Англии были недовольны Потсдамом.

И российская печать — тоже недовольна, открыто солидаризуясь с «владычицей морей».

Новый британский посол сэр Джордж Бьюкенен стремится как можно полнее нейтрализовать Потсдам.

Печатники Петербурга, Москвы, Варшавы, Киева набирают статьи, написанные как будто рукой английского дипломата.

Словно отвечая на все это, новый министр иностранных дел С. Д. Сазонов в беседе с корреспондентом «Нового времени» буквально взывал к проявлению терпимости по отношению к Германии: *«Должен сказать откровенно, что вы иной раз бываете слишком желчны... В интересах обоих народов был бы полезен более мягкий тон. Если бы я был магом, я свернул бы свиток судеб так, чтобы время сократилось лет на пять. За этот срок сами собой улягутся взаимные недоверие и раздражение. Время прольет бальзам на горячие раны».*

Но нет, напрасно старался Сазонов! Правительство вело свою политику, интеллигенция — свою. В этом плане мысль П. Б. Струве из статьи в «Вехах» объясняет происходящее: *«Идейной формой русской интеллигенции является ее... отчуждение от государства и враждебность к нему».*

Конечно, можно было бы порассуждать о действиях английской разведки и нарисовать легкодоступный пониманию образ. Однако, допустим, как ни старалась Интеллидженс сервис, ей были недоступны корни российской драмы.

Как только Россия заключает с Японией соглашение (лето 1910 года) — раздается голос Милюкова: «Поддерживая Японию, мы ставим деньги не на ту лошадь».

Как только Россия потребовала соблюдения своих торговых прав и привилегий в Монголии и в случае ущемления

интересов русских купцов пригрозила ввести войска в китайские пределы — сразу раздались протесты, сперва в английской печати, затем в петербургской.

Почему так единодушно? Или русские купцы хуже британских?

В либеральных кругах считалось, что союз с монархическими странами ведет к укреплению консерватизма в России, поэтому надо бороться против сближения с Германией, поддерживать Англию, где сильны либеральные традиции. То есть там главенствовал прежде всего партийный, идеологический интерес.

Отсюда всего шаг к «пораженчеству» большевиков во время Первой мировой войны, к провозглашению лозунга «двух культур, буржуазной и пролетарской», к идее уничтожения всего «чужого».

* * *

Успокоение страны, обильные урожаи 1909 и 1910 годов, рациональная внешняя политика, активное законодательное обновление (реформа местного суда, расширение народного образования, новый продовольственный устав) — во всем этом заслуга столыпинского правительства. Кажется, можно предположить, что общественное настроение наконец повернется к нему? Но нет, на земских и городских выборах, после «поправения» в революционный период, снова стали выдвигаться более левые фигуры.

Как будто мало успокоения, мало урожаев, мало перемен!

С другой стороны, правые постоянно обвиняли правительство в либерализме, в разрушительстве.

Но ни то ни другое не было страшно. Жизнь быстро менялась, обновлялась, становилась бодрее. Столыпин смотрел на этот процесс оптимистично:

«После горечи перенесенных испытаний Россия, естественно, не может не быть недовольной; она недовольна не только правительством, но и Государственной Думой и Государственным Советом, недовольна и правыми партиями, и левыми партиями. Недовольна потому, что Россия недовольна собой. Недовольство это пройдет, когда выйдет из смутных очертаний, когда образуется и укрепится русское государственное самосознание, когда Россия почувствует себя опять Россией. И достигнуть этого возможно, главным образом, при одном условии: при правильной совместной работе правительства с представительными учреждениями (то есть с Думой. — Авт.)».

В этих словах слышится обращение и к царскому окружению, и к думской оппозиции: «Проявите терпение! России одинаково необходимы Дума и реформы».

Показательно направление действий Столыпина при принятии нового продовольственного устава, который определял порядок помощи крестьянам во время неурожаев. Зная земледельческие пристрастия Реформатора, можно подумать, что он будет выступать за щедрую помощь всем нуждающимся. Но это справедливо только отчасти. По существу, он отвергает вечный общинный принцип равной помощи, прекращает бесплатное «кормление», заменяя его новой рациональной системой: состоятельным крестьянам продовольствие и семена выдавались как ссуда, для несостоятельных устраивались общественные работы, где (на строительстве дороги, например) можно было заработать на пропитание, а бесплатная помощь давалась только совсем малоимущим. Даже сегодня у многих читателей мелькнет мысль о нарушении Столыпиным идеалов социальной справедливости, о каковых, впрочем, в капиталистическую пору думать было вовсе не обязательно. Однако Реформатор ответил в Думе и на наш вопрос, сказав, что эта мера положила предел «развращающему началу казенного социализма» (Речь 9 ноября 1910 года).

Патриархальный социализм общины и государственный социализм одинаково тормозили развитие народных сил. Какая смелость была нужна, чтобы внешне отнять у голодающих кусок хлеба, но дать возможность его заработать!

За два дня до произнесения Столыпиным слов о «развращающем начале» умер Лев Николаевич Толстой. Угас один из «духов русской революции», писавший в дневнике о «сострадательном отвращении к П. Столыпину». Уходила в прошлое патриархальная Россия.

Но не идеалистические, небывалые Платоны Каратаевы, а практические русские мужики, восхищавшие Константина Левина в «Анне Карениной», теперь двигались по дороге, расчищаемой Реформатором.

В том же 1910 году А. И. Гучков, лидер партии октябристов и представитель крестьянско-купеческой России, стал председателем Думы. Реальный русский, побывавший и на освоении азиатских просторов в Китае, и на Англо-бурской войне в Южной Африке, союзник Столыпина, Гучков хотел иметь прямое влияние на царя в деле развития реформ. Он был представителем того динамического начала русского народа, которое продвинуло империю из угрофинских лесов и Варшавы до Аляски. На самодержца государя императора он

смотрел несколько реалистичнее, деловитее, чем аристократ Столыпин.

Однако из желания Гучкова практически ничего не вышло. Царь не терпел открытого давления и догадывался, к чему стремится Гучков. На первом приеме он вопреки своей приветливой манере встретил нового председателя Думы очень холодно. Было ясно, что ни о каком влиянии на царя не может быть и речи.

У Гучкова тоже развеялись иллюзии. Во вступительной председательской речи через три дня после аудиенции он намекал на расхождение с Николаем:

«Я убежденный сторонник конституционно-монархического строя, и притом не со вчерашнего дня... Вне форм конституционной (выделено нами. — Авт.) монархии... я не могу мыслить мирного развития современной России... Мы часто жалуемся на внешние препятствия, тормозящие нашу работу... Мы не можем закрывать на них глаза: с ними придется нам считаться, а может быть, придется и сосчитаться».

История предоставила Гучкову возможность расчета. 2 марта 1917 года он вместе с В. В. Шульгиным принял отречение Николая II. В дневнике царя об этом написано: *«2 марта. Четверг. Утром пришел Рузский и прочел мне длинейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что министерство из членов Государственной Думы будет бессильно что-либо сделать, ибо с ним борется эсдековская партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку Алексееву и всем Главнокомандующим. В 12 с половиной часов пришли ответы. Для спасения России и удержания армии на фронте я решил на этот шаг. Я согласился, и из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал подписанный переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством: кругом измена и трусость и обман».*

Как бы там ни было, начиная с 1910 года Гучков становится врагом Николая. Именно ему принадлежит первенство в обвинительных речах против Распутина с думской трибуны. («Хочется говорить, хочется кричать, что церковь в опасности и в опасности государство... Какими путями этот человек достиг центральной позиции, захватив такое влияние, перед которым склоняются высшие носители государственной и церковной власти?»)

Конечно, было бы упрощением связывать все это с не-

милостью царя. Не только Гучков переходил в оппозицию. Столыпин, как мы уже знаем, тоже не всегда оказывался удобным.

Депутат Думы В. В. Шульгин увидел наметившуюся причину торможения в доминировании в политической элите «людей, гораздо более крепкоголовых, чем саратовские мужики, людей, хотя и высокообразованных, но тупо не понимавших величия совершавшегося на их глазах и не ценивших самоотверженного подвига Столыпина».

Революция раздавлена, террористы больше не грозят, экономика на подъеме — для чего, спрашивается, напрягать волю и ум? Далекое не все удавалось и Столыпину. Например, С. И. Тимашев, министр торговли и промышленности в его кабинете, в воспоминаниях отмечает: *«Намерение Столыпина... выдвинуть в первую очередь экономические вопросы осталось неосуществленным, хотя время для этого было чрезвычайно благоприятным. Наступило успокоение, политический горизонт казался безоблачным, иностранные капиталы прибывали, во всех отраслях хозяйственной деятельности страны наблюдалось большое оживление и приходится очень сожалеть, что это хорошее время было упущено. Председатель Совета был главным образом занят осуществлением предпринятой им крупной землеустроительной реформы».*

Упрек Реформатору?

Бесспорно. Даже больше чем упрек.

Однако нет ли в словах Тимашева преувеличения? В октябре 1910 года журнал «Промышленность и торговля» печатает статью с многозначительным названием «Наши противоречия». Что это за противоречия?

«Ныне наблюдается у нас несомненный избыток свободных капиталов. Они стараются проникнуть всюду, лишь бы не в отечественную промышленность. Такое печальное и крайне опасное явление объяснимо лишь тем гнетом и преследованием, которым подвергается у нас всякая инициатива и самостоятельность как со стороны правительства, так и со стороны русской периодической печати. У нас господствует еще панический страх перед тем, как бы кто не заработал».

Поскольку газеты правительство не контролировало и панический страх перед предпринимательством оно не порождало, то, по-видимому, надо упрекать не кабинет. Тем более в том же журнале прямо говорилось, что *«проект росписи государственных доходов и расходов на 1911 год дает блестящую картину наших финансов. Задача оздоровления русских финансов превосходно закончена».* Следовательно, надо искать причину противоречий в чем-то другом, не в фигуре

человека, выступившего против «развращающего начала казенного социализма». Но в одном журнал прав: страна общинного равенства, «нация без потребностей», как определяли русских иностранные предприниматели, не могла принять темпов происходивших перемен.

Община — это не только крестьяне, не выпускающие своего соседа отделиться на хутор или в «отруб». Это еще и вековая традиция, национальный характер, особенности народной психологии.

Не успел Столыпин выровнять баланс интересов в деревне, как накопленный в сельском хозяйстве капитал застучал кулаками русских промышленников в двери правительственного кабинета.

Здесь же и Гучков.

А рядом и государь император. И миллионы его подданных.

Поэтому упрек Столыпину — это, скорее всего, упрек всей России в том, что она не успевает...

Тут, впрочем, вспомним Эдмона Тэри и профессора Аугагена, сделавших выводы, что очень даже быстро Россия успевает!

Успевала настолько, что за десятилетие 1904—1913 годов прирост промышленного производства был 88%.

На эту силу опирались притязания русских деловых людей типа Гучкова. Они требовали большего, чем давала им реальность, и в конце концов дошли до 2 марта 1917 года.

Что дальше, напомнить?

Временное правительство. Гучков — военный министр, Милюков — министр иностранных дел.

Затем керенщина, попытка генералов остановить развал страны (мятеж Корнилова, дискредитация армии).

Октябрьский переворот.

Милюков в эмиграции писал: *«При режимах царском и буржуазном насилие власти концентрировалось лишь в определенных областях: в политической, религиозной, национальной, отчасти хозяйственной. Вся же необъятная сфера удовлетворения человеческих потребностей, сфера индивидуальной жизни «обывателя» находилась вне плоскости государственно-вооруженного воздействия. Теперь же у нас, когда все области и личной, и хозяйственной, и общественной жизни перешли в руки и под надзор государственной власти, а власть эта построена исключительно на террористических началах, — угнетение сверху и безответная запуганность снизу распространились сами собою на все сферы жизни советского подданного...»*

Как спорил Милюков со Столыпиным, как страстно боролся с мерами правительства, направленными против террористов, как сотоварищ Милюкова по кадетской партии Родичев бросил «столыпинские галстуки» — вспоминал ли об этом Милюков в Париже, обличая красный террор? А то, что хотел устанавливать гильотины?

«Столыпин заплатил жизнью за то, что он раздавил революцию, и, главным образом, за то, что он указал путь для эволюции. Нашел выход, объяснил, что надо делать...» Это слова В. В. Шульгина.

Эволюция или революция?

Что такое Россия? Что такое русские? Что такое «русский сфинкс»?

Вот вопросы, которые стоят перед каждым поколением и которые встали и перед Реформатором.

Попробуем представить ход его мыслей, используя для этого работы его младшего современника, писателя русской эмиграции Ивана Солоневича.

«Я, конечно, русский империалист. Как и почти все остальные русские люди. Когда я в первый раз публично признался в этой национальной слабости, сконфузился даже кое-кто из читателей тогдашнего «Голоса России»: ах, как же так, ах, нельзя же так, ах, на нас обидятся все остальные... Люди, вероятно, предполагали, что величайшую империю мира можно было построить без, так сказать, «империалистических» черт характера, и что существование этой империи можно как-то скрыть от взоров завистливых иностранцев. Кроме того, русская интеллигенция была настроена против русского империализма, но не против всех остальных.»

В гимназиях и университетах мы изучали историю Римской империи. На образцах Сцевола, Сципионов, Цицеронов и Цезарей воспитывались целые поколения современного культурного человечества. Мы привыкли думать, что Римская империя была великим братом, — и эта мысль была правильной мыслью. Потом — более или менее на наших глазах стала строиться Британская империя, и мы, при всяких там подозрениях по адресу «коварного Альбиона», относились весьма почтительно, чтобы не сказать сочувственно, к государственной мудрости британцев. Мы, к сожалению, «своею собственной рукой» помогли построить Германскую империю и нам во всех наших гимназиях и университетах тыкали в нос: Гегелей, Клаузевицев, Круппов, — германскую философию, германскую страте-

гию и, паче всего, германскую организацию. В начале прошлого века очень много русских образованных людей сочувствовали и наполеоновской империи...

Русская интеллигенция, верная своим антирусским настроениям, относилась, в общем, весьма сочувственно ко всяким империям — кроме нашей собственной. Я отношусь так же сочувственно ко всяким империям, но в особенности к нашей собственной...

Я пока оставляю в стороне федералистические утопии, построения человеческого общества. Всякий истинный федералист проповедует всякую самостоятельность только пока он слаб. Когда он становится силен, — он начинает вести себя так, что конфузятся даже самые застарелые империалисты. Решала сила. Но решала моральная сила, и решала только она одна. Сила оружия есть только производная величина моральной силы. Ибо: оружие без людей — это или просто палка, или куча палок. Палка или куча палок становится орудием, когда находятся люди, готовые «применить оружие». Его можно применять двояко: а) во имя грабежа и б) во имя защиты от грабежа. Чем выше та моральная ценность, во имя которой «применяется оружие», тем большее количество людей станет его применять. Империя будет строиться и держаться в той степени, в которой она обеспечивает максимальные преимущества максимальному числу людей. И провалится тогда, когда не сможет удовлетворить этому историческому запросу» (Цит. по: Рыбас С., Тараконова Л. Указ. соч. С. 173).

Это не Столыпин, конечно. Солоневич писал свою «Народную монархию» уже после Второй мировой войны, но его доводы явно перекликаются с мыслями Реформатора о приоритете русской государственной идеи. Они оба одной политической культуры: России — быть сильной.

Сегодня далеко не все готовы повторить эти слова, видя в них как раз источник слабости России. Однако по меньшей мере неразумно проводить параллель между Россией думской и СССР, который всегда пекся не о России, а о всемирной революции.

Продолжим доводы Солоневича.

«Империя — это мир. Человеческая история идет все-таки от дреговичей и команчей к Москве и Вашингтону, а не наоборот. И всякий империализм есть объективно реакционное явление: этакая реакционная утопия, предполагающая, что весь ход человеческой истории — от пещерной одиночной семьи, через племя, народ, нацию — к государству и империи — можно обратить вспять...

Империя есть объединение: в разных формах в разные эпохи, но все-таки объединение».

Здесь все понятно. И вполне современно.

Теперь обратим внимание на одно обстоятельство, с которым обыкновенно связывают политическую и физическую смерть Столыпина.

Солоневич пишет об этом так:

«Только два народа (в Российской империи. — Авт.) имели основание жаловаться на неравноправие: поляки и евреи. С Польшей у нас был тысячелетний спор о «польской миссии на Востоке»; русская политика по отношению к Польше была неразумной политикой, но поляки разума проявляли еще меньше. В еврейском вопросе было много безобразия. Но основная линия защиты только что освобожденного и почти сплошь неграмотного крестьянства от вторжения в деревню «капиталистических отношений», которые по тем временам олицетворялись в еврейском торговце и ростовщике, — была в основном тоже правильна. Черта оседлости была безобразием... Еврейская политика была неустойчивой, противоречивой и нелепой: ее основной смысл заключался в попытке затормозить капиталистическое развитие русского сельского хозяйства... Не допустить капитализма в разорившиеся дворянские гнезда».

О Столыпине распространено много вымыслов. Он и «реакционер», и «вещатель», и «антисемит». Но то, что было объяснимо для революционной пропаганды, в наши дни воспринимается весьма скептически.

Насчет «реакционера» и «вещателя» мы уже говорили. Теперь настал черед рассудить об «антисемитизме».

Думается, для начала стоит обратиться еще раз к такому характерному документу, как статья В. И. Ленина «Критические заметки по национальному вопросу».

Вождь мирового пролетариата, не стесняясь, гвоздит лозунг национальной культуры, все равно какой, русской или еврейской, и превозносит идею «создания интернациональной культуры рабочего движения». Однако никто не считает его ни антисемитом, ни русофобом.

Он прямо призывает бороться против «национальной культуры великороссов», называет ее «черносотенной». Точно так же для него и тот, кто «ставит лозунг еврейской «национальной культуры»» — враг пролетариата, пособник равинов и буржуа.

В общем, ясно.

Говоря о русском национальном чувстве, Ленин цитирует Чернышевского: «Жалкая нация, нация рабов, сверху до»

низу — все рабы», — и подчеркивает задачу великорусского сознательного пролетариата в области национальных чувств: поднять массы «до сознательной жизни демократов и социалистов».

Очень скромная задача для «жалкой» нации.

А вот то, что вождь мирового пролетариата выделяет: «великие всемирно-прогрессивные черты в еврейской культуре: ее интернационализм, ее отзывчивость на передовые движения эпохи (процент евреев в демократических и пролетарских движениях везде выше процента евреев в населении вообще)» (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 176).

Тоже довольно доходчиво. Но в итоге получается, что речь ни о какой культуре не шла? Речь шла о расколе, о политических интересах, о противопоставлении (если угодно, натравливании) людей друг на друга.

«Классовая борьба», — скажете вы.

Хорошо, пусть будет «классовая борьба». Но чем хуже лозунг «Великой России»? Лозунг национальной культуры? Тем, что защищает не «интернационал», а человека?

Впрочем, ответы на эти вопросы уже давно получены. То, что было выгодно социал-демократам перед Первой мировой войной, не было впоследствии принято ни единым народом.

Теперь об «антисемитизме» Столыпина.

В. А. Маклаков, кадет, депутат Второй, Третьей, Четвертой Думы, в мемуарах касается этой темы.

«Для более полного понимания того, к чему стремился Столыпин, полезно иметь в виду и те законы, которые изготовлялись, но не увидели света.

Был один закон, который мог бы своей цели достичь и стать предвозвестником новой эры; правительство его приняло и поднесло Государю на подпись: это «закон о еврейском равноправии». При диких формах современного антисемитизма (мемуары изданы в 1942 году. — Авт.) тогдашнее положение евреев в России может казаться терпимым. Но оно всех тяготило как несправедливость, потому такая реформа была бы полезна».

В. Н. Коковцов, министр финансов в кабинете Столыпина и его преемник, так описывает этот эпизод:

«...Столыпин просил всех нас высказаться откровенно, не считаем ли мы своевременным поставить на очередь вопрос об отмене в законодательном порядке некоторых едва ли не излишних ограничений в отношении евреев, которые особенно раздражают еврейское население России и, не внося ни-

какой реальной пользы для русского населения, потому что они постоянно обходятся со стороны евреев, — только питают революционное настроение еврейской массы и служат поводом к самой возмутительной противорусской пропаганде со стороны самого могущественного еврейского центра — в Америке» (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 177).

Столыпин хотел провести это решение быстро. Министры представили свои предложения. Его поддержали все. Это было в декабре 1906 года, то есть в самом начале столыпинского премьерства.

Журнал Совета министров долго находился у Николая II и вернулся Столыпину неутвержденным.

Царь мотивировал свое решение в письме:

«Петр Аркадьевич.

Возвращаю вам журнал по еврейскому вопросу не утвержденным.

Задолго до представления его мне, могу сказать, и денно, и ночью, я мыслил и раздумывал о нем.

Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, — внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям...

Николай».

Получив отказ, Столыпин обратился к царю с предложением провести указ общим законодательным порядком, через Думу. Царь согласился.

Однако ни Вторая, ни Третья, ни Четвертая Думы не обсуждали этого законопроекта. Очевидно, что он не устраивал ни левых, ни правых. Для левых поддержка означала признание за «реакционером» и «антисемитом» исторической роли разрешения вопроса, который должен был считаться неразрешимым в царской России. (Этот аргумент приведен как главный в сборнике документов «Убийство Столыпина». — Нью-Йорк, 1989.) Для правых это тоже было неприемлемым в силу их неуступчивости по отношению ко всем либеральным переменам.

Вообще «еврейский вопрос» был одним из главных политических тем того времени. Столыпин это понимал и считал, что разрешение проблемы лежит только в предоставлении евреям полных общегражданских прав. К тому же он придавал особое значение «экономическим способностям» евреев и считал, что это надо использовать во благо страны.

Вот как оценивал сложность «еврейского вопроса» в начале века В. В. Шульгин, тогдашний лидер думской партии националистов:

«...Столыпин, как мощный волнорез, двуединой системой казней и либеральных реформ разделил мятущуюся стихию на два потока...» и «...раздавил первую русскую революцию. Но он не успел построить мост к еврейству».

А между тем, по мнению В. В. Шульгина, «мост» этот Столыпиным уже наводился:

«...Перед смертью Столыпин носился с мыслью о «национализации капитала». Это было начинание покровительственного, в отношении русских предприятий, характера. Предполагалось, что казна создаст особый фонд, из которого будет приходиться на помощь живым русским людям. Тем энергичным русским характерам, которые, однако, не могут приложить своей энергии, так как не могут раздобыть кредита. Того кредита, той золотой или живой воды, которой обильно пользовался каждый еврей только в силу... «рождения», то есть в силу принадлежности своей к еврейству.

В некоторых кругах существовало убеждение, что именно за этот проект «еврейство» убило Столыпина. Если бы это было так, то это означало бы, что еврейство Столыпина не поняло.

Я сказал, что у Столыпина была двуединая система: в одной руке — пулемет, в другой — плуг. Залпами он отпугивал осмелевших коршунов, но мерами органического характера он стремился настолько усилить русское национальное тело, чтобы оно своей слабостью не вводило во искушение шакалов.

Эта психология должна была проникать и в его отношение к еврейскому вопросу. Он не мог не считать «ограничения» евреев временными и развращающими русское население. Последнее привыкло жить в оранжерейной атмосфере, в то время, как евреи воспитывались в суровой школе жизни. Кроме того, эти ограничения отнюдь не защищали русское население в самой важной области — там, где формируются текущие идеи, дух времени... Как я уже говорил, здесь еврейство захватывало командные высоты. Поэтому перед Столыпиным и в еврейском вопросе стояла задача: органическими мерами укрепить русское национальное тело настолько, чтобы можно было постепенно приступить к снятию ограничений.

Если таковы были действительно намерения Столыпина, то вместе с тем он не мог, конечно, не понимать, какой вой поднимут его враги справа, если он «вступит на путь» (а врагов у него было достаточно не столько в «хижилах», сколько —

во «дворцах»). Поэтому и с этой точки зрения он должен был обеспечить свой правый фланг. Значит, в общем, если Столыпин имел в виду снятие ограничений, он должен был усиливать способность к отпору русского народа. Таков, вероятно, был скрытый смысл «национализации капитала».

Убив Столыпина рукою Богрова, я думаю, евреи поспешили. Поспешили не только на беду всем нам, но и самим себе. Кто знает, что было бы, если бы Столыпин остался жить и руководил бы русским правительством в мировую войну.

Я считаю этот пункт весьма важным и позволю себе на нем остановиться.

Итак, свою ставку в 1905 году еврейство проиграло. Ставка эта была поставлена — на поражение. При каждой новой неудаче в войне России с Японией в освободительном лагере шел злорадный шепот: «чем хуже — тем лучше». Жаждали разгрома Исторической России точно так, как теперь жаждут поражения советской власти. Ибо поражение обозначало революцию; а на революцию возлагались этими слепорожденными людьми, евреями и еврействующими, самые светлые надежды.

И были тяжкие военные поражения. И революция началась; но ее удалось отбить. Тем не менее штурмующим власть колоннам удалось «вырвать Государственную Думу», то есть народное представительство.

То обстоятельство, что манифест 17 октября был открыт не из убеждения в его необходимости, а под угрозой революции, оказалось роковым для недолгого русского парламента. Это породило представление о своей силе у полупобедивших «парламентариев», продолжавших злобную против власти пропаганду с трибуны Государственной Думы — с одной стороны; с другой — осталось горькое чувство полупоражения, глухое нежелание признавать во всю глубину совершившиеся перемены строя; возникла скрытая враждебность к «новым людям», выброшенным на поверхность революцией 1905 года, хотя бы эти люди были друзья и сторонники Власти.

И был только один человек, которому это трудное положение «худого мира» оказалось по плечу. Этим человеком был Столыпин...

...Так вот, представим себе, что и десятое покушение не удалось бы; что пуля Богрова пролетела бы мимо; и Столыпин, дожив до мировой войны, был бы призван руководить Россией в это тяжелое время. В таком случае во главе русского правительства, вместо малозначащих людей, стоял бы человек масштаба Клемансо и Ллойд-Джорджа. И, разумеется,

первое, что сделал бы этот большой человек, — он осуществил бы идею «внутреннего парламентского мира». Известно, что таковой мир был заключен во всех Палатах воюющих государств, что естественно: война требовала единения всех сил перед лицом врага.

В России положение было бы безысходно, если бы русский образованный класс (а из предыдущего изложения мы знаем, что русская интеллигенция находилась под сильнейшим еврейским влиянием), если бы русский образованный класс занял в отношении мировой войны ту же позицию, которую он занимал во время войны русско-японской. Но ничего подобного не было. Не только следа пораженческих настроений не заметно было в начале мировой войны, а наоборот — вихрь энтузиазма, патриотического энтузиазма, подхватил Россию. Печать трубила во все свои трубы: «ляжем», если не за Царя, то «за Русь».

Я удивляюсь и сейчас, как многие не поняли, что это означало. Ведь печать-то была на три четверти в еврейских руках. И если «ложка оседлости», сделавшая в России слово «патриот» ругательным словом (невероятно, но факт), сейчас склоняла слово «Отечество» во всех надеждах и ради Родины готова была поддерживать даже «ненавистную власть», то сомнений быть не могло: еврейство, которое в 1905 году поставило свою ставку на поражение и революцию и проиграло, сейчас ставило ставку на победу и патриотизм.

Само собой разумеется, что оно рассчитывало на благодарный жест в конце войны; на то, что людям, исполнившим все обязанности, нужно дать и все права; разумеется, оно рассчитывало, что премией за патриотические усилия будет Равноправие. И ответственным людям, то есть прежде всего русскому правительству, надо было решить: да или нет. Принимая помощь русского образованного класса, то есть замаскированного еврейства, помощь вчерашних лютых врагов, власть должна была выяснить прежде всего для самой себя: решится ли она за эту помощь заплатить этой ценой? Ценой, которая не называлась, но всякому мало-мальски рассуждающему человеку была ясна.

И вот почему я говорю, что Богров поторопился убить Столыпина. Я совершенно убежден, что светлomu уму покойного Петра Аркадьевича положение было бы ясно. Воевать одновременно с евреями и немцами русской власти было не под силу. С кем-то надо было заключить союз. Или с немцами против евреев, или с евреями против немцев. Но так как война была немцами объявлена и Россией принята, то выбора не было: оставалось мириться с евреями...» (Соковнин Г. П. А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Саратов, 2002. С. 170).

Думается, тема «антисемитизма» исчерпана. Оставим ее для недобросовестной пропаганды рядом со «столыпинскими» галстуками и вагонами. И убийство Столыпина евреем Богровым — это следствие не антисемитизма, а иных причин, преимущественно русской жизни.

И. Солоневич так пишет о национальных отношениях в России: «Если исключить два очень больших вопроса, польский и еврейский, то никаких иных «национальных вопросов» у нас и в заводе не было. Никакой грузин, армянин, татарин, калмык, швед, финн, негр, француз, немец, или кто хотите, приезжая в Петербург, Москву, Сибирь, на Урал или на Кавказ, нигде и никак не чувствовал себя каким бы то ни было «угнетенным элементом» — если бы это было иначе, то царскими министрами не могли быть немцы и армяне. Все это мы учили очень плохо. Очень много мы не знаем вовсе» (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 175).

Что же, попробуем узнать, опираясь на исторические факты. Ключевский отмечал, что Москва не любила ломать старые порядки в присоединившихся землях. В империи действовали в соответствии с традициями и обычаями населения: Кодекс Наполеона в Царстве Польском, Литовский статус в Полтавской и Черниговской губерниях, Магдебургское право в Прибалтийском крае, обычное право у крестьян, всевозможные местные законы на Кавказе, в Сибири и Средней Азии.

Солоневич пишет: «Еще сто лет тому назад на юге и западе США правительство платило за скальп взрослого индейца пять долларов, а за скальп женщины и ребенка по три и два доллара. Приблизительно в то же время завоеванные кавказцы — Лианозовы, Манташевы, Гукасовы — делали свои миллионы на «русской нефти», из русских — не сделал никто. Завоеванный князь Лорис-Меликов был премьер-министром, а Гончаров во «Фрегате “Паллада” повествует о том, как в борьбе против «спаивания туземцев» русское правительство совершенно запретило продажу всяких спиртных напитков к востоку от Иркутска, — и для русских в том числе. Все это никак не похоже на политику «национальных меньшинств» в США и Канаде, в Конго или на Борнео. Все это никак не похоже и на политику Англии в Ирландии или Швеции в Финляндии. Англия, завоевав Ирландию, ограбила ирландцев до нитки, — превратив все население страны в полубатраков. Швеция, завоевав Финляндию, захватила там для своей аристократии огромные земельные богатства, и против этой аристократии финское правительство вело свои знаменитые «дубинные войны». Россия отвоевала от Швеции Прибалтику

и Финляндию, не ограбила решительно никого, оставила и в Прибалтике, и в Финляндии их старое законодательство, администрацию и даже аристократию — прибалтийские немцы стояли у русского Престола и генерал Маннергейм был генерал-адъютантом Его Величества» (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 178).

Здесь, по-видимому, встает вопрос: не совершаем ли мы ошибки, объясняя Столыпина Солоневичем?

Судите сами. Основная мысль Солоневича: исторический путь России был исковеркан Петром Великим, разорвавшим связь между властью и народом, оттого к нам пришло шляхетское крепостничество, превратившее крестьян в двуногий скот, а правящий образованный слой потерял способность понимать что бы то ни было.

Основная идея Столыпина: преодолеть ошибки прошлого и, освободив народные силы, строить Великую Россию. (В Великую Россию согласно идее государственности входили все народы.)

Россия как огромное, многонациональное, централизованное государство, утверждает Солоневич, является исторической формой существования русских, крепче которого на протяжении одиннадцати веков не было в мире. Он приводит примеры влияния нашествий — от татаро-монгольского до французского — и говорит: вероятно то, что из-под надгробной плиты, сооруженной Карлом Марксом над русской национальной доминантой, вдруг поднимется, казалось бы, давным-давно похороненный Александр Невский.

Короче говоря, перед нами ярко выраженный сторонник российской национальной идеи.

Столыпин и национальная идея

В мае 1909 года определился новый курс Столыпина — провозглашение принципа великорусского государственного национализма. Для современных людей, которые считают национализм и шовинизм одним и тем же явлением, такой курс покажется малосимпатичным. Однако попробуем прояснить тогдашнюю национальную обстановку. Действие имперского принципа равенства всех национальностей вызвало у некоторых видных интеллигентов озабоченность. Петр Струве выступил с рядом статей на эту тему: «Русская интеллигенция обесцвечивается в российской... Так же, как не следует заниматься обрусением

тех, кто не желает «русеть», так же точно нам самим не следует себя «оброссивать». В тяжелых испытаниях последних лет вырастает наше национальное русское чувство, оно преобразилось, усложнилось и утончилось, но в то же время возмужало и окрепло. Не пристало нам хитрить с ним и прятать наше лицо».

Тогда же поэт Андрей Белый напечатал в журнале «Весы» статью против засилья нерусских деятелей в литературе: *«Главарями национальной культуры оказываются чуждые этой культуре люди... Чистые струи родного языка засоряются своего рода безличным эсперанто из международных словечек... Вместо Гоголя объявляется Шолом Аш, провозглашается смерть быту, учреждается международный жаргон... Вы посмотрите на списки сотрудника газет и журналов в России: кто музыкальные, литературные критики этих журналов? Вы увидите сплошь имена евреев, пишущих на жаргоне эсперанто и терроризирующих всякую попытку углубить и обогатить русский язык»* (Цит. по: Рыбас С., Тараканова Л. Указ. соч. С. 180).

Такие статьи прежде были бы немыслимы. В настроении части интеллигенции происходили значительные перемены. Почему? Говорить об антисемитизме не приходится, ибо он вообще не свойствен русской интеллигенции, видевшей в защите прав евреев одну из своих задач. Здесь, пожалуй, другое. Здесь, пользуясь ленинскими аргументами, в чистом виде борьба двух тенденций развития национальной культуры. Подобная постановка национального вопроса в области культуры не имеет ничего общего с государственным национализмом и только сигнализирует об ущемлении интересов той или иной группы.

Национализм Столыпина опирался на иные обстоятельства.

В ряде губерний Западного края, Витебской, Минской, Могилевской, Киевской, Волынской, Подольской, где подавляющая часть населения была русской (великороссы, малороссы, белорусы), в Государственный совет избирались только поляки, численность которых была 2—3%. В связи с этим депутат Думы, профессор Д. И. Пихно внес законопроект о реформе выборов в Государственный совет от Западного края.

На этой проблеме в конце концов сошлось такое множество различных интересов, что, несмотря на победу в конечном счете точки зрения Столыпина, лично он был фактически надломлен.

Проект Пихно, правого деятеля, редактора газеты «Киев-

лянин», отчима В. В. Шульгина, нес в себе по меньшей мере три составляющие. Профессор предлагал выделить поляков в общую курию, а большинство мест предоставить русским.

Во-первых, это нарушало принцип равенства национальностей.

Во-вторых, поскольку фактически большинство крупных помещиков в крае были именно поляки, то избрание на их место в верхнюю палату русских означало бы ущемление прав аристократии.

В-третьих, такая мера означала бы, что русское население нуждается в защите.

Была еще одна сторона у этого явления. Реформы приводили к тому, что в верхах российской власти аристократическое направление уступало место демократическому.

Настроение народа надо было учитывать все больше. Во время выборов намечалось своеобразное распределение сил: в тех частях империи, где население было смешанным и где русским приходилось сталкиваться с другими народами, большинство русских поддерживали государственную идею, которую сильнее всего отстаивали правые. В крепком государстве они видели гарантию мира и спокойствия. С другой стороны, в Москве и Петербурге за правых голосовало 5—6% населения. (Как ни странно, и в наши дни прослеживается эта закономерность.)

В Государственном совете предложение Пихно не нашло поддержки. Бывший обер-прокурор Синода князь А. Д. Оболенский сказал: «Основное начало нашей государственности заключается в том, что в Российской монархии есть русский царь, перед которым все народы и все племена равны. Государь-император выше партий, национальностей, групп и сословий».

Тем не менее у Столыпина была другая точка зрения. Он поддержал проект Пихно, бросив вызов большинству членов Государственного совета, первых сановников империи.

Почему он это сделал? Почему с таким упорством боролся за воплощение проекта, не считаясь ни с каким риском?

Для ответа вспомним формулу Льва Толстого: казаки создали Россию. То есть русское земледельческое население, умеющее и хлеб сеять, и воевать, расширило пределы Руси. На Западе, где Россия держала стратегическую оборону, положение русских отличалось от положений во внутренних губерниях тем, что там русские соперничали (мирно, надо сказать) с другими народами. Внутри империи они, сохраняя национальную доверчивость и простодушие, вообще свойственную нации, ни с кем, собственно, не соперничали

(неудобства от дворянского социально-политического строя не в счет). При столыпинской перемене курса несоответствие демократизации жизни и подчеркнуто аристократически узконациональной практики выборов в Западном крае бросалось в глаза. Русские явно становились людьми «второго сорта», и подобное положение в государственном плане было непродуктивно, даже опасно.

О политической зрелости русских красноречиво свидетельствуют мемуары члена Государственной Думы В. В. Шульгина.

В составе Первой Думы было около сорока польских депутатов. После ее роспуска поляки вознамерились увеличить их число до ста и договорились на съезде в Варшаве при выборах по всей территории Западной России, Литвы и Царства Польского не пропускать в Думу русских. Свое решение они опубликовали в газетах.

Это был открытый вызов русскому населению.

Впрочем, здесь надо оговориться. Поляки воспринимали русских (и православных) как представителей имперской силы, отнявшей у них независимость. (О многочисленных польско-русских войнах, Лжедмитрии, Марине Мнишек, Хмельниччине польская историческая память, безусловно, помнила. Равно как и о разделах Польши, взятии Суворовым восставшей Варшавы, Паскевиче, Костюшко.)

Русская же историческая память вообще субстанция гораздо более спокойная, а если учесть, что русские сотни лет жили под сенью царского могущества, то, конечно, не было ничего удивительного в том, что острое заявление гонористых поляков русские помещики восприняли полусонно. И только некоторые проснулись.

Обратимся к мемуарам Шульгина: *«Инициативу взяли поляки. Они созвали в Киеве съезд русских землевладельцев Юго-Западного края, то есть губерний: Киевской, Подольской и Волынской. Это было в октябре 1906 года. Приглашались все, но приехало не так много, человек полтора, если память мне не изменяет. Чтобы дать понятие о продолжающейся спячке, можно сказать следующее.*

В Юго-Западном крае примерно сорок уездов. Значит, грубо говоря, три-четыре человека приехали от уезда. А сколько в каждом уезде было помещиков, которые могли явиться?

Не знаю, но много. В нашем Острожском уезде было более пятидесяти человек, которые по спискам имели право участвовать в избирательном собрании уезда. Из них в Киев приехали двое:

Сенкевич и я.

Двое! Значит, из пятидесяти проснулось только четыре процента».

Съезд русских помещиков постановил:

«Принять вызов поляков и употребить все усилия, чтобы во вторую Государственную думу поляки не явились единственными представителями Юго-Западного края.

Поручить всем явившимся на съезд организовать выборы в своих уездах».

«Мы, русские помещики Острожского уезда Волынской губернии, начисто провалились на выборах в первую Государственную Думу по этому уезду. Мы были совершенно не организованы. Поляки же явились все как один, в числе пятидесяти пяти, если не ошибаюсь, и с некоторой торжественностью закидали черными шарами наших кандидатов».

Вот здесь и началось то, что сделало Шульгина знаменитым и продемонстрировало всей России, что может один человек.

«Возвращаясь из Киева на Волынь, еще в поезде, мы с Сенкевичем определили, что, начиная план кампании, прежде всего необходимо иметь карту. Карта у меня была, и очень подробная. Масштаб три версты в дюйме. Карта эта занимала стену в моем кабинете в Курганах. Еще важнее были «списки избирателей». Они были напечатаны, мы их достали, равно как текст закона. Когда мы изучили эти материалы, план кампании стал нам ясен.

Членов Государственной Думы выбирали выборщики, присланные в губернское собрание из уездных собраний. Таких собраний в каждом уезде было два. Одно состояло из выборных от «волостей».

Русская деревня с незапамятных времен имела свое самоуправление, называвшееся волостным. Волостной сход составляли все хозяева данной волости. Хозяином почитался каждый, кто владел наделом, то есть участком земли, полученным в 1861 году при освобождении крестьян. Надел переходил по наследству. Волость как старинная форма самоуправления, хорошо знакомая крестьянам, и была положена в основу крестьянских выборов в Государственную Думу. Волостные сходы выбирали делегатов в уездное избирательное собрание. Это последнее выбирало делегатов в губернское, в данном случае в Житомир, где уже выбирались члены Государственной Думы от губернии.

Второе уездное собрание составляли землевладельцы, чьи выборные права основывались на личной собственности. Всякий, кто имел хоть какой-нибудь клочок личной земли, мог

участвовать в этом уездном избирательном собрании, но далеко не на одинаковых правах. Закон различал полноценовиков от более мелких собственников. В законе слова «помещик» не было. Но обычно, житейски, в то время помещиками называли лиц, имевших полный ценз. Величина ценза определялась законом для каждого уезда. В Острожском уезде ценз был определен в двести десятин. Так как у меня по купчей считалось триста десятин, то я был полноценовик и имел те же права, как и помещик Герман, самый крупный в нашем уезде. У него было около десяти тысяч десятин. Те же лица, которые не имели полного ценза, то есть двухсот десятин, не имели и голоса в собрании цензовиков. Но они могли «складывать» свою землю. Эта сложенная земля давала неполноценовикам столько голосов, сколько выходило, если общее число десятин сложенной земли разделить на двести. Так было в Острожском уезде.

Все это показалось нам поначалу чрезвычайно сложным. Но, изучив списки избирателей, мы поняли, что победа над польскими помещиками таится именно в этой сложности.

Делегаты от сложенной земли назывались «уполномоченными» от землевладельцев, не имевших ценза. Сколько же их явилось в Острожское избирательное собрание на выборах в первую Думу? Всего семь уполномоченных. А сколько их могло явиться, если бы они полностью использовали свои возможности?

В списках избирателей указывалось, сколько каждый имеет земли. Прodelав утомительную арифметику по сложению этих клочков, мы узнали, что у всех «мелких» (для простоты так их называли) в совокупности имеется свыше шестнадцати тысяч десятин. Разделив сию цифру на двести, мы сделали потрясающее открытие: если мелкие используют всю свою землю, то их уполномоченные явятся в Острожское губернское избирательное собрание в числе восьмидесяти человек. Восемьдесят! Это означало, что в этом случае не цензовики будут хозяевами выборов, а уполномоченные».

Анализируя обстановку, Шульгин обратил внимание на то, что священники тоже имели право прислать двадцать уполномоченных. Да еще надо было учесть других мелких земельных собственников, чехов и немцев, живущих в этом краю со времен Екатерины Второй.

Казалось бы, на стороне русских подавляющее преимущество. Но, продолжает Шульгин, «обмозговав положение, мы поняли, что создавать какой-то собственный аппарат немислимо. У нас нет ни людей, ни денег, ни времени».

Да, времени на то, чтобы объехать несколько сот человек, не было.

Напечатать в газетах, распространить листовки?

«Но эти люди газет не читают».

«Остаются батюшки! Их не меньше ста лиц в нашем уезде. Они есть в каждом селе, и все в совокупности они знают чуть ли не поименно всю толщу народа. Кроме того, они сами по закону являются участниками в выборах. Батюшки — это ключ к положению».

Итак, Шульгин обратился к священникам и нашел у них понимание. Равнодушие избирателей должно было быть прервано.

«Я написал и послал свыше ста открыток одинакового содержания:

«В Вашем приходе, уважаемый отец такой-то, проживают такие-то лица. Им надлежит прибыть на выборы в Государственную Думу туда-то тогда-то. Предвыборный комитет просит Вас напомнить им об этом их долге в ближайший к выборам праздничный день, после службы».

Эти невинные открытки и решили дело по существу. Но, кроме того, мы предприняли еще кое-какие меры, чтобы облегчить избирателям явку. Не всем было с руки ехать в Острог, да еще в январе месяце. Острожский уезд сравнительно небольшой, но все же туда и обратно многим пришлось бы проехать на лошадях десятки и десятки верст.

Мы разбили уезд на три части, с тем чтобы выборы уполномоченных совершились в трех местечках... Этого комитет добился у властей предержавших».

«Когда утром этого решительного дня я посмотрел на градусник, то подумал: «Чего можно ожидать, если мороз тридцать градусов? Кто поедет? Мороз в тридцать градусов по Реомюру, по Цельсию около сорока, для Волыни вещь исключительная».

Но вечером приехали Сенкевич и Лашинские и привезли радостные вести.

Мороз не испугал. Явились! Приехали тучами».

«Действительно, это была победа, в которую и верить было трудно. Если бы приехали все, кто в списках, до последнего, то уполномоченных было бы восемьдесят человек. Шестьдесят — это семьдесят восемь процентов от высшей теоретической возможности».

Поведав эту историю, Шульгин замечает: *«Идея национального единства, поддержанная Церковью, одержала верх».*

При этом, добавим мы, Шульгин подчеркивал, даже по-

мимо своего желания, что государство в целом было далеко не едино.

И прошедший через революционный террор Столыпин оознавал это не хуже Шульгина.

Острота ситуации была в том, что Шульгин, а потом Столыпин в борьбе за закон о земствах в Юго-Западном крае действовали наперекор имперскому (наднациональному) принципу, поддерживая государствообразующий национальный элемент. То есть одной рукой разрушали государственность, а другой — пытались укрепить ее национальный стержень.

При этом они руководствовались не собственными домошенными представлениями об устройстве России, а тысячетелней исторической традицией, из которой следовало, что Россия собирает земли и народы на Востоке и держит оборону на Западе.

Дополнительным обстоятельством шульгинского действия являлось отрицательное отношение евреев к мобилизационному стремлению русских, то есть еврейское население выступило на стороне поляков. Это вполне объяснимо, так как ни поляки, ни евреи не хотели ассимилироваться и сохраняли национальные структуры и способность к самоорганизации.

У русских такой способностью обладали два института: царь и крестьянская община. Но царь был не только русским царем, но и российским императором, а значит, был сильно ограничен в чисто национальных устремлениях; община же разрушалась и сама по себе, и под воздействием реформ.

Этот процесс понимали немногие, но чувствовали почти все.

Какой же был выход? Самоорганизация на более высоком уровне, то есть на парламентском.

Столыпин и Шульгин были правы: не надо было ни с кем бороться, ни с полячеством, ни с еврейством, а надо было просыпаться.

Столыпин фактически выступил против дворянского монархического принципа. Известно, что Россия, несмотря на высокие достижения ее культуры, имела ужасающий разрыв между «верхами и низами», между утонченной культурой дворянской аристократии и проявлениями бескультурья среди низов. Дворянство таяло, вырождалось, но оставалось единственным правящим сословием. Реформы Столыпина — это приговор дворянству и отдушина для крестьян, купцов и промышленников.

Согласно мысли Ивана Солоневича: дворянство было главным препятствием в естественном развитии России, держа в заложниках даже русских царей, — Столыпин был последним государственным человеком правящего слоя. Как мы уже сказали, последним Римлянином.

Кроме драматического противостояния с правящим классом, Столыпин столкнулся еще с одной драмой — финансовой.

Столыпин и Кривошеин хотели, чтобы Крестьянский банк выпустил облигации и на полученные от их продажи средства кредитовал крестьян. Предполагалось получить 500 миллионов рублей.

Однако министр финансов В. Н. Коковцов, в целом поддерживающий Реформатора, на сей раз был против. Государству требовались немалые средства и на другие важнейшие дела, в том числе строительство железных дорог, перевооружение, а также надо было привлекать частный капитал в промышленность.

Тут возникало объективное противоречие. Для привлечения денег в «крестьянские облигации» требовалось облигации сделать более привлекательными по сравнению с государственными ценными бумагами или железнодорожными займами, то есть возникала угроза всему бюджету страны, угроза обесценивания рубля.

В итоге на пути реформы уже в форме зримой нехватки «презренного металла» снова обозначилась проблема непомерного бремени на поддержку дворянского землевладения, чтобы удовлетворить интересы правящего, но экономически отсталого класса.

Подспудные скрепы, державшие государство, были перенапряжены до предела.

Именно поэтому Столыпин стремился умиротворить общество в политическом плане, ни в коем случае не прерывать диалога с оппозицией, то есть сохранить Думу. Прямо говоря, он вел игру по всему политическому полю, чего не желал или не мог сделать его венценосный начальник.

Так сошлись во временном и трагическом союзе прекрасный семьянин и человек Николай Александрович Романов, как будто живший духом XVI века, и такой же прекрасный семьянин и человек нового политического времени Петр Аркадьевич Столыпин.

Увы, их союз был обречен.

Конечно, какой-то шанс у них был, но всего лишь малый шанс: парламентская монархия, гражданские свободы и отчуждение части помещичьей земли.

Кто из русских не поймет сердцем стремление Столыпина сохранить равновесие национальных сил в Западном крае, то есть фактически в российской Польше?

Как ни называйте это стремление, национализмом, державностью или империализмом, все равно политическая задача Петербурга была неизменной: сохранить, укрепить государство.

Но было (и поныне есть) одно обстоятельство, которое, если быть справедливым, говорит не в пользу Петра Аркадьевича. Впрочем, он не святой.

В Польше, где минимально присутствовали аристократы-поляки, которые имели максимальное представительство в земских учреждениях, можно было бы обойтись без всяких национальных курий, если бы абсолютному русскому (православному) большинству дали бы равные права. Казалось, сделай Столыпин шаг в этом направлении, и тогда... а что же тогда? В том-то и дело, что такой шаг был невозможен!

«Для демократической России поляки не страшны ни в малейшей степени, но Россия, в которой властвует земельное дворянство и бюрократия, должна защищаться от поляков искусственными мероприятиями, загородками «национальных курий». Официальный национализм вынужден прибегать к этим методам в стране, где существует несомненное русское большинство, потому что дворянская и бюрократическая Россия не может прикоснуться к земле и черпать силы из русской крестьянской демократии» (Струве П. Два национализма. В сб.: Струве П. Б. Россия. Родина. Чужбина. СПб., 2000. С. 93).

Как мы знаем, этот «роковой вопрос русского политического развития» разрушил Российскую империю, Великую Россию, как называл ее Столыпин. Но его разрушительная сила не иссякла и в XXI веке.

Именно дворянская бюрократия была первым противником преобразований. Именно она после смерти Столыпина привела страну к войне и катастрофе.

Впрочем, обратимся к речи Столыпина (17 мая 1910 года):
«Западные губернии, как вам известно, в 14-м столетии представляли из себя сильное литовско-русское государство. В 18-м столетии край этот перешел опять под власть России, с ополяченным и перешедшим в католичество высшим классом

населения и с низшим классом, поработанным и угнетенным, но сохранившим вместе со своим духовенством преданность православию и России.

В эту эпоху русское государство было властно вводить свободно в край русские государственные начала. Мы видим Екатерину Великую, несмотря на всю ее гуманность, водворяющую в крае русских земледельцев, русских должностных людей, вводящую общие губернские учреждения, отменяющую Литовский статут и Магдебургское право. Ясно стремление этой государыни укрепить еще струящиеся в крае русские течения, влив в них новую силу для того, чтобы придать всему краю прежнюю русскую государственную окраску.

Но не так думали ее преемники. Они считали ошибкой государственной воздействие на благоприятное в русском смысле разрешение процесса, которым бродил Западный край в течение столетия, процесса, который заключался в долголетней борьбе начал русско-славянских и польско-латинских. Они считали эту борьбу просто законченной. Справедливость, оказанная высшему польскому классу населения, должна была сделать эту борьбу бессмысленной, ненужной, должна была привлечь эти верхи населения в пользу русской государственной идеи. Опыт этот, произведенный императорами Павлом Петровичем и Александром Благословенным, приобретает, с нашей точки зрения, особую важность и поучительность.

...Русские люди, которые были поселены в крае, были опять выселены; был восстановлен опять Литовский статут, были восстановлены сеймики, которые выбирали маршаллов, судей и всех служилых людей. Но то, что в великодушных помыслах названных государей было актом справедливости, на деле оказалось политическим соблазном. Облегчали польской интеллигенции возможность политической борьбы и думали, что в благодарность за это она от этой борьбы откажется!

Не мудрено, господа, что императора Александра I ждали крупные разочарования. И действительно, скоро весь край принял вновь польский облик. Как яркий пример я приведу вам превращение старой православной метрополитенской церкви в анатомический театр при польском Виленском университете. Везде гнездились заговоры, в воздухе носилась гроза, которая и разразилась после смерти Александра в 1831 году вооруженным восстанием.

Это восстание, господа, открыло глаза русскому правительству. Государь-император Николай Павлович вернулся к

политике Екатерины Великой. Своею целью он поставил, как писал в рескрипте на имя генерал-губернатора Юго-Западного края: «Вести край сей силой возвышения православия и элементов русских к беспредельному единению с великорусскими губерниями». И далее «Дотоле не перестанут действовать во исполнение изъясненных видов моих, пока вверенные вам губернии не сольются с остальными частями Империи в одно тело, в одну душу».

...Политика в царствование Николая Павловича вращалась вокруг униатского вопроса, что привело к воссоединению униатов (с православной церковью. — Авт.), вращалась вокруг школьного дела, причем польский университет был перенесен из Вильны в Киев. Местным обывателям не была даже окончательно заграждена возможность поступать на государственную службу: дворянским собраниям было лишь вменено в обязанность принимать на дворянскую службу лиц, беспорочно прослуживших не менее десяти лет на военной или гражданской службе. И мало-помалу, без особой ломки планы и виды императора начали проходить в жизнь».

Надо отметить, что Столыпин указывает только исторические вехи этого болезненного и до сих пор еще не завершившегося процесса. Впрочем, не будем забывать столыпинского намерения дать независимость собственно Польше.

«Но, господа, судьбе было угодно, чтобы опыт, единожды произведенный после смерти Екатерины Второй, повторился еще раз. По восшествии на престол император Александр Второй, по врожденному своему великодушию, сделал еще раз попытку привлечь на свою сторону польские элементы Западного края. Вместо того чтобы продолжать политику приведения русских начал, которые уже начали получать преобладание над польскими стремлениями и влияниями, поставлено было целью эти стремления и влияния обезвредить, сделать их одним из слагаемых государственности в Западном крае. И, тривиально говоря, поляки были попросту еще раз сбиты с толку; поляки никогда не отказывались и не стремились отказаться от своей национальности, какие бы льготы им предоставлены ни были, а льготы эти со своей стороны питали надежды и иллюзии осуществления национального польского стремления — ополячения края.

...В это время пробудились у поляков все врожденные хорошие и дурные стремления; они проснулись, пробужденные примирительной политикой императора Александра Второго, по-

литикой, которая, как и 30 лет перед этим, окончилась вторым вооруженным восстанием.

Вот, господа, те исторические уроки, которые, я думаю, с достаточной яркостью указывают, что такое государство, как Россия, не может и не вправе безнаказанно (подчеркнуто нами. — Авт.) отказываться от проведения своих исторических задач».

Дальше Столыпин приводит примеры, как в годы революции в Западном крае столкновения на национальной почве приводили к попыткам насильственно сменить всех православных и волостных должностных лиц, школьных учителей. В Северо-Западном крае римско-католический епископ Рооп заменял ксендзов-литовцев и белорусов ксендзами-поляками, призывал к формированию воинских частей из местных обывателей по религиозному принципу и т.д. На польских съездах провозглашалось, что польская культура выше русской и что поляки имеют особое положение.

Столыпин открыто призвал к защите русских государственных интересов: «Необходимо дать простор местной самодеятельности, поставить государственные грани для защиты русского элемента, который иначе неминуемо будет оттеснен».

Для решения этого вопроса он предложил создать национальные избирательные курии, русскую и польскую.

Через неделю в короткой речи в Думе Столыпин снова возвращается к этой теме и подчеркивает, что больше всего боится «равнодушия закона к русским».

Законопроект был принят со значительными поправками, но сохранились сам принцип курий и понижение имущественного ценза.

Только спустя восемь месяцев, 1 февраля 1911 года, Государственный совет приступил к обсуждению вопроса о земстве в Западном крае. Тотчас выяснилось, что борьба будет идти вокруг основного пункта законопроекта — русской и польской курий. Председатель фракции правых П. Н. Дурново написал царю письмо, где говорилось, что проект нарушает имперский принцип равенства, ограничивает в правах польское консервативное дворянство в пользу русской «полуинтеллигенции», создает понижением имущественного ценза прецедент для остальных губерний.

Столыпин сделал ответный ход. По его просьбе царь обратился к правым через председателя Государственного совета М. Г. Акимова с рекомендацией поддержать законопроект.

Правые восприняли эту рекомендацию неодобрительно, увидев в ней попытку давления. Сторонник Дурново В. Ф. Трепов добился у царя аудиенции и, высказав свою точку зрения, прямо спросил: понимать ли царское пожелание как приказ или можно голосовать по совести?

Не терпевший никакого давления, Николай ответил, что, разумеется, надо голосовать «по совести». Что и было нужно Трепову, который доложил об этом своим единомышленникам.

Столыпин об этом ничего не знал. 4 марта Государственный совет заголосовал основную статью, и вдруг оказалось, что она отвергнута большинством: 92 голоса против 68. Двадцать восемь правых депутатов голосовали против.

Столыпин был потрясен. Законопроект в его представлении должен был сыграть огромную роль в будущем страны. А то, что правые члены Государственного совета, назначенные туда царем и недавно имевшие высочайшую аудиенцию, выступили против, было для него признаком царского недоверия, явной интриги. Столыпин сразу же ушел с заседания.

Была ли на самом деле интрига? Помощник Столыпина А. В. Зеньковский не сомневался в этом, приводя тот факт, что уже после смерти Реформатора законопроект был полностью утвержден Государственным советом.

Действительно, против основной мысли законопроекта — охраны прав русского населения как проводника русской государственной идеи на окраинах империи — правым, по сути, нечего было возразить. Если они возражали, — значит, «валили» Столыпина.

С. С. Ольденбург считал законной позицию Дурново и Трепова, проявившуюся в ответ на попытку Столыпина использовать мнение Николая для давления на правых.

На самом деле, безусловно, это была открытая борьба аристократического, дворянского начала российской монархии с ее демократическим началом. И то, что обе стороны стояли на идее приоритета государственности, не примирило их.

Справедливости ради надо добавить, что земства Западного края сделали по сравнению со старыми губернскими распорядительными комитетами во много раз больше. Особенно их сила проявилась в годы мировой войны. Как говорил Столыпин: «Пусть из-за боязни идти своим русским твердым путем не остановится развитие богатого и прекрасного края...»

Итак, 4 марта законопроект был отвергнут.

5 марта Столыпин поехал с докладом в Царское Село и заявил о своей отставке.

Николай был крайне удивлен. Повод показался ему незначительным.

Столыпин объяснил, что работать в обстановке интриг и недоверия со стороны монарха он не может.

Его ответ не удовлетворил Николая. Царь сказал, что не хочет лишаться Столыпина, и просил придумать какой-нибудь другой выход. Кроме того, он считал, что конфликты правительства с Думой и Государственным советом под его контролем.

Столыпин прокладывал прямолинейный путь, который не оставлял ему шанса для отступления. Он предложил распустить обе палаты на несколько дней и провести закон о западном земстве по 87-й статье.

Николай спросил, не боится ли он, что Дума осудит его.

Столыпин стоял на своем. Он был уверен, что Дума, которая поддержала законопроект, поймет правительство.

А Николай оказался перед сложной задачей: как сохранить Реформатора и одновременно с этим — как сохранить лицо перед общественностью? Он сказал: «Хорошо, чтобы не потерять вас, я готов согласиться на такую небывалую меру, дайте мне только передумать ее».

Но Столыпину этого было мало. Надо было что-то предпринять, чтобы Государственный совет, точнее, правые больше никогда не пытались пользоваться возможностью влиять на царя. То, что он сделал, было новым риском, но позволяло ему уничтожить тормоз, мешающий реформам. Столыпин высказался против Дурново и Трепова и просил Николая подвергнуть их взысканию, которое было бы показательным и для других.

Надо добавить, что Дурново был идейным консерватором, отвергавшим всякие компромиссы с либералами. Он не понимал, отчего происходит бессознательная оппозиционность русского общества, считал, что у самой оппозиции нет поддержки в народе, и указывал, что соглашения с оппозицией только ослабляют правительство, которое должно независимо от оппозиции выполнять роль регулятора социальных отношений.

Нельзя сказать, что Николаю не были близки эти мысли. На этих взглядах держалась старая Россия.

И такого человека Николай должен был наказать?

Не много ли требовал Столыпин? Не переоценил ли свою силу?

«Государь, выслушав мое обращение, — рассказывал

Столыпин потом, — долго думал и затем, как бы очнувшись от забытья, спросил: “Что же желали бы вы, Петр Аркадьевич, чтобы я соделал?” Столыпин хотел, чтобы Дурново и Трепову было предложено на некоторое время уехать из столицы и прервать свою работу в Государственном совете.

Царь ничего на это не сказал, обещал все обдумать.

На следующий день Столыпин созвал министров и рассказал о разговоре с Николаем. Он был настроен решительно. Кривошеин, правда, пытался отговорить его от ультиматума по поводу Дурново и Трепова, да еще государственный контролер П. А. Харитонов предлагал искать примирительный исход.

Для чего Столыпин шел на обострение с видными представителями дворянской аристократии, не желая найти компромисс, сейчас невозможно доподлинно ответить. Немалую роль здесь сыграл и его прямой, сильный характер, всегда принимающий вызов.

Знал ли он, что Николай не простит ему этого нажима? Обязан был знать. Однако, по-видимому, считал необходимым бороться.

В известном смысле это было упоение борьбой. Неспроста осторожный, глубокий, консервативный Кривошеин, правая рука Столыпина в проведении реформ, предостерегал его от опрометчивого шага.

Столыпин горячо ответил на это: «Пусть ищут смягчения те, кто дорожит своим положением, а я нахожу и честнее и достойнее просто отойти совершенно в сторону, если только еще приходится поддерживать свое личное положение».

Все министры ушли, остался один Коковцов. И он стал отговаривать Столыпина: Дума не простит насилия над законодательным порядком, требовать от царя наказания Дурново и Трепова, которых он сам принял на аудиенции, — неправильно. Коковцов предложил внести законопроект заново, чтобы провести его все-таки естественным путем.

Нет, Столыпин был непреклонен. «Лучше разрубить клубок разом, чем мучиться месяцами над работой разматывания клубка интриг».

Как будто он забыл, что сам всей своей деятельностью проводил принцип постепенных преобразований! Теперь надо было ждать решения царя. Три дня от него не было ответа.

(В августе 1915 года история как будто подставила А. В. Кривошеину зеркало, когда он, забыв о «царском комплексе страха собственного слабоволия», настаивал на вхож-

денин в правительство общественных деятелей вместе с А. И. Гучковым и даже пошел на своеобразный ультиматум, каковым являлось коллективное письмо министров к царю. Впоследствии он сожалел об этом: «Как я мог так поступить, зная характер государя?» Николай не послушал своих министров, не ввел в правительство новых лиц и взял на себя верховное командование армией, что и привело его через полтора года к «псковской ловушке», где Гучков и Шульгин приняли у него акт отречения.)

Опасная милость царя

В 1911 году положение в стране казалось неизблемым. Казалось, мало что может измениться, если Столыпин уйдет. Должно быть, так думал и Николай.

Не получая три дня ответа, Петр Аркадьевич уже считал себя в отставке, как на четвертый день был вызван в Гатчину к вдовствующей императрице Марии Федоровне.

В дверях кабинета хозяйки дворца он буквально столкнулся с царем. Не здороваясь, Николай быстро прошел мимо. В руках он держал платок, которым вытирал слезы. Что это означало, Столыпин вскоре понял.

Мать царя приняла его очень сердечно, начала уговаривать не уходить в отставку, прося так горячо и взволнованно, что это походило на мольбу.

«Я передала сыну, — сказала императрица, — глубокое мое убеждение в том, что вы один имеете силу и возможность спасти Россию и вывести ее на верный путь».

Она поведала, что царь сначала не слушал ее, находясь под влиянием своей супруги, которая ревновала к славе Столыпина, но затем согласился. По ее словам, спасти Россию мог только Столыпин.

Теперь можно было понять, почему Николай вышел от нее в слезах.

Столыпин покинул Гатчинский дворец, ожидая вызова в Царское Село.

За эти три дня он устал и почти смирился с мыслью, что уйдет. Рано или поздно это должно было случиться. Слава богу, что он жив, не изувечен. Когда-то он признался: «Каждое утро, когда я просыпаюсь и творю молитву, я смотрю на предстоящий день как на последний в жизни и готовлюсь выполнить все свои обязанности, уже устремляя взор в вечность. А вечером, когда я опять возвращаюсь в свою комнату, то говорю себе, что должен благодарить Бо-

га за лишний дарованный мне в жизни день. Это единственное следствие моего постоянного сознания близости смерти как расплаты за свои убеждения. И порой я ясно чувствую, что должен наступить день, когда замысел убийцы наконец удастся».

Уйдя в отставку, можно будет наконец освободиться от неподъемной тяжести, которую он уже пять лет держал на плечах. Благодаря тому, что он совершил, уже не свернешь назад. Он показал, что можно преобразовывать Россию без диктатуры, что можно удержать империю от развала и сделать ее не только сильной, но и народной.

За эти три дня сведения о возможной отставке правительства проникли в печать. В Думе не одобряли действия правых. Лев Тихомиров, публицист, в прошлом раскаявшийся революционер, прислал Столыпину телеграмму: *«Приношу дань глубокого уважения до конца стойкому защитнику национальных интересов»*. В Западном крае протестовали против решения Государственного совета...

После возвращения Столыпина из Гатчины глубокой ночью, в третьем часу, к нему прибыл фельдъегерь с пакетом от царя. Там было письмо на шестнадцати страницах. Николай писал, что был недостаточно искренен со своим главным помощником, что сознает ошибки и понимает, что только дружная работа вместе со Столыпиным может поднять страну. Он просил взять прошение об отставке обратно и утром прибыть в Царское Село.

На следующий день 10 марта Столыпин был принят царем. Все было сделано так, как он добивался: подписан приказ о перерыве в работе палат с 12 по 14 марта и поручено председателю Совета министров объявить Дурново и Трепову повеление выехать из столицы и до конца не посещать заседаний Государственного совета. Это была невиданная победа Столыпина! Вернувшись, он тотчас позвонил Кривошеину и, полный радости, описал царскую аудиенцию: «Никогда еще государь не оказывал мне столь милостивого приема». На что Кривошеин через минуту заметил П. Н. Апраксину: «Никогда государь этого ему не простит».

Победа несла в себе начало крушения. Царь совершил действия, справедливость которых представлялась ему сомнительной.

И сразу после публикации указа о перерыве сессии Дума забурлила. Еще вчера Столыпин был гонимым, страдающим за идею укрепления русской государственности (причем большинство понимало, что «русская государственность» не несет в себе ничего шовинистического, как,

например, «английская», «германская», «французская»), а сегодня он — диктатор. Да, диктатор. Общественное мнение именно так воспринимало применение 87-й статьи Основных законов.

К Столыпину явилась депутация октябристов и заявила свое несогласие. Столыпин признал, что это был «нажим на закон», но объяснил, что проект принят в думской редакции, то есть фактически выполнено решение Думы, а все происходящее — победа над «реакционным заговором».

Казалось, что Думе волноваться? Ведь самый главный столыпинский закон о свободном выходе крестьян из общины принят именно по 87-й, и все давным-давно согласились, что иначе он никогда не был бы принят. Да и в законодательной практике других стран, Англии, Австрии, тоже не раз применялись подобные меры. Чего же бурлить? А вот бурлило...

Столыпин, однако, чувствовал себя победителем и уехал на несколько дней в Ковенскую губернию к старшей дочери, которая уже была замужем, в имение Довторы.

Были хмурые, холодные весенние дни начала Страстной недели. Но с приездом Столыпина погода вдруг переменялась, пришло тепло и засияло солнце. Он гулял с дочерью, зятем и гостившей у них молодой американкой по саду, любовался пробуждением природы, ездил верхом, учился играть в бридж — он стремился полностью забыться.

Погостив у дочери четыре дня, Столыпин вернулся в Петербург. Там застал совсем другое настроение.

Гучков, протестуя против «игры законов», отказался от председательства в Думе. Несколько думских фракций внесли запросы по поводу «крушения Основных Законов». Подавляющее большинство думцев было раздражено. Правые были возмущены расправой с Дурново и Треповым. Левые — призраком диктатуры. Правый монархист граф А. А. Бобринский писал в своем дневнике: *«Возмущению Петербурга нет границ»*, — и так оценивал действия Столыпина: *«Имел такую исключительно удачную партию на руках и так глупо профершипил!»* А Лев Тихомиров, который несколько дней назад, предвидя отставку премьера, приветствовал его, теперь был настроен совсем по-другому: *«Столыпин решил взять закон глупости... Хорош заговор! Все программы монархических союзов требуют восстановления самодержавия... Какой тут заговор?.. Не ожидал я, чтобы Столыпин в пылу борьбы мог унизиться до явно лживого доноса»*.

15 марта Дума возобновила работу. С ее трибуны на

председателя Совета министров обрушилась резкая критика. Трудно было поверить, что это та Дума, которая еще недавно сотрудничала с правительством. Октябристы, кадеты, правые — все обвиняли Столыпина.

«Смешно и трагично, что лица, руководящие русской политикой, настолько неосведомлены, что они считают возможным найти в Думе поддержку для грубых правонарушений», — говорил октябрист С. И. Шидловский.

Милюков проводил историческую параллель: *«Как будут сконфужены заграничные газеты, когда узнают, что наших членов верхней палаты за выраженное ими мнение не только подвергают дисциплинарной ответственности, как чиновников, но и отечески карают, как холопов. Благодарите нового Бориса Годунова!»*

Наверное, неспроста приват-доцент истории Милюков выбрал имя Годунова, на котором лежит обвинение в убийстве законного наследника престола.

С Милюковым перекликался В. Н. Львов: *«Когда у Карамзина спросили об Аракчееве, он ответил: “Священным именем монарха играет временщик”».*

Вслед за Думой предъявил запрос правительству и Государственный совет.

Столь дружное осуждение было для Столыпина неожиданным. Он видел, что переоценил свои силы, что общество, смирявшееся с жестокими мерами по подавлению террора, спланивается против него. Еще недавно он боролся с правыми против установления диктатуры и против ликвидации Думы, боролся против иллюзии мгновенных, скачкообразных перемен; сейчас, по мнению большинства, он нарушал собственные правила.

Сказывалась еще и старая русская традиция — судить правителя не по закону, а по общественному представлению о справедливости. Западная философия: *«Пусть рухнет мир, но восторжествует закон», — в России всегда была холодной книжной максимой. В России мир был выше и царского мнения.*

Показательно, что, начав бороться с общиной, с крестьянским миром, Столыпин получил от этого мира удар, выраженный в народном представлении о справедливости. А то, что и Дума, и Государственный совет в данном случае выражали универсальное мнение — бесспорно. Они поправляли и монарха. Действие председателя Совета министров было осуждено в обеих палатах.

Понимал ли Столыпин это до конца?

Трудно сказать. Он был полностью захвачен националь-

ной государственной идеей. «Россия была подведена к поворотному пункту в ее внутренней национальной политике, — говорил он, отвечая на запрос в Государственном совете. — Я знаю, что отказ от мечты о западном земстве — это печальный звон об отказе Петербурга в опасную минуту от поддержки тех, кто преемственно стоял и стоит за сохранение Западной России русской».

Через четыре месяца, уже после гибели Реформатора, когда страсти по поводу его «диктаторства» остались в прошлом, российское общество склонило голову перед его памятью.

А тогда, весной, царь резко охладел к Столыпину. Он сказал, по свидетельству Витте, что готовит ему новое назначение. Возможно, что это так. Но возможно, что Витте пользовался слухами. Одно достоверно: Столыпин был в тупике.

Возвращение Распутина

Влияние на царя его матери в этот период ослабело, а усилилась позиция супруги, считавшей, что парламентаризм и реформы разрушают страну, и благоволившей, напомним, к Распутину.

Распутин же испытывал к Столыпину яростную вражду. Известно, что «старец» пытался гипнотизировать премьера. Это было в начале 1911 года, после того как Столыпин снова поставил перед царем вопрос о Распутине. Премьер представил Николаю обширный доклад, составленный на основании следственного материала Синода. Царь ничего не решил, поручив Столыпину встретиться с Распутиным и лично составить о нем мнение. Премьер вызвал «старца». Войдя в кабинет, тот принялся шаманить.

«Он бегал по мне своими белесоватыми глазами, — рассказывал Столыпин, — произносил какие-то загадочные и бесполезные изречения из Священного Писания, как-то необычно водил руками, и я чувствовал, что во мне пробуждается непреодолимое отвращение к этой гадине, сидящей против меня. Но я понимал, что в этом человеке большая сила гипноза и что она на меня производит какое-то довольно сильное, правда, отталкивающее, но все же моральное влияние. Преодолев себя, я прикрикнул на него и, сказав ему прямо, что на основании документальных данных он у меня в руках и я могу его раздавить в прах, предав суду по всей строгости законов о сектантах, ввиду чего резко приказал ему немедленно,

безотлагательно и притом добровольно покинуть Петербург и вернуться в свое село и больше не появляться».

Распутин был изгнан и объявился уже в Киеве, привезенный туда из сибирского села фрейлиной императрицы А. А. Вырубовой.

Можно понять отношение императрицы Александры Федоровны, матери, чей сын болен гемофилией и поддерживался заговорами «старца», к председателю Совета министров, который изгоняет целителя. Это тоже был тупик.

* * *

Для Столыпина наступает период «полуотставки». Лето он проводит в своем имении Колноберже и лишь в июле наездами бывает в столице. Он снова становится помещиком. И хотя установленный в доме телеграф днем и ночью выстукивает новости, Реформатор с каждым днем все глубже погружается в интересы семьи. Он устал. Доктор говорит, что у него грудная жаба и сердце требует длительного покоя.

В Колноберже обычно приезжали соседи и друзья, но в это лето Столыпин сам объезжает их поместья, чего по недостатку времени раньше не мог делать.

Лето, последнее лето. Чудесные, погожие дни, жена, маленький Аркадий (который проживет долгую жизнь и расскажет Александру Солженицыну о своем отце), дочери, из которых самая близкая — Маша, а самая жалкая — израненная Наташа, уже после операций научившаяся ходить... Семейные вечера, долгие разговоры, возвращение к семейным божествам, от которых его оторвало служение государству.

— Постараюсь отдохнуть в Колноберже, насколько можно, без вреда для дел, — сказал Петр Аркадьевич Маше, — а осенью поеду на юг. — И добавил: — Не знаю, долго ли могу прожить.

Нет, служение государству никого не делало счастливым.

Обстоятельства климата и истории говорят нам: «Служи». Взаимоотношения человека и государства — только через жертву.

Все так.

От крошечного поселка, затерявшегося в лесах на ручье-реке Москве, тысячу лет росло Русское государство, и ни у кого из русских не было желания уйти от своей судьбы. Если кто уходил, не по своей воле, а по своему горю.

Его больше нет на свете, Русского государства. Оно исчезло. Как Рим, как Византия. И, наверное, мы уже не рус-

ские. Мы — советские, советско-российские. А России — больше нет. Где она, та, которая, по прогнозам зарубежных комиссий, должна была высоко подняться?

Вот что думаешь сегодня, взглядываясь в то лето 1911 года. Нет больше ни имени Колноберже, ни библиотеки, в которой хранились еще лермонтовские книги — библиотека была вывезена литовским буржуазным правительством, а когда возвращена, лучших книг в ней уже не было...

В конце земного пути

Шло последнее лето Столыпина, о чем еще никто не подозревал, как и не знали о близящемся крахе империи.

Но предчувствовали многие.

Это историческое предчувствие не витало в воздухе как дымка отдаленного пожара, но ощущалось в горечи ожидаемых, необходимых и все же несвершаемых перемен. Казалось, сошлись две невидимые силы, составляющие политическую элиту страны, — обхватили друг друга и стоят неподвижно.

Словом, элита словно оцепенела. А контрэлита — активна, изощрена, талантлива и не связана никакими традициями.

Этим летом Столыпин получил письмо Льва Тихомирова, известного публициста, редактора «Московских ведомостей». Письмо и столыпинская реакция на него многое объясняют. Вот что писал Тихомиров:

«Россия составляет нацию и государство — великие по заткам и средствам, но она окружена также великими опасностями. Она создана русскими и держится только русскими. Только русская сила приводит остальные племена к некоторой солидарности между собой и с империей. Между тем мы имеем огромное нерусское население, в том числе такое разлагающее и антигосударственное, как евреи. Другие племена, непосредственно за границей нашей, на огромные пространства входят в чужие государства, иные из которых считают своим настоящим отечеством. Мы должны постоянно держаться во всем престиже силы. Малейшее ослабление угрожает нам осложнениями, отложениями. Внутри страны все также держится русскими. Сильнейшие из прочих племен чужды нашего патриотизма. Они и между собой вечно в раздорах, а против господства русских склонны бунтовать. Элемент единения, общая скрепа — это мы, русские. Без нас империя рассыплется, и сами эти иноплеменники пропадут. Нам приходится, таким образом, помнить свою миссию и поддерживать условия нашей силы. Нам должно помнить, что наше господ-

ство есть дело не просто национального эгоизма, а мировой долг. Мы занимаем пост, необходимый для всех. Но для сохранения этого поста нам необходима Единоличная Верховная Власть, то есть Царь, не как украшение фронтона, а как действительная государственная сила.

Никакими комбинациями народного представительства или избирательных законов нельзя обеспечить верховенства русских. Себя должно понимать. Как народ существенно государственный, русские не годятся для мелочной политической борьбы: они умеют вести политику оптом, а не в розницу, в отличие от поляков, евреев и т. п. Задачи верховенства такого народа (как было и у римлян) достижимы лишь Единоличной Верховной Властью, осуществляющей его идеалы. С такой властью мы становимся сильнее и искуснее всех, ибо никакие поляки или евреи не сравнятся с русскими в способности к дисциплине и сплочению около единоличной власти, облеченной нравственным характером.

Не имея же центра единения, русский народ растеривается, и его начинают забивать партикуляристические народности. Историческая практика создала Верховную Власть по русскому характеру. Русский народ вырастил себе Царя, союзного с Церковью. С 1906 г. то, что свойственно народу, подорвано, и его заставляют жить так, как он не умеет и не хочет. Это несомненно огромная конституционная ошибка, ибо каковы бы ни были теоретические предпочтения, практический государственный разум требует учреждений, сообразованных с характером народа и общими условиями его верховенства. Нарушив это, 1906 г. отнял у нас то, без чего империя не может существовать, — возможность моментального создания диктатуры. Такая возможность давалась прежде наличностью Царя, имеющего право вступаться в дела со всей неограниченностью Верховной Властью. Одно только сознание возможности моментального сосредоточения наполняло русских уверенностью в своей силе, а соперникам нашим внушало опасения и страх. Теперь это отнято. А без нашей бодрости некому сдерживать в единении остальные племена.

<...>

Этот строй во всяком случае уничтожится. Но неужели ждать для этого революций и, может быть, внешних разгромов? Не лучше ли сделать перестройку, пока это можно производить спокойно, хладнокровно, обдуманно? Не лучше ли сделать это при государственном человеке, который предан и Царю, и идее народного представительства?

Ведь если развал этого строя произойдет при иных условиях, мы наверное будем качаться между революцией и реакци-

ей, и в обоих случаях, вместо создания реформы, будем только до конца растрачивать силы во взаимных междоусобицах, и чем это кончится — Господь весть.

Ваше высокопревосходительство не несете ответственности по созданию конституции 1906 года. Но вы ее всеми силами поддерживали, упорствуя до конца испытать средства вырастить на этих основах нечто доброе. Позвольте высказать без несвоевременных стеснений, что именно Вам надлежало бы посвятить хоть половину этих сил на то, чтобы избавить Россию от доказанно вредных и опасных последствий этой неудачной конституции».

Другими словами, Тихомиров считал парламентаризм путем к развалу империи.

А вот что написал на этом письме Столыпин:

«Все эти прекрасные теоретические рассуждения на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции 9 июля».

Тут же (8 октября 1911 года) в «Новом времени» Василий Розанов в статье «Историческая роль Столыпина» как бы подводит итог спору Тихомирова и самого Столыпина.

«Столыпин показал единственный возможный путь парламентаризма в России, которого ведь могло бы не быть очень долго, и может, даже никогда (теория славянофилов; взгляд Аксакова, Победоносцева, Достоевского, Толстого); он указал, что если парламентаризм будет у нас выражением народного духа и народного образа, то против него не найдется сильного протеста, и даже он станет многим и наконец всем дорог. Это — первое условие: народность его. Второе: парламентаризм должен вести постоянно вперед, он должен быть постоянным улучшением страны и всех дел в ней, мириад этих дел. Вот если он полетит на этих двух крыльях, он может лететь долго и далеко; но если изменить хотя бы одно крыло, он упадет. Россия решительно не вынесет парламентаризма ни как главы из «истории раздражительности своей Западу», ни как расширение студенческой «Дубинушки» и «Гайда, братцы, вперед»... В двух последних случаях пошел бы вопрос о разгроме парламентаризма: и этого вулкана, который еще горяч под ногами, не нужно будить».

Что к этому добавить?

Столыпин как бы говорил всем русским:

— Не надо бояться нового. Не надо искать укрытия только в старых традициях. Смело идите навстречу переменам и боритесь за благо России.

Спустя два месяца, когда Столыпин уже упокоился в Киево-Печерской лавре, другой публицист Михаил Меньшиков, всегда находившийся в оппозиции к премьеру, написал в «Новом времени»:

«История, как жизнь, повторяется. И тысячу лет назад Святая Русь нуждалась в «богатырской заставе» и теперь нуждается. В сущности, те же враждебные племена, что тогда терзали Русь; терзают ее и теперь. Та же «чудь белоглазая» в лице «государства», что собственными руками мы создали под Петербургом. Те же половцы, и печенег в лице кавказских разбойников. Та же жидовская Хазария... Что было тогда, то и теперь.

Столыпин похищен у нас и спрятан туда, откуда нет возврата. Вне всякой мести, мне кажется, необходимо усилить надзор над Россией и вновь осмотреть запоры. Орудующей гигантской шайке, экспроприрующей всеми способами все, чем Россия была могуча, должен быть положен предел. У нас, у потомства великого народа, отнимают постепенно все виды труда народного, все капиталы, земли, промышленность, торговлю, свободные профессии, школу, литературу, печать, искусство. Нас делают неоплатными должниками иностранных евреев, в качестве плательщиков все растущего государственного долга. У нас постепенно путем внушений и подлогов отнимают древнее, нажитое тысячелетием христианства мирозерцание. У нас системой нравственного соблазна и террора отнимают веру и патриотизм, отнимают совесть и здравый смысл. Наконец, систематическими убийствами отнимают лучших людей России, наиболее отважных ее вождей.

Мне кажется, дольше нельзя медлить с обороной. Нельзя великому народу отказываться от элементарной необходимости — иметь национальную власть. Это вовсе не прихоть и не роскошь, — это требование глубоко биологическое, связанное с индивидуальностью нации. Только при национальной власти народ свободен, ибо сам владеет собой. Русский народ, член арийской семьи, слишком благороден, чтобы терпеть какое бы то ни было рабство, но ведь всякое подчинение инородной воле есть уже рабство. В века действительно национального правительства Россия ширилась и разрасталась в океане земли; даже жестокие формы быта, как тирания Грозного или извращения крепостного права, казались терпимыми, ибо были в стиле народной совести и воли. Только в последнее столетие правительство у нас теряет национальный характер; вместе с тем начинает сдавать державное величие нашей Империи. Я множество раз писал, до какой степени вредно в национальном смысле переполнение нашей знати и интеллигенции плохо обрзу-

севшими немцами, поляками, шведами, греками, французами, молдаванами, грузинами и пр., и пр., я доказывал, как в черные дни нашей истории народу трудно положиться на крепость духа вот такой, разношерстной аристократии. Особенно опасны примеси тех инородцев, которые исторически воспитаны во вражде к России <...>».

«Торжественная панихида в Казанском соборе. Народу — не протолкнуться. Все национальные организации Петербурга налицо. Священники в митрах, огромный хор певчих, и регент крайне старательно, точно распутывает паутину, машет рукой. У меня точно свинец на сердце и черные мысли. Что мне Столыпин? Ни сват, ни брат, — я даже не знал его лично, — но давно-давно никого не было так жаль потерять, как его. Вместо того чтобы молиться «об упокоении раба Божия боярина Петра», кажется, все мы стояли в соборе, наполненные холодом и мраком ужасного события. Меня почти возмущала эта торжественная обстановка, золотые ризы, синий дым кадильный, разученные певчими до тонкости «со святыми упокой» и чудные сами по себе, но слишком уж заученные молитвы.

Вот как, думал я, мы, русские, реагируем на удар, может быть, смертельный. Нас, что называется, обезглавили, взяли, может быть, не самого сильного, но самого благородного и, главное, — признанного вождя. Как мы оправимся от этого удара — еще неизвестно, но что же мы делаем? Сейчас же становимся в заученную позу, делаем заученные жесты, говорим тысячу лет произносимые в подобных случаях слова... Ни капли творчества! Ни искры, индивидуального, особенного отношения к событию, созвучного с его исключительной природой. Убили человека, и мы, сейчас же: «Ве-е-е-чная па-а-мять!» Венки, телеграммы вдове, десять рублей на памятник. Тут все уже навсегда заранее придумано и проделывается почти автоматически. Не есть ли это признак одолевающей обществу смерти? Та, противная сторона действует неожиданно, та бросает бомбы, мечет пули, клеветает и лжет в газетах, позволяет себе роскошь хоть и преступной, но все же изобретательности, а мы отмахиваемся кадильным дымом. «Они нас минами, а мы их иконами», — как говорил Драгомиров о японской войне. Что же все это значит? Не значит ли, что они свежее нас, чувствительнее, предприимчивее, наконец живее? Заученные рефлексы не суть ли рефлексы мертвые, уже несообразованные с природой импульсов?

Такие черные думы меня одолевали под заунывные напевы панихиды. «Но чего же ты хочешь? — спрашивал я сам себя. — Погрома, что ль?» Это был бы действительно живой рефлекс,

вполне варварский по свежести, из каменного века. В огромной толпе, наполняющей собор, в двухмиллионном Петербурге, в 160-миллионной России, наверное, подавляющее большинство хотело бы погрома. Считайте, что это глухой отзвук когда-то живых, докультурных рефлексов. Если что сдерживает русский народ, — то это культура. Не казаки и не солдаты, сдерживает народ культурное воображение, культурная совесть. Из-за кучи еврейских бунтарей, которые рано или поздно попадут на виселицу, — можно ли наказывать массу безвинных людей, очень далеких от политики, хотя бы и очень несимпатичных? Конечно, нет, отвечает искренне каждый русский, хотя бы глубокий черносотенец. Христианская совесть стоит на страже воли, — она, эта совесть, воспитанная в веках, а во все не войска и не казаки, оберегает евреев от погрома.

Погасив свечу на панихиде, я почувствовал, что нами ровно ничего не сделано в ответ на страшные события и что вся эта огромная толпа пришла сюда и ушла совсем напрасно. Я почувствовал, что общество, которому остались в виде реакции на жизнь одни молебны, и панихиды, не живое общество, а как бы подземный мир, населенный тенями» (Сидоровнин Г. П. А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Саратов, 2002. с. 448).

В то лето Столыпин писал значительную работу о будущем России. Он предвидел еще большее развитие земского самоуправления, передачи ему всех местных вопросов, «применяясь насколько можно к штатным управлениям Соединенных Штатов Северной Америки». Хотел создать ряд новых министерств — труда, национальностей, социального обеспечения, вероисповеданий, здравоохранения, по обследованию, использованию и эксплуатации недр. Например, функция обеспечения государственной социальной защиты рабочих возлагалась на Министерство труда. Обеспечение различных национальных интересов — на Министерство национальностей.

В области внешней политики интерес представляет идея создания Международного парламента, куда бы вошли все страны, имея возможность координировать экономические, военные, гуманитарные вопросы. Его взгляды на взаимоотношения с европейскими странами весьма жестки.

«Германия со своим большим населением, вне всякого сомнения, задыхается на своей сравнительно небольшой территории. Ее стремление расширить свою территорию на восток легко может послужить поводом к войне против России. Один лишь Бисмарк, сравнительно хорошо знавший

Россию, не раз предупреждал германского императора, что всякая война против России очень легко поведет к крушению германской монархии.

Англия же, считая себя первой державой мира и стремясь к тому, чтобы всегда играть первую скрипку в международном концерте, вне всякого сомнения, боится того, чтобы Россия, постоянно улучшая свое экономическое и военное положение, не помешала бы ей в ее колониальной политике. Больше всего Англия боится того, чтобы Россия не проникла в Индию, хотя Россия абсолютно не имеет никаких желаний захватить Индию... Англия не может не чувствовать, что ее эксплуатация таких стран, как Индия и другие, рано или поздно может закончиться, и тогда она не только не будет играть роль первой скрипки в международном концерте мира, но и перестанет быть той великой империей, каковой является в данное время. Поэтому Англия больше всех ненавидит Россию и будет искренне радоваться, если когда-нибудь в России падет монархия, а сама Россия не будет больше великим государством и распадется на целый ряд самостоятельных республик...

Ни любви, ни уважения во Франции к России нет, но вместе с тем Франция, ненавидя и боясь Германии, совершенно естественно стремится к тому, чтобы быть связанной с Россией военными союзами и договорами».

Об Америке Столыпин отзывался иначе. Он видел в США не соперника, а союзника и предполагал в ближайшее время поехать в Вашингтон и «в разговоре с Президентом и Государственным секретарем найти общие пути к более тесному и дружескому сближению России с Соединенными Штатами».

Столыпин надеялся «повлиять на прессу и общественные круги, чтобы путем личного посещения России большой группы представителей законодательных палат, корреспондентов и общественных деятелей Соединенные Штаты могли бы иметь возможность убедиться в том, что в России существует свобода и нет того угнетения национальностей, населяющих Россию, о котором распространяют слухи враги России».

Он надеялся привлечь США к идее Международного парламента.

«Считаю вполне возможным, что в будущем в России, как и в каждом государстве, могут меняться формы управления государственным режимом, но русский народ по своему характеру, по своим взглядам, в своем отношении к людям не будет меняться и лишь об одном не будет забывать, кто его враги и кто его друзья. Народы Западной Европы,

безусловно, значительно культурнее русского народа, но его искренними друзьями никогда не будут, и, может быть, только за океаном русский народ скорее в состоянии будет рассчитывать на то, что его поймут и пойдут ему навстречу. Равным образом народы Северной Америки всегда могут рассчитывать на то, что русский народ со своим русским радушием, со своей отзывчивостью и доброй душой, с искренним сердцем отзовется и во всем пойдет навстречу Америке, которой Россия и раньше помогала».

Теперь уже не имеют никакого практического значения эти заметки о будущем. Во многом Столыпин предвосхитил историю — это и Организация Объединенных Наций, и закат Британской империи, и поражение Германии в войне. Единственно, в чем как будто не угадал, — в отношениях России с Америкой.

Впрочем, в 1920 году, когда Англия стремилась всячески содействовать отделению от России прибалтийских и закавказских территорий, раздался трезвый голос Соединенных Штатов Америки, предупредивший нотой государственного секретаря Кольби, что США против разделения России.

Когда в октябре 1919 года Литовский национальный комитет обратился к правительству Соединенных Штатов с просьбой признать Литву самостоятельным государством, то государственный департамент Соединенных Штатов ответил, что, руководимый чувством дружбы и обязательной чести по отношению к великой нации, храброе и геройское самопожертвование которой содействовало успешному окончанию войны, Соединенные Штаты не могут признать Балтийские страны как отдельные государства, не зависящие от России.

Выстрел в театре

Заканчивалось лето в поместье. Совсем недолго оставалось до отъезда Петра Аркадьевича в Киев на торжества по поводу открытия памятника Александру II. Он ожидал увидеть там оживление общественной жизни после выборов, прошедших по новом закону о земстве.

Незадолго до отъезда Столыпину явился во сне его университетский товарищ Траугот, с которым он поддерживал дружеские отношения, и сказал: «Я умер. Прошу тебя позаботиться о моей жене». Телеграмма с печальной вестью пришла на следующий день.

Уезжать в Киев Столыпину не хотелось. На сердце была тяжесть.

25 августа он прибыл в Киев. Вызвал министров. Здесь был намечен съезд деятелей новых северных и западных земств. В земствах Столыпин видел единственный путь организации жизни страны, не отлучавший наиболее активную часть народа, в том числе и интеллигенцию, от власти, а втягивающий ее в активное строительство государства.

Остановился Столыпин в доме генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова на Институтской улице, неподалеку, на той же улице, в доме конторы государственного банка, — В. Н. Коковцов. Почему-то Столыпину не выделяли экипажа, и он испытывал неудобства, был вынужден нанимать транспорт для поездок. Настроение его не улучшилось. Он слышал о возможном покушении на него, но не придавал этому значения. Ходил без охраны по Институтской к Коковцову. Только признался ему: «Я чувствую себя здесь, как татарин вместо гостя. Нечего нам с вами здесь делать».

Он угадывал, что его «полуотставка» вероятнее всего закончится отставкой.

29 августа в Киев прибыл царь с семьей. Начались большие торжества, посещение святынь «матери городов русских» — Софийского собора и Печерской лавры. Стояла прекрасная погода, теплая, чуть пронизанная осенней прохладой. Древний Киев, золотые купола соборов, крест Святого Владимира над Днепром — все дышало спокойствием и красотой.

1 сентября, примерно в полночь, в помещении Киевского городского театра допрашивали бледного молодого человека в разорванном фраке. У него был рассечен лоб, выбиты два зуба, на лице — ссадины. Только что он тяжело ранил председателя Совета министров Столыпина.

— Зовут меня Дмитрий Григорьевич Богров, — хладнокровно отвечал на вопросы жандармского подполковника молодой человек. — Вероисповедания иудейского, от роду двадцать четыре года, звание помощника присяжного поверенного. Проживаю в Киеве, Бибиковский бульвар, дом четыре, квартира семь.

Богров признался, что давно решил убить Столыпина и искал способ, как совершить покушение. Решил, что надо войти в доверие к начальнику городского охранного отделения Кулябко. Обратился к нему с вымышленными сведениями, что некий молодой человек готовится убить одного министра и в настоящее время проживает в квартире Богрова.

Из допросов следовало, что Кулябко был введен в заблуж-

дение, стал содействовать Богрову в надежде, что тот поможет разоблачить террориста, и дал ему пропуск в театр на парадное представление оперы «Сказание о царе Салтане».

Далее Богров подробно объяснил, как дурачил начальника охранного отделения, и признался, что ранее был связан с анархистами.

«Покушение на жизнь Столыпина произведено мною потому, что я считаю его главным виновником наступившей в России реакции, то есть отступления от установившегося в 1905 году порядка: роспуск Государственной Думы, изменение избирательного закона, притеснение печати, инородцев, игнорирование мнений Государственной Думы и вообще целый ряд мер, подрывающих интересы народа. С середины 1907 года я стал давать сведения охранному отделению относительно группы анархистов, с которыми имел связи. В охранном отделении состоял до октября 1910 года, но последние месяцы никаких сведений не давал. В сентябре 1908 года я предупредил охранное отделение о готовящейся попытке освободить заключенных в тюрьме Тыша и «Филиппа». Необходимо было немедленно принять меры, и я предложил Кулябко арестовать и меня. Я был арестован и содержался в Старокиевском участке две недели.

В охранном отделении я шел под фамилией «Аленский» и сообщил сведения о всех вышеприведенных лицах, о сходках, о проектах экспроприаций и террористических актов, которые и рассматривались Кулябко. Получал я 100—150 рублей в месяц, иногда одновременно по 50—30 рублей. Тратил их на жизнь».

Допрос продолжался до пяти часов утра непрерывно и закончился на том, что Богров опознал свой браунинг:

Арестованного усадили в карету и отправили в киевскую крепость. С одной стороны от него сидел киевский полицеймейстер полковник Скалон, с другой — жандармский полковник, державший в руках взведенный револьвер. Следом ехали еще в трех экипажах жандармы. Богрова поместили в «Косом капонире», в одиночной камере.

Что же произошло?

Утро 1 сентября было великолепным. В небе ни облачка, тепло и хорошо. С утра царь отправился смотреть маневры, затем в семнадцать часов на ипподроме в Печерске должен был произойти в его присутствии смотр «потешных» (подростков, занимавшихся военной подготовкой), а вечером в театре предстоял прекрасный спектакль.

Настроение киевским начальникам портило известие о появлении неизвестной террористки, которая намеревалась произвести террористический акт против Столыпина. Но не исключена попытка и цареубийства.

Впрочем, Петр Аркадьевич был спокоен и выходил на улицу один. После обеда за ним прислали из охранного отделения закрытый автомобиль и повезли в Печерск.

Ярко светило солнце. Перед трибунами выстроились в шахматном порядке киевские гимназисты в белых рубашках, лучшая охрана царя. Столыпин вышел из автомобиля, стал подниматься по лестнице. Его то и дело останавливали приветствиями. Киевский губернатор Алексей Федорович Гирс торопил, опасаясь непредвиденного. Возле одной из лож Столыпин приостановился, какая-то пожилая дама кивнула на его ордена и спросила бог знает зачем: «Петр Аркадьевич, что это за крест у вас на груди, точно могильный?»

Гирс, знавший от Кулябко о террористке, возмутился. Столыпин же невозмутимо ответил: «Этот крест мной получен за труды Саратовского управления Красного Креста, который я возглавлял во время японской войны». Он дошел до ложи, предназначенной Совету министров и царской свите, но прошел дальше. Гирс спросил: «Почему?» — «Без разрешения министра двора я сюда войти не могу», — объяснил председатель Совета министров и спустился на площадку перед трибунами, огороженную барьерами. Тотчас несколько человек в штатских костюмах незаметно встали полукругом возле барьеров.

Столыпин повернулся к Гирсу. Вид у него был невеселый. Он стал спрашивать, почему вчера во время освящения памятника Александру II было запрещено евреям-учащимся идти наравне с другими учащимися с крестным ходом.

Гирс ответил, что попечитель киевского учебного округа Зилов распорядился, чтобы в церковной процессии не было нехристиан, то есть евреев и мусульман.

Столыпин возразил, что подобные распоряжения нелепы и вредны, вызывают в детях рознь.

К ним подходили знакомые: пытались завязать разговор, но Столыпин был немногословен.

Уже давно наступило пять часов. Царь опаздывал. Гирс принялся повествовать о губернских делах, терпеливо пытаясь разговорить Столыпина. Когда речь зашла о выборах в земство, тот наконец оживился, стал расспрашивать об избранных. Для него было ясно, что главное препятствие к развитию местного управления — дворянская иерархия. Го-

ворить об этом он не мог, не зная, поймет ли его Гирс. Но заметил, что земство здесь нужно было ввести давно, с ограничениями для крупного польского землевладения, — собственно, для дворянского сословия.

Вообще самоуправление и развитие местной инициативы было сейчас самым важным для Столыпина вопросом.

И почти все — мешали. То, к чему он стремился, должно было отодвинуть старую иерархию. Поэтому и мешали.

Царь с детьми приехал с опозданием на полтора часа. Столыпин встретил их внизу, прошел в соседнюю ложу. Начался смотр «потешных». Он завершился к восьми часам. Все было спокойно.

К девяти начался съезд приглашенной публики в театр. Театральная площадь и прилегающие улицы от холма до Крещатика охранялись полицией. У входа в театр стояли жандармские офицеры и тщательно проверяли у всех билеты. Еще утром проверили в театре все подвалы и чердаки. Террористу невозможно было проникнуть туда.

Показывая билеты, проходили военные в белых кителях с нарядными дамами в белых платьях. Всюду был белый цвет. Несколько штатских в черных фраках только подчеркивали торжественность мундиров и кителей. Столыпин минут за десять до приезда царя вышел в зал вместе с министром народного образования Кассо, военным министром Сухомлиновым, обер-прокурором Саблером. Он встал возле своего кресла в первом ряду, через одно от левого прохода, лицом к публике. К нему подошел Кассо, потом какой-то полный молодой администратор. С опозданием появился Коковцов и тоже прошел в первый ряд.

К девяти приехал царь с дочерьми Ольгой и Татьяной. Он сел в выступе генерал-губернаторской ложи и был весь открыт. Рядом с ним — великие княжны, наследник болгарского престола Борис, великие князья Андрей Владимирович и Сергей Михайлович.

Погас свет. Оркестр заиграл гимн «Боже, царя храни», который назывался народным. Все встали и трижды спели гимн. Потом началась опера. Постановка была прекрасна, собрали лучших певцов, но Столыпин смотрел на сцену безучастно. Несколько раз он взглядывал на царя, и было видно, что его не занимает пение.

Во время первого акта царь вышел, Столыпин остался на месте. К нему подходили сановники, в том числе и генерал Курлов, на которого было возложено обеспечение безопасности. Столыпин спросил, не найдена ли террористка, и требовал скорее завершить розыск.

Затем начался и прошел второй акт. Оставался третий, совсем короткий. Было около одиннадцати с половиной часов.

Царская ложа снова опустела. Столыпин встал, повернулся лицом к залу, оперся на барьер. К нему подошли военный министр Сухомлинов, на кителе которого гордо белел орден Святого Георгия, полученный им еще в юности в турецкой войне, и граф Потоцкий. Подошел и Коковцов. Он должен был ехать на вокзал, спешил проститься, ему надо было завершать роспись финансов на будущий год. Пожав руки, Коковцов собрался уже отойти, как вдруг Столыпин произнес:

— Как я вам завидую, что вы едете в Петербург! Возьмите меня с собой.

— Сделайте одолжение, — улыбнулся Коковцов. — У меня здесь лошадь, милости просим! — И откланялся.

Публика покидала зал.

Из восемнадцатого ряда двинулся по направлению к первому высокий черноволосый молодой человек в черном фраке. Он шел уверенно, прикрывая афишкой оттопырившийся карман брюк. Дойдя до второго ряда, он остановился метрах в двух от Столыпина и вытащил браунинг.

Столыпин смотрел прямо на него. По лицу молодого человека пробежала гримаса страха и напряжения. Он дважды выстрелил.

В зале воцарилась тишина. Столыпин наклонил голову, посмотрел на свой белый китель. Владимирский крест был пробит пулей. Петр Аркадьевич посмотрел на удалявшегося молодого человека и велел его задержать. Раздалось громкое восклицание из оркестра:

— Государь жив!

Послышался чей-то пронзительный вопль.

Столыпин положил на барьер фуражку и перчатки и замедленными движениями стал расстегивать и снимать китель. У него была прострелена кисть правой руки, капала кровь. Кто-то принял китель, и тогда он снова наклонил голову, разглядывая красное пятно, расплывающееся повыше правого кармана жилета. Он безнадежно махнул рукой и тяжело опустился в кресло. Потом, словно вспомнив что-то, повернулся к царской ложе. Там никого не было. Он поднял левую руку и сделал предостерегающий жест. В это время в ложе появился Николай и встал у всех на виду. Столыпин перекрестил его широким, медленным движением.

После этого он склонился набок, уронил голову на грудь и вытянул ноги.

Выстрелив, молодой человек в черном фраке повернулся и быстро пошел к выходу. Двое офицеров схватили его, но он вырвался, кинулся дальше к дверям, но там был сбит с ног. На него набросилось человек пятьдесят в белых кителях. Его не стало видно.

— Убить! Убить его! — неслось отовсюду. Из ложи бельэтажа выпрыгнул какой-то офицер. Толпа терзала преступника. Вбежал из фойе полковник Спиридонович, начальник царской охраны, обнажил шашку и приказал оставить молодого человека.

Кто-то из толпы воззвал громовым голосом:

— Гимн!

Преступника увели.

Столыпина подняли на руки восемь человек и осторожно понесли из зала. Он был бледен, зубы сжаты. Его уложили на маленьком малиновом диванчике недалеко от кассы. Профессора Рейн и Облонский перевязали рану.

Из зала доносилось пение гимна. Снова спели трижды. Потом запели молитву: «Господи, спаси люди твоя». И тоже пели трижды.

Столыпина повезли в карете «скорой помощи» в хирургическую клинику Маковского на Малой Владимирской улице. Он был в сознании и понимал — все кончено.

На следующий день Богрова допрашивали в «Косом капониере». О себе он рассказал следующее. Отец — присяжный поверенный и домовладелец. Дом стоит примерно 400 тысяч рублей. Семья обеспеченная. Окончил гимназию, поступил в Киевский университет. Год проучился в Мюнхене. Вернувшись из Мюнхена, примкнул к группе анархистов-коммунистов. Затем разочаровался в них. *«Все они преследуют главным образом чисто разбойничьи цели. Поэтому я оставался для видимости в партии, решил сообщать Киевскому охранному отделению о деятельности членов ее. Решимость эта была вызвана еще тем обстоятельством, что я хотел получить некоторый излишек денег. Для чего мне нужен был этот излишек — объяснять я не желаю... Всего работал я в охранном отделении два с половиной года».*

Затем Богров повторил уже известное из первого допроса — что задумал убить Столыпина и как морочил Кулябко.

Из допросов выходило, что Богров стрелял из идейных соображений, что он — антиАзеф. Пришло ли такое сравне-

ние в голову следователям, неизвестно. Но они расширили круг вопросов и стали исследовать моральные качества Богрова в его взаимоотношениях с анархистами. И выяснилось, что он не антиАзеф, а фигура иного рода. Анархисты подозревали в нем провокатора, обвинили его в утайке партийных денег и заставили его их вернуть.

И вот главное: *«16 августа ко мне на квартиру явился... « Степа »... Приметы « Степы »: высокого роста, лет 26—29, темный шатен, усы, падающие вниз, волосы слегка завиваются, довольно полный и широкоплечий. « Степа » заявил мне, что моя провокация безусловно и окончательно установлена... мне в ближайшем будущем угрожает смерть, реабилитировать себя я могу одним способом, а именно — путем совершения какого-либо террористического акта, причем намекал мне, что наиболее желательным актом является убийство начальника охранного отделения Н. Н. Кулябко, но что во время торжеств в августе я имею богатый выбор... Буду ли я стрелять в Столыпина или в кого-либо другого, я не знал, но окончательно остановился на Столыпине уже в театре, ибо, с одной стороны, он был одним из немногих лиц, которых я раньше знал, отчасти же потому, что на нем было сосредоточено общее внимание публики».*

Идейная сторона покушения как будто стала ясна. Эти показания Богров давал в день казни, они были последними. Он был повешен в ночь на 12 сентября в Лысогорском форте.

* * *

Загадка Богрова тем не менее сохранилась до нашего времени.

Ее широко использовала революционная пропаганда, представляя Богрова агентом охранки, руками которого полиция устранила Столыпина, и сеяла недоверие именно к тем органам, которые боролись с революцией.

Пытались эту загадку объяснить и по-другому. Киевский генерал-губернатор Ф. Ф. Трепов утверждал, что в день покушения Богров обедал в ресторане «Метрополь» с *«известным врагом монархического строя Львом Троцким-Бронштейном»*. То есть, говоря прямо, — был заговор.

Истина же мало кого интересовала.

А она лежала в русле исторического процесса России, которую активно перестраивал Столыпин. Посмотрим на фигуру Богрова непредвзято. Обеспеченный человек, ассимилированный еврей, спортсмен, шахматист, умный, ироничный, любимый родителями, уважаемый друзьями. Он только-только начал жить. Революционеры явно его разочаровали —

он от них отошел. Отсутствие глубоких убеждений толкнуло его к полиции, но и от нее он отошел. Вспомним: «Героическое «все позволено» незаметно подменяется просто беспринципностью во всем, что касается личной жизни, личного поведения, чем наполняются житейские будни. В этом заключается одна из важных причин, почему у нас, при таком обилии героев, так мало просто порядочных, дисциплинированных, трудолюбивых людей...» Да, это отец Сергей Булгаков, статья «Героизм и подвижничество» из сборника «Вехи».

Богров, по словам хорошо знавшего его анархиста И. С. Гроссмана, жил протестом против нудной обыденщины и никогда не был «просто веселым, радостным, упоенным борьбой и риском». Жизнь его утомляет. Он презирает ее, у него достает силы не бояться смерти, но есть ли сила, чтобы жить? Знавшие его эсеры говорили: «Барин, буржуй, в серьезных делах с ним лучше не связываться».

Из письма Богрова родителям 1 сентября открывается своеобразная трагедия этого человека:

«Дорогие мои, милые папа и мама.

Знаю, что вас страшно огорчит и поразит тот удар, который я вам наносу, и в настоящий момент это единственное, что меня убивает. Но я знаю вас не только за самых лучших людей, которых я встречал в жизни, но и за людей, которые все могут понять и простить.

Простите же и меня, если я совершаю поступок, противный вашим убеждениям.

Я иначе не могу, и вы сами знаете, что вот 2 года, как я пробую отказаться от старого.

Но новая спокойная жизнь не для меня, и если бы я даже сделал хорошую карьеру, я все равно кончил бы тем же, чем теперь кончаю.

Целую много, много раз. Митя».

При внимательном чтении это трогательное сыновье письмо подтвердит трагедию российского интеллигента.

Солженицын, размышляя о Богрове, выдвигает идею «идеологического поля», то есть другими словами — настроение общества вызывает террор. Думается, это не совсем так. Любой террор, кроме вендетты, вызывается настроением общества или части, которая поощряет его. Да и вендетту тоже. Богров — порождение более серьезных исторических явлений нашей истории, о которых точно высказались отечественные философы.

Сегодня, когда мы переживаем драму смутного времени, нетерпеливость, нежелание и неумение созидательно работать вызывают в нашей интеллигенции то тоску по твердой

руке, то желание найти «врагов», то потребность в молниеносных результатах. И снова — оторванность от народа, у которого никто и не спрашивает, чего он хочет.

5 сентября вечером Столыпин умер. «В истории России начинается новая глава», — пророчески сообщило «Новое время».

Когда вскрыли завешание, прочли: *«Я хочу быть погребенным там, где меня убьют».*

Его похоронили в Киево-Печерской лавре рядом с могилами Искры и Кочубея, двух героев Петровской эпохи, которые предпочли лютую смерть предательству. Петербургское телеграфное агентство сообщило:

«Киев, 9 сентября. Серое, пасмурное утро. Флаги на консульствах приспущены. Со стороны лавры мчатся автомобили и вереницей тянутся экипажи. Для желающих не хватает места в вагонах трамвая. Они целым потоком направляются в лавру. Открытый сначала широкий доступ в двери лавры, затем, во избежание давки, несколько ограничивают. Около великих ворот быстро образовалась огромная толпа, заполнившая всю площадь и Трапезную церковь, где у тела покойного всю ночь дежурили чины Министерства внутренних дел, с товарищем министра Лыкошиным во главе. Прибывают представители и делегации высших государственных учреждений, приехавшие из Петербурга, высшие представители местных и иногородних ведомственных и общественных учреждений и организаций. В числе присутствующих: обер-прокурор Св. Синода, главноуправляющий землеустройством и земледелием, министры юстиции и торговли и промышленности, председатель Государственной Думы Родзянко, члены Государственного совета и Думы, петербургский и московский городские головы. Из рук в руки передают подписной лист, быстро покрываемый подписями чиновников и общественных деятелей, жертвующих значительные суммы на памятник П. А. Столыпину...»

Царя на похоронах не было. Он простился с телом раньше, как только прибыл 6 сентября пароходом из Чернигова, долго стоял на коленях перед умершим, молился и много раз повторял: «Прости». Еще раньше, перед отъездом в Чернигов, он хотел посетить раненого, но жена Столыпина его не пустила.

Умирал Петр Аркадьевич спокойно, то впадая в забытие, то приходя в себя. Он все время говорил что-то бессвязное. По отдельным словам можно было понять, что его последние мысли — о российских делах. Последнее слово, которое

разобрали, было: «Финляндия». Финский вопрос, который ему так и не удалось разрешить, мучил его.

Но что маленькая Финляндия? Великая Россия потеряла последнего своего деятеля, который уводил ее от войн и потрясений!

Кто же на самом деле убил Столыпина?

Богров — это исполнитель, случайная фигура в историческом поле. Против Столыпина были настроены самые влиятельные люди, начиная с императрицы Александры Федоровны, которая относилась к премьеру крайне ревниво и считала, что тот ограничивает власть Николая.

К тому же она была убежденной противницей парламентаризма.

В дневнике ее фрейлины и доверенного лица А. Вырубовой проскальзывает сильная нелюбовь Александры Федоровны к Столыпину.

Конечно, это еще не значит, что в покоях императрицы созрел заговор. Но Столыпиным была недовольна не только любимая жена Николая, а еще огромный слой дворянской элиты, в который входили и генералы полиции.

К тому же Столыпин распорядился провести ревизию того, как расходуются секретные фонды Департамента полиции, и под угрозу попадал генерал П. Курлов, товарищ министра внутренних дел, директор Департамента полиции.

Поэтому вопрос об убийце надо рассматривать как вопрос об убийцах.

11 декабря 1912 года обер-прокурор сенатор Кемпе представил в первый департамент Государственного совета заключение со следующей формулировкой обвинения в отношении генерала Курлова, полковника Спиридовича, статского советника Веригина и подполковника Кулябко: «Следует считать установленным бездействие власти, имевшее особо важные последствия».

Впоследствии все они остались ненаказанными.

Это объяснимо. Не мог же Николай наказывать свою жену, которая была настроена против покойного. Нет, она не убивала и не отдавала приказов. Она просто была против столыпинского пути. И не только она.

Через год, 1 сентября 1912-го, напротив Киевской городской думы был открыт памятник Столыпину. На строгом постаменте стояла высокая гордая фигура, на пьедестале были высечены слова: «Вам нужны великие потрясения, нам нуж-

на Великая Россия» и «Твердо верю, что затеплившийся на западе России свет русской национальной идеи не погаснет и скоро озарит всю Россию». На лицевой стороне значилось: «Петру Аркадьевичу Столыпину — русские люди».

России, Российской империи еще оставалось шесть лет.

К 1914 году она достигла наивысшей точки процветания, огромное большинство народа имело меньше всего оснований для недовольства, рос урожай и промышленное производство, развернули работу земства, найдя наконец путь объединения образованных людей и реального дела. «Да чего же большего может желать русский народ!» — восклицал английский писатель Морис Беринг весной того года в книге «Основы России». И указывал, что недовольных, по сути, нет, кроме как главным образом в высших кругах.

Да, столыпинская Россия теснила дворянскую сословную Россию. И в конце концов это противостояние привело к катастрофе.

Поучительна и горька судьба Реформатора. Кто знает, как развивалась бы наша история, останься он в живых. Удержал бы он страну от войны или, находясь в отставке, был бы призван из «запаса» и смог бы объединить аристократическую и земскую силы? Этого знать не дано...

Каков же итог жизни? Реформы до конца не довел, не удержал власти, не объединил расколотое общество. К тому же впоследствии незавершенность реформ и война стали одними из причин революции 1917 года, в которой погибла (расстреляна) дочь Столыпина Ольга. Остальные дети были рассеяны в изгнании, а их потомки утратили русскую идентичность.

Итог жизни? Глобальная катастрофа.

К этому надо добавить, что сегодня имя Столыпина стало символом буржуазных реформ, еще плохо продуманных и обеспеченных гарантиями.

Спокойные эволюционные преобразования, каковые и есть суть столыпинской идеи, снова неприемлемы для правого и левого флангов нашего общества.

Какой же тут итог? Печальна эта судьба.

Вместо послесловия Помни Столыпина!

История правления российских руководителей чаще всего была печальной.

Возьмем только два минувших века. Павла I убили заговорщики, Александр I оставил государство на грани переворота, Николай I позорно проиграл Крымскую войну, Алек-

сандр II был убит народовольцами, Александр III правил без потрясений, но Николай II утратил власть, Империя рухнула.

Как дальше развивались события для первых лиц России? Керенский закончил полным военным и политическим крахом, Ленин фактически был изолирован Сталиным, ближайшие соратники Ленина погибли в годы репрессий, Сталин железной рукой провел индустриализацию и выиграл войну, но не сумел обеспечить преемственность власти, Хрущева устранили в результате заговора элиты, Брежнев правил спокойно, но преемники Андропов и Черненко привели в Кремль слабовольного Горбачева, при котором СССР был разрушен руками элиты.

Ельцин закончил свое правление досрочно и извинился перед народом за свои ошибки.

Наступило время Путина...

Если анализировать алгоритмы отечественной истории, то очевиден следующий факт: как только руководитель начинал либеральные реформы, элита выступала против данного лидера и на первые места выдвигалась контрэлита.

Согласно теории итальянского философа и социалиста Вильфредо Парето, в любом обществе действует неизменный общественный закон. Он заключается в том, что правящая элита развивается циклично. Корни этой элиты уходят в определенную пассионарную группу, которой верхи не дают власти, но она способна осуществлять управленческую миссию. Эта группа является «контрэлитой» или «элитой будущего». Наступает момент, когда «контрэлита» свергает правящую элиту и занимает ее место, становясь просто элитой.

Пришедшая к власти группа переживает три этапа развития: в первом поколении она энергично развивает общество, второе поколение уже более спокойно и расчетливо, а третье начинает болеть пороками разложения, относится к власти как к собственности, а не общественному служению, и препятствует развитию общества. Цикл заканчивается, а на периферии элиты снова появляется «контрэлита».

Крах Империи и крах Советского Союза имеют в своей природе много общего.

В этом плане и сегодня для нас важен опыт Петра Столыпина, который был выдвинут на пост министра внутренних дел и премьер-министра из провинциальной элиты.

Столыпинские реформы — это последняя попытка тогдашнего общества отстранить от власти разлагающуюся петербургскую верхушку и провести без разрушения государственности либеральные реформы.

Вокруг реформ и личности Реформатора развернулась жесточайшая борьба, сделавшая почти неизбежным трагический финал.

Суть реформ общеизвестна: освобождение производительных сил общества.

Столыпин хотел создать в России тип экономически свободного человека, для чего сделал главный упор на «второе освобождение» крестьян (от власти общины). Можно сказать, что Петр Аркадьевич своими реформами создавал средний класс, способный стабилизировать страну и ускорить ее развитие¹.

Против Столыпина выступили три силы: левые в лице социал-революционеров, у которых реформы выбивали базу революции; правые, у которых реформы устранили их опору в помещичьем землевладении, и, наконец, царское окружение, которое стремилось свести реформы к минимуму, так как они ограничивали его власть.

Столыпин предполагал, что его убьют. В его завещании сказано: «Похороните меня там, где меня убьют». В этих словах слышится отзвук Древнего Рима: «Сладко и благородно погибнуть за Отечество».

Реформаторы в России (да и везде) всегда одиноки. Но они трансформируют ситуацию, выражая потребность времени.

И этот опыт всегда ценен, ибо история часто повторяется. Из трагической судьбы Реформатора можно сделать следующие выводы:

угроза реформаторам исходит из элитарных кругов;

¹ История Столыпинской реформы, какой бы далекой она ни казалась нам, на самом деле сегодня касается практически каждого гражданина России.

В 1910 году, еще при жизни Петра Аркадьевича, вышла ставшая классической книга П. П. Семенова-Тян-Шанского «Город и деревня в Европейской России», в ней итожилось городское и сельское развитие страны на тот период. В 2001 году сотрудники Института географии Российской академии наук опубликовали вслед той книге новую — «Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен». Они, естественно, не могли обойти вниманием и реформы Столыпина. Причем, давая им оценку, они руководствовались не политическими пристрастиями. Их вывод, касающийся современной ситуации, звучит как признание столыпинской правоты: «Итак, деревня в конце XX века после постоянных преобразований так и не нашла себя и постоянно нуждается в помощи. Тем не менее история доказала, что развитие агропроизводства возможно только при опоре на сильные хозяйства и поддержке середнячков (пусть то частные или коллективные предприятия). Слабым же нужна не столько поддержка производства, которое поглощает деньги без отдачи, сколько социальная помощь по выживанию сельских общин, непременным компонентом которых стали и колхозы» (Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. / Сост. Т. Нефедова, П. Полян, А. Трейвиш. ОГИ. М., 2001. С. 333).

результаты реформ сами реформаторы редко могут увидеть, сохранив роль лидера;

реформы необходимо проводить максимально быстро, опираясь на исторический опыт.

Эти выводы подтверждает и математическая теория перестроек, относящаяся, в частности, к тому случаю, когда нелинейная система находится в устойчивом состоянии, вблизи которого имеется лучшее устойчивое состояние.

- Постепенное движение в сторону лучшего состояния сразу же приводит к ухудшению. Скорость ухудшения при равномерном движении к лучшему состоянию увеличивается.
- По мере движения от худшего состояния к лучшему сопротивление системы изменению ее состояния растет.
- Максимум сопротивления достигается раньше, чем самое плохое состояние, через которое нужно пройти для достижения лучшего состояния. После прохождения максимума сопротивления состояние продолжает ухудшаться.
- По мере приближения к самому плохому состоянию на пути перестройки сопротивление, начиная с некоторого момента, начинает уменьшаться, и как только самое плохое состояние пройдено, не только полностью исчезает сопротивление, но система начинает притягиваться к лучшему состоянию.
- Величина ухудшения, необходимого для перехода в лучшее состояние, сравнима с финальным улучшением и увеличивается по мере совершенствования системы. Слабо развитая система может перейти в лучшее состояние почти без предварительного ухудшения, в то время как развитая система, в силу своей устойчивости, на такое постепенное непрерывное улучшение неспособна.
- Если систему удастся сразу, скачком, а не непрерывно, перевести из плохого устойчивого состояния достаточно близко к хорошему, то дальше она сама собой будет эволюционировать в сторону хорошего состояния.

Любая реформа приводит к падению благосостояния одних членов общества, которые становятся противниками реформы, и улучшает благосостояние других, которые становятся сторонниками реформы. Реформа становится экономически выгодной тогда, когда суммарный выигрыш от нее превышает суммарный проигрыш. Тогда гипотетически те, кто выиграет, могут компенсировать проигрыш противников реформ. Благосостояние первых увеличится, а благосо-

стояние вторых — не изменится. Но в реальности полная компенсация никогда не осуществляется, что вызывает противодействие реформам со стороны их противников. Поскольку ухудшается благосостояние противников реформ, снижается объем ресурсов, которыми они распоряжаются. Следовательно, уменьшается политический вес противников реформ. Наоборот, в ходе реформ политический вес их сторонников увеличивается. Чем быстрее осуществляются реформы, тем быстрее происходят утрата влияния их противников и рост влияния их сторонников. Эти выводы (С. Валянский, Д. Калюжный) можно соотнести с процессом реформы Столыпина.

Убийство Столыпина фактически завершило мирный путь российских преобразований, проводимых элитой.

Далее вступила в действие контрэлита.

Ввиду неготовности и даже неспособности столичной аристократии и бюрократии к реальным переменам финансовые и промышленные круги и их политические союзники в Думе в 1917 году организовали заговор, который завершился Февральской революцией и отречением Николая II от трона.

Подчеркнем, что против императора выступило практически все руководство армии во главе с начальником Генерального штаба М. В. Алексеевым.

Впоследствии, когда Временное правительство не смогло быстро изменить экономический и военный курс и было свергнуто большевиками во главе с Лениным, генералы выступили организаторами Белой армии и повели героическую борьбу с коммунистами, которая не могла увенчаться их победой, поскольку они не обладали позитивными идеями развития общества: они не были монархистами, не были и реформаторами. Можно сказать, что, изменив присяге, данной Николаю II, генералы вышли за черту своего исторического времени.

Модернизация, которую провел Сталин, была неизбежной, но она могла быть не такой жестокой.

Если бы Столыпин довел свое дело до конца, не было бы ни Сталина, ни Ленина. Возможно, не было бы ни Первой, ни Второй мировых войн.

Российская история как бы подносит к нашим глазам портрет погибшего Реформатора и четко произносит:

— Этот опыт не должен пропасть бесследно. Помните о нем!

Мы полагаем, что эти слова будут услышаны сегодня многими.

**ОТВЕТ П. А. СТОЛЫПИНА, КАК МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, НА ЗАПРОС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
О ЩЕРБАКЕ, ДАННЫЙ 8 ИЮНЯ 1906 ГОДА**

Что касается Щербака¹, то министр внутренних дел мало может прибавить к тому, что сообщено господином министром юстиции. В Сумском уезде Харьковской губернии введено военное положение, и, на основании 8-й статьи военного положения, все меры по ограждению порядка и спокойствия принадлежат местному генерал-губернатору, который может и мог принять какие-либо меры по отношению к Щербаку. Я, со своей стороны, как только получил сведения о положении дела в Сумском уезде, внес это дело в особое совещание, которое рассмотрело его и постановило: ввиду производящегося о нем судебного дела и принятия его содержания под стражей, переписку об охране прекратить. Дело его в порядке охраны прекращено.

На заявленный мне запрос от 12 мая я не мог ранее ответить Государственной думе, так как считал необходимым отправить в некоторые города, где были беспорядки, особых уполномоченных мною лиц для проведения происшедшего. В настоящее время я получил все нужные сведения и могу дать подробные объяснения, но желал бы сначала совершенно ясно, определенно поставить те вопросы, которые, очевидно, интересуют Государственную думу. Расчленив запрос, вникнув в его смысл, я нахожу, что он имеет в виду три предмета: 1) обвинение против деятельности департамента полиции, 2) заявление, что беспорядки, происходившие в Вологде, Калязине и Царицыне, обусловлены, вероятно, продолжением этой деятельности, и 3) желание знать, будет ли министр предотвращать такого рода беспорядки в будущем. Другими словами, заявляется, что в недавнем про-

¹ Речь идет о запросе А. П. Щербака, отставного прапорщика, об освобождении его из-под стражи на поруки. — *Прим. ред.*

шлом в министерстве творились беззакония, что они, вероятно, продолжают и при мне и что я приглашаюсь ответить, буду ли терпеть их в будущем. Как иллюстрация приводятся слухи о заключении невинных людей в тюрьму.

Приступая к ответу, я желал бы сделать маленькую оговорку. Согласно статье 58 Учреждения Государственной думы, сведения и разъяснения со стороны министров могут касаться только незаконных действий, возникших после учреждения Государственной думы, то есть после 27 апреля. Оговорку эту я делаю потому, что, если бы мне пришлось отвечать на запросы по поводу всего происходившего ранее, я, вероятно, был бы поставлен в физическую невозможность дать ответы. Но в данном случае я решил ответить на запрос во всех его частях и вот почему. Мне кажется, что в запросе Думы главный интерес лежит не в обвинении отдельных лиц — отдельные должностные лица могут быть всегда обвинены, — тут нарекания на деятельность всего департамента полиции, на него непосредственно возводится обвинение в возбуждении одной части населения против другой, последствием чего было массовое убийство мирных граждан. Я нахожу, что новому министру необходимо разобраться в этом деле. Меня интересует не столько ответственность отдельных лиц, сколько степень пригодности опороченного орудия моей власти. Не предпослав этого объяснения, мне было бы трудно говорить о происшествиях настоящего. Поэтому остановлюсь сначала вкратце на инкриминируемой деятельности департамента полиции в минувшую зиму и оговариваюсь вперед, что недомолвок не допускаю и полуправды не признаю.

Суть рапорта чиновника особых поручений Макарова заключается в следующем: департамент полиции обвиняется в оборудовании преступной типографии и в распространении воззваний агитационного характера, затем в участии жандармского ротмистра Будаговского в распространении преступных воззваний и прокламаций того же характера, затем в бездеятельности властей департамента, не принявшего мер пресечения против преступных деяний. При производстве по этому делу тщательного расследования оказалось следующее: в середине декабря 1905 года жандармский офицер Комиссаров напечатал на отобранной при обыске бостонке воззвание к солдатам с описанием известного избиения в городе Туккуме полуэскадрона драгун, с призывом свято исполнять свой долг при столкновении с мятежниками. Это воззвание было послано в Вильну в количестве 200—300 экземпляров. Кроме того, был сделан набор другого воззвания

к избирателям Государственной думы. В это время его начальству стало известно об этих его деяниях, и оно указало ему на всю несовместимость его политической агитации с его служебным положением и потребовало прекращения его деятельности, внушив ему, что оставление на службе одновременно с политической деятельностью невозможно. Вследствие этого был немедленно уничтожен набор воззвания к избирателям и была послана телеграмма в Вильну об уничтожении тех экземпляров воззвания к солдатам, которые не были еще розданы.

Затем, что касается деятельности ротмистра Будаговского, то надо выяснить, что на почве участия в борьбе во время декабрьских событий у Будаговского в Александровске установились личные отношения к организациям, которые именовались «Александровский союз 17 октября» и «Александровская боевая дружина», причем ротмистр Будаговский употреблял свое влияние на распространение этих воззваний среди населения уезда. Однако после 14 декабря новых воззваний против революционеров и евреев уже не распространялось. Хотя приписываемое ротмистру Будаговскому подстрекательство к погромам юридически за невосполнением погромов ненаказуемо, но, по получении сведений о его деятельности, он был вызываем в Петербург, ему было внушено о несовместимости его деяний со службой в корпусе жандармов и категорически было приказано прекратить агитацию.

Что касается нареканий на департамент полиции за то, что им не принимались меры и что власть бездействовала, то я должен сказать, что хотя по рапорту Будаговского распоряжение своевременно не было сделано, но такое замедление должно объясняться тем, что этот рапорт поступил в разгар московского восстания, между 3 и 10 декабря, когда заведующий департаментом полиции Рачковский находился в Москве; когда же он вернулся в Петербург, то был освобожден от заведования политической частью департамента. Позднее же, как было изложено ранее, Будаговский был вызван в Петербург, и, повторяю, ему было сделано соответствующее внушение. Надо принять во внимание также и то, что не только ожидавшийся 13 февраля погром в Александровске не имел места, но там вообще не произошло никаких беспорядков. Для полноты картины я должен сказать, что когда в департамент достигали слухи о возможных беспорядках, немедленно посылались нужные телеграммы об их прекращении.

Некоторые уяснения неправильных действий жандарм-

ских офицеров следует почерпнуть из воспоминаний о тех ужасных событиях, которые переживала Россия минувшей осенью и зимой, событиях, которые поселили во многих совершенно превратное понятие о долге перед родиной. Участие должностных лиц на собраниях крайних партий сменялось страстной агитацией против начал, проповедуемых этими партиями, причем оба эти явления несовместимы с сознательным положением должностных лиц и должны быть признаны в равной степени нетерпимыми. В частности, относительно ротмистра Будаговского надо принять во внимание обстановку, в которой ему приходилось действовать. Не имея в распоряжении своем достаточно войска и видя захват железнодорожной станции и земского начальника мятежной толпой, он решил, опираясь на сочувствующие ему общественные группы, подавить беспорядки, за что и получил Высочайшую награду, а никак не за агитацию. Теперь эти действия ротмистра Будаговского, а также последствия действий администрации послужили предметом нового запроса правительству. Я могу ответить на этот запрос только после того, как судебное следствие будет опорочено. Мне кажется, что вообще из всего вышеизложенного видно, что департамент полиции не оборудовал преступной типографии и что последствиями его действий не могла быть масса убитых людей. Для министра внутренних дел, однако, несомненно, что отдельные чины корпуса жандармов позволили себе, действуя вполне самостоятельно, вмешиваться в политическую агитацию и в политическую борьбу, что было своевременно остановлено. Эти действия неправильны, и министерство обязывается принимать самые энергичные меры к тому, чтобы они не повторялись, и я могу ручаться, что повторения их не будет.

Я перехожу ко второй части запроса, касающейся происшествий в городах Вологде, Царицыне и Калязине, проверенных как чинами Министерства внутренних дел, так и чинами прокурорского надзора. В первом из этих городов, в Вологде, толпа сожгла народный дом, повредила 4 частных дома, разгромила типографию и пыталась разгромить дом городского головы. При этом на месте осталось двое убитых и 28 раненых. Дознание выяснило, что беспорядки начались вследствие насильственного закрытия лавок группой манифестантов, когда в город съехалась масса народа для закупок припасов ввиду двух празд-

ников — Николина и Троицына дней. Затем, при столкновении с толпой, первый выстрел был произведен со стороны манифестантов. Губернатор, прокурор и полицмейстер прикрывали собою избиваемых; последний затапывал костры, сложенные из книг, выброшенных из народного дома.

Трудно даже себе представить, чтобы тут была обвинена администрация в устройстве и сочувствии в учинении погрома. Причина была ясна — насильственное закрытие лавок, объектом же злобы народа явился народный дом, который был обычным местом сборища политических ссыльных, причем в октябре там на митингах раздавались речи о вооруженном восстании, а сцена была украшена надписью «Да здравствует республика», что тогда же вызвало протест и беспорядки со стороны простонародья. Такие же беспорядки повторялись по этому же поводу в декабре. Что началом беспорядков послужили действия манифестантов, было видно из крайне враждебных отзывов прессы и из показаний всех опрошенных лиц. Погром не был своевременно прекращен вследствие малочисленности полицейских сил. Всего налицо было 59 человек, войска же приехали слишком поздно, так как они были вызваны из соседнего города по железной дороге. Нарекания со стороны некоторых лиц, вызванные действиями ротмистра Пышкина, который командовал стражниками и который будто бы действовал недостаточно решительно против толпы, объясняются тем, что стражники были только что сформированы и сам он получил от губернатора приказание не стрелять. При таком положении едва ли он мог действовать более активно. Однако если бы судебное следствие, которое ведется по этому делу, показало обратное, то министерство не преминет соответственно распорядиться.

К сожалению, обстоятельства происшествия, бывшего в Царицыне 1 мая, дают основательный повод к нареканию на действия полиции, причем дело следствия — выяснить меру ответственности каждого должностного лица. Как теперь ясно, дело происходило приблизительно таким образом. День 1 мая прошел в Царицыне спокойно, были маленькие беспорядки, которые были своевременно прекращены. Но к вечеру, около 7 часов, полицмейстер получил известие, что двигается толпа манифестантов. Он послал отряд казаков, которые разогнали эту толпу, причем трое оказались сильно пострадавшими. Толпа эта оказалась толпою ополченцев. Немедленно на место собралась толпа го-

рожан, приехал полицмейстер, потребовал разойтись. На это последовало со стороны толпы насилие в виде брошенных камней. Затем раздался залп, и в конце концов оказалось 8 раненых, из которых трое тяжело, и они умерли. Происшествие это не останется, конечно, без самых тяжелых последствий для виновных.

Я не могу признать виновной полицейскую власть в г. Калязине. Дело произошло в г. Калязине таким образом. Судебный следователь привлек в качестве обвиняемого некоего Демьянова и заключил его под стражу. Толпа в несколько сот человек, явившись к следователю, потребовала освобождения его. Следователь, чтобы выиграть время и для того, чтобы прекратить беспорядки, обещал запросить по телеграфу прокурора о том, возможно ли освобождение этого лица; до получения на это ответа толпа начала действовать крайне вызывающе, спрашивала судебного следователя, правда или нет, что Демьянов повешен. Следователь просил прислать отца Демьянова и еще двух депутатов, чтобы убедиться, что Демьянов цел, и сам пошел по направлению к тюрьме, но толпа потребовала, чтобы ее туда впустили в количестве от двухсот до трехсот человек. Раздались угрозы по адресу следователя, и он едва успел только бегом скрыться в полицейском управлении; туда укрылся и исправник, который тщетно убеждал разойтись другую толпу, которая осталась перед крыльцом судебного следователя.

В это время в окно полицейского управления были брошены камни; исправник распорядился таким образом: у него было 9 стражников, 5 из них он поставил у окон полицейского управления, а с четырьмя вышел на крыльцо довольно высокое, так что они стояли выше толпы. На просьбу разойтись, не действовать насильно и не освобождать насильно человека, который заключен под стражу по обвинению судебной власти, слышались насмешки, а затем посыпались камни. Тогда полицмейстер приказал дать залп. Так как стражники стояли выше толпы, то никто в толпе не был поврежден этими выстрелами. В ответ посыпался град камней. Когда был дан вторичный залп, то ранен был один человек, но два стражника, из которых один получил от камней повреждения ноги, дали тоже выстрелы, в результате которых оказалось два убитых. После этого спокойствие было восстановлено. Действия исправника в данном случае я не могу признать неправильными.

Кончив описание событий, бывших после вступления моего в должность, я все-таки должен сделать оговорку.

Запросы Думы, конечно, касаются только таких явлений, которые могут вызвать нарекания в обществе. Отвечая на них, я не скрывал неправильных действий должностных лиц; но мне кажется, что отсюда нельзя и не следует делать выводов о том, что большинство моих подчиненных не следуют велениям долга. Это, в большинстве, люди, свято исполняющие свой долг, любящие свою родину и умирающие на посту. С октября месяца до 20 апреля их было убито 288, а ранено 383, кроме того было 156 неудачных покушений. Я бы мог на этом закончить, но меня еще спрашивают, что я думаю делать в будущем и известно ли мне, что администрация переполняет тюрьмы лицами, заведомо не виновными. Я не отрицаю, что в настоящее смутное время могут быть ошибки, недосмотры по части формальностей, недобросовестность отдельных должностных лиц, но скажу, что с моей стороны сделаю все для ускорения пересмотра этих дел. Пересмотр этот в полном ходу. Вместе с тем правительство так же, как и общество, желает перехода к нормальному порядку управления. Тут, в Государственной думе, с этой самой трибуны раздавались обвинения правительству в желании насаждать везде военное положение, управлять всей страной путем исключительных законов; такого желания у правительства нет, а есть желание и обязанность сохранить порядок (*шум*). Порядок нарушается всеми средствами, нельзя же, во имя даже склонения в свою сторону симпатий, нельзя же совершенно обезоружить правительство и идти сознательно по пути дезорганизации... (*шум*).

Власть не может считаться целью. Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка; поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластие, нельзя не считать опасным безвластие правительства. Не нужно забывать, что бездействие власти ведет к анархии, что правительство не есть аппарат бессилия и искательства. Правительство — аппарат власти, опирающийся на законы, отсюда ясно, что министр должен и будет требовать от чинов министерства осмотрительности, осторожности и справедливости, но [также] твердого исполнения своего долга и закона. Я предвижу возражения, что существующие законы настолько несовершенны, что всякое их применение может вызвать только ропот. Мне рисуется волшебный круг, из которого выход, по-моему, такой: применять существующие законы до создания новых, ограждая всеми способами

и по мере сил права и интересы отдельных лиц. Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный часовой ответит: покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым (*шум, смех*). В заключение повторяю, обязанность правительства — святая обязанность ограждать спокойствие и законность, свободу не только труда, но и свободу жизни, и все меры, принимаемые в этом направлении, знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ (*шум*).

Господа, я должен дать свое разъяснение теперь, так как, к сожалению, не могу остаться до конца — я должен ехать в Совет министров. Тут в речах предыдущих ораторов предо мною ясно предстали мысли говоривших, предо мною встал реальный ротмистр Пышкин и Пышкин как эмблема. Позвольте мне расчленить его в своей речи тоже таким образом. Отвечая на тот реальный упрек в неправде¹...

...виноват, в неточности, который мне бросили, я должен сказать, что мне известны другие сведения о погроме, которые были мне доставлены лицами, специально мною посланными. Я должен указать на то, что ротмистр Пышкин немного неточен в речи Набокова. Дело в том, что стреляли, как точно установлено, в народный дом стражники пешие, а не те, которые были в распоряжении ротмистра Пышкина. Дело о погроме передано следствию, и если судебным следствием будет выяснена вина ротмистра Пышкина, то он, конечно, будет в ответственности. Что же касается вологодского губернатора, тоже как реальной величины, то я должен сказать, что он подал в отставку ранее вологодского погрома. Затем, когда я его спрашивал по телеграфу о нареканиях, которые распространяются на администрацию и полицию, он ответил, что это сплошная ложь, — извините за это выражение, но эти слова были в телеграмме.

Затем я выслушал реальные вопросы и нарекания от г. Винавера². Он спрашивает о моем мнении относительно моих предшественников. Мне кажется, что распространять настолько право запроса не следует. Я не обязан отвечать на

¹ Речь П. А. Столыпина была прервана выкриком кадета В. Д. Набокова: «В неточности!» См. в кн.: Государственная дума, 1906. С. 1136—1140. — *Прим. ред.*

² М. М. Винавер (1863—1926) — один из основателей партии кадетов, член ЦК. — *Прим. ред.*

такого рода запросы. Относительно реального факта о действительном статском советнике Рачковском, который сидел на месте вице-директора, я заявляю, что этого места он не занимает и ни на какой определенной должности в департаменте полиции не находится.

Перейду к Пышкину как к эмблеме. Я выслушал здесь от князя Урусова, что мои сведения неточны, что я не осведомлен. Я должен сказать, что я приложил все усилия, чтобы выяснить ту картину, которая была брошена в нас как обвинение, я имел показания лиц, выяснявших это для бывшего председателя Совета министров, и документальные данные — на основании их только я могу ответить. Я могу показать их лицу, которое пожелает их видеть. Не знаю, настолько ли документальны данные князя Урусова и откуда он черпал свои сведения. Затем, он говорит, что, если даже министр внутренних дел одушевлен самыми лучшими намерениями, он лишен возможности сделать добро, ему мешают какие-то призраки ротмистра Пышкина в виде эмблемы. Я должен сказать, что по приказанию Государя я, вступив в управление Министерством внутренних дел, получил всю полноту власти и на мне лежит вся тяжесть ответственности. Если бы были призраки, которые бы мешали мне, то эти призраки были бы разрушены, но этих призраков я не знаю. Затем меня упрекал г. Винавер в том, что я слишком узко смотрю на дело, но я вошел на эту кафедру с чистой совестью. Что я знал, то и сказал и представил дело таким образом, что то, что нехорошо, того больше не будет... (*шум, крики: а Белостокский погром?!*).

Одни говорят — ты этого не можешь, а другие — ты этого не хочешь, но то, что я могу и хочу сделать, на то я уже ответил в своей речи. Упрек, который мне сделал г. Винавер, что я узко смотрю на вопрос, я не совсем понимаю. Для меня дело стоит так: если я признаю нежелательным известное явление, если я признаю, что власть должна идти об руку с правом, должна подчиняться закону, то явления неправомерные не могут иметь места. Мне говорят, что у меня нет должного правосознания, что я должен изменить систему, — я должен ответить на это, что это дело не мое. Согласно понятию здравого правосознания, мне надлежит справедливо и твердо охранять порядок в России (*шум, свистки*). Этот шум мне мешает, но меня не смущает и смутить меня не может. Это моя роль, а захватывать законодательную власть я не вправе, изменять законы я не могу. Законы изменять и действовать в этом направлении будете вы (*шум, крики: отставка!*).

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ П. А. СТОЛЫПИНА ВО ВТОРОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ В КАЧЕСТВЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ 6 МАРТА 1907 ГОДА

Перед началом совместной с Государственной думой деятельности я считаю необходимым с возможною полнотою и ясностью представить созванному волею Монарха законодательному собранию общую картину законодательных предположений, которые министерство решило представить его высокому вниманию.

Но прежде чем перейти к изложению существа отдельных законопроектов, прежде чем попытаться осветить руководящую идею правительства, я не могу не остановить внимания Государственной думы на положении, которое займет правительство по отношению к вносимым им законопроектам. Я разумею существо и порядок их защиты.

В странах с установившимся правительственным строем отдельные законопроекты являются в общем укладе законодательства естественным отражением новой назревшей потребности и находят себе готовое место в общей системе государственного распорядка. В этом случае закон, прошедший все стадии естественного созревания, является настолько усвоенным общественным самосознанием, все его частности настолько понятны народу, что рассмотрение, принятие или отклонение его является делом не столь сложным и задача правительственной защиты сильно упрощается.

Не то, конечно, в стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно, и брожения.

Тут не только каждый законопроект, но каждая отдельная его черта, каждая особенность может чувствительно отзываться на благе страны, на характере будущего законодательства. При множестве новизны, вносимой в жизнь народа, необходимо связать все отдельные правительственные предположения одною общею мыслью, мысль эту выяснить, положить ее в основание всего строительства и защищать ее, поскольку она проявляется в том или другом законопроекте. Затем следует войти в оценку той мысли, которая противопоставляется мысли законопроекта, и добросовестно решить, совместима ли она, по мнению правительства, с благом государства, с его укреплением и возвеличением и потому приемлема ли она. В дальнейшей же выработке самих законов нельзя стоять на определенном построении, необходимо учитывать все интересы, вносить все изменения,

требуемые жизнью, и, если нужно, подвергать законопроекты переработке, согласно выяснившейся жизненной правде.

В основу всех тех правительственных законопроектов, которые министерство вносит ныне в Думу, положена поэтому одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить и во всей своей последующей деятельности. Мысль эта — создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как, пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут прочно установлены.

Правовые нормы должны покоиться на точном, ясно выраженном законе еще и потому, что иначе жизнь будет постоянно порождать столкновения между новыми основаниями общественности и государственности, получившими одобрение Монарха, и старыми установлениями и законами, находящимися с ними в противоречии или не обнимающими новых требований законодателя, а также произвольным пониманием новых начал со стороны частных и должностных лиц.

Вот почему правительство главнейшею своею обязанностью почло представить на уважение Государственной думы и Государственного совета целый ряд законопроектов, устанавливающих твердые устои новоскладающейся государственной жизни России.

Но, прежде чем перейти к выработанным законопроектам, я должен упомянуть о тех законах, которые, ввиду их чрезвычайной важности и спешности, были проведены в порядке ст. 87 основных законов и подлежат также рассмотрению Государственной думы и Совета.

Не останавливаясь на законах, ведущих к равноправию отдельных слоев населения и свободе вероисповедания, срочность осуществления которых не нуждается в разъяснении, считаю долгом остановиться на проведенных, в порядке чрезвычайном, законах об устройстве быта крестьян.

Настоятельность принятия в этом направлении самых энергичных мер настолько очевидна, что не могла подвергаться сомнению. Невозможность отсрочки в выполнении неоднократно выраженной воли Царя и настойчиво повторявшихся просьб крестьян, изнемогающих от земельной неурядицы, ставили перед правительством обязательство не

медлить с мерами, могущими предупредить совершенное расстройство самой многочисленной части населения России. К тому же на правительстве, решившем не допускать даже попыток крестьянских насилий и беспорядков, лежало нравственное обязательство указать крестьянам законный выход в их нужде.

В этих видах изданы были законы о предоставлении крестьянам земель государственных, а Государь повелел передать на тот же предмет земли удельные и кабинетские на началах, обеспечивающих крестьянское благосостояние. Для облегчения же свободного приобретения земель частных и улучшения наделов изменен устав Крестьянского банка в смысле согласования с существующим уже в законе, но остававшимся мертвою буквою разрешением залога наделных земель в казенных кредитных учреждениях, причем приняты все меры в смысле сохранения за крестьянами их земель. Наконец, в целях достижения возможности выхода крестьян из общины, издан закон, облегчающий переход к подворному и хуторскому владению, причем устранено всякое насилие в этом деле и отменяется лишь насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда.

Все эти законы вносятся на усмотрение Государственной думы и Государственного совета.

Но, наряду с неотложными, уже вошедшими временно в действие законами, правительство изготвило в области внутреннего управления еще целый ряд законопроектов, также вносимых в Государственную думу в нынешнюю сессию.

Ранее всего правительство почло своим долгом выработать законодательные нормы для тех основ права, возвешенных манифестом 17 октября, которые еще законом не установлены.

Тогда как свобода слова, собраний, печати, союзов определена временными правилами, свобода совести, неприкосновенность личности, жилищ, тайна корреспонденции остались не нормированы нашим законодательством. Вследствие сего, в целях выполнения задачи проведения в жизнь начал веротерпимости, правительство вменило себе прежде всего в обязанность подвергнуть пересмотру все действующее отечественное законодательство и выяснить те изменения, которым оно должно подлежать в целях согласования с указами 17 апреля и 17 октября 1905 года.

Но ранее этого правительство должно было остановиться на своих отношениях к Православной Церкви и твердо уста-

новить, что многовековая связь русского государства с христианской церковью обязывает его положить в основу всех законов о свободе совести начала государства христианского, в котором Православная Церковь, как господствующая, пользуется данью особого уважения и особою со стороны государства охраною. Оберегая права и преимущества Православной Церкви, власть тем самым призвана оберегать полную свободу ее внутреннего управления и устройства и идти навстречу всем ее начинаниям, находящимся в соответствии с общими законами государства. Государство же и в пределах новых положений не может отойти от заветов истории, напоминающей нам, что во все времена и во всех делах своих русский народ одушевлялся именем Православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество родной земли. Вместе с тем права и преимущества Православной Церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений. Поэтому, с целью проведения в жизнь Высочайше дарованных узаконений об укреплении начал веротерпимости и свободы совести, министерство вносит в Государственную думу и Совет ряд законопроектов, определяющих переход из одного вероисповедания в другое; беспрепятственное богомоление, сооружение молитвенных зданий, образование религиозных общин, отмену связанных исключительно с исповеданием ограничений и т. п.

Переходя к неприкосновенности личности, Государственная дума найдет в проекте министерства обычное для всех правовых государств обеспечение ее, причем личное задержание, обыск, вскрытие корреспонденции обуславливаются постановлением соответственной инстанции, на которую возлагается и проверка в течение суток оснований законности ареста, последовавшего по распоряжению полиции.

Отклонение от этих начал признано допустимым лишь при введении, во время войны или народных волнений, исключительного положения, которое предполагается одно вместо трех, ныне существующих, причем административную высылку в определенные места предположено совершенно упразднить.

Кроме этих законопроектов общего характера, устанавливающих обязанности и права подданных Российской державы, правительство выработало ряд законопроектов, перестраивающих местную жизнь на новых началах. Так как местная жизнь охватывается областью самоуправления земского и городского, областью управления (администрация) и полицейскими мероприятиями, то и проекты министерства касаются именно этих отраслей нашего законодательства.

Как в губернии, так и в уезде деятельность административная, полицейская и земская течет по трем параллельным руслам, но чем ближе к населению, тем жизнь упрощается и тем необходимее остановиться на ячейке, в которой население могло бы найти удовлетворение своих простейших нужд. Таким установлением по проекту министерства должна явиться бессословная, самоуправляющаяся волость в качестве мелкой земской единицы. Полицейские ее обязанности должны ограничиться простейшими обязанностями местной общественной полиции, а административные предполагается свести к делам, касающимся воинской повинности, ведению посемейных списков, некоторым податным действиям и т. п. В ведение волости должны входить все земли, имущества и лица, находящиеся в ее пределах. Волость будет самой мелкой административно-общественной единицей, с которой будут иметь дело частные лица, но при этом лица, владеющие землею совместно, миром, то есть главным образом владельцы надельной земли, образуют из себя, исключительно для решения своих земельных дел, особые земельные общества, сохраняющие некоторые преимущества, а именно неотчуждаемость надельных земель и применение к наследованию ими местных обычаев. Таким образом земельным обществам не будет присвоено никаких административных обязанностей, создаются они для совместного ведения бывшими надельными землями, причем предполагаются меры против чрезмерного сосредоточения этих земель в одних руках и против чрезмерного дробления их, а равно к упрочению совершения на них актов.

Для удовлетворения же простейших потребностей села, вытекающих из совместного проживания, предположено ввести в селах крупных, а также таких, в которых проживают посторонние крестьянам лица, особые поселковые управления, с участием помянутых посторонних лиц и в управлении, и в обложении.

Все сказанные организации получили свое выражение во вносимых в Государственную думу и Государственный совет проектах земельных обществ, поселкового и волостного управления.

Выше волостной мелкой земской единицы отрасли управления осложняются, и в соответствии с этим министерство должно было заняться реформой самоуправления земского и городского, реформой управления губернского, уездного и участкового и реформой полицейскою.

В области самоуправления министерство коснулось трех важнейших, по его мнению, общих вопросов: вопроса зем-

ского и городского представительства, вопроса об его компетенции и вопроса об отношении к самоуправлению со стороны администрации. Одновременно министерство приступило к существенному и необходимому труду пересоставления всех уставов, точно устанавливающих обязанности земства и администрации. В настоящее время министерство вносит в Государственную думу устав общественного призрения, устав о гужевых земских дорогах и временный закон о передаче продовольственного дела в ведение земских учреждений. Составляются уставы врачебный и строительный.

Возвращаясь к общим вопросам, выдвинутым в области самоуправления, укажу на то, что вносимый в Думу проект о земском представительстве строит его на принципе налогового ценза, расширяя этим путем круг лиц, принимающих участие в земской жизни, но обеспечивая одновременно участие в ней культурного класса землевладельцев, компетенция же органов самоуправления увеличивается передачею им целого ряда новых обязанностей, а отношение к ним администрации заключается в надзоре за законностью их действий.

Самоуправление на тех же общих основах с некоторыми, вызванными местными особенностями, изменениями предполагается ввести в Прибалтийском, Западном крае и Царстве Польском, за выделением в особую административную единицу местностей, в которых сосредоточивается исстари чисто русское население, имеющее свои специальные интересы.

Что касается административных органов, то министерство вносит в Думу проекты законов о губернском управлении, об уездном управлении и об участковых комиссарах.

В губернском и уездном управлении получает осуществление принцип возможного объединения всех гражданских властей, всех отдельных многочисленных ныне присутствий и главным образом осуществление начала административного суда. Таким путем все жалобы на постановления административных и выборных должностных лиц и учреждений будут, согласно проекту, рассматриваться смешанной административно-судной коллегией с соблюдением форм состязательного процесса. Во главе уезда предполагается поставить начальника уездного управления, который и объединял бы гражданские власти уезда. В пределах уезда в качестве агентов администрации предположены участковые комиссары. Земские начальники упраздняются. Полицию предполагается преобразовать в смысле объединения полиции жандармской и общей, причем с жандармских чинов будут сняты обязанности по производству политических дознаний, кото-

рые будут переданы власти следственной. Новым в области полицейской будет предлагаемый вниманию Государственной думы устав полицейский, который должен заменить устарелый устав о предупреждении и пресечении преступлений и точно установить сферу действий полицейской власти.

В строгой связи с преобразованием местного управления стоит и преобразование суда. С отменой учреждения земских начальников и волостных судов необходимо создать местный суд, доступный, дешевый, скорый и близкий к населению. Министерство юстиции представляет по этим соображениям в Государственную думу проект преобразования местного суда с сосредоточением судебной власти по делам местной юстиции в руках избираемых населением из своей среды мировых судей, к компетенции которых будет отнесена значительная часть дел, подчиненных ныне юрисдикции общих судебных установлений, связь с которыми будет поддерживаться образованием для них апелляционной инстанции в виде уездных отделений окружного суда с кассационной инстанцией в лице Правительствующего сената.

Далее, в целях обеспечения в государстве законности и укрепления в населении сознания святости и ненарушимости закона, Министерство юстиции вносит в Государственную думу проект о гражданской и уголовной ответственности служащих, действительно обеспечивающей применение начала уголовной и имущественной ответственности служащих за их проступки и охраняющей вместе с тем спокойное и уверенное отправление ими службы и ограждающей их от обвинений явно неосновательных. Деяния эти предположено поэтому подчинить общим процессуальным постановлениям, устранив все те в указанном отношении отступления от общего порядка, которые не представляются безусловно необходимыми. Не останавливаясь на проектах об увеличении содержания должностным лицам судебного ведомства и усилении действующих штатов, не могу не обратить внимания Государственной думы на законопроекты в области уголовного права и процесса, устанавливающие целый ряд мер, которые, за сохранением незыблемыми основных начал судебных уставов Александра Второго¹, оправдываются указаниями практики или же отвечают некоторым получившим за последнее время преобладание в науке и уже принятым законодательствами многих государств Европы воззрениям. Так, предполагается допущение защиты на предварительном

¹ Речь идет об Уставе уголовного и гражданского производства и Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. — *Прим. ред.*

следствии, введение состязательного начала в обряде предания суду, установление институтов условного осуждения и условного досрочного освобождения и т. п. Наряду с этим предположено введение в полном объеме нового уголовного уложения, по согласовании его со всеми изданными за последнее время законоположениями.

Вносятся также целый ряд законопроектов в области гражданского законодательства, проект охранительного судопроизводства и, наряду со многими имеющими меньшее значение законопроектами, проекты вотчинного устава и дополнительных к нему узаконений, направленных к установлению у нас ипотечной системы, в целях внесения в область земельных правоотношений надлежащей гласности, определенности и твердости.

Область эта находится в тесной связи с делом землеустройства, составляющего предмет ведения другого ведомства — главного управления землеустройства и земледелия. Названное ведомство стоит перед задачей громадного значения. Оно призвано, главным образом, содействовать экономическому возрождению крестьянства, которое ко времени окончательного освобождения от обособленного положения в государстве выступает на арену общей борьбы за существование экономически слабым, неспособным путем занятия своим исконным земледельческим промыслом обеспечить себе безбедное существование.

Поэтому главное управление поставило себе целью увеличение площади землевладения крестьян и упорядочение этого землевладения, т. е. землеустройство.

Среди мер первой категории главное управление придает особое значение обеспечению земельного быта тех обществ, которые, получив дарственные наделы, не имели возможности до настоящего времени обеспечить себя землею путем покупки. Соответствующий законопроект будет внесен в Государственную думу.

Способ устранения острого малоземелия главное управление видит в льготной, соответствующей ценности покупаемого и платежным способностям приобретателя, продаже земель земледельцам. Для этой цели в распоряжении правительства имеется, согласно указам 12 и 27 августа 1906 г., 9 мил. десятин и купленные с 3 ноября 1905 г. Крестьянским банком свыше 2 мил. десятин. Но для успеха дела увеличение крестьянского землевладения надлежит связать с улучшением форм землепользования, для чего необходимы меры поощрения и главным образом кредит. Главное управление намерено идти в этом деле путем широкого разви-

тия и организации кредита земельного, мелиоративного и переселенческого.

Что касается землеустройства, то вносимое по этому предмету положение имеет целью устранение неудобств, сопряженных с внутринадельным расположением участков отдельных селений и домохозяев, облегчение разверстания чересполосицы, облегчение выделения домохозяевам отрубных участков, упрощение способов отграничительных межеваний и принудительное разверстание чересполосных владений, при условии признания этой чересполосности вредною.

Спешное осуществление аграрных мероприятий находится в зависимости от деятельности местных землеустроительных комиссий, необходимость переустройства которых сознается главным управлением, составившим проект, имеющий целью: 1) теснее связать эти комиссии с местным населением путем усиления в них выборного начала и 2) придать им рабочие силы для проектирования и осуществления землеустроительных планов.

Хотя преобладающим по численности населением у нас является население сельское, но правительство считает настоятельно необходимым принять в законодательном порядке ряд мер и по отношению к рабочим.

В основу предполагаемой реформы положены признание безусловной необходимости положительного и широкого содействия государственной власти благосостоянию рабочих и стремление к исправлению недостатков в их положении.

Рассматривая рабочее движение как естественное стремление рабочих к улучшению своего положения, реформа должна предоставить этому движению естественный выход, с устранением всяких мер, направленных к искусственному его поощрению, а также к стеснению этого движения, поскольку оно не угрожает общественному порядку и общественной безопасности.

Поэтому реформа рабочего законодательства должна быть проведена в двоякого рода направлении: в сторону оказания рабочим положительной помощи и в направлении ограничения административного вмешательства в отношении промышленников и рабочих, при предоставлении как тем, так и другим необходимой свободы действий через посредство профессиональных организаций и путем наказания экономических стачек.

Главнейшей задачей в области оказания рабочим положительной помощи является государственное попечение о неспособных к труду рабочих, осуществляемое путем стра-

хования их, в случаях болезни, увечий, инвалидности и старости. В связи с этим намечена организация врачебной помощи рабочим.

В целях охранения жизни и здоровья подрастающего рабочего поколения установленные ныне нормы труда малолетних рабочих и подростков должны быть пересмотрены с воспрещением им, как и женщинам, производства ночных и подземных работ. В связи с этим установленную законом 2 июня 1897 года продолжительность труда взрослых рабочих предполагается понизить.

Независимо от целого ряда менее важных преобразований в области рабочего законодательства, Министерство торговли и промышленности полагает внести на обсуждение Государственной думы вопрос о защите интересов русской торговли и промышленности на Дальнем Востоке путем закрытия там порто-франко, установленного вследствие военных действий Высочайшим указом от 1 мая 1904 года.

В числе многочисленных проектов, вносимых в Государственную думу Министерством путей сообщения, я считаю долгом обратить внимание на настоятельную необходимость тех из них, которые имеют целью развитие и улучшение нашей рельсовой сети, разросшейся за последнее десятилетие с 35 300 верст до 61 725 верст. Из предполагаемых же к постройке новых дорог я считаю долгом указать на Амурскую дорогу, которую предполагается провести от одной из конечных станций Забайкальской железной дороги до Хабаровска для создания непрерывного пролегающего по русской территории рельсового пути, соединяющего Европейскую Россию с дальневосточными окраинами. Этого требуют жизненные интересы России.

Кроме этого вниманию Государственной думы будет предложен целый ряд проектов о работах по развитию и улучшению внутренних водных путей и шоссейных дорог, а также срочные, имеющие большую важность, проекты, касающиеся правовых отношений, как, например, закон о судоходстве и сплаве и новый закон об отчуждении недвижимых имуществ для нужд государственных и общественных.

Сознавая необходимость приложения величайших усилий для поднятия экономического благосостояния населения, правительство ясно отдаёт себе отчет, что усилия эти будут бесплодны, пока просвещение народных масс не будет поставлено на должную высоту и не будут устранены те явления, которыми постоянно нарушается правильное течение школьной жизни в последние годы, явления, свидетельствующие о том, что без коренной реформы наши учебные за-

ведения могут дойти до состояния полного разложения. Школьная реформа на всех ступенях образования строится Министерством народного просвещения на началах непрерывной связи низшей, средней и высшей школы, но с законченным кругом знаний на каждой из школьных ступеней. Особые заботы Министерства народного просвещения будут направлены к подготовке преподавателей для всех ступеней школы и к улучшению их материального положения.

Затем: 1) ближайшей своей задачей Министерство народного просвещения ставит установление совместными усилиями правительства и общества общедоступности, а впоследствии и обязательности, начального образования для всего населения Империи.

2) В области средней школы министерство будет озабочено созданием разнообразных типов учебных заведений, с широким развитием профессиональных знаний, но с обязательным для всех типов минимумом общего образования, требуемого государством.

3) В реформе высшей школы министерство ставит себе задачей укрепление тех начал, которые положены в основу предположенных преобразований Высочайшим указом 27 августа 1905 года, и согласование их с интересами общегосударственными, на основании опыта применения действующих временных правил.

Проведение в жизнь всех вышеизложенных законодательных предположений находится в зависимости от возможности их осуществления в финансовом отношении. С этой стороны Государственной думе и Государственному совету предстоит задача первостепенной важности: на рассмотрение их вносится государственная роспись, затрагивающая самые жизненные потребности государства. Правительство приглашает Государственную думу приступить к немедленному ее рассмотрению, так как вопросы бюджета настоятельно срочны и требуют величайшего внимания, тем более что положение России вызывает необходимость строгой бережливости, тогда как новые реформы требуют новых затрат. Настоящая минута тем более трудна, что она совпала с весьма крупным сокращением доходного бюджета, образовавшимся вследствие отмены манифестом 3 ноября 1905 года выкупных платежей крестьян и увеличения расходов на платежи процентов и погашения по займам, заключенным для покрытия военных расходов. Осложняется положение еще и тем, что искусственное задерживание нарастания государственных потребностей на долгое время невозможно. В развитии государства, как отдельного лица, бывают критические периоды

усиленного роста. Происшедшее в октябре 1905 года коренное изменение в нашем государственном устройстве открыло собою, как указано выше, эту эпоху и выдвинуло на очередь целый ряд потребностей в самых различных отраслях государственной жизни. Наконец, неудачная для нас война вызывает необходимость крупных затрат на возрождение нашей армии и флота. Как бы ни было велико наше стремление к миру, как бы громадна ни была потребность страны в успокоении, но если мы хотим сохранить наше военное могущество, ограждая вместе с тем самое достоинство нашей родины, и не согласны на утрату принадлежащего нам по праву места среди великих держав, то нам не придется отступить перед необходимостью затрат, к которым нас обязывает все великое прошлое России. Конечно, чрезвычайному характеру этих потребностей может соответствовать только обращение к чрезвычайным ресурсам.

Эти соображения должны быть предпосланы рассмотрению Государственной думой внесенных в нее Министерством финансов законодательных предположений об установлении новых налогов и преобразовании некоторых существующих видов обложения. В этих предположениях руководящею мыслью Министерства финансов было достижение возможной равномерности обложения и возможное освобождение широких масс неимущего населения от дополнительного налогового бремени. Некоторое исправление в недостаточную уравнительность нашей податной системы внесет, по проекту Министерства финансов, подходящий налог. Проекты же обложения некоторых предметов, доступных лицам достаточным, вызваны стремлением министерства избежать отягощения малоимущих слоев населения. Остальные проекты Министерства финансов относятся к осуществлению мысли о пересмотре системы реального обложения и о преобразовании некоторых видов пошлин и главным образом пошлин наследственных.

Все эти преобразования не являются осуществлением полной и стройной реформы податного строя. При теперешних обстоятельствах правительство надеется лишь достигнуть ими, при наименьших жертвах со стороны плательщиков, возможности не только проведения настоятельно необходимых государственных реформ, но и оживления деятельности органов общественного самоуправления путем передачи им некоторой части нынешних государственных доходов, так как, расширяя круг действия земств и городов, правительство обязано дать им возможность выполнить возложенные на них обязанности.

Изложив перед Государственной думой программу законодательных предположений правительства, я бы не выполнил своей задачи, если бы не выразил уверенности, что лишь обдуманное и твердое проведение в жизнь высшими законодательными учреждениями новых начал государственного строя поведет к успокоению и возрождению великой нашей родины. Правительство готово в этом направлении приложить величайшие усилия: его труд, добрая воля, накопленный опыт предоставляются в распоряжение Государственной думы, которая встретит в качестве сотрудника правительство, сознающее свой долг хранить исторические заветы России и восстановить в ней порядок и спокойствие, то есть правительство стойкое и чисто русское, каковым должно быть и будет правительство Его Величества. *(Аплодисменты справа.)*

Приложение 3

РАЗЪЯСНЕНИЕ П. А. СТОЛЫПИНА, СДЕЛАННОЕ ПОСЛЕ ДУМСКИХ ПРЕНИЙ, 6 МАРТА 1907 ГОДА

Господа, я не предполагал выступать вторично перед Государственной думой, но тот оборот, который приняли прения, заставляет меня просить вашего внимания. Я хотел бы установить, что правительство во всех своих действиях, во всех своих заявлениях Государственной думе будет держаться исключительно строгой законности. Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совместная работа, найти тот язык, который был бы одинаково нам понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы; я им пользоваться не буду. Возвращаюсь к законности. Я должен заявить, что о каждом нарушении ее, о каждом случае, не соответствующем ей, правительство обязано будет громко заявлять; это его долг перед Думой и страной. В настоящее время я утверждаю, что Государственной думе, волею Монарха, не дано право выражать правительству неодобрение, порицание и недоверие. Это не значит, что правительство бежит от ответственности. Безумием было бы полагать, что люди, которым вручена была власть, во время великого исторического перелома, во время переустройства всех государственных, законодательных устоев, чтобы люди, сознавая всю тяжесть возложенной на них задачи, не сознавали и тяжести взятой на себя ответственности, но надо помнить, что в то время, когда в нескольких верстах от столицы и от Царской резиденции волновал-

ся Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийский край, когда революционная волна разлилась в Польше и на Кавказе, когда остановилась вся деятельность в Южном промышленном районе, когда распространялись крестьянские беспорядки, когда начал царить ужас и террор, правительство должно было или отойти и дать дорогу революции, забыть, что власть есть хранительница государственности и целостности русского народа, или действовать и отстаивать то, что было ей вверено. Но, господа, принимая второе решение, правительство роковым образом навлекло на себя и обвинение. Ударяя по революции, правительство несомненно не могло не задеть и частных интересов. В то время правительство задалось одною целью — сохранить те заветы, те устои, те начала, которые были положены в основу реформ Императора Николая Второго. Борясь исключительными средствами в исключительное время, правительство вело и привело страну во Вторую думу. Я должен заявить и желал бы, чтобы мое заявление было слышно далеко за стенами этого собрания, что тут волею Монарха нет ни судей, ни обвиняемых и что эти скамьи — не скамьи подсудимых, это место правительства. (*Голоса справа: браво, браво.*)

За наши действия в эту историческую минуту, действия, которые должны вести не ко взаимной борьбе, а к благу нашей родины, мы точно так же, как и вы, дадим ответ перед историей. Я убежден, что та часть Государственной думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести тут свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядам правительства. Я скажу даже более. Я скажу, что правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений. В тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях. Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы, но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление. Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли, все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: «Руки вверх». На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: «Не запугаете». (*Аплодисменты справа.*)

**РЕЧЬ О ВРЕМЕННЫХ ЗАКОНАХ, ИЗДАННЫХ В ПЕРИОД
МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ДУМАМИ,
ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ
13 МАРТА 1907 ГОДА**

По обсуждаемому вопросу я, прежде всего, должен обратить внимание Государственной думы на то, что, по мнению правительства, он получает неправильное направление. Временные законы, которые вошли в силу во время приостановления действия Думы, могут быть отменены только согласно ст. 87 Основных государственных законов. Статья 87 гласит, что действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятый мерам законопроект. Следовательно, самим законом установлен порядок прекращения такого временно-го закона. Казалось бы, что другого порядка быть не может, но если даже принять другую точку зрения, то есть что и временные законы могут быть прекращены таким же порядком, как и законы постоянные, то есть согласно ст. 55 Учреждения о Государственной думе, то и в этом случае обсуждаться по существу этот вопрос может не ранее месяца после представления г. председателем Думы письменного о том заявления за подписью 30 членов Думы. Итак, по закону вопрос этот мог бы обсуждаться не ранее 12 апреля, так как 12 марта было подано такого рода заявление. Если проект наказа противоречит этому закону, то проект неправилен, а потому он и не был опубликован Сенатом в прошлом году. Я говорю только для того, чтобы установить, что в порядке ст. 87 или ст. 56 закон о военно-полевых судах законным образом мог бы, во всяком случае, потерять силу не ранее конца апреля. Но это, господа, формальная сторона дела. Тут прения шли по существу.

Мы слышали тут обвинения правительству, мы слышали о том, что у него руки в крови, мы слышали, что для России стыд и позор, что в нашем государстве были осуществлены такие меры, как военно-полевые суды. Я понимаю, что хотя эти прения не могут привести к реальному результату, но вся Дума ждет от правительства ответа прямого и ясного на вопрос: как правительство относится к продолжению действия в стране закона о военно-полевых судах?

Я, господа, от ответа не уклоняюсь. Я не буду отвечать только на нападки за превышение власти, за неправильность

ти, допущенные при применении этого закона. Нарекания эти голословны, необоснованны, и на них отвечать преждевременно. Я буду говорить по другому, более важному вопросу. Я буду говорить о нападках на самую природу этого закона, на то, что это позор, злодеяние и преступление, вносящее разврат в основы самого государства.

Самое яркое отражение эти доводы получили в речи члена Государственной думы Маклакова. Если бы я начал ему возражать, то, несомненно, мне пришлось бы вступить с ним в юридический спор. Я должен был бы стать защитником военно-полевых судов, как судебного, как юридического института. Но в этой плоскости мышления, я думаю, что я ни с г. Маклаковым, ни с другими ораторами, отстаивающими тот же принцип, — я думаю, я с ними не разошелся бы. Трудно возражать тонкому юристу, талантливо отстаивающему доктрину. Но, господа, государство должно мыслить иначе, оно должно становиться на другую точку зрения, и в этом отношении мое убеждение неизменно. Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада. Это было, это есть, это будет всегда и неизменно. Этот принцип в природе человека, он в природе самого государства. Когда дом горит, господа, вы вламываетесь в чужие квартиры, ломаете двери, ломаете окна. Когда человек болен, его организм лечат, отравляя его ядом. Когда на вас нападает убийца, вы его убиваете. Этот порядок признается всеми государствами. Нет законодательства, которое не давало бы права правительству приостанавливать течение закона, когда государственный организм потрясен до корней, которое не давало бы ему полномочия приостанавливать все нормы права. Это, господа, состояние необходимой обороны; оно доводило государство не только до усиленных репрессий, не только до применения различных репрессий к различным лицам и к различным категориям людей, — оно доводило государство до подчинения всех одной воле, произволу одного человека, оно доводило до диктатуры, которая иногда выводила государство из опасности и приводила до спасения. Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества. Но с этой кафедры был сделан, господа, призыв к моей политической честности, к моей прямоте. Я должен открыто ответить, что такого рода временные меры не могут приобретать постоянного характера; когда они становятся длительными, то, во-пер-

вых, они теряют свою силу, а затем они могут отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом. Временная мера — мера суровая, она должна сломить преступную волну, должна сломить уродливые явления и отойти в вечность. Поэтому правительство должно в настоящее время ясно дать себе отчет о положении страны, ясно дать ответ, что оно обязано делать.

Вот возникают два вопроса. Может ли правительство, в силе ли оно оградить жизнь и собственность русского гражданина обычными способами, применением обыкновенных законов? Но может быть и другой вопрос. Надо себя спросить: не является ли такой исключительный закон преградой для естественного течения народной жизни, для направления ее в естественное, спокойное русло?

На первый вопрос, господа, ответ не труден, он ясен из бывших тут прений. К сожалению, кровавый бред, господа, не пошел еще на убыль и едва ли обыкновенным способом подавить его по плечу нашим обыкновенным установлениям. Второй вопрос сложнее: что будет, если противоправительственному течению дать естественный ход, если не противопоставить ему силу? Мы слушали тут заявление группы социалистов-революционеров. Я думаю, что их учение не сходно с учением социалистических и революционных партий, что тут играет роль созвучие названий и что здесь присутствующие не разделяют программы этих партий. На заданный вопрос ответ надо черпать из документов. Я беру документ официальный — избирательную программу российской социальной рабочей партии. Я читаю в ней: «Только под натиском широких народных масс, напором народного восстания поколеблется армия, на которую опирается правительство, падут твердыни самодержавного деспотизма, только борьбою завоюет народ государственную власть, завоюет землю и волю». В окончательном тезисе я прочитываю: «Чтобы основа государства была установлена свободно избранными представителями всего народа; чтобы для этой цели было создано учредительное собрание всеобщим, прямым, равным и тайным, без различия веры, пола и национальности голосованием; чтобы все власти и должностные лица избирались народом и смещались им, — в стране не может быть иной власти, кроме поставленной народом и ответственной перед ним и его представителями; чтобы Россия стала демократической республикой». Передо мной другой документ: резолюция съезда, бывшего в Таммерфорсе перед началом действия Государственной думы. В резолюции я читаю: «Съезд решительно высказывается про-

тив тактики, определяющей задачи Думы как органическую работу в сотрудничестве с правительством при самоограничении рамками Думы для многих основных законов, не санкционированных народной волей». Затем резолюция окончательная: «Съезд находит необходимым, в виде временной меры, все центральные и местные террористические акты, направленные против агентов власти, имеющих руководящее, административно-политическое значение, поставить под непосредственный контроль и руководство центрального комитета. Вместе с тем съезд находит, что партия должна возможно более широко использовать для этого расширения и углубления своего влияния в стране все новые средства и поводы агитации и безостановочно развивать в стране, в целях поддержки, основные требования широкого народного движения, имеющего перейти во всеобщее восстание».

Господа, я не буду утруждать вашего внимания чтением других, не менее официальных документов. Я задаю себе лишь вопрос о том, вправе ли правительство, при таком положении дела, сделать демонстративный шаг, не имеющий за собой реальной цены, шаг в сторону формального нарушения закона? Вправе ли правительство перед лицом своих верных слуг, ежеминутно подвергающихся смертельной опасности, сделать главную уступку революции?

Вдумавшись в этот вопрос, всесторонне его взвешивая, правительство пришло к заключению, что страна ждет от него не оказательства слабости, а оказательства веры. Мы хотим верить, что от вас, господа, мы услышим слово умиротворения, что вы прекратите кровавое безумие. Мы верим, что вы скажете то слово, которое заставит нас всех стать не на разрушение исторического здания России, а на пересоздание, переустройство его и украшение.

В ожидании этого слова правительство примет меры для того, чтобы ограничить суровый закон только самыми исключительными случаями самых дерзновенных преступлений, с тем чтобы, когда Дума толкнет Россию на спокойную работу, закон этот пал сам собой путем невнесения его на утверждение законодательного собрания.

Господа, в ваших руках успокоение России, которая, конечно, сумеет отличить кровь, о которой так много здесь говорилось, кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей, применяющих самые чрезвычайные, может быть, меры с одним только упованием, с одной надеждой, с одной верой — исцелить трудно больного. (*Аплодисменты справа.*)

**ОТВЕТ НА ЗАПРОС, ВНЕСЕННЫЙ 7 МАЯ 1907 ГОДА
ПРАВЫМИ ПАРТИЯМИ ДУМЫ, ОБ ОБНАРУЖЕНИИ
ЗАГОВОРА ПРОТИВ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА,
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА
И П. А. СТОЛЫПИНА**

Господа члены Государственной думы, я прежде всего должен заявить, что только что оглашенный председателем Государственной думы запрос не относится к разряду тех, по которым правительству предоставлено право давать Государственной думе разъяснения, так как по ст. 40 Учреждения Государственной думы разъяснения эти даются по предметам, непосредственно касающимся рассматриваемых Государственной думой дел, а по ст. 58 — касающихся поступков или действий незаконных. Тем не менее, ознакомившись из газет со *слухами, крайне преувеличенными*, правительство нашло возможным, понимая тревогу гг. депутатов о священной особе Государя Императора, прочитать сообщение, которое сегодня должно появиться в сообщениях «Осведомительного Бюро» и «С.-Петербургского телеграфного агентства»:

Правительственное сообщение о заговоре

В феврале текущего года отделение по охранению общественного порядка и безопасности в Петербурге получило сведение о том, что в столице образовалось преступное сообщество, поставившее ближайшей целью своей деятельности совершение ряда террористических актов.

Установленное в целях проверки полученных сведений продолжительное и обставленное большими трудностями наблюдение обнаружило круг лиц как вошедших в состав указанного сообщества, так и имевших с членами его непосредственные сношения.

Сношения, как выяснилось, происходили между некоторыми из членов сообщества на конспиративных квартирах, постоянно менявшихся, при условии строгой таинственности, были обставлены паролями и условленными текстами в тех случаях, когда сношения были письменные.

Установленный наблюдением круг лиц, прикосновенных к преступному сообществу, в числе 28-ми человек, был 31 марта подвергнут задержанию.

Вслед за этим отделение по охранению общественного порядка и безопасности 4 апреля донесло прокурору с.-петербургской судебной палаты о данных, послуживших к задержанию 28-ми лиц.

С своей стороны прокурор судебной палаты, усмотрев в этих данных указания на признаки составления преступного сообщества, поставившего своей целью насильственные посягательства на изменение в России образа правления (ст. 103 уг. улож.), того же 4-го апреля предложил судебному следователю по особо важным делам при с.-петербургском окружном суде приступить к производству предварительного следствия, которое было начато немедленно, под непосредственным наблюдением прокурорского надзора с.-петербургской палаты, и производится без малейшего промедления.

В настоящее время предварительным следствием установлено, что из числа задержанных лиц значительное число изобличается в том, что они вступили в образовавшееся в составе партии социалистов-революционеров *сообщество*, поставившее целью своей деятельности *посягательство на священную особу Государя Императора и совершение террористических актов, направленных против Великого Князя Николая Николаевича и председателя Совета Министров*, причем членами этого сообщества предприняты были *попытки* к изысканию способов *проникнуть во Дворец*, в коем имеет пребывание Государь Император. Но попытки эти успеха не имели.

Господа члены Государственной думы! Я не думал выступать сегодня по этому делу и не ждал запроса, который только что тут оглашен, так что он является для меня полною неожиданностью. Но я считаю своею обязанностью, как начальник полиции в государстве, выступить с несколькими словами в защиту действий лиц, мне подчиненных. Дело, которое сегодня, теперь, тут поднято, будет, вероятно, рассмотрено после обсуждения его в комиссии; вероятно, мне придется дать объяснение и в порядке запроса о незаконных действиях полиции. Теперь же я желаю дать только предварительное разъяснение. Насколько мне известно, дело произошло таким образом: столичная полиция получила сведения, что на Невском собираются центральные революционные комитеты, которые имеют сношения с военной революционной организацией. В данном случае полиция не могла поступить иначе, как вторгнуться в ту квартиру — я этого выражения не признаю, — а войти, в силу власти, предоставленной полиции, и произвести в той квартире обыск. Не забудьте, господа, что город Петербург находится на положении чрезвычайной охраны и что в этом городе происходили события чрезвычайные. Таким образом, полиция должна была, имела право и правильно сделала, что в эту квартиру вошла.

В квартире оказались, действительно, члены Государственной думы, но кроме них были лица посторонние. Лица эти, в числе 31, были задержаны, и при них были задержаны документы, некоторые из которых оказались компрометирующими. Всем членам Государственной думы было предложено, не желают ли они тоже обнаружить то, что при них находится. Из них несколько лиц подчинились, а другие лица отказались. Никакого насилия над ними не происходило, и до окончания обыска все они оставались в квартире, в которую вошла полиция. Теперь я должен, в оправдание действий полиции, сказать следующее: на следующий день были произведены дополнительные действия не только полицейской, но и следственной властью, и обнаружено отношение квартиры депутата Озола к военно-революционной организации, поставившей своей целью вызвать восстание в войсках. В этом случае, господа, я должен сказать, и заявляю открыто, — что полиция и впредь будет так же действовать, как она действовала. *(Аплодисменты справа. Шум.)* Незакономерного ничего не было. Если были какие-либо неправильности в подробностях, то это и будет обнаружено. Я должен сказать, что кроме ограждения депутатской неприкосновенности, на нас, на носителях власти, лежит еще другая ответственность — ограждение общественной безопасности. Долг этот свой мы сознаем и исполним его до конца, и в этом отношении я считаю своей обязанностью, перед лицом всей России, как начальник, как ответственное лицо за действия полиции, сказать несколько слов в ее защиту, сказать, что если будут доходить до нее слухи, подкрепленные достаточными данными, о серьезных обстоятельствах, за которые правительство и администрация несут ответственность, то она сумеет поступить так же, как поступала, а судебное ведомство исполнит свой долг и сумеет обнаружить виновных. *(Аплодисменты справа.)*

Приложение 6

РЕЧЬ ОБ УСТРОЙСТВЕ БЫТА КРЕСТЬЯН И О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 10 МАЯ 1907 ГОДА

Господа члены Государственной думы! Прислушиваясь к прениям по земельному вопросу и знакомясь с ними из стенографических отчетов, я пришел к убеждению, что необходимо ныне же до окончания прений сделать заявление как по возбуждавшемуся тут вопросу, так и о предположениях

самого правительства. Я, господа, не думаю представлять вам полной аграрной программы правительства. Это предполагалось сделать подлежащим компетентным ведомством в аграрной комиссии. Сегодня я только узнал, что в аграрной комиссии, в которую не приглашаются члены правительства и не выслушиваются даже те данные и материалы, которыми правительство располагает, принимаются принципиальные решения. Тем более я считаю необходимым высказаться только в пределах тех вопросов, которые тут поднимались и обсуждались. Я исхожу из того положения, что все лица, заинтересованные в этом деле, самым искренним образом желают его разрешения. Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым больным. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков. Я думаю, что и все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения того вопроса, который несомненно, хотя бы отчасти, питает смуту. Я поэтому обойду все те оскорбления и обвинения, которые раздавались здесь против правительства. Я не буду останавливаться и на тех нападках, которые имели характер агитационного напора на власть. Я не буду останавливаться и на провозглашавшихся здесь началах классовой мести со стороны бывших крепостных крестьян к дворянам, а постараюсь встать на чисто государственную точку зрения, постараюсь отнестись совершенно беспристрастно, даже более того, бесстрастно к данному вопросу. Постараюсь вникнуть в существо высказывавшихся мнений, памятуя, что мнения, не согласные со взглядами правительства, не могут считаться последним за крамолу. Правительству тем более, мне кажется, подобает высказаться в общих чертах, что из бывших здесь прений, из бывшего предварительного обсуждения вопроса ясно, как мало шансов сблизить различные точки зрения, как мало шансов дать аграрной комиссии определенные задания, очерченный строгими рамками наказ.

Переходя к предложениям разных партий, я прежде всего должен остановиться на предложении партии левых, ораторами которых выступили здесь прежде всего господа Карваев, Церетели, Волк-Карачевский и др. Я не буду оспаривать тех весьма спорных по мне цифр, которые здесь представлялись ими. Я охотно соглашусь и с нарисованной ими картиной оскудения земледельческой России. Встревоженное этим правительство уже начало принимать ряд мер для поднятия земледельческого класса. Я должен указать

только на то, что тот способ, который здесь предложен, тот путь, который здесь намечен, поведет к полному перевороту во всех существующих гражданских правоотношениях; он ведет к тому, что подчиняет интересам одного, хотя и многочисленного, класса интересы всех других слоев населения. Он ведет, господа, к социальной революции. Это сознается, мне кажется, и теми ораторами, которые тут говорили. Один из них приглашал государственную власть возвыситься в этом случае над правом и заявлял, что вся задача настоящего момента заключается именно в том, чтобы разрушить государственность с ее помещичьей бюрократической основой и на развалинах государственности создать государственность современную на новых культурных началах. Согласно этому учению, государственная необходимость должна возвыситься над правом не для того, чтобы вернуть государственность на путь права, а для того, чтобы уничтожить в самом корне именно существующую государственность, существующий в настоящее время государственный строй. Словом, признание национализации земли, при условии вознаграждения за отчуждаемую землю или без него, поведет к такому социальному перевороту, к такому перемещению всех ценностей, к такому изменению всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого еще не видела история. Но это, конечно, не довод против предложения левых партий, если это предложение будет признано спасительным. Предположим же на время, что государство признает это за благо, что оно перешагнет через разорение целого, как бы там ни говорили, многочисленного, образованного класса землевладельцев, что оно примирится с разрушением редких культурных очагов на местах, — что же из этого выйдет? Что, был бы, по крайней мере, этим способом разрешен, хотя бы с материальной стороны, земельный вопрос? Дал бы он или нет возможность устроить крестьян у себя на местах?

На это ответ могут дать цифры, а цифры, господа, таковы: если бы не только частновладельческую, но даже всю землю без малейшего исключения, даже землю, находящуюся в настоящее время под городами, отдать в распоряжение крестьян, владеющих ныне надельною землею, то в то время, как в Вологодской губернии пришлось бы всего вместе с имеющимися ныне по 147 десятин на двор, в Олонецкой по 185 дес., в Архангельской даже по 1309 дес., в 14 губерниях недоставало бы и по 15, а в Полтавской пришлось бы лишь по 9, в Подольской всего по 8 десятин. Это объясняется крайне неравномерным распределением по губерниям

не только казенных и удельных земель, но и частновладельческих. Четвертая часть частновладельческих земель находится в тех 12 губерниях, которые имеют надел свыше 15 десятин на двор, и лишь одна седьмая часть частновладельческих земель расположена в 10 губерниях с наименьшим наделом, т. е. по 7 десятин на один двор. При этом принимается в расчет вся земля всех владельцев, то есть не только 107 000 дворян, но и 490 000 крестьян, купивших себе землю, и 85 000 мещан, — а эти два последние разряда владеют до 17 000 000 десятин. Из этого следует, что поголовное разделение всех земель едва ли может удовлетворить земельную нужду на местах; придется прибегнуть к тому же средству, которое предлагает правительство, то есть к переселению; придется отказаться от мысли наделить землей весь трудовой народ и не выделять из него известной части населения в другие области труда. Это подтверждается и другими цифрами, подтверждается из цифр прироста населения за 10-летний период в 50 губерниях европейской России. Россия, господа, не вымирает; прирост ее населения превосходит прирост всех остальных государств всего мира, достигая на 1000 человек 15 в год. Таким образом, это даст на одну европейскую Россию всего на 50 губерний 1 625 000 душ естественного прироста в год или, считая семью в 5 человек, 341 000 семей. Так что для удовлетворения землей одного только прирастающего населения, считая по 10 дес. на один двор, потребно было бы ежегодно 3 500 000 дес. Из этого ясно, господа, что путем отчуждения, разделения частновладельческих земель земельный вопрос не разрешается. Это равносильно наложению пластыря на засоренную рану. Но, кроме упомянутых материальных результатов, что даст этот способ стране, что даст он с нравственной стороны?

Та картина, которая наблюдается теперь в наших сельских обществах, та необходимость подчиняться всем одному способу ведения хозяйства, необходимость постоянного передела, невозможность для хозяина с инициативой применить к временно находящейся в его пользовании земле свою склонность к определенной отрасли хозяйства, все это распространится на всю Россию. Все и все были бы сравнены, земля стала бы общей, как вода и воздух. Но к воде и к воздуху не прикасается рука человеческая, не улучшает их рабочий труд, иначе на улучшенные воздух и воду, несомненно, наложена была бы плата, на них установлено было бы право собственности. Я полагаю, что земля, которая распределится бы между гражданами, отчуждалась бы у одних и предоставлялась бы другим местным социал-демократичес-

ким присутственным местом, что эта земля получила бы скоро те же свойства, как вода и воздух. Ею бы стали пользоваться, но улучшать ее, прилагать к ней свой труд с тем, чтобы результаты этого труда перешли к другому лицу, — этого никто не стал бы делать. Вообще стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена. Каждый гражданин — а между ними всегда были и будут тунеядцы — будет знать, что он имеет право заявить о желании получить землю, приложить свой труд к земле, затем, когда занятие это ему надоест, бросить ее и пойти опять бродить по белу свету. Все будет сравнено, — [но нельзя ленивого] равнять к трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному. Вследствие этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяин, хозяин изобретательный, самую силой вещей будет лишен возможности приложить свои знания к земле.

Надо думать, что при таких условиях совершился бы новый переворот, и человек даровитый, сильный, способный силою восстановил бы свое право на собственность, на результаты своих трудов. Ведь, господа, собственность имела всегда своим основанием силу, за которою стояло и нравственное право. Ведь и раздача земли при Екатерине Великой оправдывалась необходимостью заселения незаселенных громадных пространств (*голос из центра*: «ого»), и тут была государственная мысль. Точно так же право способного, право даровитого создало и право собственности на Западе. Неужели же нам возобновлять этот опыт и переживать новое воссоздание права собственности на уравненных и разоренных полях России? А эта переброшенная и уравненная Россия, что, стала ли бы она и более могущественной и богатой? Ведь богатство народов создает и могущество страны. Путем же переделения всей земли государство в своем целом не приобретет ни одного лишнего колоса хлеба. Уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства. Временно будут увеличены крестьянские наделы, но при росте населения они скоро обратятся в пыль, и эта распыленная земля будет высылать в города массы обнищавшего пролетариата. Но положим, что эта картина неверна, что краски тут сгущены. Кто же, однако, будет возражать против того, что такое потрясение, такой громадный социальный переворот не отразится, может быть, на самой целостности России. Ведь тут, господа, предлагают разрушение существующей государственности, предлагают нам среди других сильных и крепких народов превратить Россию в развалины для того, чтобы на этих развалинах строить новое, неведомое нам отечество.

Я думаю, что на втором тысячелетии своей жизни Россия не развалится. Я думаю, что она обновится, улучшит свой уклад, пойдет вперед, но путем разложения не пойдет, потому что где разложение — там смерть.

Теперь обратимся, господа, к другому предложенному нам проекту, проекту партии народной свободы. Проект этот не обнимает задачу в таком большом объеме, как предыдущий проект, и задается увеличением пространства крестьянского землевладения. Проект этот даже отрицает, не признает и не создает ни за кем права на землю. Однако я должен сказать, что и в этом проекте для меня не все понятно, и он представляется мне во многом противоречивым. Докладчик этой партии в своей речи отнесся очень критически к началам национализации земли. Я полагал, что он логически должен поэтому прийти к противоположному, к признанию принципа собственности. Отчасти это и было сделано. Он признал за крестьянами право неизменного, постоянного пользования землей, но вместе с тем для расширения его владений он признал необходимым нарушить постоянное пользование его соседей-землевладельцев, вместе с тем он гарантирует крестьянам ненарушимость их владений в будущем. Но раз признан принцип отчуждаемости, то кто же поверит тому, что, если понадобится со временем отчудить земли крестьян, они не будут отчуждены, и поэтому мне кажется, что в этом отношении проект левых партий гораздо более искренен и правдив, признавая возможность пересмотра трудовых норм, отнятие излишка земли у домохозяев. Вообще, если признавать принцип обязательного количественного отчуждения, то есть принцип возможности отчуждения земли у того, у кого ее много, чтобы дать тому, у кого ее мало, надо знать, к чему [это] поведет в конечном выводе — это приведет к той же национализации земли. Ведь если теперь, в 1907 г., у владельца, скажем, 3000 десятин будет отнято 2500 десятин, и за ним останется 500 десятин культурных, то ведь с изменением понятия о культурности и с ростом населения он, несомненно, подвергается риску отнятия остальных 500 десятин. Мне кажется, что и крестьянин не поймет, почему он должен переселяться куда-то вдаль ввиду того только, что его сосед не разорен, а имеет по нашим понятиям культурное хозяйство. Почему он должен идти в Сибирь и не может быть направлен — по картинному выражению одного из ораторов партии народной свободы — на соседнюю помещичью землю? Мне кажется, ясно, что и по этому проекту право собственности на землю отменяется; она изымается из области купли и продажи.

Никто не будет прилагать свой труд к земле, зная, что плоды его трудов могут быть через несколько лет отчуждены. Докладчик партии прикидывал цену на отчуждаемую землю в среднем по 80 рублей на десятину в европейской России. Ведь это не может поощрить к применению своего труда к земле, скажем, тех лиц, которые за землю год перед тем заплатили по 200—300 рублей за десятину и вложили в нее все свое достояние. Но между мыслями, предложенными докладчиком партии народной свободы, есть и мысль, которая должна сосредоточить на себе самое серьезное внимание. Докладчик заявил, что надо предоставить самим крестьянам устраиваться так, как им удобно. Закон не призван учить крестьян и навязывать им какие-либо теории, хотя бы эти теории и признавались законодателями совершенно основательными и правильными. Пусть каждый устраивается по-своему, и только тогда мы действительно поможем населению. Нельзя такого заявления не приветствовать, и само правительство во всех своих стремлениях указывает только на одно: нужно снять те оковы, которые наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тот способ пользования землей, который наиболее его устраивает. Интересно еще в проекте партии народной свободы другое провозглашаемое начало. Это начало государственной помощи. Предлагается отнести на расходы казны половину стоимости земли, приобретаемой крестьянами. Я к этому началу еще вернусь, а теперь укажу, что оно мне кажется несколько противоречивым провозглашаемому принципу принудительного отчуждения. Если признать принудительное отчуждение, то как же наряду с этим признать необходимость для всего населения, для всего государства, для всех классов населения прийти на помощь самой нуждающейся части населения? Почему наряду с этим необходимо с этой целью обездолжить 130 000 владельцев, и не только обездолжить, но и оторвать их от привычного и полезного для государства труда? Но, может быть, господа, без этого обойтись нельзя?

Прежде чем изложить вам в общих чертах виды правительства, я позволю себе остановиться еще на одном способе разрешения земельного вопроса, который засел во многих головах. Этот способ, этот путь — это путь насилия. Вам всем известно, господа, насколько легко прислушивается наш крестьянин простолюдин к всевозможным толкам, насколько легко он поддается толчку, особенно в направлении разрешения своих земельных вожделений явочным путем, путем, так сказать, насилия. За это уже платился несколько раз наш серый крестьянин. Я не могу не заявить, что в настоя-

шее время опасность новых насилий, новых бед в деревне возрастает. Правительство должно учитывать два явления: с одной стороны несомненное желание, потребность, стремление широких кругов общества поставить работу в государстве на правильных законных началах и приступить к правильному новому законодательству для улучшения жизни страны. Это стремление правительство не может не приветствовать и обязано приложить все силы для того, чтобы помочь ему. Но наряду с этим существует и другое: существует желание усилить брожение в стране, бросать в население семена возбуждения, смуты, с целью возбуждения недоверия к правительству, с тем чтобы подорвать его значение, подорвать его авторитет, для того чтобы соединить воедино все враждебные правительству силы. Ведь с этой кафедры, господа, была брошена фраза: «Мы пришли сюда не покупать землю, а ее взять». (*Голоса*: верно, правильно.) Отсюда, господа, распространились и письма в провинцию, в деревни, письма, которые печатались в провинциальных газетах, почему я об них и упоминаю, письма, вызывавшие и смущение и возмущение на местах. Авторы этих писем привлекались к ответственности, но поймите, господа, что делалось в понятиях тех сельских обывателей, которым предлагалось, ввиду якобы насилий, кровожадности и преступлений правительства, обратиться к насилию и взять землю силой!

Я не буду утруждать вас, господа, ознакомлением с этими документами, я скажу только, что при наличии их, и я откровенно это заявляю, так как русский министр и не может иначе говорить в русской Государственной думе, можно предвидеть и наличие новых попыток приобретения земли силою и насилием. Я должен сказать, что в настоящее время опасность эта еще далека, но необходимо определить ту черту, за которой опасность эта, опасность успешного воздействия на население в смысле открытого выступления, становится действительно тревожной. Государство, конечно, переступить эту черту, этот предел, не позволит, иначе оно перестанет быть государством и станет пособником собственного своего разрушения. Все, что я сказал, господа, является разбором тех стремлений, которые, по мнению правительства, не дают того ответа на запросы, того разрешения дела, которого ожидает Россия. Насилия допущены не будут. Национализация земли представляется правительству губельною для страны, а проект партии народной свободы, то есть полуконфискация, полунационализация, в конечном выводе, по нашему мнению, приведет к тем же результатам, как и предложения левых партий.

Где же выход? Думает ли правительство ограничиться полумерами и полицейским охранением порядка? Но прежде чем говорить о способах, нужно ясно себе представить цель, а цель у правительства вполне определена: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная. Такому собственнику-хозяину правительство обязано помочь советом, помочь кредитом, то есть деньгами. Теперь же надлежит немедленно браться за незаметную черную работу, надлежит сделать учет всем тем малоземельным крестьянам, которые живут земледелием. Придется всем этим малоземельным крестьянам дать возможность воспользоваться из существующего земельного запаса таким количеством земли, которое им необходимо, на льготных условиях. Мы слышали тут, что для того, чтобы дать достаточное количество земли всем крестьянам, необходимо иметь запас в 57 000 000 десятин земли. Опять-таки, говорю, я цифры не оспариваю. Тут же указывалось на то, что в распоряжении правительства находится только 10 000 000 десятин земли. Но, господа, ведь правительство только недавно начало образовывать земельный фонд, ведь Крестьянский банк перегружен предложениями. Здесь нападали и на Крестьянский банк, и нападки эти были достаточно веские. Была при этом брошена фраза: «Это надо бросить». По мнению правительства, бросать ничего не нужно. Начатое дело надо улучшать. При этом должно, быть может, обратиться к той мысли, на которую я указывал раньше, — мысли о государственной помощи. Остановитесь, господа, на том соображении, что государство есть один целый организм и что если между частями организма, частями государства начнется борьба, то государство неминуемо погибнет и превратится в «царство, разделившееся на ся». В настоящее время государство у нас хворает. Самой больной, самой слабой частью, которая хиреет, которая завядает, является крестьянство. Ему надо помочь. Предлагается простой, совершенно автоматичес-

кий, совершенно механический способ: взять и разделить все 130 000 существующих в настоящее время поместий. Государственно ли это? Не напоминает ли это историю тришкина кафтана — обрезать полы, чтобы сшить из них рукава?

Господа, нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать все государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабой. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства, как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на помощь слабой его части, может напоминать принципы социализма; но если это принцип социализма, то социализма государственного, который применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты. У нас принцип этот мог бы осуществиться в том, что государство брало бы на себя уплату части процентов, которые взыскиваются с крестьян за предоставленную им землю.

В общих чертах дело сводилось бы к следующему: государство закупало бы предлагаемые в продажу частные земли, которые вместе с землями удельными и государственными составляли бы государственный земельный фонд. При массе земель, предлагаемых в продажу, цены на них при этом не возросли бы. Из этого фонда получали бы землю на льготных условиях те малоземельные крестьяне, которые в ней нуждаются и действительно прилагают теперь свой труд к земле, и затем те крестьяне, которым необходимо улучшить формы теперешнего землепользования. Но так как в настоящее время крестьянство оскудело, ему не под силу платить тот сравнительно высокий процент, который взыскивается государством, то последнее и приняло бы на себя разницу в проценте, выплачиваемом по выпускаемым им листам, и тем процентом, который был бы посилен крестьянину, который был бы определяем государственными учреждениями. Вот эта разница обременяла бы государственный бюджет; она должна была бы вноситься в ежегодную роспись государственных расходов.

Таким образом вышло бы, что все государство, все классы населения помогают крестьянам приобрести ту землю, в которой они нуждаются. В этом участвовали бы все плательщики государственных повинностей, чиновники, купцы, лица свободных профессий, те же крестьяне и те же

помещики. Но тягость была бы разложена равномерно и не давила бы на плечи одного немногочисленного класса 130 000 человек, с уничтожением которого уничтожены были бы, что бы там ни говорили, и очаги культуры. Этим именно путем правительство начало идти, понизив временно проведенным по 87 статье законом проценты платежа Крестьянскому банку. Способ этот более гибкий, менее огульный, чем тот способ повсеместного принятия на себя государством платежа половинной стоимости земли, которую предлагает партия народной свободы. Если бы одновременно был установлен выход из общины и создана таким образом крепкая индивидуальная собственность, было бы упорядочено переселение, было бы облегчено получение ссуд под наделные земли, был бы создан широкий мелиоративный землеустроительный кредит, то хотя круг предполагаемых правительством земельных реформ и не был бы вполне замкнут, но виден был бы просвет, при рассмотрении вопроса в его полноте, может быть, и в более ясном свете представился бы и пресловутый вопрос об обязательном отчуждении.

Пора этот вопрос вдвинуть в его настоящие рамки, пора, господа, не видеть в этом волшебного средства, какой-то панацеи против всех бед. Средство это представляется смелым потому только, что в разоренной России оно создаст еще класс разоренных в конце землевладельцев. Обязательное отчуждение действительно может явиться необходимым, но, господа, в виде исключения, а не общего правила, и обставленным ясными и точными гарантиями закона. Обязательное отчуждение может быть не количественного характера, а только качественного. Оно должно применяться, главным образом, тогда, когда крестьян можно устроить на местах, для улучшения способов пользования ими земель, оно представляется возможным тогда, когда необходимо: при переходе к лучшему способу хозяйства — устроить водопой, устроить прогон к пастбищу, устроить дороги, наконец, избавиться от вредной чересполосицы. Но я, господа, не предлагаю вам, как я сказал ранее, полного аграрного проекта. Я предлагаю вашему вниманию только те вехи, которые поставлены правительством. Более полный проект предлагалось внести со стороны компетентного ведомства в соответствующую комиссию, если бы в нее были приглашены представители правительства для того, чтобы быть там выслушанными.

Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный

труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия! (*Аплодисменты справа.*)

Приложение 7

ПЕРВАЯ РЕЧЬ П. А. СТОЛЫПИНА В ТРЕТЬЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 16 НОЯБРЯ 1907 ГОДА

Господа члены Государственной думы!

Для успеха совместной работы вашей с правительством вам надлежит быть осведомленными о целях, преследуемых правительством, о способах, намеченных для их достижения, и о существе законодательных его предположений.

Ясная и определенная правительственная программа является, в этих видах, совершенно необходимой.

Поэтому, несмотря на то что я еще так недавно излагал перед Второй Думой правительственные законопроекты, оставшиеся с тех пор без рассмотрения, мне приходится вновь выступить перед настоящим высоким собранием с заявлением от имени правительства.

Хотя на рассмотрение ваше, господа члены Государственной думы, вносятся те же, за малыми исключениями и изменениями, законопроекты, которые внесены были во Вторую Думу, но условия, при которых приходится работать и достигать тех же целей, не остались без изменения.

Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противообщественные преступные элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение. (*Оглушительные рукоплескания центра и справа; возгласы «браво».*)

Противопоставить этому явлению можно только силу (*возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа*). Каким-либо послаблениям в этой области правительство сочло бы за преступление, так как дерзости врагов общества возможно положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты.

По пути искоренения преступных выступлений шло правительство до настоящего времени — этим путем пойдет оно и впредь.

Для этого правительству необходимо иметь в своем распоряжении в качестве орудия власти должностных лиц, связанных чувством долга и государственной ответственности. (*Возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа.*) Поэтому проведение ими личных политических взглядов и впредь будет считаться несовместимым с государственной службой. (*Голоса в центре и справа: «браво».*)

Начало порядка законности и внутренней дисциплины должны быть внедрены и в школе, и новый строй ее, конечно, не может препятствовать правительству предъявлять соответственные требования к педагогическому ее персоналу.

Сознавая настоятельность возвращения государства от положения законов исключительных к обыденному порядку, правительство решило всеми мерами укрепить в стране возможность быстрого и правильного судебного возмездия.

Оно пойдет к этому путем созидательным, твердо веря, что, благодаря чувству государственности и близости к жизни русского судебного сословия, правительство не будет доведено смутой до необходимости последовать примеру одного из передовых западных государств и предложить законодательному собранию законопроект о временной приостановке судебной несменяемости.

При наличии Государственной думы задачи правительства в деле укрепления порядка могут только облегчиться, так как помимо средств на преобразование администрации и полиции правительство рассчитывает получить ценную поддержку представителей учреждений, путем обличения незаконных поступков властей как относительно превышения власти, так и бездействия оной. (*В центре и справа возгласы «браво».*)

При этих условиях правительство надеется обеспечить спокойствие страны, что даст возможность все силы законодательных собраний и правительства обратить к внутреннему ее устройению.

Устройство это требует крупных преобразований, но все улучшения в местных распорядках в суде и администрации останутся поверхностными, не проникнут вглубь, пока не будет достигнуто поднятие благосостояния основного земледельческого класса государства. (*В центре и справа возгласы «браво».*)

Поставив на ноги, дав возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению, законодательное учреждение заложит то основа-

ние, на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание.

Поэтому коренною мыслью теперешнего правительства, руководящею его идеей был всегда вопрос землеустройства.

Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками — бунт погашается силою, а признание неприкосновенности частной собственности и, как последствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности (*рукоплескания центра и справа*), реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования — вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы. (*Рукоплескания в центре и справа.*)

Но задачи правительства осуществляются действием. Поэтому никакие политические события не могли остановить действия правительства в этом направлении, как не могли они остановить хода самой жизни. Вследствие сего правительство считает, что исполнило свой долг, осуществив ряд аграрных мероприятий в порядке ст. 87 зак. Осн., и будет защищать их перед законодательными учреждениями, от которых ждет усовершенствования, быть может, поправок в них, но в конечном результате твердо надеется на придание им прочной силы путем законодательного утверждения.

На устойчиво заложенном таким образом основании правительство предложит вам строить необходимые для страны преобразования посредством расширения и переустройства местного самоуправления, реформы местного управления, развития просвещения и введения целого ряда усовершенствований в строе местной жизни, между которыми государственное попечение о не способных к труду рабочих, страхования их и обеспечение им врачебной помощи останавливают теперь особенное внимание правительства. Соответственные проекты готовы. Большинство их вносится немедленно в Государственную думу. Другие же, как затрагивающие многосторонние, местные интересы, будут предварительно проводиться через Совет по делам местного хозяйства и вноситься в Думу постепенно, с принятыми правительством поправками и, во всяком случае, с заключением названного Совета. Такой порядок устанавливается правительством ввиду того, что опубликованные во время сессии Второй Думы законопроекты Министерства внутренних дел вызвали оживленное обсуждение на местах и многочисленные ходатайства о передаче их на заключение земских собраний. Замечания местных деятелей могут быть быстрее всего сведены в одно целое и соображены правительством путем живого общения с

представителями земств и городов, и результаты этой работы должны послужить драгоценным материалом для законодательных учреждений и особенно их комиссий.

Задержки в работах Государственной думы это не вызовет, так как Совет по делам местного хозяйства созывается незамедлительно, и, по мере рассмотрения всех законопроектов Министерства внутренних дел, касающихся местных хозяйственных интересов, они будут тотчас же передаваться в Государственную думу, а до того времени Государственная дума будет иметь возможность рассмотреть целый ряд непосредственно вносимых в Думу законопроектов, перечень которых представляется вместе с сим. Из проектов, касающихся земельного устройства, ныне же вносится в Государственную думу проект о земельных обществах; в области местных преобразований принципиальное значение имеет представляемый в Думу проект Министерства юстиции о преобразовании местного суда, так как в зависимости от принятия этого законопроекта стоит проведение в жизнь другого — о неприкосновенности личности и целый ряд преобразований в местном управлении.

Точно так же подлежали бы рассмотрению в первую очередь все принципиальные законопроекты по другим ведомствам, а также те, которые указывают правильный путь к осуществлению дарованных Высочайшими манифестами населению благ.

При этом правительство почтет своим долгом, в принадлежащей ему области, содействовать всем мероприятиям на пользу господствующей церкви и духовного сословия. (*Рукоплекскания справа.*)

Правительство надеется в скором времени предложить на обсуждение Государственной думы также проекты самоуправления на некоторых окраинах, применительно к предполагаемому новому строю внутренних губерний, причем идея государственного единства и целостности будет для правительства руководящей. (*Рукоплекскания в центре и справа.*)

Излишне добавлять, что, несмотря на наилучшие отношения со всеми державами, особые заботы правительства будут направляться к осуществлению воли Державного вождя наших вооруженных сил о постановке их на ту высоту, которая соответствует чести и достоинству России. (*Рукоплекскания в центре и справа.*)

Для этого нужно напряжение материальных сил страны, нужны средства, которые будут испрошены у вас, посланных сюда страной для ее успокоения и упрочения ее могущества.

От наличия средств зависит, очевидно, осуществление

всех реформ и разрешение вопроса о последовательности их проведения в жизнь. Поэтому подсчет средств, которыми располагает государство, является работой не только основной, но и самой срочной. Вам придется вследствие сего неминуемо обратиться в первую очередь к обсуждению внесенной в Государственную думу государственной росписи и при этом считаться, конечно, с неизбежностью сохранить бюджетное равновесие как основу воссоздания русского кредита.

С своей стороны правительство употребит все усилия, чтобы облегчить работу законодательных учреждений и осуществить на деле мероприятия, которые, пройдя через Государственную думу и Государственный совет и получив утверждение Государя Императора, несомненно восстановят порядок и укрепят прочный, правовой уклад, соответствующий русскому народному самосознанию.

В этом отношении Монаршая воля неоднократно являла доказательство того, насколько Верховная власть, несмотря на встреченные ею на пути чрезвычайные трудности, дорожит самыми основаниями законодательного порядка, вновь установленного в стране и определившего пределы Высочайше дарованного ей представительного строя. (*Рукоплекскания в центре и справа.*)

Проявление Царской власти во все времена показывало также воочию народу, что историческая Самодержавная власть (*бурные рукоплекскания и возгласы справа «браво»*) ... историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта Власть и эта Воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана, в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды. (*Бурные рукоплекскания и возгласы «браво» в центре и справа.*)

Приложение 8

РЕЧЬ П. А. СТОЛЫПИНА, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 16 НОЯБРЯ 1907 ГОДА В ОТВЕТ НА ВЫСТУПЛЕНИЕ ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В. МАКЛАКОВА

Господа члены Государственной думы!

Слушая раздававшиеся тут нарекания и обвинения против правительства, я спрашивал себя, должен ли я, глава правительства, идти по пути словесного спора, словесного поедин-

ка и давать только пищу новым речам в то время, как страна с напряженным вниманием и вымученным нетерпением ждет от нас серой повседневной работы, скрытый блеск которой может обнаружиться только со временем. И конечно, не для пустого спора, не из боязни того, что правительство назовут безответным, так же, как понапрасну называли его в прошлой Думе «безответственным», выступаю я с разъяснением, но для того, чтобы повторно и сугубо выяснить, в чем именно правительство будет черпать руководящие начала своей деятельности, куда оно идет и куда ведет страну.

Только то правительство имеет право на существование, которое обладает зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей. Мысль правительства, определенно выраженная в прочитанном мною заявлении от имени правительства, несомненно, затемнена последующими речами, вследствие этого я и попросил слова. Я обойду мимо те попреки, которые тут раздавались слева относительно акта 3 июня. Не мне, конечно, защищать право Государя спасать в минуты опасности вверенную Ему Богом державу. *(Рукоплекания в центре и справа.)* Я не буду отвечать и на то обвинение, что мы живем в какой-то восточной деспотии. Мне кажется, что я уже ясно от имени правительства указал, что строй, в котором мы живем, — это строй представительный, дарованный самодержавным Монархом и, следовательно, обязательный для всех Его верноподданных. *(Рукоплекания в центре и справа.)*

Но я не могу, господа, не остановиться на нареканиях третьего характера, на обвинениях в том, что правительство стремится создать в России какое-то полицейское благополучие, что оно стремится сжать весь народ в тисках какого-то произвола и насилия. Это не так. Относительно того, что говорилось тут представителем Царства Польского, я скажу впоследствии. Покуда же скажу несколько слов о двух упреках, слышанных мною от последнего оратора: о том, что говорилось тут о судебной несменяемости, и о том, что я слышал о политической деятельности служащих. То, что сказано было относительно несменяемости судей, принято было тут за угрозу. Мне кажется, такого характера этому придавать нельзя. Мне кажется, что для всех прибывших сюда со всех сторон России ясно, что при теперешнем кризисе, который переживает Россия, судебный аппарат — иногда аппарат слишком тяжеловесный для того, чтобы вести ту борьбу, которая имеет, несомненно, и политический характер. Помните политические убийства, которые так красноречиво были описаны тут г. Розановым, нарисовавшим нам картину

убийства всех свидетелей до последнего, до шестилетней девочки включительно, для того, чтобы у суда не было никакого элемента для вынесения обвинительного приговора. Нечего говорить о том, что суд действительно может находиться и сам под влиянием угроз, и при политическом хаосе, гипнозе он может иногда действовать и несвободно.

Не с угрозой, господа, не с угрозой мы шли сюда, а с открытым забралом заявили, что в тех случаях, когда на местах стоят люди не достаточно твердые, когда дело идет о спасении родины, тогда приходится прибегать к таким мерам, которые не входят в обиход жизни нормальной. Я упомянул тогда об одной из передовых стран — страна эта Франция, — где несменяемость судей была временно приостановлена, — этому нас учит история, ведь это факт. Тут говорили о политической деятельности служащих, говорили о том, что нужна беспартийность, что нельзя вносить партийность в эту деятельность. Я скажу, что правительство, сильное правительство должно на местах иметь исполнителей испытанных, которые являются его руками, его ушами, его глазами. И никогда ни одно правительство не совершит ни одной работы, не только репрессивной, но и созидательной, если не будет иметь в своих руках совершенный аппарат исполнительной власти.

Затем перейду к дальнейшему.

Нас тут упрекали в том, что правительство желает в настоящее время обратить всю свою деятельность исключительно на репрессии, что оно не желает заняться работой созидательной, что оно не желает подложить фундамент права — то правовое основание, в котором несомненно нуждается в моменты созидания каждое государство и тем более в настоящую историческую минуту Россия. Мне кажется, что мысль правительства иная. Правительство, наряду с подавлением революции, задалось задачей поднять население до возможности на деле, в действительности воспользоваться дарованными ему благами. Пока крестьянин беден, пока он не обладает личною земельною собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы. (*Рукоплескания в центре и справа.*) Для того чтобы воспользоваться этими благами, ведь нужна известная, хотя бы самая малая доля состоятельности. Мне, господа, вспомнились слова нашего великого писателя Достоевского, что «деньги — это чеканенная свобода». Поэтому правительство не могло не идти навстречу, не могло не дать удовлетворения тому врожденному у каждого человека, поэтому и у нашего крестьянина, чув-

ству личной собственности, столь же естественному, как чувство голода, как влечение к продолжению рода, как всякое другое природное свойство человека. Вот почему раньше всего и прежде всего правительство облегчает крестьянам переустройство их хозяйственного быта и улучшение его и желает из совокупности надельных земель и земель, приобретенных в правительственный фонд, создать источник личной собственности. Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земской единицы; он, трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток.

Вот тогда, тогда только писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма. (*Рукоплекания в центре и справа. Возгласы «браво».*) При этих условиях будет иметь успех идея местного суда, будет иметь успех и идея суда административного, который необходим как основа всякого успеха в местном управлении.

Тут говорилось о децентрализации. Представитель Царства Польского говорил о необходимости для правительства, особенно в теперешнюю минуту, черпать силу не в бюрократической централизации, а в том, чтобы привлечь местные силы к самоуправлению, с тем чтобы они заполнили тот пробел, который неизбежно скажется у центральной власти, опирающейся только на бюрократию. Прежде всего скажу, что против этого правительство возражать не будет, но должен заявить, что та сила самоуправления, на которую будет опираться правительство, должна быть всегда силой национальной. (*Рукоплекания в центре и справа.*) Нам говорилось о том, что в 1828 г. в Царстве Польском пропорционально было больше школ, чем в 1900 г. Я на это отвечаю следующее: теперь, может быть, не только мало школ; но там нет даже высшего учебного заведения, и высшего учебного заведения там нет потому, что те граждане, которые только что называли себя гражданами «второго разряда», не хотят пользоваться в высшей школе общегосударственным русским языком. (*Бурные рукоплекания в центре и справа.*)

Децентрализация может идти только от избытка сил. Мощественная Англия, конечно, дает всем составным частям своего государства весьма широкие права, но это от избытка сил; если же этой децентрализации требуют от нас в минуту слабости, когда ее хотят вырвать и вырвать вместе с такими корнями, которые должны связывать всю империю, вместе с теми нитями, которые должны скрепить центр с окраинами, тогда, конечно, правительство ответит: нет!

(Бурные рукоплескания в центре и справа.) Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо — это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права. *(Рукоплескания в центре и справа.)*

Я хочу еще сказать, что все те реформы, все то, что только что правительство предложило вашему вниманию, ведь это не сочинено, мы ничего насильственно, механически не хотим внедрять в народное самосознание, все это глубоко национально. Как в России до Петра Великого, так и в послепетровской России местные силы всегда несли служебные государственные повинности. Ведь сословия и те никогда не брали примера с запада, не боролись с центральной властью, а всегда служили ее целям. Поэтому наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в этих русских национальных началах. Каковы они? В развитии земщины, в развитии, конечно, самоуправления, передачи ему части государственных обязанностей, государственного тягла и в создании на низах крепких людей земли, которые были бы связаны с государственной властью. Вот наш идеал местного самоуправления так же, как наш идеал наверху — это развитие дарованного Государем стране законодательного, нового представительного строя, который должен придать новую силу и новый блеск Царской Верховной власти.

Ведь Верховная власть является хранительницей идеи русского государства, она олицетворяет собой ее силу и цельность, и если быть России, то лишь при усилении всех сынов ее охранять, оберегать эту Власть, сковавшую Россию и оберегающую ее от распада. Самодержавие московских Царей не походит на самодержавие Петра, точно так же, как и самодержавие Петра не походит на самодержавие Екатерины Второй и Царя-Освободителя. Ведь русское государство росло, развивалось из своих собственных русских корней, и вместе с ним, конечно, видоизменялась и развивалась и Верховная Царская Власть. Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чужеземный цветок. *(Бурные рукоплескания в центре и справа.)*

Пусть расцветет наш родной русский цвет, пусть он расцветет и развернется под влиянием взаимодействия Верховной Власти и дарованного Ею нового представительного строя. Вот, господа, зрело обдуманная правительственная мысль, которой воодушевлено правительство. Но чтобы осуществить мысль, несомненно нужна воля. Эту волю, господа, вы, конечно, найдете всецело в правительстве. Но этого

недостаточно, недостаточно для того, чтобы упрочить новое государственное устройство. Для этого нужна другая воля, нужно усилие и с другой стороны. Их ждет Государь, их ждет страна. Дайте же ваш порыв, дайте вашу волю в сторону государственного строительства, не брезгуйте черной работой вместе с правительством. (*Возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа.*)

Я буду просить позволения не отвечать на другие слышанные тут попреки. Мне представляется, что, когда путник направляет свой путь по звездам, он не должен отвлекаться встречными попутными огнями. Поэтому я старался изложить только сущность, существо действий правительства и его намерений. Я думаю, что, превращая Думу в древний цирк, в зрелище для толпы, которая жаждет видеть борцов, ищущих, в свою очередь, соперников для того, чтобы доказать их ничтожество и бессилие, я думаю, что я совершил бы ошибку. Правительство должно избегать лишних слов, но есть слова, выражающие чувства, от которых в течение столетий усиленно бились сердца русских людей. Эти чувства, эти слова должны быть запечатлены в мыслях и отражаться в делах правителей. Слова эти: неуклонная приверженность к русским историческим началам (*рукоплескания в центре и справа*) в противовес беспочвенному социализму. Это желание, это страстное желание обновить, просветить и возвеличить родину, в противность тем людям, которые хотят ее распада, это, наконец, преданность не на жизнь, а на смерть Царю, олицетворяющему Россию. Вот, господа, все, что я хотел сказать. Сказал, что думал и как умел. (*Бурные рукоплескания в центре и справа.*)

Приложение 9

РЕЧЬ О СООРУЖЕНИИ АМУРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 31 МАРТА 1908 ГОДА

Господа члены Государственной думы! Вопрос о сооружении Амурской железной дороги казался мне настолько ясным, обязанность правительства представлялась мне настолько бесспорной и необходимость новых народных жертв на это народное дело настолько настоятельной, что я никак не мог предвидеть сколько-нибудь горячих прений по этому вопросу и в первый раз, когда он был поставлен на повестку, я в Думу даже не приехал. Теперь я вижу, что дело стоит

иначе — вопрос о необходимости дороги вызывает серьезные сомнения, и само решение правительства кажется многим большой политической ошибкой. Вследствие этого, выслушав ораторов главных думских партий, я нахожу, что и правительство должно более подробно развить свою точку зрения на этот вопрос, так как именно в этом существенном вопросе, казалось бы мне, между правительством и большинством народного представительства не должно бы быть разномыслия. Почему я так думаю, я скажу далее, а теперь позвольте мне обратиться к доводам моих противников.

Доводы эти, как я понял, сводятся, главным образом, к следующему: трата 238 000 000 рублей или более на железную дорогу в настоящее время является для государства непосильной и даже, может быть, безумной. Государство наше ослаблено, нужно все напряжение его сил для внутренней культурной работы, иначе самая работа эта, самый процесс самоизлечения будет обречен на неуспех и на неудачу. Между тем правительство берется за случайное предприятие, идет против народной нужды, народной пользы и даже не считается и с будущими поколениями, которые никогда не выбьются из нищеты, раз мы отягощаем их гнетом нового непомерного долга.

Но мало того, правительство берется за дело не только разорительное, а за дело прямо опасное; правительство, по видимому, по словам наших противников, не поняло уроков новейшей истории, не поняло, насколько нам нужен глубокий мир и насколько всякая наша активная политика на Дальнем Востоке может быть для России гибельна. Что касается стратегических соображений, то противникам нашим кажется, что железнодорожная линия вдоль границы государства может стать разве только легким призом для наших неприятелей и что если говорить о стратегической необходимости, то надо строить в этом отдаленном крае крепости. Но раз отпадают стратегические соображения, то что же остается? Нельзя же серьезно говорить об экономическом значении края, который находится в состоянии вечной мерзлоты, где годовая температура ниже нуля.

Чтобы представить полную картину возражений, надо припомнить еще одно возражение, на этот раз идущее из самой комиссии, которая находит, что начальный пункт дороги должен быть не в Нерчинске, а в Куенге. Если бы правительство оставило все эти возражения без ответа, то это было бы почти равносильно признанию необдуманности правительственного плана, признанию ошибки в его расчете, что тем более непростительно, что правительством не толь-

ко внесен в Думу законопроект, но он уже приводится в исполнение на основании ст. 87 Зак. Осн. Я ничуть не хочу ослабить ответственности правительства, но я надеюсь доказать, что в некоторых случаях преступлением перед страной является не принятая вовремя на себя ответственность, а прикрытая боязнью ответственности бездеятельность. (*Голоса справа и из центра: «браво!»*)

Большинство думских партий находит, что у правительства не было определенного политического плана, что им не руководила определенная государственная мысль, что не было той нравственной побудительной силы, которая толкала бы его на спешное энергичное приведение в действие этого предприятия. Правительство, по мнению наших противников, шло по инерции, по рутинному пути, по наклонной плоскости, оно совершенно бессмысленно следовало в прежнем направлении прежней нашей дальневосточной политики. Я же настаиваю на том, что правительство взвесило именно наше положение после дальневосточной войны, что правительство имело в виду мудрое изречение Екатерины Великой *gouverner c'est prévoir*, «управлять — это предвидеть». Правительство, прежде чем принять решение, имело в виду всю совокупность всех тех возражений, которые здесь были высказаны.

Начиная защиту правительственного проекта, я должен высказать признание, что многое из того, что тут говорилось, соответствует правде, и если строить государственную политику на сопоставлении видимых фактов, то, может быть, от постройки Амурской железной дороги надлежало бы и отказаться, но, припоминая все доказательства, все факты, которые здесь приводились, ссылки на негодность нашего колониционного материала, бедность и пустынную отдаленную окраину, на убыточность железной дороги, на ту массу средств, которые придется на нее затратить, я, господа, припомнил и врезавшееся в мою память одно сравнение, высказанное знаменитым нашим ученым Менделеевым и обращенное когда-то давно уже к нам, только что поступившим в университет студентам первого курса. Говоря о видимых явлениях природы, знаменитый профессор предостерегал нас не поддаваться первым впечатлениям, так как видимая правда часто противоречит истине. «Ведь правда, неоспоримая правда для всякого непосредственного наблюдателя, — говорил Менделеев, — что солнце вертится вокруг Земли, между тем истина, добытая пытливым умом человека, противоречит этой правде». Насколько же соответствует истине, исторической национальной истине, та правда, которая только что развивалась перед вами с этого места?

Я прежде всего остановлюсь на стратегических соображениях и сделаю оговорку, что, несомненно, мы должны быть сильны на нашем Дальнем Востоке не для борьбы, а для прикрытия нашей национальной культурной работы, которая является и нашей исторической миссией. И в этом отношении военное министерство право, настаивая на проведении в жизнь своих стратегических соображений. Некоторые из них развивал тут помощник военного министра, я же только упомяну о том, что, несомненно, постройка дороги освободит государственное казначейство от многих расходов на содержание сильной армии на Дальнем Востоке, освободит государственное казначейство и от необходимости постройки казарм для этих военных сил. При громадности нашей территории неоспоримо важно иметь возможность перебрасывать армию из одного угла страны в другой. Никакие крепости, господа, вам не заменят путей сообщения. Крепости являются точкой опоры для армии; следовательно, самое наличие крепостей требует или наличия в крае армии, или возможности ее туда перевезти. Иначе, при других обстоятельствах, что бы ни говорили, крепость в конце концов падает и становится точкой опоры для чужих войск, для чужой армии.

Наши государственные границы равняются 18 000 верст. Мы граничим с десятью государствами, мы занимаем одну седьмую часть земной суши. Как же не понять, что при таких обстоятельствах первенствующей, главнейшей нашей задачей являются пути сообщения? Пути сообщения имеют значение не только стратегическое: не только на армии зиждется могущество государства; оно зиждется и на других основах. Действительно, отдаленные, суровые, ненаселенные окраины трудно защитить одними привозными солдатами. Верно то, что говорил предыдущий оратор, что война — это народное дело. С воодушевлением свойственно человеку защищать свои дома, свои поля, своих близких. И эти поля, эти дома дают приют, дают пропитание родной армии. Поэтому, в стратегическом отношении, армии важно иметь оплот в местном населении. Но я повторяю, что я не говорю о войне, я понимаю, что для нас высшим благом явился бы вечный мир с Японией и Китаем, но и с мирной точки зрения важно, господа, может быть, еще важнее иметь тот людской оплот, о котором я только что говорил.

Докладчик комиссии государственной обороны сказал тут, что природа не терпит пустоты. Я должен повторить эту фразу. Отдаленная наша суровая окраина, вместе с тем, богата, богата золотом, богата лесом, богата пушниной,

богата громадными пространствами земли, годными для культуры. И при таких обстоятельствах, господа, при наличии государства, густонаселенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее прососется чужеземец, если раньше не придет туда русский, и это просачивание, господа, оно уже началось. Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками и, когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию.

Я не только говорю об Амурской области. Надо ставить вопрос шире, господа. На нашей дальней окраине, и на Камчатке, и на побережье Охотского моря, уже начался какой-то недобрый процесс. В наш государственный организм уже вклинивается постороннее тело. Для того чтобы обнять этот вопрос не только с технической, с стратегической точки зрения, но с более широкой, общегосударственной, политической, надо признать, как важно для этой окраины заселение ее. Но возможно ли заселение без путей сообщения?

Недавно в разговоре с одним из самых влиятельных наших администраторов на Дальнем Востоке я выслушал заключение его, что при случайности нашего судоходства по р. Шилке, зависящем от разных обстоятельств, Забайкальская область значительную часть года совершенно отрезана от Амурской, и сообщение между этими областями возможно разве лишь посредством воздушных шаров. Каким же образом мы не только заселять, каким образом мы серьезно изучать будем эти области без наличия дорог? Но нам говорят, что вопрос еще, нужно ли заселять эту окраину, нужно ли заселять пустынный, холодный край, который представляет из себя тундру, где средняя годовая температура ниже нуля, где царствует вечная мерзлота. Но тут, господа, такое несоответствие между правдою и истиной, что не трудно ее восстановить.

Вечную мерзлоту мы наблюдаем везде в Сибири; мы наблюдаем ее и во Владивостоке, и в Иркутской губернии, и в Енисейской губернии — это наследие бывшей геологической эпохи. Мерзлота эта зависит от покрова почвы — толстого слоя торфа и мха. При победоносном шествии человека, при уничтожении этого покрова вытаптыванием и выжиганием мерзлота эта уходит в глубь земли. Точно так же исчезает и заболоченность. Что касается температуры, то тут вам говорилось о том, что в зимнее время холода там сильнее, чем в Европейской России, но летом там температура выше. В июле месяце в Амурской области температура вы-

ше, чем в Варшаве; она почти доходит до московской температуры, в сентябре теплее, чем в Москве.

Край этот не есть край неизведанный. Тут упоминалось об исследованиях Старжинского, Крюкова и Семенова¹. Действительно, Семенов говорит, что ему край этот кажется подобным Германии времен Тацита, когда Германия считалась непроходимой вследствие заболоченности. Но, господа, вспомните, что Германия представляет из себя теперь? Зачем, впрочем, далеко ходить за сравнениями? Обратите внимание на Уссурийский край, о котором предшествующий оратор говорил, что он не заселяется. Господа, он заселяется. Заселяется, может быть, не так скоро, как было бы желательно, но те места в Уссурийском крае, которые недавно считались еще заболоченными таежными, составляют в настоящее время одну из главных приманок для переселенцев.

Вообще на возможности заселения этого края, хотя об этом много говорилось, мне все-таки приходится несколько остановить ваше внимание. Железная дорога, как вам известно, пройдет по двум областям и дойдет до третьей. Начинается она с Забайкальской области. Эта область по своему климату несколько суровее соседней Амурской, но климат в ней вместе с тем и более сухой, так что в климатическом отношении не было никогда и сомнения в том, что полевая культура в нем возможна; несмотря на то, что подробных исследований всего этого края не производилось, но отчасти он все же обследован. В настоящее время производится обследование его северной части — Баргузинской тайги; эта тайга представляет из себя большой интерес, потому что там земли, годной под полевую культуру, до 2 000 000 десятин. Уже 500 000 десятин земли, по соглашению ведомства Главного управления землеустройства и земледелия с Кабинетом Его Величества, обследованы. Там отводятся участки для переселенцев.

Баргузинская тайга интересна тем, что она граничит с Витимским побережьем, с бассейном р. Витим; там много плодородных земель; эта местность уже заселяется, и если она будет в районе железной дороги или если железная дорога будет к ней приближена, то, несомненно, это богатый край для заселения. В нем 13 000 000 десятин, если считать от Баргузинской тайги на восток до Амурской области. В настоящем году будут обследованы 2 000 000 дес. Баргузин-

¹ Семенов-Тянь-Шанский (1827—1914) — русский географ, путешественник. — *Прим. ред.*

ской тайги, до 2 000 000 дес. в Витимском побережье и отведено будет под переселение 151 000 дес. земли.

Я должен на Забайкальской области остановить ваше внимание, так как тут интересен один привходящий вопрос, к которому потом мне не придется вернуться. Я говорю о начальном пункте дороги. Как известно, тут являются разногласия между Правительством и комиссией путей сообщения. Правительство предлагает начальным пунктом Нерчинск, комиссия предлагает Куенгу. Мне кажется, что для выбора начального пункта нужны стратегические соображения с одной стороны, переселенческие — с другой.

О стратегических соображениях вам тут говорил помощник военного министра, что касается интересов переселения, что же надо иметь в виду? Надо провести дорогу так, чтобы ею обслуживалось наибольшее количество годной под переселение земли; затем необходимо, чтобы сама дорога прошла по такой местности, которая могла бы быть заселена, и затем, чтобы подступ к самой колее был наиболее легок и удобен. Всем этим условиям соответствует вариант нерчинский уже потому, что по этому варианту железнодорожная колея приближается именно к тем землям Витимского побережья, о которых я говорил.

Говорят, что разница расстояния между куенгинским и нерчинским вариантом только несколько десятков верст. Но, господа, для переселенцев и это важно. Затем, по нерчинскому направлению дорога проходит по долине р. Нерчин, и в самой долине этой теперь уже до 750 000 дес. земель, назначаемых для переселения; затем, эта долина очень удобна для проведения колесных дорог. Удаляя дорогу в Куенгу, вы ее удаляете как можно дальше от заселенных мест и прячете в каменный мешок. Дорога пройдет здесь в скалистом ущелье и будет не только удалена от переселенческого района, но будет для него недоступна; переселенец через несколько лет будет недоумевать, почему начало дороги проведено по местности ненаселенной, которая и не может быть заселена, и притом по местности скалистой, недоступной.

Приведу еще одно соображение. Изменение направления, несомненно, послужит к замедлению самой постройки. В настоящее время все ведь налажено для нерчинского направления; затем, если изменить направление, изучать новое направление, составлять чертежи новых мостов, то это, несомненно, будет серьезным тормозом и может привести нас к потере целого строительного периода. Что касается финансовой стороны, то куенгинское направление

представляет уже не такое крупное преимущество, так как даст, конечно, гораздо более расходов по ремонту скалистого пути и затем вызовет необходимость в постройке соединительной ветви между станцией Нерчинск и городом Нерчинск.

Это я сказал попутно и теперь возвращаюсь к железной дороге. Дальше она пойдет по Амурской области. В Амурской области климат более влажный, там более жаркое лето, и, конечно, для наших серых зерновых хлебов он менее удобен, чем наши средние европейские губернии. Но, господа, пора оставить то рутинное мнение, что наши переселенцы должны двигаться, неся с собой наши серые зерновые хлеба. Тот же самый Крюков, о котором здесь так часто упоминали, удостоверяет, что область эта вполне пригодна для растений бобовых, для китайского гаоляна и, наконец, для огородных овощей.

Край этот не есть загадка: в нем живут. О изменности между Зеей и Буреей тут много говорилось. Там уже взято 800 000 десятин земли под переселение. В этой равнине живут только те молокане, о которых тут упоминалось, степень культуры которых высока и которые обрабатывают землю американскими машинами. На этих пресловутых американских машинах позвольте, господа, остановиться. Предыдущий оратор сказал, что тот, кто призывает страну к жертвам, должен представить полную картину мотивов, вызывающих эти жертвы. Господа, мне кажется, что и то лицо, которое опровергает мотивы правительства, должно тоже представить вам верные основания своей аргументации; поэтому я полагаю, что оно должно входить на эту кафедру с проверенным багажом и то, что оно вам говорит, должно соответствовать не только правде, но и истине. (*Рукоплекания центра и справа.*)

Между тем я удостоверяю, что предыдущий оратор не ознакомился даже с представлением правительства в Государственную думу относительно снятия порто-франко, потому что если бы он прочел его, то для него стало бы ясным, что правительство, уничтожая порто-франко, возвращается к закону 1900 года, по которому — я цитирую самое представление — «все фабрично-заводские производства, как-то: сельскохозяйственные машины, семена, всякого рода растения, земледобрильные вещества, орудия, ремесленно-строительные материалы освобождаются от уплаты пошлины». (*Рукоплекания справа и центра.*) Поэтому мне кажется, что наши молокане, которые живут и достигли в достаточной степени благосостояния в этой местности, являются для

нас живым примером не только прошедшего, но и того, что может быть достигнуто в будущем.

Но не только бассейн между Зеей и Буреей должен вас интересовать. Вверх по р. Зее имеются громадные пространства земли, годные под переселение. Если брать от Зеи на запад, в направлении к Забайкальской области, вдоль течения не только реки Зеи, но и Уркана, мы найдем до 13 000 000 десятин земли, годной под переселение. Вверх по реке Бурее мы находим у молокан не только зерновые хлеба, не только урожай зернового хлеба, но и хороший урожай кукурузы, бахчи, арбузов и дынь. Затем по строящемуся колесному тракту от Благовещенска до Хабаровска открываются еще миллионы десятин земли, годных под заселение.

Но железная дорога оживит, несомненно, и конечный пункт, в который она упирается, она оживит находящиеся отчасти в Приморской области долины рек Биры, Куры и Амгуни. Тут важно не только полеводство, тут важно и скотоводство, тут важны особенно рыбный промысел, лесной промысел. Пора оставить то поверье, что переселенец может жить только там, где преобладает земледелие; достаточно уже китайские старатели унесли нашего золота в Китай.

Много лежит нашего богатства в той области, стоит только упомянуть о лесной торговле. В Китай и Японию привозится исключительно американский (орегонский) лес, а наши амурские лесные богатства остаются нетронутыми, нетронутыми потому, что мы не умеем принаравливать к потребностям покупателя, потому что мы не умеем разрабатывать наши лесные материалы. Уже этих данных, казалось бы, достаточно для того, чтобы понять, что оставлять этот край без внимания было бы проявлением громадной государственной расточительности. Край этот нельзя огородить каменной стеной. Восток проснулся, господа, и если мы не воспользуемся этими богатствами, то возьмут их, хотя бы путем мирного проникновения, возьмут их другие.

Я нарочито не ставлю этот вопрос в связь с разрешением аграрного вопроса в Европейской России. Вопрос амурский важен сам по себе, это вопрос самодовлеющий, но я должен настоятельно подчеркнуть, что Амурская железная дорога должна строиться русскими руками, ее должны построить русские пионеры... *(рукоплескания справа и центра)*; эти русские пионеры построят дорогу, они осядут вокруг этой дороги, они вдвинутся в край и вдвинут вместе с тем туда и Россию.

Теперь о финансовой стороне дела; но прежде, чем перейти к этому, я обращаю ваше внимание, господа, на то, что даже тут между вами есть много сторонников необходимости постройки второй колеи по Сибирской железной дороге, и мнение это вполне обоснованно. Надо знать, что в 1899 году было провезено по Сибирской дороге 41 000 000 пудов груза, в 1906 г. было провезено уже 103 000 000 пудов груза. Это доказывает, что вторая колея необходима не только в стратегическом отношении, но и в коммерческом. Неужели мы эту вторую колею остановим в Маньчжурии? Где же мы будем выбрасывать и излишек наших товаров, и перевозимые в ту далекую окраину войска?

Относительно постройки второй колеи Китайской дороги и речи быть не может; никто серьезно не может об этом говорить уже потому, что через 75 лет Китайская дорога переходит к Китаю по арендному договору, и через 31 год Китай вправе ее выкупить и наверное выкупит. Затем, это было бы и действительным серьезным вызовом соседу, так как по статье 7 портсмутского договора мы не имеем права использовать дороги в стратегическом отношении. Таким образом, если нужна вторая колея Сибирской железной дороги, то нужен железнодорожный путь по нашему левому берегу реки Амура.

Я не буду представлять вам подробных финансовых исчислений и выкладок. Вам известно, что правительство исчисляет стоимость ее в 238 000 000 рублей; тут ее исчислили в несколько большей цифре, но даже если взять правительственную цифру, если достать деньги из 6%, то и то на уплату процентов потребуется 15—16 млн. рублей в год. На покрытие же убытков — правительство не закрывает глаза на то, что первое время дорога будет убыточна, — если взять цифры применительно к Уссурийской дороге, придется точно так же уплачивать 5—6 миллионов рублей в год, так как убыток будет равняться от 2500 до 3000 рублей в год на версту.

Таким образом, вся стоимость дороги выразится в цифре от 20 до 22 миллионов рублей в год. Это, конечно, жертва громадная, и правительство ее требует от вас после разорительной войны и во времена лихолетья. Но вспомните, господа, что и другие государства, и другие страны переживали минуты, может быть, еще более тяжелые. Вспомните то патриотическое усилие, которое облегчило Франции выплатить пятимиллиардную контрибуцию своей победительнице. Амурская дорога будет та контрибуция, которую русский народ выплатит своей же родине.

Я совершенно понимаю точку зрения моих противников, которые говорят, что в настоящее время надо поднять центр. Когда центр будет силен, будут сильны и окраины, но ведь лечить израненную родину нашу нельзя только в одном месте. Если у нас не хватит жизненных соков на работу зарубцевания всех нанесенных ей ран, то наиболее отдаленные, наиболее истерзанные части ее, раньше чем окрепнет центр, могут, как пораженные антоновым огнем, безболезненно и незаметно опасть, отсохнуть, отвалиться. И верно то, что сказал предыдущий оратор: мы будущими поколениями будем за это привлечены к ответу. Мы ответим за то, что, занятые своими важными внутренними делами, занятые переустройством страны, мы, может быть, проглядели более важные мировые дела, мировые события, мы ответим за то, что пали духом, что мы впали в бездействие, что мы впали в какую-то старческую беспомощность, что мы утратили веру в русский народ, в его жизненные силы... (*бурные рукоплескания справа и из центра*)... в силу его не только экономическую, но и в культурную. Мы, господа, ответим за то, что приравниваем поражение нашей армии к поражению и унижению нашей родины. (*Бурные рукоплескания справа и из центра.*)

Господа, действительно, верно, что вам впервые придется подать свой голос в большом историческом деле. До настоящего времени такого рода государственные вопросы доходили до Верховной власти в разработке только одних служилых людей. Впервые теперь в деле народного строительства до престола Монаршего дойдет голос и ваш, голос народных представителей, которые созданы Государем и поставлены им на стражу народной пользы и народной чести. И в этом деле ваш голос, конечно, не может оказаться в разнзвучии с сознанием и стремлением русского народа.

Но не забывают, господа, что русский народ всегда сознавал, что он осел и окреп на грани двух частей света, что он отразил монгольское нашествие и что ему дорог и люб Восток; это его сознание выражалось всегда и в стремлении к переселению, и в народных преданиях, оно выражается и в государственных эмблемах. Наш орел, наследие Византии, — орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью. (*Рукоплескания справа и из центра.*)

Я, господа члены Государственной думы, уверен, я убежден, что одно ваше решение в этом деле уже придаст боль-

шую силу государству. Одна наша разумная плодотворная работа уже поднимает кредит государства, уже дает новые миллионы России. (*Рукоплекскания справа и из центра.*) Ваше решение одно даст возможность найти и средства на по- сильных для нас условиях. Это одно уже является новым исто- чником финансовой силы. Если, господа, в самые тягост- ные минуты нашей новейшей истории русские финансы осилили войну, осилили смуту, то на скрепление нашего расшатанного государственного тела железным обручем бу- дут средства. Для этого, господа, нужно только ваше едино- душное решение, о котором я говорил в начале своей речи, нужно ваше единодушное слово — произнесите. (*Продолжи- тельные рукоплекскания справа и из центра.*)

Приложение 10

РЕЧЬ О МОРСКОЙ ОБОРОНЕ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 24 МАЯ 1908 ГОДА

После всего, что было тут сказано по вопросу о морской смете, вы поймете, господа члены Государственной думы, то тяжелое чувство безнадежности отстоять испрашиваемые на постройку броненосцев кредиты, с которым я приступаю к тяжелой обязанности защищать почти безнадежное, почти проигранное дело. Вы спросите меня: почему же правитель- ство не преклонится перед неизбежностью, почему не при- соединится к большинству Государственной думы, почему не откажется от кредитов?

Ведь для всех очевидно, что отрицательное отношение большинства Государственной думы не имеет основанием какие-нибудь противогосударственные побуждения; этим отказом большинство Думы хотело бы дать толчок морско- му ведомству, хотело бы раз навсегда положить предел зло- употреблениям, хотело бы установить грань между прошлым и настоящим. Отказ Государственной думы должен был бы, по мнению большинства Думы, стать поворотным пунктом в истории русского флота; это должна быть та точка, кото- рую русское народное представительство желало бы поста- вить под главой о Цусиме для того, чтобы начать новую гла- ву, страницы которой должны быть страницами честного упорного труда, страницами воссоздания морской славы России. (*Возгласы: верно; рукоплекскания.*)

Поэтому, господа, может стать непонятным упорство правительства: ведь слишком неблагоприятное дело отстаивать

существующие порядки и слишком, может быть, недобросовестное дело убеждать кого-либо в том, что все обстоит благополучно. Вот, господа, те мысли, или приблизительно те мысли, которые должны были возникнуть у многих из вас; и если, несмотря на это, я считаю своим долгом высказаться перед вами, то для вас, конечно, будет также понятно, что побудительной причиной к этому является не ведомственное упорство, а основания иного, высшего порядка.

Мне, может быть, хотя и в слабой мере, поможет в этом деле то обстоятельство, что, кроме, конечно, принципиально оппозиционных партий, которые всегда и во всем будут противостоять предложениям правительства, остальные партии не совершенно единодушны в этом не столь простом деле, и среди них есть еще лица, которые не поддались, может быть, тому чувству самовнушения, которому подпало большинство Государственной думы. Это дает мне надежду если не изменить уже предрешенное мнение Государственной думы, то доказать, что может существовать в этом деле и другое мнение, другой взгляд и что этот другой взгляд не безумен и не преступен.

Господа! Область правительственной власти есть область действий. Когда полководец на поле сражения видит, что бой проигран, он должен сосредоточиться на том, чтобы собрать свои расстроенные силы, объединить их в одно целое. Точно так же и правительство после катастрофы находится несколько в ином положении, чем общество и общественное представительство. Оно не может всецело поддаться чувству возмущения, оно не может исключительно искать виновных, не может исключительно сражаться с теми фантомами, о которых говорил предыдущий оратор. Оно должно объединить свои силы и стараться восстановить разрушенное. Для этого, конечно, нужен план, нужна объединенная деятельность всех государственных органов. На этот путь и встало настоящее правительство с первых дней, когда была вручена ему власть. Оно начало перестраивать свои ряды; оно разделило задуманные им мероприятия на более спешные, имеющие связь с последующими, и на эти последующие мероприятия, которые оно и решило проводить и планомерно, и последовательно. При этом правительство не могло не задать себе вопросов: нужен ли России флот, какой флот России нужен, и можно ли с этим делом медлить.

На первых двух вопросах я долго останавливаться не буду, так как мнение правительства было подробно высказано в комиссии государственной обороны, и оно соответствует тому мнению, которое выражено в формуле постатейного

перехода к чтению отдельных номеров сметы морского министерства, предложенной вашему вниманию. Для всех, кажется, теперь стало ясно, что только тот народ имеет право и власть удержать в своих руках море, который может его отстоять. Поэтому все те народы, которые стремились к морю, которые достигали его, неудержимо становились на путь кораблестроения. Для них флот являлся предметом народной гордости; это было внешнее доказательство того, что народ имеет силу, имеет возможность удержать море в своей власти. Для этого недостаточно одних крепостей, нельзя одними крепостными сооружениями защищать береговую линию. Для защиты берегов необходимы подвижные, свободно плавающие крепости, необходим линейный флот.

Это поняли все прибрежные народы. Беззащитность на море так же опасна, как и беззащитность на суше. Конечно, можно при благоприятных обстоятельствах некоторое время прожить на суше и без крова, но когда налетает буря, чтобы противостоять ей, нужны и крепкие стены, и прочная крыша. Вот почему дело кораблестроения везде стало национальным делом. Вот почему спуск каждого нового корабля на воду является национальным торжеством, национальным празднеством. Это отдача морю части накопленных на суше народных сил, народной энергии. Вот почему, господа, везде могучие государства строили флоты у себя дома: дома они оберегают постройку флота от всяких случайностей; они дома у себя наращивают будущую мощь народную, будущее ратное могущество.

Эти вот простые соображения привели правительство к тому выводу, что России нужен флот. А на вопрос, какой России нужен флот, дала ответ та же комиссия государственной обороны, которая выразилась так: России нужен флот дееспособный. Это выражение я понимаю в том смысле, что России необходим такой флот, который в каждую данную минуту мог бы сразиться с флотом, стоящим на уровне новейших научных требований. Если этого не будет, если флот у России будет другой, то он будет только вреден, так как неминуемо станет добычей нападающих. России нужен флот, который был бы не менее быстроходен и не хуже вооружен, не с более слабой броней, чем флот предполагаемого неприятеля. России нужен могучий линейный флот, который опирался бы на флот миноносный и на флот подводный, так как отбиваться от тех плавучих крепостей, которые называются броненосцами, нельзя одними минными судами.

Покончивши с вопросами, в которых правительство вполне солидарно с комиссией государственной обороны,

позвольте мне перейти и остановиться несколько дольше на третьем вопросе, на котором начинается между нами разногласие. Это вопрос о том, насколько спешно и настоятельно устройство наших морских сил. Ответ на это комиссии государственной обороны совершенно ясен и определен: комиссия говорит, что ранее всего нужно вырешить все вопросы морской обороны в связи с обороной всего государства; затем необходимо переустройство морского ведомства, наконец, необходимо представление на суд законодательного собрания финансовой программы судостроения, и только после этого уже можно будет приступить к постройке линейных кораблей, к воссозданию флота.

Эти положения были тут подкреплены беспощадной логикой блестящих речей целого ряда ораторов. Вопрос этот совершенно исчерпан: для Государственной думы безусловно ясно, что после того страшного урока, который получило морское ведомство, необходимо переустроить это министерство, необходимо положить конец и неустройствам в нем, и злоупотреблениям: необходимо обновить самый дух ведомства, и нельзя строить новый флот, не имея полной программы судостроения. Под всеми этими положениями я готов подписаться. Я иду далее. Я уверен, что ответственные представители флота, отвечающие перед Государем Императором за морское дело, не будут этих положений отвергать.

Но, господа, именно для ответственных лиц выводы из этих положений не так просты. Я приглашаю вас на время, на короткое время, отказаться от того чувства возмущения, которое владеет вами, о котором только что говорил член Государственной думы Гучков. Забудьте, господа, забудьте ту жгучую боль, которую испытывает каждый русский, когда касается вопроса о русском флоте, и последуйте за мной в область бесстрастного разрешения вопроса, в пределах одной государственной пользы и государственной необходимости.

Позвольте мне для этого вернуться к тому сравнению, к которому я прибег в начале моей речи, и сопоставьте положение правительства с положением полководца на следующий день после поражения. В таком положении первая задача лица, власть имеющего, разрешить вопрос о том, как же быть с остатками, с обломками разбитой неприятелем силы. Это задача правительства, задача морского ведомства. Вторая задача — как реорганизовать то ведомство, которое не оказалось на высоте положения, и как возобновлять разрушенную силу, в данном случае — какие строить суда. Это задача специальных технических органов, которая должна быть разрешена после утверждения ее выводов Верховной

Властью. Наконец, третья задача — как организовать морскую оборону в связи с обороной государства. Это задача правительства, которая может быть вырешена после разрешения двух (первых) задач.

Если следовать за комиссией государственной обороны, то, конечно, все эти три задачи можно решить только одновременно и независимо от вопроса об организации министерства, о затрате колоссальных сумм на воссоздание всего нашего флота, невозможно и требовать каких-либо ассигнований на устройство наших расстроенных морских сил, для придания им какого-либо боевого значения. Но правительство, господа, должно смотреть на дело иначе: правительство имеет дело с живым организмом — флотом, с живыми людьми; оно имеет еще одну капитальную задачу: на нем лежит обязанность оградить государство, во всякую данную минуту, от всяких случайностей. Поэтому правительство должно было прежде всего осмотреться и незамедлительно решить вопрос, как же быть с остатками, с обломками нашего флота.

Я не буду, господа, вводить вас в специальные вопросы, я нахожу, что в таком собрании не могут быть разрешены вопросы о том или другом типе котлов или двигателей, на которых останавливался член Государственной думы Марков, я буду приводить вам простые данные, понятные, по моему, как для обывателя, в положении члена Государственной думы, так и для штатского министра, не носящего кортика. Если взять кавалерийскую часть, то для вас станет понятно, что она может иметь силу только, если она вся посажена на одинаковых коней, одинакового хода, так как иначе вся часть должна будет равняться по отстающим; вся часть, все всадники должны быть одинаково вооружены одинаковыми винтовками, так как иначе часть пуль не будет долетать, огонь этой части не будет действителен; вся часть должна быть одинаково снаряжена, все всадники должны быть одеты в одинаковые мундиры защитного цвета, иначе часть всадников будет более уязвима, чем другая.

Это все применимо и к флоту. Отдельные корабли, и это было уже указано, не могут иметь никакой силы, если они будут механически соединены в отряды: в этом случае каждое отдельное, более быстроходное судно должно будет равняться по наиболее тихоходному во всей эскадре, должно будет стрелять на такое расстояние, на которое будут долетать снаряды наихудше вооруженных судов, наконец, вся эскадра станет более уязвимой, если часть ее будет хуже других бронирована. Такое сборище судов будет никуда не годным сбро-

дом; это будет отряд, неспособный не только на оперирование, но и на маневрирование. Для того чтобы маневрировать, нужно иметь, по крайней мере, несколько судов одного типа, несколько линейных кораблей, несколько бронированных крейсеров, несколько простых крейсеров, несколько миноносцев; между тем остатки наших судов не могут составить ни одной эскадры: эти остатки напоминают собой ту разношерстную кавалерию, о которой я только что упомянул, посаженную на разных коней, вооруженную разным оружием, обмундированную кто в кирасу, кто в китель, кто в мундир.

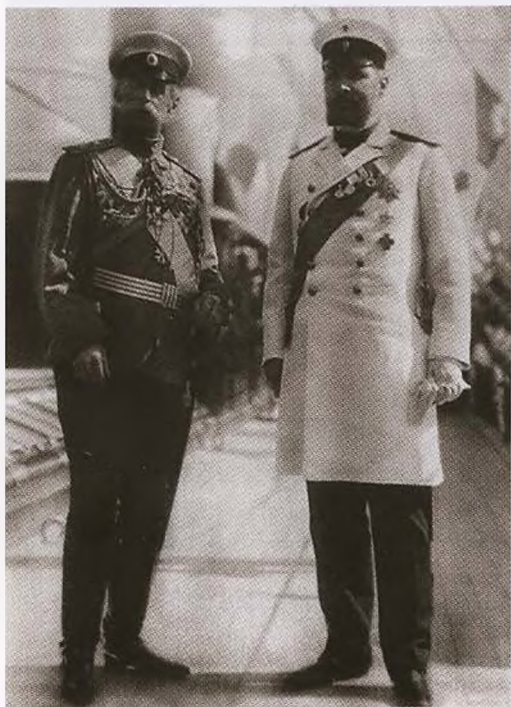
И вот перед правительством встал вопрос: что же — ожидать разрешения общих вопросов или остановиться на задаче использования остатков наших морских сил путем некоторого их пополнения и придания им хоть некоторого боевого значения? Правительство хорошо понимало, что ждать незамедлительного разрешения общих вопросов невозможно. Общая оборона государства — дело весьма сложное, затрагивающее интересы всех почти ведомств. Тут замешано не одно только Морское или Военное министерство. В ряды мер по обороне должно быть введено и ведомство путей сообщения, так как тут важна постройка стратегических железных дорог, и ведомство переселенческое, так как должен быть создан на Дальнем Востоке оплот из живых людей, и Министерство внутренних дел, так как кроме железных дорог для защиты страны нужны грунтовые дороги, нужны почты и телеграфы, затронута Министерство торговли, так как необходимо учесть и значение торгового флота.

Дело разрослось в вопрос громадного государственного значения, рассматривавшийся Советом министров, на журнале которого от 2 марта Государь Император положил такого рода резолюцию: «Общий план обороны государства должен быть выработан короткий и ясный на одно или два десятилетия, по его утверждению он должен неуклонно и последовательно быть приводим в исполнение».

Что же касается переустройства морского ведомства, то, несмотря на полное напряжение сил этого министерства, нельзя было требовать от него излишней, в ущерб качеству работы, спешности, излишней торопливости, в которой нас, правительство, только что в другой области так упорно обвиняли. Вам известно, господа, что со времени окончания войны в морском ведомстве были произведены спешные работы. С тех пор Государем Императором было утверждено образование должности помощника морского министра, что сняло с морского министра целый ряд хозяйственных забот. Был образован Морской генеральный штаб, было установ-

Петр Аркадьевич Столыпин — председатель Совета министров,
статс-секретарь. 1908 год.

В Полтаве
во время прибытия
Николая II
на торжества
200-летия
Полтавской победы.
26 июня 1909 года.

П. А. Столыпин
и министр Двора
барон Фредерикс
на «Штандарте»
в Риге.
Июль 1910 года.

П. А. Столыпин с сопровождающими Николая II лицами
в рижском парке. *Июль 1910 года.*

Столыпин беседует с хуторянином Лашенковым.

П. А. Столыпин
и А. В. Кривошеин
на хуторах
под Москвой.
Август 1910 года.

На хуторе.

В Правительствующем сенате. 2 марта 1911 года.

Крестный ход. Киево-Печерская лавра, 29 августа 1911 года.

В Киеве. 29 августа 1911 года.

В Киеве. 30 августа 1911 года.

Киев. Представление императору Николаю II
депутаций монархических организаций.

Киев. Представление императору Николаю II еврейской делегации.

Киев. Поднесение хлеба-соли крестьянскими депутатами.

Высочайший смотр потешных в Киеве.
Столыпин за 6 часов до покушения.

П. А. Столыпин скончался. 5 сентября 1911 года.

Перенесение гроба с телом П. А. Столыпина
из частной хирургической больницы.

Траурная процессия в Киево-Печерскую лавру. 7 сентября 1911 года.

При подходе
к Киево-Печерской
лавре.
7 сентября
1911 года.

Временный холм
над могилой
П. А. Столыпина.

Венки П. А. Столыпину.

Убийца Д. Богров.

Мраморный крест на могиле П. А. Столыпина.

Памятник П. А. Столыпину, открытый 1 сентября 1912 года перед зданием Киевской городской думы.

лено новое, автономное устройство судостроительных заводов. Наконец, в самое последнее время, придана новая организация высшему командованию флотом. Об этих реформах мною упоминалось в комиссии государственной обороны, и если беспристрастно судить, то нужно признать, что за последнее время больше сделано в этой области, чем за целое десятилетие.

Много, господа, и осталось сделать, и многое еще будет совершено. Но нет, нет, господа, той волшебной палочки, от соприкосновения которой в один миг может переустроиться целое учреждение. Поэтому, если ожидать окончательного переустройства ведомства, если ожидать ассигнования колоссальных сумм на приведение в исполнение полной программы судостроения, то в деле приведения в порядок обломков нашего флота, наших морских сил, расстроенных последней войной, пришлось бы примириться с довольно продолжительной остановкой.

К чему же, господа, привела бы такая остановка? На этом не могло не остановить своего внимания правительство. Вникните, господа, в этот вопрос и вы. Первым последствием такой остановки, о которой красноречиво говорили некоторые из предыдущих ораторов, было бы, несомненно, расстройство наших заводов, на которое я указывал в комиссии государственной обороны и на что мне обстоятельно никто не возразил. То, что в других государствах оберегается, бережно наращивается, развивается технический опыт, знание, сознание людей, поставленных на это дело, все то, что нельзя купить за деньги, все то, что создается только в целый ряд лет, в целую эпоху, все это должно пойти на убыль, все это должно прийти в расстройство.

Член Государственной думы Львов говорил о том, что не было бы беды, если бы наши заводы сократили несколько свою работу; но, господа, другие страны находят, что национальное судостроительство является плодом усилий целых поколений, результатом национального порыва, который достигим только с громадным напряжением сил. Всякий регресс, всякий шаг назад в этой области уже ведет к расстройству этого дела. Морской министр в комиссии приводил цифры, говорил о том, что для поддержания наших заводов на теперешнем уровне нам нужно заказов на 22 миллиона рублей в год. В настоящее время заводы имеют заказов только на 11 миллионов рублей и то только на один год. Вторым последствием остановки была бы необходимость обучать личный состав на тех отдельных разношерстных судах, о которых я вам говорил.

Член Государственной думы Бабянский доказывал вчера, что можно обучать личный состав и нижних чинов, и офицеров на тех двух броненосцах, которые имеются в Балтийском море. Но, господа, судите сами, какое же возможно эскадренное учение, какая же возможна стрельба, какое возможно эскадренное маневрирование без эскадры. Возможно ли обучение, воспитание механиков, раз мы не имеем усовершенствованных механизмов? Нас, с одной стороны, упрекали в том, что морское ведомство заказывало такие суда, как «Рюрик», которые являлись отсталыми; с другой стороны, град упреков был обращен на нас за то, что мы хотим заказывать суда новейшего устройства, как тут насмешливо было сказано, «сверх-корабли» — «дредноуты». Но третье последствие остановки в устройстве наших морских сил было бы длительное беспомощное положение России в отношении морской обороны. Несмотря на полное наше миролюбие, я думаю, что такая беспомощность не соответствует мировому положению России.

Вот, господа, те доводы, которые побудили нас испрашивать у вас не утверждения полной программы кораблестроения, а временно, до установления плана общей обороны государства, постройки только четырех броненосцев в течение четырех лет для того, чтобы несколько пополнить расстроенные ряды нашего флота и придать им некоторый боевой смысл. Я старался обрисовать вам, господа, что выигрывает государство принятием правительственного предложения; я должен при этом еще упомянуть, что постройка этих 4 броненосцев не идет вразрез ни с одной из программ судостроения. Эти 4 броненосца входят во все программы. Они будут служить для осуществления любой из них, хотя бы на первом плане была поставлена программа укрепления наших морских сил на Дальнем Востоке. Таким образом от принятия правительственного предложения не может последовать для государства никакого ущерба.

Останавливаясь на том, что может побудить Государственную думу отказать правительству в ничтожной, сравнительно с общим нашим бюджетом, сумме в 11 250 000 рублей, надо прийти к логическому выводу, что здесь, как и говорил член Государственной думы Гучков, надо искать мотивов симптоматичного, педагогического свойства. Очевидно, большинство Государственной думы хочет хирургическим образом избавить морское ведомство от одержимой им болезни. Большинство Думы полагает, что после нанесенного ему удара, после того шока, который ему готовится, Морское министерство станет на новый путь плодотворной работы.

Я думаю, что это не так. Я думаю, что, кроме того реального ущерба, о котором я упоминал, вы нанесете флоту еще громадный нравственный ущерб. Вы, господа, верите в силу реорганизации учреждения. Несмотря на то, что, независимо от готовящегося вами удара, ведомство это будет реорганизовано, нельзя все же не признать, что главная сила не в учреждении, а в людях. Людей, господа, мало во всех учреждениях, мало их и в морском ведомстве, и, может быть, еще меньше потому, что, как указывал член Государственной думы Капустин, лучшие, быть может, силы фронта лежат теперь на дне океана. Но как-никак, а те лица, те новые люди, которые поставлены во главе ответственных частей флота, должны же чувствовать, должны сознавать, какая колоссальная задача возложена на них, какая их тяготит ответственность! И не думаете ли вы, что ваш отказ в кредитах переложит эту ответственность с них на вас?

Вы говорите, господа, что вы отказываете в кредите только на несколько месяцев, — но так ли это? Вы ждете реорганизации ведомства? Реорганизовать ведомство можно в несколько месяцев — но можно ли в тот же короткий срок дожидаться результатов реформы? Чем через несколько месяцев может похвалиться перед вами морское ведомство? Работой ли заводов, расстроженных тем, что им не будут даны заказы, личным ли составом, обескураженным неопределенностью своего положения? Нет, господа, я лично уверен, что и через несколько месяцев вы найдете, что еще не наступил момент для ассигнования средств на судостроительство.

Господа, ваши нападки, ваши разоблачения сослужили громадную услугу флоту, они принесли и громадную пользу государству; более того, я уверен, что при наличии Государственной думы невозможны уже те злоупотребления, которые были раньше. (*Продолжительные рукоплескания.*) Господа, я пойду дальше, я скажу, что, быть может, морское ведомство еще не доказало того, что в настоящую минуту возможно доверить ему те сотни миллионов, которые необходимы на выполнение общей программы нового судостроения. Но, господа, не лишайте же морское ведомство возможности доказать вам это, не расстраивайте это ведомство в корне. Ведь, господа, во всех ведомствах есть неустройства. Нельзя же преграждать учреждениям и людям возможность доказывать желание улучшить положение, нельзя всех поголовно считать «рабами лукавыми».

Да, господа, для «лукавых рабов» нет лучшего разрешения вопроса, чем предлагаемый вами. Ведь они, на основании вашего решения, могут предаться полному ничегонеде-

ланию. *(Смех слева.)* Ведь, господа, для лукавых рабов ваше решение будет мягкой подушкой для сладкого сна. *(Смех слева.)* Господа, нельзя наказывать гимназиста, срезавшегося на экзамене, лишением его учебных книг, учебных пособий. *(Смех слева; возгласы справа: браво.)* А вы делаете нечто подобное с флотом *(рукоплескания справа и в центре)*... и, может быть, делаете худшее.

Вы хирурги, собравшиеся вокруг одурманенного больного. Больной этот — флот, ошеломленный вашей критикой. Вы, господа, взяли ланцеты и режете его, потрошите его внутренности, но одна неловкость, одно неосторожное движение, и вы уже будете не оперировать больного, а анатомировать труп. Господа! Я верю, что ваше решение, каково бы оно ни было, будет продиктовано вам велением вашей совести и тем чистым патриотизмом, о котором говорил тут член Государственной думы Пуришкевич, — этим и ничем более. Вы станете выше партийных расчетов, выше фракционной тактики. Не сетуйте, господа, если и правительство высказало вам свое мнение прямо и определенно.

Я уверен, что всякая заминка в деле флота будет для него гибельной, нельзя на полном ходу останавливать или давать задний ход машине — это ведет к ее поломке. Господа, в деле воссоздания нашего морского могущества, нашей морской мощи может быть только один лозунг, один пароль, и этот пароль — «вперед». *(Рукоплескания справа и в центре.)*

Приложение 11

РЕЧЬ О ПОСТРОЙКЕ АМУРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 31 МАЯ 1908 ГОДА

Вопрос о постройке Амурской железной дороги настолько исчерпан, что я не позволю себе утомлять внимание Государственного совета положительной стороной этого дела. Я в Государственной думе приводил доказательства в пользу постройки этой железной дороги. Против этого говорили многие члены Государственной думы, а здесь члены Государственного совета. Я полагаю, что у г. г. членов Государственного совета сложилось совершенно определенное мнение как за, так и против приведенных доводов и решение их зависит в настоящее время от того субъективного впечатления, в которое вылилась в их глазах вся совокупность аргумента-

ций как сторонников, так и противников этого предприятия. Если я все же несколько неожиданно для самого себя вступил сегодня на эту кафедру, то только для того, чтобы внести самые краткие поправки к тем доказательствам, которые были приведены противниками этой дороги. Мне кажется, что это будет способствовать выяснению вопроса, а следовательно, и более безошибочному его разрешению.

Я с самого начала должен упомянуть, что правительство с полнейшим уважением и серьезностью отнеслось к доводам противников железной дороги, понимая всю тяжесть ответственности, которую чувствуют при разрешении этого важного дела г. г. члены этого высокого учреждения, ответственности, быть может, двойной, так как Верхняя палата призвана высказать свой взгляд по существу вопроса, считаясь с уже принятым решением Государственной думы.

Поправки свои я разобью по категориям соответственно доводам противников.

Мне кажется, что самый главный и самый сильный довод — это довод финансового свойства, но на нем подробно остановился министр финансов. Я полагаю, что он вас убедил, что Россия не дошла еще до такого положения, чтобы отказываться от защиты интересов, которые для нее являются жизненными. К чему же, поэтому, сведен весь вопрос? К тому: не есть ли постройка железной дороги просто плод правительственного легкомыслия. Нужно ли направлять финансовые силы государственного казначейства и экономические силы страны именно в этом направлении? Может быть, существуют какие-либо другие нужды, более важные и настоятельные.

Хотя вопрос финансовый очень подробно был разъяснен министром финансов, я не могу не отметить, что и мне несколько странными показались как будто бы преувеличенные расчеты, которые были приведены противниками железной дороги. Сначала стоимость дороги исчислялась в 300 миллионов рублей, затем эта цифра возросла до 500 миллионов и, наконец, до 800 миллионов. Были приняты в расчет и дальневосточные крепости, и Китайская дорога, и усиление Уссурийской железной дороги. К этому были прибавлены расходы по восстановлению материальной части войск, и цифра возросла уже до 1100 миллионов рублей. Сюда затем были почему-то отнесены и убытки по Китайской восточной дороге. В конце концов, цифра вышла настолько колоссальной, что предприятие Амурской железной дороги могло показаться уже и совершенно нелепым.

Я не буду возражать ни против необходимости дальнево-

сточных крепостей, ни против второй колеи Сибирской железной дороги, ни против усиления Уссурийской железной дороги — все это необходимо. Но мне кажется, что эти потребности отнюдь не вытекают из предположений правительства по постройке Амурской железной дороги. Я понимаю довод оппозиции о необходимости располагать расходы по степени их важности, но для меня несомненно, что постройка Амурской железной дороги не увеличит, а уменьшит расходы по другим предприятиям. Ведь несомненно, что при наличности Амурской железной дороги придется Дальний Восток снабжать меньшим количеством войска, а следовательно, придется строить меньшее количество казарм; что касается второй колеи Сибирской железной дороги, то никто и не спорит против необходимости проведения этой колеи, но странно при этом оспаривать потребность в продолжении этой второй колеи, каковой и является Амурская железная дорога.

Что касается защиты Китайской восточной железной дороги и тех денег, которые она стоит, то это к данному вопросу как будто и совершенно уже не относится. Таким путем можно дойти до совершенной нелепости. Можно, например, на Амурский счет отнести и второй мост на Волге; а при большом напряжении изобретательности — и Охтенский мост в Петербурге. Во всяком случае в конце концов ясно, что и с финансовой стороны, как выразился министр финансов, это предприятие не есть нелепость — это предприятие для государства посильное. Вместе с тем, так как в дело это введен принцип известного рода постепенности, то очевидно, что всякое ассигнование на дорогу будет разрешаться в соответствии с другими культурными нуждами страны.

На этом придется остановиться несколько дольше.

Один из членов Государственного совета очень образно разъяснил, каким образом государственный корабль перегружается, каким образом он ушел в море ниже ватерлинии, вследствие чего появляется уже страх, что корабль может перевернуться. Мне кажется, что после того несчастья, которое мы пережили, после ужасной войны, которая потрясла весь государственный организм до самых основ, нам придется еще долго тратить деньги и испрашивать ассигнования двоякого рода: на меры культурных начинаний и на меры восстановления физической мощи страны. Ведь вам, несомненно, долго еще после окончания постройки Амурской железной дороги придется одновременно ассигновывать большие средства, с одной стороны на усиление армии, может быть, на устройство крепостей, на сооружение стратегических до-

рог, а с другой стороны на школы, на землеустройство, на переселение, на улучшение административного устройства.

Таким образом эти расходы пойдут по двум параллельным руслам. Мне кажется, что мудрость решающей инстанции будет заключаться в том, чтобы наметить в каждой из этих областей расходов то, что окажется нужным поставить в первую голову на первое место, и на этом уже остановиться и добиться определенного результата, добиться выполнения намеченной задачи. Поэтому если признать, что в ряде параллельных мер меры по обороне государства должны начаться с постройки Амурской дороги так же, как меры по внутреннему переустройству должны начаться с того или другого культурного мероприятия, то и к той и к другой мере должен быть приложен принцип безостаточного действия, принцип полного государственного напряжения. В просторечье это называется — принаутужиться.

Вот это, господа, и вызвало недоразумение, так как это напряжение в одном направлении всех государственных сил квалифицируется оппозицией как поспешность, торопливость правительства. Мне кажется, что тут торопливости нельзя видеть никакой, так как с самого начала правительство всегда указывало, что дозирование расходов на Амурскую дорогу и постепенность их ассигнования будут зависеть от законодательных учреждений, которые будут рассматривать эти вопросы в порядке сметных назначений. Несомненно, что законодательные учреждения учтут, насколько могут быть напряжены финансовые силы страны, насколько может быть натянута струна.

Указание члена Государственного совета Стаховича¹ на то, что мы совершенно забываем другие насущные, культурные нужды государства, и другие вызывающие недоразумения упреки оппозиции должны отпасть еще и по другим причинам. Для внесения их надлежит обратиться к другим нападкам на нецелесообразность того, что некоторые называют здесь Амурской авантюрой. Оппозиция, видимо, употребила здесь стратегический или скорее тактический прием, все мотивы правительства были расчленены на отдельные части и затем была сделана попытка разбить эти расчлененные мотивы, каждый в отдельности. Между тем нигде, быть может, более, чем в данном деле, в деле Амурской железной дороги, не соединены так гармонично совершенно разнообразные интересы, военный, политический и экономический.

¹ М. А. Стахович — действительный статский советник, один из организаторов «Союза 17 октября». — *Прим. ред.*

Быть может, если мотивы правительства брать в отдельности, то можно еще доказывать, что постройка Амурской дороги несвоевременна, но если взять все эти мотивы в совокупности, то для России представляется неизбежным задачу эту осилить. Рассматривая мнение 10 членов Государственного совета, вставших в оппозицию к этому делу, я, к изумлению своему, нашел некоторые мотивы для меня непонятные. Так, например, говоря о чрезвычайной стоимости этого сооружения, приводят такой мотив: до сооружения Амурской железной дороги план защиты дальневосточной нашей окраины мог быть комбинирован так или иначе, но вопрос о сооружении крепостей остается открытым.

Несомненно, господа, это призыв к полной бездеятельности. В порядке сокращения расходов это, безусловно, способ дешевый, но точно так же самым дешевым способом жизни было бы ничего не есть, не одеваться, ничего не читать — но нельзя при этом считать себя великим и мужественным. Народ сильный и могущественный не может быть народом бездеятельным. Я иду дальше по пути стратегических соображений отдельного мнения 10 членов Государственного совета. Я положительно не усваиваю себе указания на преимущество Китайской восточной дороги в стратегическом отношении и не понимаю, каким образом может быть придано какое-либо стратегическое значение Маньчжурской линии, проходящей по чужой территории.

Непонятен мне и упрек в уязвимости того направления Амурской железной дороги, которое принято или предположено правительством. Я должен сказать, что в этом отношении правительство руководствовалось мнением компетентных учреждений; оно иначе, конечно, в этом вопросе и не могло действовать, но если говорить об уязвимости, то уязвимым может быть всякое сооружение; тогда не надо строить ни кораблей, ни крепостей, так как они тоже уязвимы. Дело искусства полководца — оградить в трудную минуту уязвимое место и использовать его возможно лучше!

Говоря о направлении дороги, я должен вернуться к одному недоразумению: тут говорилось о том, что комиссия Государственного совета указала на одно направление, которым пренебрегло правительство, — о направлении на Николаевск. Член Государственного совета Стахович упомянул о том, что следствием этого явился пункт 3 так называемой Правительственной декларации, в котором говорится, что правительство распоряжение строительными работами будет ставить в зависимость от производства на широком основании изысканий.

Это толкование, безусловно, неверно, так как пункт 1-й заявления правительства твердо устанавливает, что дорога будет проводиться от Куенги до Хабаровска. От этого принципа правительство отступить не может. Северное направление прямо на Николаевск не было принято правительством, так как нельзя же было нарочито выбирать для проведения железной дороги совершенно бесплодную, ненаселенную местность, раз в предположения правительства входило эту местность заселить и использовать ее в целях переселения. Таким образом, совершенно верно то, что сказал министр путей сообщения, что это дело второй очереди, что, несомненно, наступит время, когда Николаевск будет связан железной дорогой, но будет связан с одним из промежуточных пунктов Амурской железной дороги.

Что касается повторявшегося и тут неоднократно вопроса об окитаянии железной дороги, то я точно так же не могу понять рекомендуемого тут средства наложить, в предотвращение окитаяния, какое-то «табу» на весь этот край. Рекомендуют, насколько возможно, приуменьшить энергию и деятельность правительства в этой области, чтобы не создать приманки для китайцев. Но ведь, господа, я говорил в Государственной думе и тут повторяю, что просачивание желтой расы, диффузия существует уже в настоящее время, и вы не остановите законов природы. Предлагают поставить его просачивание в наиболее благоприятные условия путем совершенного устранения соревнования русских колонистов.

В настоящее время, даже если руководствоваться предположением члена Государственного совета Стаховича, совершенно забыть о железной дороге и дать 300 миллионов рублей исключительно на колонизацию Забайкальской и Амурской областей, то и такое героическое средство при отсутствии дороги не поведет к заселению этих областей. Послушайте людей, которые там живут и которые управляют этими областями. Ведь есть время года, когда из Забайкальской области в Амурскую можно пролететь только на воздушном шаре. Тот крестьянин, который ищет места для переселения, предпочтет, конечно, поехать по железной дороге в Уссурийский край, чем доехать до Сретенска и затем сотни верст проходить по тундре пешком.

В числе стратегических мотивов в особом мнении 10 членов Государственного совета было приведено еще одно соображение. Я читаю на странице 10 этого мнения, что не следует особенно напрягать государственные средства для обороны этой пустынной области, что нужно придерживаться теперешних способов ее обороны. Я спрашиваю, что зна-

чит теперешний способ обороны? Мне кажется, что мы испытали этот способ в прошлую войну и он привел нас к крайне печальным результатам. Мне кажется, что надо пользоваться минутами политической передышки, пользоваться для того, чтобы спешно укреплять государство, хотя бы и ослабленное предыдущим поражением.

Вчера я выслушал тут еще один упрек: было высказано, что правительство прибегло, для того, чтобы добиться своей цели, к патриотическому стимулу, слишком преувеличило опасность положения края. Тут повторили мои слова в Государственной думе, что этот край теперь находится в таком опасном положении, что скоро может отпасть, отсохнуть, безболезненно отвалиться. Но, господа, я имел в виду не только одну стратегическую опасность, тут опасность другая и очень большая.

Эта опасность — опасность мирного завоевания края чужестранцами.

Господа, эту опасность пренебрегать нельзя, так как край этот нельзя приравнивать, как это было тут сделано, к побережью Ледовитого океана, это не край, который можно было бы забросить, а край, которым заняться мы обязаны. Упрекали правительство в том, что нет достаточных изысканий, что трудно решаться на такой значительный расход, на такое колоссальное предприятие, когда мы не знаем, на что мы отпускаем эти деньги, но я должен обратить ваше внимание на то, что ведь этот край не вновь завоеван, он находится во власти России уже десятилетия. У нас есть реальные факты относительно добычи в нем металлов, цифры весьма интересные по этому вопросу (я не хочу утомлять вас ими) находятся в распоряжении министра финансов; есть сведения о приобретении в Амурской области пшеницы для Приамурского военного округа, цифры в подкрепление этого приводились приамурским генерал-губернатором в комиссиях Государственного совета. Эти цифры растут с каждым годом, теперь они уже превышают 1 миллион пудов.

Я совершенно не противник детальных обследований, но мне кажется, что эти детальные обследования должны идти параллельно с правительственным действием, с постройкой железной дороги. Все мы помним, господа, какое удручающее впечатление производили на нас, скажем, на людей провинции, те многотомные, весьма почтенные изыскания, которые производились в течение многих лет и которые в конце концов ни к какому действию правительства не приводили. Не будет ли в этом отношении жизненнее, здоровее, если все такого рода изыскания, вроде комитетов по обслед-

дованию сельскохозяйственной промышленности и других комиссий, следовали бы параллельно с правительственной работой, в данном случае с постройкой железной дороги?

Не забывайте, господа, что у России нет и не будет других колоний, что наши дальневосточные владения являются единственными нашими колониальными владениями, что у нас нет другого на востоке входа в море. Если судьба нас поставила в особенно благоприятные условия, если от наших колоний нас не отделяет большое водное пространство, то ясно, что насущной для России потребностью является соединение этих дальних владений железным путем с метрополией.

Тут я опять-таки обращаюсь к соображениям члена Государственного совета Стаховича. Он это предприятие относит к разряду тех, которые утолщают броню и перегружают корабль. Едва ли это так! Амурская дорога — предприятие несомненно культурное, так как оно приближает к сердцевине государства наши ценные колониальные владения. Мне кажется, что если бы можно было перекинуть железную арку от Сретенска в Хабаровск и далее во Владивосток и построить по этой арке железную дорогу, в совершенно безопасных условиях, то эту железную дорогу пришлось бы поставить в более опасные условия, спустив ее на землю на мерзлую тундру, так как к ней русский человек должен приложить свой труд, труд, который уже окупается, в котором нуждается русский человек и с каждым годом будет более нуждаться.

Я отдаю себе отчет, насколько трудную минуту мы переживаем. Но если в настоящее время не сделать над собою громадного усилия, не забыть о личном благосостоянии и встать малодушно на путь государственных утрат, то, конечно, мы лишим себя права называть русский народ народом великим и сильным.

Теперь два слова по поводу мнения четырех членов Государственного совета. Нас обвинили в неожиданном выступлении с так называемой Правительственной декларацией, в противоречии ее с решением Государственной думы. Я, однако, принужден подтвердить, что на заявлении этом правительство настаивает, что оно ни в чем не идет вразрез с решением Государственной думы, ни в чем ему не противоречит. Если наше мнение сходится с мнением правительства и с намерениями его приступить энергично к постройке Амурской дороги, с запада на восток, то внесение новых редакционных поправок в Думский законопроект поведет в настоящее время, конечно, лишь к отсрочкам, притом к отсрочкам для дела опасным, и будет принято правительством как выражение полного к нему недоверия.

РЕЧЬ О ЗЕМЕЛЬНОМ ЗАКОНОПРОЕКТЕ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВЕ КРЕСТЬЯН, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 5 ДЕКАБРЯ 1908 ГОДА

Господа члены Государственной думы!

Если я считаю необходимым дать вам объяснение по отдельной статье, по частному вопросу, после того, как громадное большинство Государственной думы высказалось за проект в его целом, то делаю это потому, что придаю этому вопросу коренное значение. В основу закона 9 ноября положена определенная мысль, определенный принцип. Мысль эта, очевидно, должна быть проведена по всем статьям законопроекта; выдернуть ее из отдельной статьи, а тем более заменить ее другой мыслью, значит, исказить закон, значит, лишить его руководящей идеи. А смысл закона, идея его для всех ясна. В тех местностях России, где личность крестьянина получила уже определенное развитие, где община как принудительный союз ставит преграду для его самостоятельности, там необходимо дать ему свободу приложения своего труда к земле, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью; надо дать ему власть над землею, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя. *(Голоса в центре и справа: браво.)*

Закон вместе с тем не ломает общины в тех местах, где хлебопашество имеет второстепенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли. Если, господа, мысль эта понятна, если она верна, то нельзя вводить в закон другое понятие, ей противоположное; нельзя, с одной стороны, исповедовать, что люди созрели для того, чтобы свободно, без опеки располагать своими духовными силами, чтобы прилагать свободно свой труд к земле так, как они считают это лучшим, а с другой стороны, признавать, что эти самые люди недостаточно надежны для того, чтобы без гнета сочленов своей семьи распоряжаться своим имуществом.

Противоречие это станет еще более ясным, если мы дадим себе отчет в том, как понимает правительство термин «личная собственность» и что понимают противники законопроекта под понятием «собственности семейной». Личный собственник, по смыслу закона, властен распоряжаться своей землей, властен закрепить за собой свою землю, властен требовать отвода отдельных участков ее к одному мес-

ту; он может прикупить себе земли, может заложить ее в Крестьянском банке, может, наконец, продать ее. Весь запас его разума, его воли находится в полном его распоряжении: он в полном смысле слова кузнец своего счастья. Но, вместе с тем, ни закон, ни государство не могут гарантировать его от известного риска, не могут обеспечить его от возможности утраты собственности, и ни одно государство не может обещать обывателю такого рода страховку, погашающую его самодеятельность.

Государство может, оно должно делать другое: оно должно обеспечить определенное владение не тому или иному лицу, а за известной группой лиц, за теми лицами, которые прилагают свой труд к земле; за ними оно должно сохранить известную площадь земли, а в России это площадь земли наделной. Известные ограничения, известные стеснения закон должен налагать на землю, а не на ее владельца. Закон наш знает такие стеснения и ограничения, и мы, господа, в своем законопроекте ограничения эти сохраняем: наделная земля не может быть отчуждена лицу иного сословия; наделная земля не может быть заложена иначе, как в Крестьянский банк; она не может быть продана за личные долги; она не может быть завещана иначе, как по обычаю.

Но что такое семейная собственность? Что такое она в понятиях тех лиц, которые ее защищают, и для чего она необходима? Ею, во-первых, создаются известные ограничения, и ограничения эти относятся не к земле, а к ее собственнику. Ограничения эти весьма серьезны: владелец земли, по предложению сторонников семейной собственности, не может, без согласия членов семьи, без согласия детей домохозяина, ни продавать своего участка, ни заложить его, ни даже, кажется, закрепить его за собой, ни отвести надел к одному месту: он стеснен во всех своих действиях. Что же из этого может выйти?

Возьмем домохозяина, который хочет прикупить к своему участку некоторое количество земли; для того, чтобы заплатить верхи, он должен или продать часть своего надела, или продать весь надел, или заложить свою землю, или, наконец, занять деньги в частных руках. И вот дело, для осуществления которого нужна единая воля, единое соображение, идет на суд семьи, и дети, его дети, могут разрушить зрелое, обдуманное, может быть, долголетнее решение своего отца. И все это для того, чтобы создать какую-то коллективную волю?! Как бы, господа, не наплодить этим не одну семейную драму. Мелкая семейная община грозит в будущем и мелкою чересполосицей, а в настоящую минуту

она, несомненно, будет парализовать и личную волю, и личную инициативу поселянина.

Во имя чего все это делается?

Думаете ли вы этим оградить имущество детей отцов пьяных, расточительных или женившихся на вторых женах? Ведь и в настоящее время община не обеспечивает их от разорения; и в настоящее время, к несчастью, и при общине народился сельский пролетариат; и в настоящее время собственник надельного участка может отказаться от него и за себя, и за своих совершеннолетних сыновей. Нельзя создавать общий закон ради исключительного, уродливого явления, нельзя убивать этим кредитоспособность крестьянина, нельзя лишать его веры в свои силы, надежд на лучшее будущее, нельзя ставить преграды обогащению сильного для того, чтобы слабые разделили с ним его нищету.

Не разумнее ли идти по другому пути, который широко перед вами развил предыдущий оратор, гр. Бобринский Второй? Для уродливых, исключительных явлений надо создавать исключительные законы; надо развить институт опеки за расточительность, который в настоящее время Сенат признает применимым и к лицам сельского состояния. Надо продумать и выработать закон о недробимости участков. Но главное, что необходимо, это, когда мы пишем закон для всей страны, иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых. *(Рукоплекскания центра.)*

Господа, нужна вера. Была минута, и минута эта недалека, когда вера в будущее России была поколеблена, когда нарушены были многие понятия; не нарушена была в эту минуту лишь вера Царя в силу русского пахаря и русского крестьянина. *(Рукоплекскания справа и в центре.)* Это было время не для колебаний, а для решений. И вот, в эту тяжелую минуту правительство приняло на себя большую ответственность, проведя в порядке ст. 87 закон 9 ноября 1906 г., оно делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных. Таковых в короткое время оказалось около полу-миллиона домохозяев, закрепивших за собой более 3 200 000 десятин земли. Не парализуйте, господа, дальнейшего развития этих людей и помните, законодательствуя, что таких людей, таких сильных людей в России большинство. *(Рукоплекскания центра и отдельные — справа.)*

Многих смущает, что против принципа личной собственности раздаются нападки и слева, и справа, но левые, в данном случае, идут против принципов разумной и настоящей свободы. *(Голос слева: здорово; голос из центра: верно.)* Неужели не ясно, что кабала общины, гнет семейной собственнос-

ти является для 90 миллионов населения горькой неволей? Неужели забыто, что этот путь уже испробован, что колоссальный опыт опеки над громадной частью нашего населения потерпел уже громадную неудачу? (*Голос из центра*: верно.)

Нельзя возвращаться на этот путь, нельзя только на верхах развешивать флаги какой-то мнимой свободы. (*Голос из центра*: bravo.) Необходимо думать и о низах, нельзя уходить от черной работы, нельзя забывать, что мы призваны освободить народ от нищенства, от невежества, от бесправия. (*Бурные рукоплескания центра и на некоторых скамьях справа; голос слева*: а от виселиц?) И настолько нужен для переустройства нашего царства, переустройства его на крепких монархических устоях, крепкий личный собственник, настолько он является преградой для развития революционного движения, видно из трудов последнего съезда социалистов-революционеров, бывшего в Лондоне в сентябре настоящего года.

Я позволю себе привести вам некоторые положения этого съезда. Вот то, между прочим, что он постановил: «Правительство, подавив попытку открытого восстания и захвата земель в деревне, поставило себе целью распылить крестьянство усиленным насаждением личной частной собственности или хуторским хозяйством. Всякий успех правительства в этом направлении наносит серьезный ущерб делу революции». (*Бурные рукоплескания центра*.) Затем дальше: «С этой точки зрения современное положение деревни прежде всего требует со стороны партии неуклонной критики частной собственности на землю, критики, чуждой компромиссов со всякими индивидуалистическими тяготениями».

Поэтому сторонники семейной собственности и справа, и слева, по мне, глубоко ошибаются. Нельзя, господа, идти в бой, надевши на всех воинов броню или заговорив всех их от поранений. Нельзя, господа, составлять закон, исключительно имея в виду слабых и немощных. Нет, в мировой борьбе, в соревновании народов почетное место могут занять только те из них, которые достигнут полного напряжения своей материальной и нравственной мощи.

Поэтому все силы и законодателя, и правительства должны быть обращены к тому, чтобы поднять производительные силы единственного источника нашего благосостояния — земли. Применением к ней личного труда, личной собственности, приложением к ней всех, всех решительно народных сил необходимо поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощенную землю, так как земля — это залог нашей силы в будущем, земля — это Россия. (*Бурные рукоплескания центра и на некоторых скамьях справа; иронические восклицания слева*.)

**РЕЧЬ О ВЕРОИСПОВЕДНЫХ ЗАКОНОПРОЕКТАХ
И О ВЗГЛЯДЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА НА СВОБОДУ
ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 22 МАЯ 1909 ГОДА**

Господа члены Государственной думы!

Внесенные правительством вероисповедные законопроекты породили уже целую литературу, сделались предметом оживленных прений в политических кругах и волнуют не только лиц, близко стоящих к вопросам веры, но и равнодушных к ней, видящих в том или другом их разрешении признак, знамение общего направления нашей внутренней политики. Поэтому я думаю, что помогу сокращению прений и более скорому рассмотрению дела, если теперь же, немедленно после докладчика, не ожидая общих прений, изложу точку зрения правительства на этот вопрос и постараюсь рассеять некоторые возникшие, по моему мнению, вокруг него недоразумения.

Напомню вам, прежде всего, что начало религиозной свободы в России положено тремя актами Монаршего волеизъявления: Указом 12 декабря 1904 г., Указом 17 апреля 1905 г. и Указом 17 октября 1905 г. Утруждать вас повторением содержания этих актов, хорошо всем известных, я не буду; упомянул же я о них потому, что значение, чрезвычайное значение их содержания породило необходимость, после их издания, в некоторых действиях со стороны правительства — в сторону изменения многих из существующих уголовных и гражданских норм. Не говоря о целом ряде административных стеснений, противоречащих принципу вероисповедной свободы, которые тогда же были отменены, в том же административном порядке, в котором они были изданы, осталась еще обширная область действующего законодательства, требующая изменений и дополнений в законодательном порядке, сообразно возведенным Монархом новым началам.

Дарование свободы вероисповедания, молитвы по велениям совести каждого вызвало, конечно, необходимость отменить требование закона о согласии гражданской власти на переход из одного вероисповедания в другое, требование разрешения совершать богослужения, богомоления, сооружать необходимые для этого молитвенные здания. Вместе с тем явилась необходимость определения условий образования и действий религиозных сообществ, определе-

ния отношения государства к разным исповеданиям и к свободе совести, причем все эти преобразования не могли получить осуществления вне вопроса о тех преимуществах, которые сохранены основными законами за Православной Церковью.

На правительство, на законодательные учреждения легла, таким образом, обязанность пересмотреть нормы, регулирующие в настоящее время вступление в вероисповедание и выход из него, регулирующие вероисповедную проповедь, регулирующие способ осуществления вероисповедания, наконец, устанавливающие те или другие политические или гражданские ограничения, вытекающие из вероисповедного состояния. Но, вступая в область верования, в область совести, правительство, скажу даже — государство, должно действовать крайне бережно, крайне осторожно. Не всегда, как верно заметил докладчик, не всегда в этой области чисто гражданские отношения строго отграничены от церковных, и часто они тесно между собою переплетаются. Отсюда возникает вопрос: какое же участие в установлении нового вероисповедного порядка в стране должна принимать церковь господствующая, Православная Церковь?

Я оставлю в стороне инославные, иноверные исповедные вопросы, скажем, вопрос о переходе католика в лютеранство и обратно или о смешанных браках между протестантами, магометанами и евреями, которые допущены и существующими законами. Православная Церковь в этих вопросах не заинтересована, и я думаю, что мало кто в настоящее время будет держаться той точки зрения, в силу которой Святейший правительствующий синод в 30-х годах XVIII века ведал делами католического, лютеранского и даже еврейского духовенства. Но Православная Церковь сильно затронута в тех вопросах, которые касаются отношения государства к православной вере, к Православной Церкви и даже к другим вероучениям, поскольку они соприкасаются с православием, например, в вопросе о смешанных браках. И вот, поскольку можно судить по современной прессе, по доходящим до правительства и до общества партийным политическим откликам, и в настоящее время существует, между прочим, мнение, что все вопросы, связанные с церковью, подлежат самостоятельному единоличному вершителству церкви.

Оговариваюсь, что это не есть мнение, высказанное Святейшим правительствующим синодом, но это мнение, должен сказать, имеет за собою некоторый как бы исторический прецедент. Вспомним, господа, времена патриаршества,

вспомним положение патриарха в московский период русского государства, подведомственный ему приказ, суды, темницы. Конечно, внешние признаки патриаршей власти имеют мало отношения к затронутому мною вопросу, они принадлежат скорее к области исторического воспоминания, но, повторяю, все же существует мнение о том, что церковь должна сама определять свои права, свое положение в государстве. Поэтому мнение это обходить молчанием не приходится.

На чем основано это мнение или, скорее, откуда оно выводится, я скажу дальше. Но ранее этого позвольте мне обратиться к вопросу о том, какое же было отношение государства к церковному законодательству в течение двух последних столетий? Какой в этом отношении сложился порядок со времени учреждения Святейшего синода? После уничтожения патриаршества, после уничтожения поместных соборов к Святейшему правительствующему синоду всецело перешла вся руководственно соборная власть. С этого времени в вопросах догмата, в вопросах канонических Святейший правительствующий синод действует совершенно автономно. Не стесняется Синод государственной властью и в вопросах церковного законодательства, восходящего непосредственно на одобрение Монарха и касающегося внутреннего управления, внутреннего устройства церкви. К этой области относятся, например, синодальное и консисторское законодательство, законодательство учебное, относящееся до академий, до семинарий, учебных духовных комитетов, касающееся церковных старост и много других еще вопросов.

Но независимо от этого, вполне самостоятельного церковного законодательства Святейший синод со времени его учреждения принимает живое участие также и в общей законодательной жизни страны, связывающей церковь с другими сторонами государственного строя, государственного управления. В этом отношении в большинстве случаев создался такой обиход: если какой-либо законопроект возникал в Святейшем синоде, то последний через обер-прокурора Святейшего синода запрашивал заключение заинтересованных ведомств. Если же законодательная инициатива возникла в том или другом министерстве, то министерство запрашивало со своей стороны заключение обер-прокурора Святейшего синода, но после этого всегда, во всех случаях, после разработки законопроекта, он поступал на государственное утверждение в общем законодательном порядке.

Я не буду приводить в доказательство этого положения много примеров из истории церковно-гражданского законодательства минувшего века, так как она изобилует скорее случаями излишнего и, скажу даже, неправильного вмешательства государственной власти в церковное законодательство; вспомним, например, случай о перенесении на ревизию в Государственный совет дела о браках в 6-й степени родства, причем мнение Государственного совета получило силу закона. Но я считаю необходимым указать на то, что все законодательные постановления в области взаимодействия господствующей церкви и признанных инославных и иноверных исповеданий всегда проходили в общем законодательном порядке и что провозглашение свободы вероисповедания последовало в порядке Высочайшего указа Правительствующему сенату, основанного на Высочайше одобренных суждениях Комитета министров.

Обращение к прошлому показывает, таким образом, что естественное развитие взаимоотношений церкви и государства повело к полной самостоятельности церкви в вопросах догмата, в вопросах канонических, к нестеснению церкви государством в области церковного законодательства, ведающего церковное устройство и церковное управление, и к оставлению за собой государством полной свободы в деле определения отношений церкви к государству.

Наука государственного права вполне подтверждает правильность такого порядка вещей. Говоря о господствующем исповедании, наш известный ученый Чичерин указывает на то, что государство, конечно, вправе наделять господствующую церковь и политическими, и имущественными правами. «Но, — говорит Чичерин, — чем выше политическое положение церкви в государстве, чем теснее она входит в область государственного организма, тем значительно больше должны быть и права государства». Отсюда, я думаю, вытекает, что отказ государства от церковно-гражданского законодательства — перенесение его всецело в область ведения церкви — повел бы к разрыву той вековой связи, которая существует между государством и церковью, той связи, в которой государство черпает силу духа, а церковь черпает крепость, той связи, которая дала жизнь нашему государству и принесла ей неопределимые услуги. Этот разрыв ознаменовал бы также наступление новой эры взаимного недоверия, подозрительности между церковной властью и властью общезаконодательной, которая утратила бы природное свое свойство — власти с церковью союзной. Государство в глазах церкви утратило бы значение государства православного, а цер-

ковь, в свою очередь, была бы поставлена в тяжелое положение — в необходимость самой наделять себя политическими и гражданскими правами, со всеми опасными отсюда проистекающими последствиями.

Поэтому ясно, господа, что то мнение, о котором я говорил в начале своей речи, мнение о том, что церковь должна сама определять свои права, свое положение в государстве, проистекает из инстинктивного недоверия к существующим государственным установлениям, особенно с того времени, когда начали принимать в них участие иноверцы и лица нехристианского вероисповедания. Я думаю, забывают при этом, что законодательные решения, и то неокончательные, принимают не отдельные лица, не думские даже комиссии, а Дума в своем целом, которая, по словам Царского Манифеста, «должна быть русской по духу и в которой иные народности должны иметь представителей своих нужд, но не в количестве, делающем их вершителями дел чисто русских». Затем, если бы Дума допустила ошибку, что всегда возможно, то законопроекты переходят ведь на рассмотрение Государственного совета и затем идут на суд Монарха, который, по нашему закону, является защитником Православной Церкви, является хранителем ее догматов.

Вот, господа, тот законный путь, который обеспечивает вероисповедные порядки в стране. На этот законный путь я уже указывал и повторяю: заключается он в том, что государство, не вмешиваясь ни в канонические, ни в догматические вопросы, не стесняя самостоятельности церкви в церковном законодательстве, оставляет за собою и право, и обязанность определять политические, имущественные, гражданские и общеуголовные нормы, вытекающие из вероисповедного состояния граждан. Но и в последнем вопросе правительство должно прилагать все усилия для того, чтобы согласовать интересы вероисповедной свободы и общегосударственные интересы с интересами господствующей первенствующей церкви, и с этой целью должно входить с нею по этим вопросам в предварительные сношения.

Быть может, в цикле вероисповедных вопросов, внесенных на ваше усмотрение, вследствие спешности работы и ее новизны, могут быть усмотрены какие-либо отклонения от этих принципов; может быть усмотрено, в частности, что затронуты в чем-либо и права господствующей церкви, но, при всестороннем рассмотрении этих вопросов, при всестороннем освещении их в комиссии, несомненно, отклонение

в ту или другую сторону скоро обнаружится, и правительство всегда охотно возьмет на себя переработку того или другого законопроекта или его части, — была бы лишь ясна общая руководящая мысль. Но тот вопрос, тот законопроект, который вы будете рассматривать сегодня, свободен, как кажется, от упреков в уклонении от только что высказанных мною положений.

Как вам известно, Святейший синод высказал пожелание, чтобы законопроект был дополнен правилами о том, что уклоняющийся от православия обязан подвергаться увещанию в течение 40 дней, с тем чтобы переход в иное вероисповедание мог состояться лишь после представления удостоверения о безуспешности увещания. Правительство в свой законопроект такого правила не включало, так как на него нет указаний в Указе 17 апреля; думская комиссия, как только что было вам тут доложено, дополнила законопроект установлением промежуточного срока со времени заявления о переходе в другое вероисповедание до момента фактического перехода. Такого промежуточного срока не знает также министерский законопроект, так как министерство в то время думало, что это правило скорее относится к области другого закона, закона регистрационного, как тут только что и объяснил докладчик.

Но в чем же состоит принципиальная сторона этого дела? Конечно, этот вопрос не касается ни догматов, ни канонов церкви, но он относится к разряду вопросов, касающихся внутреннего церковного распорядка, так как обязывает церковнослужителей производить наставление, увещание отпадающему не оставлять исповедуемой им религии; таким образом, это вопрос чисто внутренне-церковный, а я имел честь вам указать, что вопросы церковного устройства получают законодательное разрешение в другом, чисто автономном порядке. Поэтому, по мнению правительства, такого рода правила могли бы получить силу лишь в порядке ст. 65 Основных законов, в силу которых Самодержавная власть в деле церковного управления действует через Святейший правительствующий синод, ею учрежденный; поэтому включение этих правил в гражданские узаконения и проведение их общим законодательным порядком нанесло бы, как мне кажется, ущерб правам Православной Церкви.

Но возникает вопрос, не должно ли государство в порядке содействия господствующей церкви установить какие-нибудь карательные нормы или гражданские ограничения для тех лиц, относительно которых увещание оказалось

безуспешным. Но едва ли, господа, дело исключительно пастырского, исключительно нравственного воздействия возможно связывать с какими-либо карательными мерами, едва ли эти карательные меры соответствовали бы и духу начал вероисповедной свободы.

Для меня совершенно ясно, что гражданская власть, получивши от прихожанина заявление о желании перейти из православия в другое вероисповедание, обязана немедленно сообщить об этом приходскому священнику; для меня очевидно, что в силу существующих уже законов гражданская власть должна ограждать от всякого насилия, от всяких оскорблений священнослужителя, исполняющего свой долг увещания, но для меня совершенно так же очевидно и бесспорно, что какие бы то ни было принудительные меры по отношению к уклоняющемуся противоречили бы духу начал свободы верования. Поэтому правильно решила комиссия, когда постановила не присваивать общим законодательным учреждениям права регулировать чисто церковные вопросы, когда в процессе отпадения от православия она оставила промежуточный срок, который может быть, а по мне и должен быть заполнен в порядке законодательства церковного.

Я, господа, не буду касаться нескольких других менее, по мне, важных пунктов настоящего законопроекта, например, пункта о возрасте, по достижении которого разрешается переход в другие вероисповедания, о правах малолетних, о гербовом сборе и т. д. Если понадобится, разъяснение по этим вопросам даст вам присутствующий здесь представитель ведомства.

Но я не могу не коснуться одного весьма важного дополнения, имеющего чрезвычайное значение. Если совершенно бесспорно, что раз провозглашена свобода верования, то отпадает надобность всякого разрешения гражданской власти на переход в другое вероисповедание, если совершенно бесспорно, что в нашем законодательстве не могут быть сохранены какие-нибудь кары за вероотступничество (уже 14 декабря 1906 г. уничтожена статья 185, карающая за отпадение от христианства в нехристианство), то величайшему сомнению должно быть подвергнуто предложение комиссии о необходимости провозглашения в самом законе свободы перехода из христианства в нехристианство.

Я должен сказать, что включение в законопроект правила о возможности такого перехода для лиц, ближайшие предки которых исповедовали нехристианскую веру, совершенно не соответствует тому принципу, который только

что был тут приведен докладчиком. Вникнем в соображение комиссии. Комиссия, как я понял из слов докладчика, находит, во-первых, что раз переход из христианства в нехристианство не наказуем, то неузаконение такого перехода было бы актом недостойного государства лицемерия. (*Голоса слева: верно.*) Во-вторых, комиссия находит, что было бы стеснительно для свободы совести лиц, отпавших в нехристианство, исполнять некоторые христианские таинства и обряды, необходимые в нашем гражданском обиходе, например, брак, крещение, погребение. В-третьих, по мнению комиссии, самое исполнение этих таинств и обрядов было бы не чем иным, как узаконенным кощунством. (*Голоса слева: верно.*) Наконец, по мнению комиссии, сама церковь должна отлучать от себя лиц, отрекшихся от Христа. (*Голоса слева: и это верно!*) Так я понял докладчика? (*Голоса слева: правильно!*)

И мне кажется, что оспаривать эти принципы невозможно — они теоретически совершенно правильны. Но, господа, прямолинейная теоретичность ведет иногда к самым неожиданным последствиям, и сама думская комиссия не довела до конца этого принципа (*голоса слева: это верно*), не пошла до конца по избранному ею пути и впала, как мне кажется, сама с собой в некоторые противоречия. (*Голоса справа: верно, правильно!*) Ведь в действительности, господа, гораздо больше лиц, которые себя признают совершенно неверующими, чем таких, которые решатся перейти в магометанство, буддизм или еврейство. И все соображения комиссии относительно лиц, перешедших в нехристианство, могут быть отнесены полностью к лицам, заявляющим себя неверующими. Ведь и эти лица точно так же кощунствуют, совершая таинство, ведь они точно так же должны были бы быть отлучены от церкви.

Между тем комиссия совершенно правильно признает, что у нас невозможно признание принципа невероисповедности, *Konfessionslosigkeit*. С одной стороны, комиссия идет гораздо дальше многих европейских законодательств, не знающих открытого признания перехода из христианства в нехристианство, с другой — комиссия не следует до конца за западными образцами и не решается признать принцип вне вероисповедного состояния. Однако торжество теории одинаково опасно и в том, и в другом случае: везде, господа, во всех государствах принцип свободы совести делает уступки народному духу и народным традициям и проводится в жизнь, строго с ними сообразуясь.

Это подтверждается изучением всех иностранных зако-

нодательств. Возьмем на выдержку прусское законодательство: и оно ставит некоторые преграды свободе совести и свободе вероисповедания; оно требует, во-первых, предварительного заявления о переходе в другое вероисповедание, оно требует, затем, и уплаты со стороны отпадающего в продолжение двух лет повинностей в пользу той общины, от которой оно отпадает. В школьном законодательстве прусское государство требует церковного обучения всех детей, даже не принадлежащих ни к какому исповеданию. Австрия не признает браков между христианами и нехристианами. Наконец, в стране свободы совести, в Швейцарии, эта свобода совести подвергнута также некоторым стеснениям. Не говоря уже о том, что в Швейцарии не дозволяется сооружать монастырей, не допущена проповедь иезуитов, о чем упоминал уже тут товарищ министра внутренних дел.

Но поражает в Швейцарии то, что тогда, когда в некоторых кантонах совершенно изгнан из школ Закон Божий, в других кантонах школьное обучение строго конфессионально. В Люцерне, например, все школьное обучение отдано в руки католического духовенства, а так как там существует обязательность обучения, то, как кажется, образование юношества в Люцерне не находится в строгом соответствии с принципом свободы совести.

Неужели, господа, если в других странах, более нашей индифферентных в религиозных вопросах, теория свободы совести делает уступки народному духу, народным верованиям, народным традициям, — у нас наш народный дух должен быть принесен в жертву сухой, непонятной народу теории? Неужели, господа, для того, чтобы дать нескольким десяткам лиц, уже безнаказанно отпавшим от христианства, почитаемых церковью заблудшими, дать им возможность открыто порвать с церковью, неужели для этого необходимо вписать в скрижали нашего законодательства начало, равнозначное в глазах обывателей уравниению православных христиан с нехристианами? Неужели в нашем строго православном христианстве отпадет один из главнейших признаков государства христианского? Народ наш усерден к церкви и веротерпим, но веротерпимость не есть еще равнодушие.

Не думайте, господа, что этот вопрос, вопрос простой, доступный совести каждого, я хотел бы затемнить непристойными, скажу прямо, в этом деле совести приемами какого-то другого пафоса. Я не хотел бы взывать даже к вашему чувству, хотя бы чувству религиозному. Но я полагаю, что в этом деле, в деле совести, мы все, господа, должны подняться в область духа. В это дело нельзя примешивать и

политических соображений. Мне только что тут говорили, что вероисповедные законы поставлены на очередь в Государственной думе по соображениям свойства политического. На этом, мол, в вопросе скажется, полевело или поправело правительство. Но неужели забывают, господа, что наше правительство не может уклоняться то влево, то вправо (*слева движение; рукоплескания справа*), что наше правительство может идти только одним путем, путем прямым, указанным Государем и еще недавно названным им (*голоса справа: браво; рукоплескания*), недавно всенародно им признанным незыблемым?

Вот и теперь мы стоим перед великим вопросом проведения в жизнь высоких начал Указа 17 апреля и Манифеста 17 октября. Определяя способы выполнения этой задачи, вы, господа, не можете стать на путь соображений партийных и политических. Вы будете руководствоваться, я в этом уверен, как теперь, так не раз и в будущем, при проведении других реформ, соображениями иного порядка, соображениями о том, как преобразовать, как улучшить наш быт разнообразно новым началам, не нанося ущерба жизненной основе нашего государства, душе народной, объединившей и объединяющей миллионы русских.

Вы все, господа, и верующие, и неверующие, бывали в нашей захолустной деревне, бывали в деревенской церкви. Вы видели, как истово молится наш русский народ, вы не могли не осязать атмосферы накопившегося молитвенного чувства, вы не могли не сознавать, что раздающиеся в церкви слова для этого молящегося люда — слова божественные. И народ, ищущий утешений в молитве, поймет, конечно, что за веру, за молитву каждого по своему обряду закон не карает. Но тот же народ, господа, не уразумеет закона, закона чисто вывесочного характера, который провозгласит, что православие, христианство уравнивается с язычеством, еврейством, магометанством. (*Голоса справа: правильно; рукоплескания справа и в центре.*)

Господа, наша задача состоит не в том, чтобы приспособить православие к отвлеченной теории свободы совести, а в том, чтобы зажечь светоч вероисповедной свободы совести в пределах нашего русского православного государства. Не отягощайте же, господа, наш законопроект чуждым, непонятным народу привеском. Помните, что вероисповедный закон будет действовать в русском государстве и что утверждать его будет русский царь, который для с лишком ста миллионов людей был, есть и будет Царь Православный. (*Рукоплескания справа и в центре.*)

**РЕЧЬ О ПОРЯДКЕ ВЫБОРОВ ЧЛЕНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА ОТ ДЕВЯТИ ЗАПАДНЫХ
ГУБЕРНИЙ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЕ 30 МАЯ 1909 ГОДА**

Господа члены Государственной думы!

По вопросу о продлении срока полномочий членов Государственного совета от западных губерний я скажу очень немногое. Проект правительства, конечно, легко осложнить, легко попутно развернуть чуть ли не весь польский вопрос и из дела, по существу, самого простого создать дело весьма запутанное и даже с трудом разрешимое. Но дело это в глазах правительства разрешается весьма легко, если заранее выяснить три основных положения: во-первых, справедлив ли существующий порядок избрания членов Государственного совета от западных губерний; во-вторых, законен ли тот путь, который предлагает правительство, и, в-третьих, соответственно ли, целесообразно ли в настоящее время поднимать все это дело?

Конечно, трудно оспаривать, что существующее представительство от западного края в Государственном совете и ненормально, и несправедливо. Доказать противное, я думаю, невозможно, так как цифры говорят, что в западных губерниях из всего населения поляков всего только 4%, а действительность показывает, что от девяти западных губерний все девять членов Государственного совета — поляки.

Если трудно доказать справедливость такого положения, то легче, может быть, пытаться доказывать, что положение это необходимо и даже, пожалуй, целесообразно. Делается это таким образом: выдвигается принцип, что Государственный совет не есть Государственная дума; в Совет выбираются лица из среды более культурной, более состоятельной, более устойчивой. Не вина поляков, если в этой среде преобладают они и если они таким образом являются естественными представителями этих слоев населения. Попадая же в Государственный совет, поляки естественно уже являются защитниками всех интересов края и, будучи такими же русскими подданными, как и все другие, очевидно, правомочны принимать участие и в разрешении всех общегосударственных вопросов.

В постановке этого вопроса кроется, по моему мнению, крупная основная ошибка. Действительно, в Государственный совет избираются лица из высших слоев населения, так

сказать, верхи его, но избирает, намечает достойнейших лиц из этих верхов, несомненно, все население, так что избранники населения являются представителями интересов всего населения, а никак не одного лишь более состоятельного его слоя. Поэтому по основному закону во внутренних губерниях избирательным собранием для выборов членов Государственного совета является губернское земское собрание, то есть учреждение, представляющее хозяйственные и экономические интересы всей губернии.

Смысл такого порядка заключается в том, что плательщики повинностей выбирают в Государственный совет из более состоятельных, из более зрелых и устойчивых плательщиков своего представителя, который таким образом и является представителем плательщиков всей губернии. В губерниях же западных избирателями являются лица, владеющие достаточным количеством земли для непосредственного участия в съездах уездных землевладельцев. Таким образом, та среда, из которой избираются члены Государственного совета, и во внутренних, и в западных губерниях одинакова, но среда избирателей совершенно различна, и в западных губерниях она состоит исключительно из более крупных землевладельцев, а избранник их является представителем именно их интересов, а не представителем интересов всего населения. Так как наиболее состоятельная среда в Западном крае есть среда польская, то нынешние представители от западных губерний в Государственном совете являются, несомненно, представителями поляков, то есть абсолютного меньшинства.

Я могу подтвердить это положение еще одним примером: известно, что в Государственный совет избираются лица, достигшие 40-летнего возраста, но избирают их все возрасты населения, конечно, граждански правоспособные. Результат выборов был бы, вероятно, совершенно иной, если бы в число избирателей входила одна лишь категория лиц 40 лет и свыше. В западных же губерниях выборы решает именно одна категория, конечно, не возрастная — не 40 лет и свыше, как в моем примере, — а категория имущественная, которая в том крае есть одновременно и категория племенная.

Конечно, может случиться, что в одной или двух губерниях число русских православных избирателей на бумаге поднимается до 40—45%, даже до 50%; но надо иметь в виду, что вследствие неправильного построения самого закона в состав выборщиков входят только высшие слои населения, то есть слои наносные, которые часто отсутствуют и тесно с землею не связаны. Между тем коренное оседлое население,

состоящее из более мелких землевладельцев, самим законом от выборов отстранено, а оно всего больше заинтересовано в правильном представительстве.

Перейдем теперь ко второму вопросу: законен ли тот путь, который предлагается правительством? Правительство говорит: дабы не закреплять на три года явно неправильно-го представительства, установим срок — в данном случае срок годичный, — в течение которого совершенно спокойно и осмысленно возможно определить новый справедливый порядок, а на этот промежуток продлим полномочия существующего представительства.

Конечно, тут возможно возражение, что таким порядком, таким путем законодательные учреждения могут сами продлить свои полномочия до конца своих дней. Несомненно, могут быть нелепые по существу законы, но с юридической, с формальной стороны продление полномочий представителей не является ни нелепостью, ни абсурдом. Такое продление знают многие иностранные законодательства, и они всегда проводились по существу с пользой для населения и в силу существенной для страны необходимости.

В Англии при Георге Первом был проведен так называемый семилетний акт, *septimal act*, которым были продолжены полномочия депутатов палаты общин, в том числе полномочия заседавшего в то время состава палаты, с трех до семи лет. В истории законодательных учреждений Франции продление полномочий депутатов повторяется неоднократно: в 1809 г. части депутатов, выбывавшей по закону из состава законодательного корпуса, были продлены полномочия на всю сессию 1809 г. и на 1810 г. В 1824 г. полномочия депутатов были продлены с трех на семь лет, причем закон этот был точно так же распространен и на депутатов заседавшей в то время палаты. В 1893 г. полномочия лиц, избранных депутатами на четыре года в сентябре и августе 1893 г., были продлены до 31 мая 1898 г.

В практике наших земских и городских учреждений точно так же известны случаи продления срока полномочий гласных. Не говоря уже о самом законе, который по ст. 53 положения 1890 г. уполномочивает на продление полномочий прежних гласных в случае недобора $\frac{2}{3}$ гласных, у всех в памяти, что в порядке верховного управления бывали случаи продления полномочий существовавшего состава гласных ввиду предстоявших изменений в законе. Так это было при введении нового земского положения в 1890 г., при введении нового городского положения в 1892 г. и при преобразовании петербургского общественного управления в

1901 г. Таким образом, законопроект правительства должен быть признан строго юридически обоснованным.

Но перейдем теперь к последнему вопросу — к вопросу о том, целесообразно ли, своевременно ли в настоящее время поднимать все это дело. Против предложения правительства о продлении полномочий членов Государственного совета можно привести, конечно, много доводов, настаивая именно на его несвоевременности. Первый и, скажу, самый сильный из этих доводов тот, что правительство само, по собственной инициативе не возбуждало этого вопроса и действует якобы под давлением части членов Государственного совета, внесших предложение об изменении порядка выборов в Государственный совет от Западного края. Второй довод, второй мотив тот, что нельзя без кричащей необходимости прикасаться к избирательному закону. Наконец, в виде третьего довода приводится соображение, что лица польского происхождения держат себя в Государственном совете весьма корректно, что всеми признается полезность их работы и что их мнения, их национальные идеи, каковы бы они ни были, не могут иметь никакого значения, так как в Государственном совете они теряются как мнения ничтожного меньшинства.

Действительно, правительство не возбуждало вопроса об изменении избирательного закона в Западном крае, но не делало оно этого потому, что всегда полагало и в настоящее время полагает, что лучшим, самым естественным способом разрешения этого вопроса было бы распространение положения о земских учреждениях на эти девять западных губерний. Но, имея в виду, что реформу земских учреждений во внутренних губерниях трудно рассчитывать провести через законодательные учреждения в ближайшем времени и что эта работа, казалось бы, должна предшествовать распространению Земского положения на Западный край, правительство и признало приемлемой основную мысль предложения группы членов Государственного совета, имея, главным образом, в виду реорганизовать состав избирателей и распространить выборное право на более широкие слои населения.

Правительство не боялось и частичного исправления выборного закона, так как постепенное исправление и улучшение закона иногда более безопасно, чем его крутая ломка. Наконец, образ действий польских членов в Государственном совете не имеет для правительства никакого значения, так как законодательное предположение правительства не может, конечно, считаться направленным лично против ко-

го бы то ни было. Но вообще, господа, если дожидаться благоприятной минуты для того, чтобы внести поправку в несовершенный закон, то можно с уверенностью сказать, что минута эта не настанет никогда.

Возьмем, например, лиц, имеющих право бесплатного или льготного проезда по железным дорогам. (В прежнее время таких лиц было много.) Они, занимая платные места, вызывают нарекания платных пассажиров, между тем лично они, конечно, совершенно не ответственны за свое льготное положение. Но несомненно, что они всегда сочтут высшей несправедливостью приравнение их к платным пассажирам и отнятие у них дарового или льготного проезда.

Между тем, господа, члены Государственного совета от западных губерний прошли в Государственный совет по льготному тарифу, и ничего оскорбительного для них, ничего несправедливого в изменении этого порядка быть не может, так как необходимость, государственная необходимость, заставляет применять ко всем тариф общий.

С этой целью, целью установления порядка безобидного и справедливого для всех слоев населения, правительство и внесло предложение об установлении годового срока. Если, господа, мы не установим сами для себя определенного предельного срока, несомненно, дело застрянет, дело затянется, дело завязнет. Между тем думская комиссия заявила о желательности распространить на западные губернии Земское положение. То же пожелание высказано и комиссией Государственного совета. Правительство же, как я уже указал, не взяло на себя инициативы такого предложения потому только, что полагало недостижимым провести в короткое время законопроект о расширении компетенции земских учреждений.

Но в последнее время Государственная дума стала на новую точку зрения; она сама высказывала пожелание, чтобы в некоторых внутренних губерниях было введено действующее ныне Земское положение. Я должен сказать, что эта точка зрения весьма облегчает положение правительства и, становясь на нее, правительство может взять на себя и берет на себя внесение в осеннюю сессию законопроекта о распространении существующего Земского положения на девять западных губерний (*рукоплекания справа и в центре*), разумеется, с некоторыми изменениями в способе выбора гласных соответственно местным условиям и местным особенностям.

Если это окажется неприемлемым, то можно установить нечто другое — создать избирательное собрание, применяясь

к избирательному собранию для выборов земских гласных, и возложить на это собрание непосредственно выбор членов Государственного совета. Руководствуясь этими соображениями, я прошу вас, господа, не отклонять законопроекта правительства. Движимые необходимостью закончить дело в течение года, мы, господа, дружными усилиями, несомненно, проведем в течение этого срока новый законопроект о введении земства в Западном крае, законопроект немало-важный, который не может не внести умиротворения в местную работу. Я прошу вас, господа, об этом ввиду восстановления справедливости по отношению к 15-миллионному русскому населению в Западном крае.

Не ненависть, не желание нанести полякам напрасное оскорбление руководит правительством — это было бы не только не великодушно, это было бы не государственно. (*Голоса: браво, браво; рукоплескания в центре и справа.*) Правительством руководит сознание, которое должно всегда и впредь руководить всяким русским правительством, сознание необходимости прислушиваться к справедливым требованиям природного русского населения окраин и, если эти требования обоснованны, поддерживать их всею силою правительственного авторитета. (*Рукоплескания справа и в центре.*)

Я должен заявить, что предложение партии 17 октября соответствует одному из тех вариантов, которые правительство имело в виду внести в Думу. Если и был внесен другой вариант, то потому, что правительство полагало, что при выборах на один год будут во всяком случае выбраны лица польского или русского происхождения — безразлично; но не те, которые были бы выбраны всем населением. С другой стороны, я должен заявить, что главная цель правительства — это достигнуть принятия годовичного срока, в течение которого ныне действующий порядок был бы исправлен. Так как внесенное предложение клонится к тому же, то я и заявляю, что против него, если оно Думою будет принято, правительство ничего не имеет.

Я должен, однако, сделать одну оговорку: по моему мнению, предложение фракции 17 октября не есть поправка — такого рода существенные поправки не должны были бы иметь место, так как это было бы нежелательным прецедентом, — это есть, собственно говоря, изменение законопроекта, изменение, предложенное фракцией 17 октября, находящееся в полном соответствии с правительственным предложением, изменение, на которое правительство выражает полное свое согласие. (*Рукоплескания центра и справа.*)

**РЕЧЬ О ПРАВЕ КРЕСТЬЯН ВЫХОДИТЬ ИЗ ОБЩИНЫ,
ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ
СОВЕТЕ 15 МАРТА 1910 ГОДА**

Господа члены Государственного совета!

После исчерпывающего доклада М. В. Красовского и после глубоких разъяснений такого высокоуважаемого и авторитетного знатока крестьянского дела, как А. С. Стишинский, задача моя, представителя правительства, сильно упростилась. Я свободен теперь от обязанности разъяснять вам существо и значение указа 9 ноября 1906 года, тем более что по поводу этого акта и в Государственной думе, и в Особой комиссии Государственного совета, и в ученых обществах, и в прессе, без преувеличения, сказано уже все. Закон этот не только проверен теоретически рассуждениями специалистов, он четвертый год проверяется самой жизнью, и правительству не приходится пробивать ему дорогу в законодательных учреждениях.

Закон сам завоевал себе право на существование, сам прокладывает себе пути и шагает так быстро, что через несколько времени, может быть, было бы уже невозможно видоизменить его окрепшие уже очертания. Это сознают и самые крайние противники закона, но тем более он им кажется принципиально вреден. Они не могут не смотреть на него, как на действительно живое порождение правительства, как на исчадие уродливое и уродующее местную жизнь.

Конечно, за последнее время суровые доводы против закона поневоле смягчены теми результатами, которые дает жизнь, но, вместе с тем, и понятно и естественно стремление противников закона выравнять, выправить, видоизменить, обезвредить вредное, в их глазах, явление, ранее чем оно получит окончательное признание, окончательное узаконение в этом высоком учреждении, ранее, чем санкционировать дальнейший его рост и развитие.

Но точно так же, господа, понятно и естественно убеждение правительства, что закон построен правильно, убеждение в том, что изменения, поправки могут только придать ему вредное, неестественное направление. Поэтому я останавлиюсь исключительно на тех поправках и добавлениях, которые предполагается, в порядке так называемого обезвреживания закона, в него ввести, и сочту себя обязанным самым определительным образом изложить взгляд прави-

тельства по этому вопросу. Но прежде этого, для того, чтобы более понятна была принципиальная точка зрения правительства, позвольте попросить вас мысленно обернуться к прошлому и вспомнить, в какое время и при каких обстоятельствах закон 9 ноября возник.

Ведь это было довольно смутное время, когда еще горели или догорали помещичьи усадьбы, когда свобода воспринималась как свобода насилия, когда насилие это иные считали возможным уничтожить насилием же, принудительным отчуждением владельческих земель. В это время правительство начало проводить целый ряд узаконений, относящихся до крестьян. Мероприятия эти понимались многими искренно, иными, быть может, лукаво, как акт политической растерянности слабого правительства, которое зря сразу разбросало весь свой балласт; земли удельные, земли государственные, общинный строй — все в жертву гидры революции.

Но я думаю, что теперь всем стало ясно, что как эти меры, так и мероприятия по укреплению личной собственности являются результатом отношения правительства, отношения продуманного, принципиального к тому, что происходило в то время в России. А диагноз происходившего в кратких словах может быть сведен к следующему. Смута политическая, революционная агитация, приподнятые нашими неудачами, начали пускать корни в народе, питаясь смутю гораздо более серьезною, смутю социальной, развившейся в нашем крестьянстве. Отсюда естественный вывод — необходимость уничтожить первопричину, необходимость сначала излечить коренную болезнь, дав возможность крестьянству выйти из бедности, из невежества, из земельного нестроения.

Социальная смута вскормила и вспоила нашу революцию, и одни только политические мероприятия бессильны были, как показали тогдашние обстоятельства, уничтожить эту смуту и порожденную ею смуту революционную. Лишь в сочетании с социальной аграрной реформой политические реформы могли получить жизнь, силу и значение. Поэтому, господа, на закон 9 ноября надо смотреть с угла зрения социального, а не политического, и тогда станет понятно, что он явился плодом не растерянного решения, а что именно этим законом заложен фундамент, основание нового социально-экономического крестьянского строя. А так как время смуты — время решений, не раздумья, то понятно, почему этот вопрос был проведен в порядке статьи 87, словом и волею Государя. Понятно это и потому, как говорил тут А. С. Стишинский, что к 1 января 1907 года должен был

быть решен в области крестьянского землевладения вопрос о выделе участков в частную собственность, так как к этому времени кончалась выплата выкупных платежей и должна была войти в силу статья 12 Общего положения.

Эту историческую справку я привел для того, чтобы с самого начала установить ту принципиальную сторону закона, с которой правительство сойти не может, в которой уступок нет. Не вводя, силою закона, никакого принуждения к выходу из общины, правительство считает совершенно недопустимым установление какого-либо принуждения, какого-либо насилия, какого-либо гнета чужой воли над свободной волей крестьянства в деле устройства его судьбы, распоряжения его надельной землей. Это главная коренная мысль, которая залегла в основу нашего законопроекта.

Если, господа, я так долго остановился на внутреннем значении акта 9 ноября 1906 г., то, может быть, это ускорит и облегчит выяснение дальнейшего отношения правительства к тем поправкам и дополнениям, которые предполагается в него ввести. Я остановлюсь сначала на отделе 1-м, введенном в законопроект Государственной думой, особенно на статье 1, и прямо скажу, что этот отдел не вносит никакой новой мысли, новой идеи, противоречащей, противоположной идее правительства, так как поправка эта внесена с целью скорейшего перехода крестьян к личной собственности. Это было достаточно определенно высказано в свое время товарищем министра внутренних дел, А. И. Лыкошиным, в Государственной думе. Но и тут, в Государственном совете, я должен также оговориться, что правительство возражало бы против признания участко-наследственными тех обществ, в которых не было общих переделов за последние 24 года.

Соображения правительства таковы: конкретно весьма легко установить общества, в которых, с самого наделения их землей, не было никогда общих переделов. Каждый живущий в русской деревне знает общества стародушников, общества крестьян, владеющих землею по старым ревизским душам. В этих обществах, в этих селениях существуют группы молодых крестьян, которые мечтают добиться уравнения и общих переделов земли, но это им никогда почти не удастся, не удастся набрать голосов, так как старые домохозяева крепко и твердо стоят на своем, на старом порядке владения землею.

Но несколько сложнее положение там, где не было переделов в течение 24 лет. Во-первых, какой громадный труд, какое отвлечение от настоящего живого дела кадров крестьянских учреждений для выяснения, в каких обществах было

и в каких не было переделов за последние два двенадцатилетия, так как и приговоры о переделах далеко не везде сохранились! А возбужденные при этом споры! Господа, ведь до разрешения их должно быть приостановлено рассмотрение всех заявлений отдельных домохозяев о закреплении за ними участков. Таким образом, дело не ускорилось бы, а, напротив, затормозилось бы.

Я не могу молчать еще и о том, что так называемые незаконные общие переделы наблюдаются, главным образом, в тех обществах, где официальных переделов за последнее время не было. Затем, изменение существующего порядка вызвало бы среди крестьян лишь волнение, недоумение. Да и зачем принимать искусственные меры там, где дело идет естественным своим ходом? Ведь за 3,5 года — или, вернее, за 3 года, так как закон не начал действовать немедленно после его опубликования, — до 1 февраля 1910 г. заявило желание укрепить свои участки в личную собственность более 1 700 000 домохозяев, то есть, как заявил тут А. С. Стишинский, около 17% всех общинников-домохозяев; окончательно укрепили участки в личную собственность 1 175 000 домохозяев, то есть более 11% с 8 780 160 десятинами земли, и это кроме целых сельских обществ, в которых к подворному владению перешли еще 193 447 домохозяев, владеющих 1 885 814 десятинами.

Таким образом, при такой же успешной работе, еще через 6—7 таких же периодов, таких же трехлетий, общины в России — там, где она уже отжила свой век — почти уже не будет. Поэтому правительство, веря в жизненность законов 9 ноября 1906 года, не стремилось и не стремится вводить в закон каких-либо признаков принуждения и особенно, проводя закон в порядке статьи 87, считало невозможным производить какую-либо насильственную ломку. Конечно, законодательные учреждения в этом отношении более свободны. У вас руки развязаны, и поэтому правительство заявляет, что оно согласилось бы на введение отдела 1 одобренного Думой закона 9 ноября, особенно если бы в нем были исключены слова «и в течение 24 лет».

Переходя ко второй поправке, внесенной Государственной думой и касающейся укрепления излишков, я заявляю, что правительство считает укрепление этих излишков, по взаимному соглашению, а при отсутствии такового по оценке волостного суда, неприемлемым. Правительство предвидит, что при таком порядке возникнет целый ряд судебных споров, очень продолжительная судебная волокита, а вместе с тем и затруднение в процессе выхода домохозяев из об-

щины. Укрепление этих излишков по действительной стоимости, то есть вторичный выкуп от сельского общества уже раз выкупленной земли, едва ли было бы справедливо и во всяком случае было бы для хозяев обременительным. Поэтому правительство настаивает на своей редакции, принятой и Особой комиссией Государственного совета.

Покончив с главнейшими дополнениями, внесенными в закон Государственной думой, я перейду к двум поправкам, предложенным меньшинством Особой комиссии Государственного совета. В Особой комиссии голоса разделились почти поровну, и поэтому я считаю себя обязанным выяснить мнение правительства как по вопросу о личной и семейной собственности, так и по вопросу о предоставлении обществам преимущественных прав к приобретению продаваемых домохозяевами надельных земель. Обе эти поправки клонятся к ограничению прав домохозяина в распоряжении своей надельной собственности: первая — во имя ограждения прав семьи, вторая — в целях ограждения интересов общества.

Я не буду распространяться вновь о том значении, которое правительство придает личной собственности. Я с самого начала заявил уже, что в законопроекте есть стороны принципиального характера, от которых правительство не может отказаться и не откажется. Я добросовестно старался вникнуть в мысли и доводы сторонников семейной собственности и понимаю, что предоставление женщинам права голоса в разрешении вопроса о продаже надельных участков, в этом направлении мысли, является требованием минимальным. Я разделяю теорию, отождествляющую семейный союз с трудовой артелью. Я сознаю весь ужас семьи, глава которой — пьяница и тунеядец — начнет распродажу земли — кормилицы семьи. Но все же я самым решительным и определенным образом заявляю, что принудительные пути, по мнению правительства, делу не помогут, а повредят. Семейный союз, как союз трудовой, останется в силе, если члены семьи будут сознавать себя членами такового, даже если они находятся где-нибудь на отдаленных отхожих промыслах, и никакой закон не свяжет их с семьей отбившегося домохозяина, если он и живет на месте. Домохозяин тунеядец, пьяница всегда промотает свое имущество, какую бы власть над ним вы ни предоставили его жене. В этом отношении ограждение прав семьи может осуществиться только единственным справедливым и правильным решением в установлении опеки за расточительство. Но отдавать всю общинную Россию под опеку женам, создавать семейные драмы и трагедии, рушить весь патриархальный крестьянский

строй, имея в мыслях только слабые семьи с развратными и пьяными домохозяевами во главе, — простите, господа, я этого не понимаю.

Ведь даже Сенат, создавший у нас институт семейной собственности, никогда так далеко не шел, никогда не ставил препятствий отдельным домохозяевам продавать свои подворные участки. Когда создают армию, не равняют ее по слабым и по отсталым, если только намеренно не ведут ее к поражению. Как же воссоздать крепкую сильную Россию и одновременно гасить инициативу, энергию, убивать самостоятельность? Самостоятельность эта забивалась общиной, так не заменяйте общину женским гнетом. Логика везде одинакова: особое попечение, опека, исключительные права для крестьянина могут только сделать его хронически бессильным и слабым.

Много у нас говорят о свободах, но глашатаи отвлеченных свобод не хотят для крестьянина самой примитивной свободы, свободы труда, свободы почина. Поэтому я самым решительным образом буду возражать и против второго предположения меньшинства Особой комиссии о предоставлении обществам преимущественного права приобретения продаваемых домохозяевами надельных участков. Поверьте, что там, где у обществ есть средства, где у обществ образовался капитал от обязательных отчуждений угодий для государственной или общественной надобности или от разработки недр, там общество не упустит продаваемого надела, если только он ему нужен. Но там, где у общества средств нет, к чему искусственно расширять площадь общинной земли, стравливать насильно договорившиеся стороны с обществом, создавать силой закона спор и вражду; а что такие споры, такая вражда создадутся — в этом я безусловно убежден.

Ведь у нас продают свои участки, главным образом, домохозяева, желающие переселиться или желающие приобрести себе другой участок, который, по их понятиям, более выгоден. Для этого иногда домохозяева приезжают издалека, а продавцы и покупатели стремятся осуществить сделку или до начала полевых работ, или до наступления зимнего времени. А тут предполагается дать обществам право в течение месяца составить приговор о желании конкурировать с частным покупателем, а затем дать им еще три месяца для осуществления этой сделки, для заключения купчей крепости. Я и спрашиваю себя: каким образом, при каких условиях — при узаконенной четырехмесячной волоките, — каким образом явится возможность осуществить частную сделку? По-

моему, такой возможности нет. Создается лишь соблазн для общества, соблазн накладывать «табу» на всякую предполагаемую сделку, с тем чтобы по истечении четырех месяцев от нее отказаться.

Является еще соблазн наталкивания покупателей и продавцов на заявление в волостном правлении сделок фиктивных. И все это в видах искусственного поддержания общины, в видах затруднения домохозяевам сознательного осуществления своего права так или иначе решить свою судьбу, тогда, когда наше законодательство последнего времени идет в противоположную сторону — к уравниванию в правах крестьян с остальными обывателями Империи.

Я так настоятельно возвращаюсь к этому вопросу потому, что принципиальная сторона законопроекта является осью нашей внутренней политики, потому что наше экономическое возрождение мы строим на наличии покупной способности у крепкого достаточного класса на низах, потому что на наличии этого элемента зиждутся и наши законопроекты об улучшении, упорядочении местной земской жизни, потому, наконец, что уравнивание прав крестьянства с остальными сословиями России должно быть не словом, а должно стать фактом.

Я, господа, не преувеличиваю значения закона 9 ноября. Я знаю, что без сопутствующих, упорно проводимых мероприятий по мелкому кредиту, по агрономической помощи, по просвещению духовному и светскому, нас временно ждут и неудачи, и разочарования, но я твердо верю в правильность основной мысли закона и приписываю первоначальную удачу этого, сравнительно, быть может, скромного акта тому, что он неразрывно связан с величайшим актом прошлого столетия — с освобождением крестьян и составляет, быть может, последнее звено в деле раскрепощения нашего земледельческого класса.

И что дело это не бесплодно, что ваш усидчивый труд по окончательной разработке этого закона не останется без результата, доказывает одно поразительное явление, явление, может быть, недостаточно учитываемое, а может быть, и нарочно замалчиваемое: горячий отклик населения на закон 9 ноября, эта пробудившаяся энергия, сила, порыв, это то бодрое чувство, с которым почти одна шестая часть, как только что было указано, домохозяев-общинников перешла уже к личному землевладению. Господа, более 10 миллионов десятин общинной земли, перешедшей в личную собственность, более 500 тысяч заявлений о желании устроиться на единоличном хозяйстве, более 1 400 000 десятин, уже

отведенных к одним местам. Вот то живое доказательство, которое я принес сюда, чтобы засвидетельствовать перед вами, что значит живая неугасшая сила, свободная воля русского крестьянства! И безрассудно было бы думать, что такие результаты достигнуты по настоянию правительственных чинов.

Правительственные чины много поработали над делом землеустройства, и я ручаюсь, что работа их не ослабнет. Но я с слишком большим уважением отношусь к народному разуму, чтобы допустить, что русское крестьянство переустраивает свой земельный быт по приказу, а не по внутреннему убеждению. Правительство и рассчитывает, что, идя навстречу этому внутреннему убеждению, этому внутреннему народному чувству и разделяя вместе с правительством веру в государственную силу свободного крестьянства, вы, господа члены Государственного совета, вынесете свой беспристрастный и авторитетный приговор и придадите закону 9 ноября 1906 года силу своего одобрения.

Приложение 16

РЕЧЬ ПО ПОВОДУ ЗАКОНОПРОЕКТА О РАСПРОСТРАНЕНИИ ЗЕМСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ 1890 ГОДА НА ДЕВЯТЬ ГУБЕРНИЙ ЗАПАДНОГО КРАЯ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 7 МАЯ 1910 ГОДА

Господа члены Государственной думы!

Год тому назад правительство заявило Государственной думе о готовности своей внести в законодательные учреждения законопроект о распространении Земского положения 1890 г. на девять губерний Западного края. Вы помните, что в ту пору в Государственном совете, в порядке инициативы, возникло предположение о необходимости изменения способа избрания членов Государственного совета от Западного края. Правительство точно так же считало существующий способ несправедливым и подлежащим изменению, поэтому приходилось, по мысли правительства и группы членов Государственного совета, создать такое новое избирательное собрание, в котором права русского экономически слабого большинства были бы ограждены от польского экономически и культурно сильного меньшинства.

Но это наталкивало на мысль, нельзя ли этому новому

избирательному собранию придать еще некоторые функции, так как казалось, что оно имеет в себе все данные, все задатки для правильного ведения земского дела. Как вам известно, Земское положение не было до настоящего времени распространено на Западный край, несмотря на целый ряд предположений и планов правительства, и именно вследствие того, что все возникавшие предположения не давали уверенности, что русские государственные начала будут достаточно ограждены от напора многоплеменных местных влияний и вожделений. Но раз эта задача благополучно разрешалась для избирательного собрания, то она тем самым была, конечно, разрешена и по отношению к земству.

Поэтому правительству оставалось только внести на законодательное рассмотрение законопроект измененного, согласно местным условиям и особенностям, Положения 1890 года, с тем чтобы будущие земские собрания явились избирательными коллегиями для выборов членов Государственного совета. Вот за эту работу и взялось правительство, вооружилось всеми необходимыми материалами, собрало статистический материал и прежде всего задало самому себе вопрос: каким же образом оградить русские государственные начала, каковы пределы ограничений, обеспечивающие эти начала и одновременно не убивающие самую возможность земской самодеятельности?

Разбираясь в этих вопросах, правительство столкнулось с двумя течениями мысли. Одно из них, самое на первый взгляд естественное и справедливое, основывается на следующих соображениях: раз признано возможным привлечь к местной экономической деятельности местные элементы, то нельзя трактовать их как элементы опасные. Всякое стеснение, всякое ограничение их было бы только искусственным раздуванием старинной племенной вражды между национальностями польской и русской, это было бы, как только что выразился предыдущий оратор, увековечением политической борьбы, узаконением политической ненависти, отдалением эры примирения и даже хуже того — быть может, введением политики в ту область, которая должна быть политике чужда.

Единственное ограничение, которое допускается по этой теории, — это ограждение государством отдельных племенных групп путем пропорционального представительства, так как иначе более сильные, более многочисленные группы поглотили бы, подавили бы более мелкие национальные группы, которые точно так же развились историческим путем. Сторонники этого взгляда считают всякое ограничение, вы-

ходящее за эти пределы, прямо каким-то диким, противокультурным национализмом, уничтожающим самую идею земского представительства. Вот тот совершенно определенный ответ на прежде всего подлежащий выяснению коренной вопрос, который, по моему понятию, соответствует мировоззрению польских уроженцев западных губерний и представителей нашей оппозиции.

Но правительственная идея шла по другим течениям, она приводила к другим выводам, и правительственный законопроект, как вам известно, не соответствует приведенным соображениям. Исходная точка, однако, одна и та же. И правительство, и его противники сознают одинаково, что сообразно теперешнему состоянию Западного края необходимо использовать его местные элементы. Правительство обязано сгруппировать их, иначе оно стало бы пособником отсталости края, края, который до настоящего времени не имеет ни самообложения, ни уездных земств, который вследствие этого не может экономически прогрессировать, что, в свою очередь, отражается, конечно, и на благосостоянии всего государства. Это, как я только что сказал, одинаково понимают как правительство, так и его противники. Но последние считают это положение самодовлеющим, правительство же разделяет его в его теоретической чистоте, лишь постольку и поколе оно не противоречит тем преемственно проводимым государством национальным задачам, которые оно поставило себе в Западном крае.

Каковы эти задачи и какое их отношение к земству, я скажу несколько позже, но самое наличие их заставляет уже признать разъединение областей экономической и политической, необходимость подчинения земской идеи идее государственной, которая поставила себе в западной России известные задачи и известные цели. Первоначально правительство проводило эти задачи вооруженной силой, затем оно начало проводить их административными мерами, которые давали перевес на месте русским государственным элементам. Таким образом, из центра, из хранилища материальной силы и государственного смысла давался импульс для воссоздания, для насаждения русских государственных ячеек, русских государственных очагов.

Конечно, господа, эти ячейки, эти гнезда были слабее, были разбросаннее, чем крепкие цитадели польской культуры, которые веками планомерно насаждались в западной России, и вот, когда наступило время для большей свободы и самостоятельности местных групп, спрашивается, вправе ли государство предоставить русские силы самим себе, впра-

ве ли оно теперь, в настоящее время, сразу отказать в помощи тем слабым отросткам русской государственности, которые там еще не окрепли, которые не могут еще самостоятельно себя ограждать? Возможно ли в настоящее время на политической арене Западного края предоставить свободное состязание, свободное соревнование двум политическим и экономическим факторам, русскому и польскому? Достояна ли русского правительства роль постороннего зрителя, постороннего наблюдателя (*справа и в центре рукоплескания и голоса: браво*), стоящего на этом историческом ипподроме, или в качестве беспристрастного судьи у призового столба, регистрирующего лишь успехи той или иной народности? (*Рукоплескания справа, возгласы: верно, браво!*)

А чтобы получить ответ, правильный ответ на эти вопросы, ответ, отвечающий нашим государственным задачам, необходимо искать его, господа, не в абстрактной доктрине, а в опыте прошлого и в области фактов. (*Рукоплескания справа; голоса: браво!*) И вот совершенно добросовестные изыскания в этих областях привели правительство к необходимости: во-первых, разграничения польского и русского элемента во время самого процесса земских выборов; во-вторых, установления процентного отношения русских и польских гласных, не только фиксировав их имущественное положение, но запечатлев исторически сложившиеся соотношения этих сил; в-третьих, учесть в будущем земстве историческую роль и значение православного духовенства (*голоса справа: браво*) и, наконец, дать известное ограждение правам русского элемента в будущих земских учреждениях.

Переходя к изложению перед вами тех мотивов, которые послужили основанием к этим выводам, я прежде всего должен оговорить, что какие-либо половинчатые меры при такой постановке вопроса были бы только вредны. И действительно, если, господа, и вы, и правительство признаете, что должны быть ограждены русские государственные интересы, то, казалось бы, и нелогично, и вредно обеспечить их только в части, основываясь только на бумажных данных, не учитывая реального соотношения сил. Негосударственно, господа, ставить себе известную задачу и не обеспечить в полном объеме ее достижение. Если невозможно минимальное участие русского элемента в земстве, вследствие его отсутствия или вследствие того, что оно может парализовать свободную самодеятельность земства введением случайного элемента, то лучше тогда от введения земства отказаться. (*Голоса в центре: верно, верно.*)

Вот почему правительство и предлагает вам отсрочить

введение земства в трех губерниях Виленского генерал-губернаторства; в остальных шести губерниях правительство считает необходимым ввести земство одновременно, так как в них достаточно элементов для свободной земской самостоятельности, при одновременном сохранении и интересов государственности. Мотивы, почему правительство предлагает вам в пределах Виленского генерал-губернаторства земства не вводить, вам осветят, быть может, в чем именно правительство видит связь между экономической, хозяйственной и политической жизнью западной России.

Дело в том, что в пределах Виленского генерал-губернаторства земские функции принадлежат местным губернским распорядительным комитетам и приказам общественного призрения. Соприкасаясь с этими учреждениями, местное население видит в них учреждения русские, а соприкасаясь ему с ними приходится на каждом шагу: местный житель, когда он болен, обращается в сельскую лечебницу, в сельскую аптеку, к сельскому врачу, к сельской повивальной бабке, к фельдшеру; рабочий ищет работы на земском шоссе, при постройке больницы и школы; родители имеют дело с учителями; сироты поступают в земские приюты — все это учреждения, носящие русскую окраску, учреждения, которые запечатлены русской государственностью.

Представьте же себе, господа, что случится в этом крае при передаче всех этих учреждений в местные руки. Русская недвижимая собственность в Ковенской губернии составляет не более 14%, в Виленской губернии — 20,5%. И если, господа, не исковеркать совершенно земской идеи, не насадить русских в земстве по назначению, то, конечно, оно перейдет в руки местных людей, и в первую голову самых сильных, то есть не литовцев, не белорусов, а поляков. Не думайте, господа, что у правительства есть какая-нибудь предвзятость, есть какая-нибудь неприязнь к польскому населению. (*Голос слева*: еще бы; *голос справа*: тише.) Со стороны государства это было бы нелепо, а с моей стороны это было бы даже дико, потому что именно в тех губерниях, о которых я теперь говорю, я научился ценить и уважать высокую культуру польского населения и с гордостью могу сказать, что оставил там немало друзей. (*Шум слева*; *голоса справа*: тише.)

Но, господа, будьте справедливы и отдайте себе отчет, рассудите беспристрастно, как отзовется на населении передача всех местных учреждений в руки местного населения. Ведь сразу, как в театре при перемене декорации, все в крае изменится, все будет передано в польские руки, земский

персонал будет заменен персоналом польским, пойдет польский говор. В Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях, где с 1863 года ведь отвыкли от польских порядков, огорошенный обыватель сразу даже не разберется, не поймет, что случилось, но потом очень скоро он твердо уразумеет, что это означает, что край перешел в область тяготения Царства Польского (*голоса справа: браво*), что правительство не могло удержать его в своих руках, вследствие ли своей материальной слабости или отсутствия государственного смысла. (*Голоса справа: браво, браво!*)

Но мне скажут, что все эти рассуждения относятся к трем губерниям генерал-губернаторства, а что в остальных шести губерниях племенное соотношение более благоприятно для русских людей, и поэтому в этих губерниях остаются в силе все соображения, согласно которым недоверие к местным русским элементам является оскорблением, и все мероприятия, мешающие свободному соревнованию народностей, являются источником смуты и раздражения. Но, господа, так ли это? Ведь при решении таких важных вопросов необходимо руководствоваться не благожелательным порывом, а фактами, применяя строго математический точный метод. А факты, которые внимательно должны изучить и государственные люди, и законодатели, это, господа, факты исторические, это ошибки наших предшественников, это опыт пережитого до самых последних дней.

Я, господа, не стал бы, может быть, касаться этих предметов, этих исторических данных, если бы не коснулся их предыдущий оратор. Но он начал с 1863 года. Я, конечно, не буду тоже вам пересказывать всю историю западной Руси, но принужден привести вам несколько исторических сопоставлений, поучительных, по моему взгляду, для предотвращения повторения неоднократно уже повторяющихся ошибок. Западные губернии, как вам известно, в 14-м столетии представляли из себя сильное литовско-русское государство. В 18-м столетии край этот перешел опять под власть России, с ополяченным и перешедшим в католичество высшим классом населения и с низшим классом, порабощенным и угнетенным, но сохранившим вместе со своим духовенством преданность православию и России. (*Голоса справа: браво, браво!*)

В эту эпоху русское государство было властно вводить свободно в край русские государственные начала. Мы видим Екатерину Великую, несмотря на всю ее гуманность, водворяющую в крае русских земледельцев, русских должностных людей, вводящую общие губернские учреждения, отменяю-

щую Литовский статут и Магдебургское право. Ясно стремление этой Государыни укрепить еще струящиеся в крае русские течения, влив в них новую русскую силу для того, чтобы придать всему краю прежнюю русскую государственную окраску.

Но не так думали ее преемники. Они считали ошибкой государственное воздействие на благоприятное в русском смысле разрешение процесса, которым бродил Западный край в течение столетия, процесса, который заключался в долголетней борьбе начал русско-славянских и польско-латинских. Они считали эту борьбу просто законченной. Справедливость, оказанная высшему польскому классу населения, должна была сделать эту борьбу бессмысленной, ненужной, должна была привлечь эти верхи населения в пользу русской государственной идеи. Опыт этот, произведенный Императорами Павлом Петровичем и Александром Благословенным, приобретает, с нашей точки зрения, особую важность и особую поучительность.

Я прохожу мимо общих государственных мероприятий, которые приняты были этими Государями и которые привели край к прежнему положению. Но позвольте остановить ваше внимание на том доверии, которое было оказано местным, хозяйским, так сказать, земским течениям края. Русские люди, которые были поселены в крае, были опять выселены; был восстановлен опять Литовский статут, были восстановлены сеймики, которые выбирали маршалков, судей и всех служилых людей. Но то, что в великодушных помыслах названных Государей было актом справедливости, на деле оказалось политическим соблазном. Облегчали польской интеллигенции возможность политической борьбы и думали, что в благодарность за это она от этой борьбы откажется!

Немудрено, господа, что Императора Александра Первого ждали крупные разочарования. И действительно, скоро весь край принял вновь польский облик. Как яркий пример я приведу вам превращение старой православной метрополитенской церкви в анатомический театр при польском Виленском университете. К концу царствования Императора Александра Первого весь край был покрыт тайными обществами. Везде гнездились заговоры, в воздухе носилась гроза, которая и разразилась после смерти Александра в 1831 году первым вооруженным восстанием.

Это восстание, господа, открыло глаза русскому правительству. Государь Император Николай Павлович вернулся к политике Екатерины Великой. Своею целью он поставил, как писал в рескрипте на имя генерал-губернатора Юго-За-

падного края: «Вести край сей силой возвышения православия и элементов русских к беспредельному единению с великорусскими губерниями». И далее: «Дотоле не перестанут действовать во исполнение изъясненных видов моих, пока вверенные вам губернии не сольются с остальными частями Империи в одно тело, в одну душу». (*Рукоплекскания справа.*)

Тут, господа, видна ясная политическая идея, и эти простые, честно, открыто сказанные слова не оставляли уже места добросовестному заблуждению со стороны польского общества. Но я должен заметить, что в царствование Императора Николая Павловича ему даже не представилось необходимости принимать особенно резкие меры по отношению к тем учреждениям, которые носили земскую окраску. Политика в царствование Николая Павловича вращалась вокруг униатского вопроса, что привело к воссоединению униатов, вращалась вокруг школьного дела, причем польский университет был перенесен из Вильны в Киев. Местным обывателям не была даже окончательно заграждена возможность поступать на государственную службу; дворянским собраниям было лишь вменено в обязанность принимать на дворянскую службу лиц, беспорочно прослуживших не менее десяти лет на военной или гражданской службе. И мало-помалу, без особой ломки планы и виды Императора начали проходить в жизнь.

Но, господа, судьбе было угодно, чтобы опыт, единожды уже произведенный после смерти Екатерины Второй, повторился еще раз. По восшествии на престол Император Александр Второй, по врожденному Ему великодушию, сделал еще раз попытку привлечь на свою сторону польские элементы Западного края. Вместо того, чтобы продолжать политику проведения русских начал, которые начали уже получать преобладание над польскими стремлениями и влияниями, поставлено было целью эти стремления, эти влияния обезвредить, сделать их одним из слагаемых государственности в Западном крае. И, тривиально говоря, поляки были попросту еще раз сбиты с толку; поляки никогда не отказывались и не стремились отказаться от своей национальности, какие бы льготы им предоставлены ни были, а льготы эти с своей стороны питали надежды и иллюзии осуществления национального польского стремления — ополячения края.

Действительно, в это время к Государю Императору Александру Второму начали со всех сторон обращаться с домогательствами и просьбами. Могилевское дворянство через рогачевского предводителя Богуша обратилось к Императору с просьбой вернуть польскому дворянству все права, которые оно имело при польских королях, и ввести польское

судопроизводство; подольское дворянство обратилось с ходатайством присоединить Подольскую губернию к Царству Польскому (*смех справа*) и т. д. Я не буду приводить других примеров, но нам, в порядке исследования хозяйственно-экономического течения, на что только я обращаю внимание в своем изложении, не мешает вспомнить попытку того времени со стороны польского дворянства укрепить за собой господство над русско-литовским простонародьем путем отмены крепостного права без наделения земель.

Я упоминаю об этом только для того, чтобы вы могли учесть существующий до настоящего времени известный аристократизм местных землевладельцев, которые привыкли держать местное население под сильным экономическим гнетом и в экономической зависимости. (*Голоса справа: верно.*) В это-то время западнорусский народ и изобрел про себя самого весьма унылую, весьма печальную поговорку: «Зробишь — пан бере, не зробишь — пан дере, нехай, кажу, нас вмисти чорт побере». (*Смех и рукоплескания справа.*) В это время пробудились у поляков все врожденные хорошие и дурные стремления; они проснулись, пробужденные примирительной политикой Императора Александра Второго, политикой, которая, как и 30 лет перед этим, окончилась вторым вооруженным восстанием.

Я не буду подробно останавливаться на тех действительно суровых, крутых мерах, которые были применены к местному польскому населению, о которых болезненно говорить и о которых упоминал уже предыдущий оратор. Вы знаете все те ограничения и относительно польского языка, и относительно прав службы, и относительно прав землевладения, и относительно дворянского представительства, которые были в ту пору приняты и которые продержались до 1905 г., меры, которые, по странной иронии судьбы, были результатом великодушного порыва великодушнейшего из Монархов, Царя-освободителя.

Вот, господа, те исторические уроки, которые, я думаю, с достаточной яркостью указывают, что такое государство, как Россия, не может и не вправе безнаказанно отказываться от проведения своих исторических задач. (*Рукоплескания и голоса справа и в центре: браво, великолепно!*) Но, господа, исторические задачи забываются. В памяти у многих, однако, сохранились, я думаю, события последних лет. И действительно, любопытно проследить, каким образом реагировали на те потрясения, которые перенесла Россия в 1905 году и дальнейшие годы, влиятельные польские круги в Западной России.

Повторялась историческая возможность, дважды открывавшаяся уже при Императорах Александре Первом и Александре Втором. Ведь после указа 12 декабря 1904 года и последовавшего в разъяснение этого указа Высочайше утвержденного положения Комитета министров от 1 мая 1905 года, о котором тут упоминалось, представлялась возможность польскому населению идти вместе, идти рука об руку с русскими по культурному пути, по спокойному государственному руслу.

Как же воспользовалась польская интеллигенция этой возможностью? Да так же, как и в первые два раза: сильным поднятием враждебного настроения по отношению ко всему русскому. (*Голоса слева: неверно; голоса справа: верно; шум справа.*) Случилось то, господа, что должно было случиться: каждый раз, когда слабеет в крае русская творческая сила, выдвигается и крепнет польская. Я не буду приводить вам особенно резких эпизодов из истории тех дней, резкие эпизоды ведь случались по всей России. Если я говорю на эту тему, то потому лишь, что она затронута была предыдущим оратором.

Повторяю, я никого не обвиняю, я рассказываю. В 1906 году и в последующие годы в Северо-Западном и Юго-Западном крае произошло приблизительно одно и то же: и духовенство, и интеллигенция старались то смутное брожение, которое проникло в народ, направить в национальное русло. В то время, как вы знаете, были попытки насильственно сменить всех православных сельских и волостных должностных лиц, изгоняли православных учителей из школ, предъявлялись повсеместно требования. Но особенно успешно поднять народные массы не удалось — движение, как и в прежние времена, сосредоточилось в интеллигенции и духовенстве.

В Северо-Западном крае в эту эпоху особенно заметную роль сыграл римско-католический епископ, барон Рооп. Деятельность его примечательна потому, что он — полунемец, полуполяк, человек по взглядам своим, по убеждениям спокойный, проживший долгое время в центре России, не может считаться прирожденным агитатором, он просто в силу обстоятельств, в силу необходимости и, я думаю в смягченной форме, вследствие своих качеств явился олицетворением тех польских течений, которые господствовали в это время на Литве. Он должен был в угоду этим течениям даже смягчить свою аграрную политику, придать ей другие контуры, он должен был особенно сурово относиться к ксендзам литовской и белорусской национальности и заменять в литовских приходах этих ксендзов ксендзами-поляками.

Из неоднократных моих бесед с епископом я вынес впечатление, что он находится под гнетом тех идей, которые господствовали над умами освободительной эпохи Императоров Александра Первого и Александра Второго. Ему казалось, он даже был уверен, что русское государственное начало в крае рушилось, что его уже нет, что осталось пустое место, которое нужно спешить заполнить польским содержанием. Он открыто, совершенно сознательно, *bona fide* говорил о том, что необходимо формирование полков из местных обывателей, если возможно, одного и того же исповедания, он говорил об автономии не только Царства Польского, но и об автономии других областей; он проповедовал — я скажу его собственными словами — «необходимость передачи в опытные, честные руки управления краем в случае дальнейшей дезорганизации существующего управления и окончательной потери авторитета органами последнего». (*Слева голоса: браво!*)

И польская интеллигенция поддержала своего епископа. Ведь поездки епископа по своей епархии — это было торжественное шествие по польской земле; везде триумфальные арки с польскими флагами и гербами, встречи с оркестрами музыки, с зажженными факелами, проводы всадниками в национальных костюмах, так называемыми бандериями. Гипноз был полный! Чтобы разрушить его, необходим был шок, который и последовал в виде Высочайшего указа от 4 сентября об увольнении епископа барона Роопа от должности.

Но то, что наиболее ярко создал барон Рооп на Литве, существовало повсюду. Польское общество стало спешно, наскоро перекрашивать Западный край в польскую краску. Сельскохозяйственные общества превратились в общества польские. Я помню хорошо Минскую сельскохозяйственную выставку 1901 года. Везде были русские флаги, русские надписи, совершенно корректное отношение к русским экспонентам. Поговорите с теми лицами, которые посетили в 1908 году и в 1909 г. сельскохозяйственные выставки в Проскурове, Виннице, Слуцке; ведь они вынесли впечатление польского края, полного игнорирования всего русского.

В Юго-Западном крае в 1906 году образовалось общество русских землевладельцев, которые хотели идти вместе с поляками, идти рука об руку вместе с ними. Я помню депутацию от русских землевладельцев Юго-Западного края, которая явилась в Петербург просить о том, чтобы были уничтожены все ограничения для поляков; но ведь русские землевладельцы ошиблись. Ведь этот союз скоро рушился; в

Киеве и Житомире в 1906 г. на польских съездах было провозглашено, что польская культура выше русской и что поляки имеют в Юго-Западном крае особое положение. Прочтите «Дневник Киевский» за октябрь месяц 1906 года; там помещено письмо от польских землевладельцев, заявляющих, что они достаточно сильны, что им не нужно союзничества, не нужно помощи со стороны русских.

И немудрено, господа, что взгляды русских землевладельцев, являвшихся просить за поляков в Петербург, что взгляды эти изменились. Думая об этом, я часто вспоминал о том, что мне приходилось говорить польским депутатам, которые являлись ко мне перед роспуском Второй думы, перед 3 июня 1907 года. Я говорил им, я повторял им, что в политике нет мести, но есть последствия. Но поляки были не в силах изменить свое политическое направление; они не могли этого сделать и при выборах в Государственную думу и Совет; везде, где русские им предлагали соглашение, почти везде они это отвергали.

Я возьму как пример Минскую губернию, где наиболее уважаемые поляки из умеренного стана во время последних выборов в Государственный совет не могли оказать никакого влияния на своих соотечественников. Все это, конечно, повлияло и на правительство, которое в 1906 году готовило законопроект о введении земства в Западном крае на началах пропорционального представительства, но намерение это оставило.

Все, что я сказал, все эти исторические данные, все эти факты являются посылками, которые облегчат мне мои выводы и заключения. Вам понятно, что все историческое прошлое Западного края говорит за необходимость оградить его от племенной борьбы во время выборов в земства, оградить его от преобладающего влияния польского элемента в экономической, хозяйственной жизни, которою, главным образом, и живет местное население. Да, необходимо ввести земство, необходимо дать простор местной самостоятельности, необходимо развить силу тех племен, которые населяют Западный край, но исторические причины заставляют поставить государственные грани для защиты русского элемента, который иначе неминуемо будет оттеснен, будет отброшен.

Из всего этого, господа, вытекает для меня необходимость национальных курий. И курии эти должны быть только избирательные. Превращение этих курий в собрания политические, разжигающие страсти, сеймики, решающие вопрос о том, настала или нет пора совместной выборной кам-

пании поляков с русскими, и решающие этот вопрос мозаично, случайно, создающие действительно враждебную атмосферу для совместной деятельности польских и русских классов, — это, по мнению правительства, недопустимо, и предложение комиссии Государственной думы о факультативном соединении национальных курий неприемлемо.

Нельзя забывать, господа, что польскому элементу, полякам, при их прекрасной дисциплине, при их культурности, при их силе, немудрено будет склонять русские избирательные собрания избирать гласных совместно, но затем, пользуясь или большинством избирателей-поляков, или, к сожалению, абсентизмом русских, добиваться избрания тех из русских, которые им угодны. Но даже самое установление национальных курий не обеспечит еще, не оградит русских государственных интересов. Преобладание этих начал, преобладание над всеми другими интересами может осуществиться только путем преобладания русского элемента в земских собраниях.

Теория говорит о том, что число земских гласных по различным категориям должно определяться сообразно ценности принадлежащего каждой категории имущества. Но теория в данном случае едва ли правильно разрешит сложные исторически наслоившиеся племенные соотношения. Вспомните, что большинство населения в западных губерниях, громадное большинство принадлежит к русской национальности и православному исповеданию. Более состоятельные лица — землевладельцы — были ранее тоже русские и православные, но с веками они утратили свою национальность, они превратились в поляков и поляков стойких.

Мне помнится, что в былые времена в Вильне носитель одного из древнейших русских имен на указание ему, что предки его были православные, надменно презрительно отвечал: «Да, но еще раньше они были язычниками». (*Смех справа.*) Вот, господа, таким землевладельцам, а также и прирожденным полякам принадлежат громадные земельные пространства в крае, и эти земельные пространства, по мысли комиссии, должны определять число польских гласных, а численно подавляющее большинство населения, правда, земельно бедное, но сохранившее свою национальность, в расчет приниматься не должно.

Простите, господа, но тут, очевидно, недоразумение. (*Голоса справа:* верно.) Ведь правительство предлагает учесть, принять во внимание оба признака: принять во внимание и признак национальный, и признак материальный, так сказать, имущественно-культурный, взять среднее арифметиче-

ское этих признаков; комиссия же предлагает принять во внимание лишь один признак — признак имущественный и, наталкиваясь при этом на чрезвычайно невыгодные соотношения для русских земских гласных в некоторых уездах, вводить корректив, но корректив гораздо более опасный, чем корректив на численность населения, который предлагает правительство.

Комиссия предлагает определить число польских гласных в уездах, учитывая средний по губерниям процент стоимости польской недвижимости по отношению к стоимости всей недвижимости губернии. Этот прием, конечно, увеличивает число русских гласных в некоторых, польских преимущественно уездах, но, с другой стороны, он насаждает в чисто русских уездах искусственно гласных-поляков. Возьмите примеры: Черкасский уезд Киевской губернии — всего-навсего в нем семь владельцев-поляков полноцензовиков; по расписанию комиссии предполагается восемь гласных-поляков; в Велижском уезде Витебской губернии всего-навсего четыре цензовика-поляка, предполагается четыре гласных от поляков, тогда как в обоих уездах, если учесть стоимость польских имуществ в уезде, возможно, было бы пропорционально отвести лишь по одному гласному на уезд.

Я привел самые разительные примеры, но общее число гласных-поляков по шести губерниям достигает по варианту комиссии угрожающих для русских интересов размеров. Всего по законопроекту правительства гласных-поляков 256; по варианту комиссии число их достигает до 457, на 70% более. Правда, господа, ни в одной из губерний, в общем, число поляков-гласных не превышает 30%; остальные 70% принадлежат крестьянам и русским крупным и мелким землевладельцам. Но необходимо, господа, принять во внимание, что крестьяне и мелкие землевладельцы, как я уже сказал, находятся под сильным экономическим давлением польских помещиков. (*Голос слева: а как в России?*) Русский элемент, русские помещики там не сплочены и, к сожалению, часто не проживают в крае. Поэтому, если прямо смотреть на вещи, понятен страх преобладания 30% богатых, пустивших глубокие корни в крае польских помещиков в союзе с частью крестьян и, может быть, к сожалению, ополяченных русских. (*Голоса справа: верно.*)

Для экономического прогресса, для поступательного движения края вперед, конечно, необходимо, как я сказал, земство; но необходимо принять во внимание и учесть и все приведенные обстоятельства, необходимо также вспомнить о роли духовенства, исторической в Западном крае, о том

благотворном влиянии, которое оно имело на крестьянство, о том, как оно его соединяло. Поэтому правительство настаивает на том, чтобы в уездных собраниях было не менее трех, а в губернских собраниях — не менее четырех представителей от духовенства. Я оставляю до постатейного чтения другие менее важные вопросы, как, например, вопрос об уменьшении ценза, или о расслоении избирательного съезда на два съезда, тем более что правительство не имеет против этого принципиальных соображений.

Мне остается высказаться по поводу решения комиссии относительно предоставления должностей по выборам и по назначению в земствах безразлично польского и русского происхождения. Комиссия предполагала, что раз русские гласные будут в большинстве в земских собраниях, тем самым обеспечено достаточное положение русского элемента в земских учреждениях. Я уверен, что это не так; я уверен, что только силой твердого закона можно установить минимум русского элемента в этих учреждениях. Я говорю, господа, о минимуме, так как проектом предполагается установить 50%, то есть такое число, на которое сообразно проценту населения польский элемент никогда даже не мог бы и рассчитывать.

Вопрос о служащих осложняется легкостью приглашения на места польских служащих, дешевизной их, трудностью отказать почтенному иногда человеку, который просит предоставить должность поляку, отказать только потому, что он поляк, не опираясь на твердый закон; осложняется некоторым добросердечием, некоторой податливостью русского элемента. Все это равномерно относится и к вольнонаемным, и к выборным должностям. Особенную важность имеет должность председателя управы, так как от него зависит и назначение на должности вольнонаемных. (*Слева шум и голоса: нет.*)

Я слышу возгласы отрицательные, возгласы «нет». Я не буду голословен, я укажу на городские самоуправления. Там, где польский элемент может оказать достаточное воздействие, там он, как в Минском городском самоуправлении, не пропускает совсем русских — это было на последних городских выборах, где не прошел ни один гласный по русскому списку. Нам говорят «нет». Я укажу на другие городские самоуправления, где в исполнительные органы проникает смешанный состав, как, например, в Житомире. Там все важнейшие должности по найму — и бухгалтеры, и секретари, и юрисконсульты, и врачи, и заведующие водопроводом — все отдано полякам. (*Голоса справа: верно.*)

Я, господа, на этом заканчиваю свои объяснения. Но я бы не хотел сойти с этой трибуны, не подчеркнув еще раз, что цель правительственного законопроекта не в угнетении прав польских уроженцев Западного края (*шум слева*), а в защите уроженцев русских. (*Голоса справа: браво; голоса слева: шовинизм.*) Законопроект дает законное представительство всем слоям местного населения, всем интересам; он только ставит предел дальнейшей многовековой племенной политической борьбе. (*Егоров, с места*¹: которую вы разжигаете.) Он ставит этот предел, ограждая властным и решительным словом русские государственные начала. Подтверждение этого принципа здесь, в этой зале, вами, господа, разрушит, может быть, немало иллюзий и надежд, но предупредит и немало несчастий и недоразумений, запечатлев открыто и нелицемерно, что Западный край есть и будет край русский навсегда, навеки. (*Продолжительные рукоплескания справа и в центре и голоса: браво!*)

Приложение 17

ДОКУМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ

Циркуляр Департамента Полиции начальникам Губернских Жандармских Управлений и Охранных Отделений о выяснении связей И. П. Каляева

4 апреля 1905 г.

Совершенно секретно.

Убийцей Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича оказался, как ныне установлено, бывший студент С. Петербургского Университета Иван Платонов Каляев, который, по окончании курса в Варшавской гимназии, в 1897 году поступил в Московский Университет, где пробыл один год, затем перешел в С. Петербургский Университет, из которого в 1899 году он был уволен за участие в студенческих беспорядках. Отец Каляева — старший околоточный надзиратель — умер, мать — Софья Филиппова, проживает в гор. Варшаве; Иван Каляев имеет братьев: Антона, Василия и Иосифа и сестер: Анну, Марию и малолетнюю Софью. По Высочайшему повелению 22 сентября 1899 года Каляев, за принадлежность к «Соединенному организационному комитету студентов С. Петербургского

¹ Н. М. Егоров — социал-демократ, чернорабочий. — *Прим. ред.*

Университета», подчинен был гласному надзору полиции сроком на два года, каковое наказание отбывал в гор. Екатеринославе, где поступил на службу в контору завода Е. Гантке. 2-го февраля 1902 года Каляев выбыл за границу, а 9-го июля того же года был задержан Прусскими властями на ст. «Мысловицы» в Силезии с корзиной, наполненной революционными изданиями, передан затем в распоряжение Начальника Петроковского Губернского Жандармского Управления, коим был привлечен к дознанию в качестве обвиняемого. По Высочайшему повелению 22 апреля 1903 года, последовавшему в разрешение сего дознания, Каляев отбыл тюремное заключение в течение одного месяца, по месту его проживания в то время в гор. Ярославле. 16 декабря того же 1903 года Каляев снова выбыл за границу по паспорту Варшавского Обер-Полицмейстера от 3 октября 1903 года за № 9789.

Сообщая об изложенном, в отмену циркуляра от 22 февраля сего года за № 2000, и признавая наиболее полное выяснение связей Каляева весьма желательным. Департамент Полиции предлагает Вам, Милостивый Государь, в случае, если в Вашем распоряжении окажутся определенные и достоверные сведения, Департаменту Полиции неизвестные, о сношениях названного преступника за самое последнее время, донести о том обстоятельно Департаменту.

За Вице-Директора [Макаров Н.А.]

За Заведывающего Отделом [Меньшиков]

Донесение начальника Черниговского Губернского Жандармского Управления Н. П. Рудова в Департамент Полиции о взрыве в полицейском участке г. Нежина

26 сентября 1905 г.

Совершенно секретно.

По получении телеграммы о брошенной бомбе в 1 полиц[ейский] уч[асток] г. Нежина, я в тот же день выехал в г. Нежин, где принял меры к объяснению этого преступления, виделся с сотрудником из партии анархистов, который заслуживает доверия, так как даваемые им сведения были всегда основательные и дали возможность взять типографию с «Набатом» и заарестовать 7 человек террористов, из коих убит «Федька».

Сотрудник рассказал, что в партии ничего не было известно о готовящемся преступлении и что только после взрыва бомбы стали говорить, что это дело прибывших на время

4 человек террористов из Одессы, Киева, Белостока и Лодзи; что они прибыли отомстить за смерть «Федьки» и при этом добыть денег, так как партия очень нуждается в средствах. Все 7 человек террористов евреи, задавшиеся целью ограбить Акцизного сборщика по Нежинскому уезду, но этого им в этот приезд не удалось выполнить, и сейчас же после взрыва все семь человек уехали из Нежина по своим местам; но их следует ожидать в скором времени, так как они не бросили надежды добыть деньги путем ограбления и убийства Акцизного сборщика. Помощнику моему Ротмистру Бакуринскому поручил предупредить всеми мерами это преступление.

Положение г. Нежина в данное время весьма и весьма серьезное. Необходимо возможно скорее усилить штат полиции, о чем уже Губернатор входит с ходатайством, а теперь усилена полиция двумя Приставами и 15 стражниками.

Для успешности розысков по г. Нежину я прошу о командировании в возможно скором времени филеров по два человека из Одессы, Киева, Лодзи и Белостока, которым бы были известны хотя бы главные деятели в этих местностях из партии террористов. Серьезность положения дел в Нежине вызывает принятие самых экстренных, энергичных мер, к установлению спокойствия и безопасности, что местными средствами в данное время почти невозможно: преступники бегут из местностей, объявленных на военном положении, и проявляют свою деятельность в таких городах, как Нежин, где и удобство сообщений, большое население и малый штат полиции дают им возможность совершать преступления безнаказанно.

Местное общество терроризировано, власти, отчасти, растерялись и угнетены, полицейские чины хотят бросать службу.

Только что получена мною шифрованная телеграмма от Ротмистра Бакуринского, копию которой представляю с моим ответом. В бытность мою в Нежине никаких указаний по содержанию этой телеграммы не было.

Полковник Рудов

Донесение ротмистра В. А. Левдикова директору Департамента Полиции Н. П. Гарину о готовящихся в Херсонской губернии терактах

27 октября 1905 г.

Секретно

Доношу Вашему Превосходительству, что по полученным агентурным сведениям, на жизнь Николаевского Гра-

дона начальника и Полицмейстера Ротмистра Иванова готовится покушение, как возмездие за еврейский погром. Для означенной цели имеются две бомбы: одна фитильная для Полицмейстера и другая самовзрывная, весом 12 фунтов для Градоначальника.

Та же агентура указывает, что из Одессы должны прибыть на днях транспорт оружия и 6 бомб («ершей») для действия ими против некоторых административных лиц, которых считают виновниками бывших событий 19 и 20 октября.

Донесение помощника начальника минского Губернского Жандармского Управления в Департамент Полиции об убийстве урядника А. Черняка

16 января 1906 г.

Секретно

Доношу, что 7-го января сего года, в 12 часов дня, в местечке Холмеч, Речицкого уезда, Речицкий мещанин Александр Волоткович и крестьянин села Тульгович Степан Окуненко, принадлежащие к партии социал-революционеров, убили урядника местечка Холмеч Алексея Черняка, убийство произошло при следующих обстоятельствах: урядник с женою шел из церкви и увидев собравшуюся толпу крестьян предложил разойтись. Из толпы вышел мещанин Володкович и Окунев, которые начали укорять урядника за то, что он совместно с Приставом произвел обыск у первого. По окончании угроз Володкович выстрелил в урядника; раненый урядник начал кричать о помощи, а затем, видя, что помощи никто не подает, скрылся в доме Помощника акцизного Надзирателя Перепечи. Вскоре к дому Перепечи под предводительством выше названных лиц явилась вооруженная толпа человек в 60 и начали ломать двери и окна. Урядник вырвал раму и выскочил в сад. Толпа догнала его и расстреляла из револьверов и ружей. Затем вооруженная шайка направилась к квартире урядника, разгромила последнюю, уничтожив все вещи и одежду и забрала около 150 рублей казенных и собственных урядника денег. Володкович и Окунев скрылись. Задержано 9 человек, производится полицейское и негласное дознание.

Ротмистр Нартов

Шифртелеграмма Директора Департамента Полиции М. И. Трусевича начальникам Губернских Жандармских Управлений и Охранных Отделений о мерах по предотвращению развития революционного движения

17 июля 1906 г.

Лично. На днях состоялось постановление центрального комитета партии социал-революционеров поручить местным организациям перейти к решительным действиям, направив их на возбуждение массовых беспорядков в крестьянстве и войсках, а также приступив к широкому партизанскому и массовому террору. Та же фракция, а равно комитет трудовой группы с социал-демократами бывшей Думы призывают к всеобщей забастовке. Необходимы решительные меры и немедленная ликвидация действующих ныне активно социал-революционеров, аграрных агитаторов железнодорожных и телеграфных комитетов, а также препятствование возникновению новых. Приступите немедленно [к] приобретению полезных сотрудников, особенно [в] войсках и среди крестьян, проявив в этом полную энергию. На эти задачи отпускаемый аванс увеличен в три раза и будет переведен телеграфом по получении депеши о фактическом поступлении к Вам секретных сотрудников.

Директор Трусевич

Уведомление Департамента Полиции начальникам жандармско-полицейских Управлений железных дорог в связи с подготовкой всеобщей железнодорожной забастовки

7 августа 1906 г.

Секретно

Циркулярно

По полученным Департаментом Полиции сведениям на собрании членов Центрального забастовочного Комитета Харьково-Николаевской железной дороги, бывшем 29-го минувшего июля, предложена следующая программа для осуществления всеобщей железнодорожной забастовки:

1) начать с террористических актов против административных лиц, главным образом против военных чинов, чтобы лишить воинские части командного состава. Для этого обратить все внимание на пропаганду среди нижних чинов, подготовив из них боевиков для террористических актов.

2) по получении телеграммы из Центрального железно-

дорожного Комитета в Москве, немедленно привести в негодность подвижной состав карательных поездов.

3) разобрать путь перед станциями, взорвать имеющиеся железнодорожные мосты, чтобы воспрепятствовать прибытию карательных поездов.

4) если требование пун[ктов] 2 и 3 почему-либо выполнить будет нельзя (бдительная охрана подвижного состава, охрана пути войсковыми частями и пр.), то напрячь все усилия к тому, чтобы поезда эти взорвать в пути, или произвести каким-либо другим путем крушение этих поездов. Для этого теперь же озаботиться надлежащим подбором путевых сторожей.

5) прервать телеграфное сообщение, оставив одну проволоку для обслуживания забастовочного комитета; для чего теперь же выбрать надежнейших телеграфистов.

6) теперь же озаботиться заготовкою необходимых материалов для баррикад; подготовить техников, знакомых с устройством баррикад. На каждой станции должны быть теперь же выработаны правила забаррикадирования, соответствующие с местными условиями.

7) озаботиться теперь же приобретением оружия, динамита, пороха, бомб и проч. для оказания упорного сопротивления войсковым частям.

Подробная инструкция в настоящее время разрабатывается Комитетом и по отпечатании будет разослана по линии Харьково-Николаевской железной дороги.

Подготовительные работы должны быть закончены к сентябрю месяцу сего года, и тогда должна начаться всеобщая железнодорожная забастовка.

Изложенное Департамент Полиции сообщает Вашему Высокоблагородию для сведения и соображений при принятии предупредительных мер против всеобщей железнодорожной забастовки.

Подписал: Директор Трусевич

Скрепил: Заведывающий Особым Отделом Васильев

Письмо министра юстиции И. Г. Щегловитова министру внутренних дел П. А. Столыпину по делу о подготовке теракта в помещении Московского Охранного Отделения

31 августа 1906 г.

Совершенно секретно.

Милостивый Государь, Петр Аркадьевич.

Из имеющихся в Министерстве Юстиции сведений усматривается, что 15 минувшего июля в г. Москве, в помещении

охранного отделения, было учинено покушение на взрыв при следующих обстоятельствах. Вечером означенного числа, в одной из комнат нижнего этажа отделения, в которой иногда производится прием сотрудников, показался дым. По прибытии служителей и начальника охранного отделения подполковника Климовича оказалось, что дым шел из шкафа, а в комнате пахло горящим динамитом. Распространение огня тотчас же было прекращено домашними средствами, причем несколько обуглился лишь шкаф и обои. При осмотре этой комнаты в шкафу была обнаружена «адская машина» с часовым механизмом, в виде маленького будильника, причем взрыв не произошел, по-видимому, от недостатка детонатора.

Первоначально возникло лишь предположение, что означенный взрывчатый снаряд могли оставить в шкафу состоявшие агентами охраны Богданова и Новикова, посетившие в тот вечер на короткий срок отделение; вскоре, однако, было установлено, что названные Богданова и Новикова неожиданно скрылись из Москвы; тем не менее охранное отделение, не имея в своем распоряжении бесспорных доказательств виновности упомянутых лиц, ограничилось частным сообщением прокурору Московской судебной палаты приведенных данных, с просьбою не предавать этого случая огласке возбуждением о нем судебного расследования. Затем, названным прокурором были получены неофициальные сведения о последовавшем на основании Положения об охране аресте Богдановой и Новиковой, которые, при допросе их, сознавшись в покушении на учинение взрыва, объяснили, что, войдя случайно в Московскую группу оппозиционной фракции партии социалистов-революционеров, вскоре, однако, решили выдать административной власти всю преступную деятельность означенного сообщества, для чего и поступили на службу охранного отделения, но затем на одной из сходов были заподозрены членами партии в измене, ввиду чего, желая восстановить доверие к себе, приняли поручение взорвать помещение охранного отделения и, получив от партии «адскую машину», поставили ее в одной из комнат отделения.

Вся обстановка описанного деяния Богдановой и Новиковой и особые отношения, в которых они состояли к охранному отделению, послужили основанием для подполковника Климовича представить всю переписку о Богдановой и Новиковой в Департамент Полиции, причем, по имеющимся у прокурора Московской судебной палаты сведениям, означенный штаб-офицер намерен ходатайствовать о разрешении этого дела высылкою Богдановой и Новиковой в административном порядке в одну из отдаленных губерний Сибири.

Вследствие изложенного, имею честь просить Ваше Превосходительство не отказать в сообщении мне о том, какое направление будет дано Министерством Внутренних Дел настоящему делу.

Примите, Милостивый Государь, уверение в Истинном почтении и совершенной преданности.

Ив. Щегловитов

Уведомление Департамента Полиции начальникам Губернских Жандармских Управлений, Охранных Отделений и розыскных пунктов о решениях съезда Крестьянского Союза партии эсеров

18 сентября 1906 г.

С 8 по 13 сего сентября в Финляндии на Иматре происходили заседания съезда представителей крестьянского союза партии социалистов-революционеров, причем на означенных заседаниях выработаны следующие постановления:

1) признать, что вооруженное восстание крестьян в ближайшем будущем невозможно, по совершенной неподготовке их к восстанию и отсутствию вооружения,

2) выразить Центральному Комитету порицание за призыв к вооруженному восстанию в августе месяце без предварительного осведомления у областных комитетов,

3) повести широкую агитацию в крестьянской массе о неплатеже повинностей и

4) начать партизанскую войну убийством властей, как то: урядников, станowych приставов и земских начальников.

Что касается вопроса о неисполнении воинской повинности, то съезд признал, что отказ крестьян от отбытия воинской повинности равносителен призыву к вооруженному восстанию.

Об изложенном Департамент Полиции уведомляет Вас, Милостивый Государь, для сведения и соображений.

Исп. об. Вице-Директора Харламов

Статистические данные о лицах, пострадавших при террористических актах с февраля 1905 г. по май 1906 г.

Ноябрь 1906 г.

Вследствие резолюции Вашего Высокопревосходительства относительно проверки помещенных в «Практическом Враче»

числовых данных об убитых и раненых при террористических покушениях с февраля 1905 г. по май 1906 г., имею честь доложить, что, на основании отзывов местных властей, числовые данные по сему предмету представляются в следующем виде:

Генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников	8
Вице-губернаторов и советников губернских правлений	5
Полицмейстеров, уездных начальников и исправников	21
Жандармских офицеров	8
Генералов (строевых)	4
Офицеров (строевых)	7
Приставов и их помощников	79
Околоточных надзирателей	125
Городовых	346
Урядников	57
Стражников	257
Жандармских нижних чинов	55
Агентов охраны	18
Гражданских чинов	85
Духовных лиц	12
Сельских властей	52
Землевладельцев	51
Фабрикантов и старших служащих на фабриках	54
Банкиров и крупных торговцев	29
Всего:	1273

Проект шифртелеграммы высшим чинам местной Администрации о мерах предосторожности в связи с участвовавшими покушениями, представленный директором Департамента Полиции министру внутренних дел П. А. Столыпину

21 декабря 1906 г.

Позволяю себе представить вниманию Вашего Высочайшего превосходительства проект телеграммы, соизволение на которую, быть может, ныне своевременно.

Г. г. Генерал-Губернаторам, Губернаторам, Градоначальникам, копия Наместнику [на Кавказе]. Ввиду усилившегося террора против высших должностных лиц, Государь Император при всеподданнейшем моем по сему предмету докладе изволил выразить пожелание, чтобы означенные представители власти избегали посещения таких мест и собраний, присутствие в коих не является исполнением существа

прямых обязанностей службы и командировали бы вместо себя представителей, если нахождение их необходимо по свойству собрания или торжества.

Директор Трусевич

Резолюция: «Это могло бы вызвать панику среди Губернаторов. Надо просто повторить им предостережение — примите некоторое время усиленные предосторожности».

Предписание Департамента Полиции начальникам Губернских Жандармских Управлений Европейской России в связи с возможностью покушения на одного из губернаторов

3 мая 1907 г.

Срочно

Совершенно секретно

Циркулярно

В Департамент Полиции поступили агентурные сведения, что фракцией максималистов готовится в самом непродолжительном времени покушение на одного из Губернаторов. О последнем имеются лишь сведения, что он каждое воскресенье ездит в свое имение, где без охраны посещает местную церковь.

Сообщая об изложенном, Департамент Полиции предлагает выяснить, не относится ли вышеизложенное к Губернатору вверенного Вам района и о последующем срочно уведомить Департамент, предупредив Губернатора.

Подписал: За Директора, Член Совета Министра П. Курлов
Скрепил: Заведывающий Особым Отделом Васильев

Циркуляр Департамента Полиции губернаторам, градоначальникам, варшавскому обер-полицмейстеру, начальникам Губернских Жандармских Управлений, Жандармско-полицейских управлений железных дорог и Охранных Отделений в связи с усилением террора против фабричной администрации

26 мая 1907 г.

Личное

Шифр.

Ввиду участвовавших в последнее время посягательств на лиц, стоящих во главе фабричных, заводских и подобных им

предприятий Министр предлагает принять энергические меры как негласному розыску в этой области в рабочей среде, так и охране тех из означенных лиц, кои своею деятельностью могут вызвать недовольство рабочих.

Подписал: Директор Трусевич

Верно: Помощник Делопроизводителя Томилин

Циркуляр Департамента Полиции начальникам Районных Охранных и Охранных Отделений о мерах по усилению агентурного наблюдения за революционными организациями

4 октября 1907 г.

Лично

Совершенно секретно

Поступающие из партийных агентурных источников сведения указывают на то, что наряду с напряжением сил боевых элементов, требующим и ныне самой упорной и решительной борьбы, деятельность главнейших революционных организаций (социалистов-революционеров, социал-демократов, польской партии социалистов, социалистов-революционеров-максималистов и др.) вступила в переходный фазис, обуславливаемый отчасти усилением розыскных учреждений, а главным образом — неудачей недавних принципиальных начинаний и необходимостью вызываемых течением жизни России изменений в партийных программах и тактике. В этом направлении замечается ныне усиленное движение среди интеллигентных руководителей революции, некоторое ослабление притока к партиям новых личных и материальных сил и агитационной деятельности. Исключение составляют, как выше указано, — террористические посягательства, а также пропаганда среди крестьян и войска. В то же время вследствие целого ряда правительственных распоряжений против преступной агитации, осуществлявшейся еще в недавнем прошлом путем легальных мер, партийные группы вынуждены ныне перевести многие свои предприятия в подпольную область.

Опыт минувших лет дает некоторое основание предполагать, что неудача последних программных планов революционеров заставит их организовать новые приемы противоправительственной борьбы, которые в более или менее близком будущем, на почве неустойчивости общества, могут создать и новую волну революционных выступлений.

Описанные обстоятельства вызывают необходимость в направлении ближайшей деятельности органов Департамен-

та полиции согласно указанному выше положению революционного движения. В этих видах надлежит принять следующие меры:

1. Всем сотрудникам должно быть внушено, чтобы они, участвуя в совещаниях, на коих обсуждаются те или иные повороты в программах и тактике организаций, настойчиво отстаивали направление, наиболее смягчающее революционное движение и эти идеи распространяли усиленно в окружающей среде и в пределах, возможных по условиям подпольной деятельности.

2. Перед собраниями, на коих могут обсуждаться указанные основные вопросы, розыскные органы должны устранять хотя бы на короткое время лиц, придерживающихся крайних воззрений и оказывающих по своим личным качествам серьезное влияние на единомышленников.

3. Пользуясь разногласиями и колебаниями в партийных организациях, начальники розыскных учреждений должны ныне же принять самые энергичные меры к приобретению новых сотрудников, стремясь заручиться содействием серьезных представителей, а не мелких кружковых деятелей, а вместе с тем использовать означенное переходное состояние в том смысле, чтобы продвинуть своих сотрудников ближе к центрам организаций.

4. При стремлении партийных руководителей законспирировать значение скрывааемых ими целей некоторых, с формальной стороны легализированных предприятий (как например профессиональные союзы). Начальникам розыскных учреждений надлежит немедленно направлять агентуру в среду этих организаций и выяснять действительных руководителей таковых, скрывающихся за спиной фиктивных предприятий, применяя к ним соответственные меры по охране, при невозможности возбуждать уголовное преследование. Самое серьезное внимание должно быть обращено на выяснение через агентуру тех планов и намерений революционных групп, из которых комбинируются общая, скрытая программа их деятельности, и которыми определяются конечные цели таковой, дабы Правительство имело возможность правильно ориентироваться в тех или иных отдельных выступлениях революционного, маскированного и парламентского свойства. Данные эти должны быть полностью сообщаемы Департаменту полиции.

5. При этом надлежит обратить особое внимание на недопущение соединений означенных организаций в крупные группы, вроде областных групп, союза союзов и т. п., каковые попытки должны быть пресекаемы в самом зародыше путем

арестования и высылка инициаторов и главарей этого движения (без расширения размеров ликвидации в этой области).

6. В борьбе с террором и пропагандой в войсках и среди крестьян, руководствоваться предшествовавшими указаниями Департамента относительно неослабной, самой упорной розыскной работы в этом направлении, причем ввиду уклонения многих бывших членов революционных партий, причисленных к партийной дисциплине и организованности, в область самочинных общеуголовных преступлений в соучастии с обыкновенными преступниками, чинам розыскных учреждений надлежит отнюдь не ослаблять агентурного наблюдения в этих сферах и не проводить в ней демаркационной линии между своими функциями и обязанностями полиции, но работать с последнею совершенно согласованно, придерживаясь того принципа, что исследовать современную экспроприаторскую и террористическую область, выходящую из пределов партийных предприятий, обязано то учреждение, которое получило впервые сведения о замысле, и которому в нужных случаях другой розыскной орган Министерства внутренних дел обязан оказать посильную поддержку.

Все указанные выше меры, составляющие на ближайшее время основной круг обязанностей розыскных учреждений, должны быть выполнены при полной взаимной осведомленности со стороны подлежащих органов Департамента полиции.

Начальники районных охранных отделений имеют словесно ознакомить начальников жандармских управлений с приведенными выше указаниями.

Директор Трусевич

Уведомление Департамента Полиции начальникам Охранных Отделений о решениях Большевистской конференции

Октябрь 1907 г.

Секретно

Циркулярно

Департамент Полиции препровождает при сем Вашему Высокоблагородию, для соображений, полученные агентурным путем сведения о результатах конференции фракции большевиков Российской социал-демократической рабочей партии.

За Директора,
Член Совета Министра Курлов

Конференция фракции большевиков с[оциал]-д[емократической] партии состоялась в окрестностях фабрики Нюкия, приблизительно в верстах 30 от Гельсингфорса.

Председательствовал товарищ Ленин. Собралось 32 делегата.

Первым разбирался вопрос о ходе предвыборной кампании. Делегаты констатировали сильное равнодушие тех избирателей, которые в прошлую кампанию не только подавали голоса за левых кандидатов, но, не принадлежа к действующим организациям партии, по личной инициативе агитировали в пользу социалистов. Равнодушие объясняется, по мнению делегатов, тем, что избиратели не верят в долговечность третьей думы, как не верят в возможность образования такой же сильной крайне-оппозиционной группы, как это было во 2-ой думе. Напрасны все убеждения агитаторов. Избиратели проявляют огромный абсентеизм.

Кроме того, по сообщениям делегатов (от Екатеринославского района, Закавказья и Западной Сибири) многие правомочные избиратели боятся принимать активное участие в выборах, имея в виду административные репрессии.

Настроение конференции после этих сообщений было удручающее, хотя Ленин и Рожков старались рассеять впечатление.

Вторым разбирался вопрос о терроре и о единении работ боевых организаций партий с[оциал]-д[емократов] (большевики) и партии С-Р.

Получилось маленькое недоразумение. Делегаты ехали на конференцию уверенные, что ЦК социал-демократической партии (где как известно преобладают большевики) получил от ЦК с[оциал]-революционной партии соответственное оформленное предложение.

Оказалось, что такое предложение отсутствует и многие из делегатов только на конференции узнали, что эсеры на своей конференции отложили вопрос об усилении террора до соответственного постановления большевиков.

Поднялся большой шум. Все почему-то набросились на Ленина. Тогда выяснилось, что Ленин и сам не был посвящен в детали. Делегаты рассердились и два с половиной дня убили на неидушие к делу ссоры. В конце концов успокоились и стали обсуждать вопрос по существу.

Решили: усилить террор необходимо. Это единственный способ вернуть Россию к тому состоянию, в каком она оказалась при первых успехах революции и из которого ее опять вывел никому не понятный режим премьера. Террор должен быть не только массовый.

Снова надо вернуться к системе отдельных выступлений. Участие эсеров как людей в данном отношении [неразборчиво] президиум конференции обязан поставить в известность ЦК социал-революционной партии. Но необходимо изучить новейшие методы революционной борьбы. А потому следует послать в Рим и Париж «товарищей-техников», которым и поручить приобрести соответственные сведения.

В заключение решено составить независимо от составляемого у эсеров свой собственный проскрипционный список.

Финал конференции оказался совсем неожиданный. Ленин и Рожков сделали заявление:

Ввиду того, что в настоящее время мы считаем метод террора не достигающим цели, так как сейчас единственным методом борьбы должна являться научная пропаганда и государственная дума как агитационная трибуна, мы оставляем за собой право оставаясь в партии не гарантировать постановления о терроре и в случае, если и ЦК партии одобрит постановление конференции — совсем уйти из партии.

Циркуляр Департамента Полиции начальникам Губернских Жандармских Управлений и Охранных Отделений о предотвращении террористических актов против членов Союза русского народа

8 марта 1908 г.

Срочно.

Совершенно секретно.

В Департамент Полиции поступили сведения о целом ряде выступлений революционных организаций против членов патриотических партий, главным образом лиц, принадлежащих к союзу русского народа и преимущественно председателей отделов названного союза. Так, в текущем месяце в одной Черниговской губернии в гор. Бахмач брошена бомба в дом председателя местного отдела союза, в гор. Нежин подожжен дом председателя союза, причем в огне погибла вся семья, в с. Домьянах убит председатель отдела, в Нежине убиты два председателя отделов и т.д.

Сообщая об изложенном, Департамент Полиции предлагает Вам, Милостивый Государь, по получении сего немедленно направить находящуюся в Вашем распоряжении агентуру для предупреждения подобных посягательств революционеров на жизнь лиц, принадлежащих к союзу русского

народа, и, в случае проявления означенных преступлений в пределах местности, вверенной Вашему наблюдению, принять самые энергичные и действительные меры к обнаружению виновных.

За Директора С. Виссарионов

За Заведывающего Особым Отделом М. Броецкий

Доклад директора Департамента Полиции М. И. Трусевича министру внутренних дел П. А. Столыпину по делу «боевого интернационального отряда анархистов-коммунистов»

18 марта 1908 г.

В 1907 году заграничная агентура получила сведения о том, что из числа захваченных анархистами-коммунистами при ограблении ими 25 сентября почтового отделения при станции «Верхнеднепровск» 60 тысяч рублей, значительная часть этой суммы была доставлена в Женеву анархистской группе «Буревестник» двумя серьезными анархистами Сергеем Борисовым и неким «Мишей», принимавшими личное участие в этом ограблении.

По прибытии в Женеву, названные анархисты примкнули к сорганизовавшейся после Амстердамского Конгресса анархистов группе «Интернационал» и образовали со своими товарищами из России «боевую интернациональную группу анархистов-коммунистов».

В декабре месяце названная группа сформировала «Боевой Интернациональный Отряд» для поездки в Россию с целью совершения целого ряда террористических актов политического и экономического характера. (Между прочим, предполагалось взорвать съезд горнопромышленников на Юге или на Урале, а также убить Киевского Генерал-Губернатора Сухомлинова.) В состав отряда вошли: 1) Сергей Борисов, бежавший с каторжных работ, 2) «Миша» (он же «Аркадий»), принимавший, по сведениям, участие в ограблении Богоугодного заведения в гор. Симферополе и в нескольких убийствах, 3) Аврум Ицек Лейбов Тетельман (он же Леонид Одино), бывший студент, участник нескольких ограблений, и некоторые другие.

По сформировании «Боевого Отряда» первым отправился во второй половине декабря месяца в Россию Сергей Борисов, а вслед за ним Тетельман вместе с женою, причем последняя снабжена была паспортом на имя Перли Найдорф, а сам Тетельман — паспортом на имя Лемче Гринбер-

га. Борисов и супруги Тетельман прибыли в Одессу, где остались на некоторое время. Отсюда Борисов послал в Швейцарию требование о высылке ему транспорта, оружия в количестве семидесяти револьверов системы «Браунинг» и «Маузер».

В январе месяце от заграничной агентуры поступили сведения, что Борисов, получив от Одесской группы анархистов 2000 рублей, отправился в Екатеринослав, где решил устроить главную штаб-квартиру для организации всех предприятий Отряда на Юге России.

Так как становилось очевидным, что «Боевой Отряд» затевает крупное и опасное предприятие, то заграничная агентура командировала в Екатеринослав своего серьезного сотрудника, пользовавшегося солидным положением в группе «Буревестник» и также вошедшего в состав «Боевого Отряда». По прибытии в Екатеринослав, сотрудник вошел в сношение с командированным туда Департаментом Полиции Начальником Харьковского Охранного Отделения Подполковником Поповым, на которого возложена была обязанность разработки всех получаемых от сотрудника сведений, причем, так как задачи «Боевого Отряда» касались деятельности анархистских групп почти всего Юга России, то Начальникам Киевского и Одесского Охранных Отделений Департаментом поручено было содействовать Подполковнику Попову в пределах его указаний. От агентуры, между прочим, получены были сведения, что «Боевой Отряд» выдал находившемуся в Одессе Тетельману 2000 рублей на организацию убийства Председателя Одесского Военно-Окружного Суда. Далее — по тем же сведениям из Женевы, прибыли в Россию известные анархистов Ольга Таратута, осужденная Одесским Военно-Окружным Судом к 17 летним каторжным работам и бежавшая из-под стражи, и Абрам Гройсман (кличка в группе «Александр»), игравший в группе «Буревестник» видную роль. На Таратуту группой возложена была обязанность организовать: 1) взрыв здания Одесского Военно-Окружного Суда во время заседания и 2) убийство Командующего войсками Одесского военного округа Генерала Барона Каульбарса, на что она получила от группы 5000 рублей. Таратута и Гройсман, приехав в Россию, временно поселились в гор. Киеве.

Еще до образования «Боевого Отряда» заграничной агентурой были получены сведения о выезде из Швейцарии в Россию матери казненного в Одессе анархиста Розалии Тарло, поставившей после казни сына целью своей жизни — убийство Генерала Каульбарса и Начальника Московской

тюрьмы, бывшего во время казни Тарло Начальником Одесской тюрьмы. С прибытием в Россию «Боевого Отряда», Борисов вошел в сношение с Тарло, поселившейся в Одессе под именем Шейндли Белявской.

Наконец тою же агентурою выяснен был налаженный группой «Буревестник» путь переправы через границу у Черновиц в Россию транспортов оружия и нелегальной литературы, а также лиц, нуждавшихся в нелегальной переправе.

С целью выяснения всех связей «Боевого Отряда» было установлено одновременное наблюдение по Екатеринославу, Харькову, Одессе и Киеву.

Для приведения в исполнение всех замыслов Отряда, Борисов решил устроить в Екатеринославе лабораторию взрывчатых веществ и бомб, для каковой цели вызвал из Киева Гройсмана, который 12 февраля и прибыл в Екатеринослав, но 18 февраля экстренно выехал обратно в Киев по требованию Ольги Таратуы.

В устройстве лаборатории приняли участие упомянутый выше «Миша» и вызванный Борисовым из гор. Рославля, Смоленской губернии, специалист по устройству лабораторий некий «Дядя» (организационная кличка). Кроме того, Борисовым послана была в Рославль телеграмма некоему Михаилу Минцу с приглашением его прибыть в гор. Екатеринослав также для принятия участия в оборудовании лаборатории.

Вслед за отъездом Гройсмана из Екатеринослава в Киев наблюдаемую в Екатеринославе Итой Либерман (организационная кличка «Ева») получено было из Киева письмо с требованием немедленно доставить в Киев три бомбы. Так как лаборатория еще не была поставлена, то «Ева» достала у боевика Екатеринославской группы анархистов-коммунистов «Вани» три давно приготовленные бомбы и крайне конспиративно даже от близких своих товарищей выехала в Киев, где ее встретил на вокзале Гройсман, принявший от нее деревянную коробку с бомбами.

Между тем лаборант «Дядя» вместе с наблюдаемой по связям с ним Басей Хазановой подыскали помещение для лаборатории и обставили его, и так как заказанных Отрядом взрывчатых веществ (пикриновая кислота, пять пудов динамита и оболочки для бомб) еще не было, то 19 февраля они решили перенести в нанятое помещение имевшиеся уже давно в распоряжении группы, принадлежавшие Борисову и хранившиеся у рабочего Владимира Петрушевского в доме № 33 по Аптекарской балке, взрывчатые вещества, но, при выносе их из квартиры для передачи «Дя-

де», от неосторожного обращения произошел взрыв, коим Петрушевский был тяжело ранен. При обыске во дворе найдена была еще она старая бомба, а в квартире Петрушевского обнаружены были чертежи бомб и анархистская литература.

Озабоченный устройством лаборатории, Борисов в то же время делал приготовления к ограблению на железной дороге какого-то артельщика, который должен был вести с собою громадную сумму, но вечером 19 февраля неожиданно выехал в Севастополь с целью освобождения из-под стражи какого-то арестованного товарища «Коли», а так как последний в тюрьме покончил свою жизнь самоубийством, то Борисов из Севастополя отправился в Одессу.

Отлично налаженные наблюдения за действиями членов «Боевого Отряда» и вошедшими в связь с ними членами местных анархистских групп и разработка всех агентурных сведений неожиданно были временно парализованы в Екатеринославе арестом 21 февраля сотрудника, произведенным полицией случайно при розысках какого-то грабителя. Вследствие этого Подполковник Попов немедленно произвел ликвидацию по наблюдению в Екатеринославе и арестовал «Мишу», лаборанта «Дядю», «Басю», возвратившуюся из Киева, «Еву» и 10 человек, наблюдавших по связям с «Боевым Отрядом». При лаборанте «Дяде» обнаружены были револьвер «браунинг» с патронами, брошюры: «Тактика, фортификация и приготовление взрывчатых веществ» издания анархистов-общинников и «Лабораторная техника» и гектографированные чертежи бомб.

По освобождении из-под стражи, сотрудник 23 февраля выехал в Одессу, куда его вызвал телеграммой Борисов. Одновременно выехал в Одессу и Подполковник Попов, который сделал распоряжение о немедленном аресте Борисова из опасения утратить последнего из наблюдения.

Еще наблюдением Борисова по Екатеринославу выяснено было между прочим, что он субсидирует денежными средствами Харьковскую группу анархистов и что 14 февраля из Харькова приезжал к нему за деньгами в Екатеринославе член названной группы студент Харьковского Университета Михаил Мирзашвили.

Установив тщательное наблюдение в Одессе за Тарло, супругами Тетельман и лицами, вошедшими с ними в связь, и отложив ликвидацию по Одессе до момента производства таковой же по Киеву, Подполковник Попов выехал в Киев, где получил сведение о том, что Гройсман и Таратута скрылись из наблюдения.

Между тем вечером 28 февраля установленным на станции наблюдением Гройсман неожиданно был обнаружен в вагоне II класса отходящего пассажирского поезда. Заметив, что жандармский вахмистр собирается его задержать, Гройсман бросился в помещение топки, где и застрелился.

29 февраля в Киеве произведена была ликвидация, причем арестовано было 11 человек по связям их с Гройсманом и Таратутой. Последняя скрылась из Киева, выехав в гор. Переяслав Полтавской губернии, куда и было послано наблюдение за нею.

Между тем наблюдением по Одессе выяснено было, что прибывшие в этот город члены «Боевого Отряда» супруги Тетельман, а также и Розалия Тарло вошли в сношение с местной «Молдаванской группой анархистов-коммунистов» в целях совместных действий при приведении в исполнение всех преступных замыслов группы и «Боевого Отряда». Между прочим было выяснено, что Борисов имел намерение произвести ограбление Казначейства в одном из Черноморских портов России, причем в Одессе должна была быть оборудована яхта, на которой грабители имели бы возможность скрыться.

2 марта произведена была по этому наблюдению ликвидация, причем арестовано было семнадцать человек анархистов и в их числе Розалия Тарло и Перля Найдорф (она же Тетельман), муж же последней незадолго до обыска в его квартире успел скрыться. Произведенными при этой ликвидации обысками ничего существенного не было добыто.

Одновременно произведена была ликвидация по наблюдению в гор. Харькове, где арестовано было 7 человек — членов местной группы анархистов и в их числе упомянутый выше студент Михаил Мирзашвили, привезший из Екатеринослава от Борисова транспорт анархистской литературы, и некая Маня Носовицкая, у коей этот транспорт и был обнаружен. Кроме того по связям с арестованными произведены были обыски у шестнадцати лиц, причем у некоторых из них обнаружена была нелегальная литература.

Наконец дополнительной ликвидацией в Екатеринославе 9—12 марта арестованы были наиболее деятельные члены анархистской группы, известные по организационным кличкам «Стуня» (находилась в ближайших сношениях с Гройсманом и Таратутой), «Ваня»-боевик, «Шура» и «Сергей» (при задержании оказал вооруженное сопротивление и был убит) и, кроме того, на станции «Запорожье» арестован был в поезде, шедшем из Екатеринослава в Одессу, ближайший сподвижник Борисова «Арсений Женевский» (он же

Ефрем Кардаш), участвовавший в ограблении завода Бродского в Киевской губернии, скрывавшийся некоторое время в Женеве и доставивший из-за границы в Екатеринослав для «Боевого Отряда» транспорт оружия с патронами. Для завершения ликвидации деятельности «Боевого Отряда» Подполковником Поповым было сделано распоряжение о производстве по связям с членами «Отряда» ликвидации в Москве и Рославле, а также о задержании прибывшего из-за границы в гор. Хотин Бессарабской губернии для надобностей «Отряда» транспорта оружия.

Об изложенном имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству.

Директор Трусевич

Пометы: «Действия подполковника Попова заслуживают полной похвалы» и другим почерком: «Сообщить письменно подполковнику Попову».

Циркуляр министра внутренних дел П. А. Столыпина губернаторам и градоначальникам о недопущении насилия над заключенными

17 мая 1908 г.

Губернаторам и Градоначальникам

В Министерство Внутренних Дел поступили сведения о нескольких случаях допущения чинами тюремной администрации и полиции насилия над заключенными, причем эта противозаконная мера применялась иногда при допросах с целью вынудить откровенные показания от арестованных.

Подобные факты с несомненностью свидетельствуют об отсутствии должного надзора за действиями означенных административных чинов со стороны Начальников губерний, последствием чего и являются приведенные злоупотребления властью.

Признавая вполне соответственным применение самых решительных мер, включительно до действия оружием, для подавления беспорядков и при сопротивлении власти, я, однако, совершенно не допускаю возможности насилия над лицами задержанными, ввиду чего предлагаю Вашему... внушить эти мои указания всем подведомственным Вам должностным лицам, в непосредственное ведение коих поступают арестованные, и принять все меры к искоренению всяких насилий в отношении арестантов, с тем, чтобы указанный мною принцип был строго проведен в жизнь не посред-

ством формальной передачи настоящего моего распоряжения по инстанциям, а путем личного с Вашей стороны руководительства действиями исполнительных чинов.

Подписал: Министр Внутренних Дел Статс-Секретарь Столыпин

Скрепил: Директор Трусевич

Верно: За Делопроизводителя [Подпись неразборчива]

Из протокола допроса члена группы «террористов-экспроприаторов» Л. М. Прохорова

21 июня 1908 г.

1908 г. июня 21 дня, в г. С.-Петербурге, я, Отдельного Корпуса Жандармов Подполковник Илиодор Горленко, на основании Полож. о мер. к охр. госуд. порядка и общ. спок., Высочайше утвержденного в 14 день августа 1881 г., допрашивал в качестве свидетеля, который показал по предъявлении ему 940 ст. Уст. Уг. Суд.:

Зовут меня Леонид Марков Прохоров. Отроду имею 21 год, православного вероисповедания. Звание мое СПб ремесленник, слесарного цеха.

/Проживаю/ Содержусь в С.-Петербургской Пересыльной тюрьме и осужден в каторжные работы на 12 лет, за принадлежность к группе террористов-экспроприаторов.

На предложенные мне вопросы отвечаю:

С 1905 г. за Невской заставой стали организовываться боевые С.Д дружины, т.к. эс-дековские дружины формируются для общего вооруженного восстания, то деятельность этих дружинников (если не считать момента борьбы с союзом Русского народа) сводилась к слушанию лекций о приемах стрельбы из всякого огнестрельного оружия, о уличных боях, о постройке баррикад и т. д. Лекции читались в Корниловской школе и в поле, а практические занятия происходили в лесу близ церкви «Киновея»; тут стреляли из винтовок системы «Маузер», «Винчестера» и из 3-х линейной казенного образца. Оружие доставлялось для дружин со ст. Разлив от рабочего Петра, проживавшего на этой станции по 3-й улице в собственном доме. Практические же занятия с разрывными снарядами происходили у устья реки Ижоры, причем на последних занятиях присутствовали дружинники 4-х подрайонов, т.е. всего района. В 1906 г. к Семянниковскому подрайону принадлежали следующие лица: 1) постоянный инструктор «Лазарь», он же делал постановления об

убийстве разных лиц, мешавших деятельности революционеров; 2) Секретарша дружины Анна Кауфман, кличка «Галля», жила она на Глазурной улице дом 3; 3) Заведывающий оружием Василий Сухлеев и дружинники.

После разоружения этими дружинниками местных дружин Союза русского народа, эсдековские боевики, не довольствуясь хождением на лекции, стремились проявить себя в террористических актах или в грабежах. Но так как этого инструктор не разрешал, то нередко дружинники тайком от партии устраивали грабежи и взятые такими путями деньги брали в личное распоряжение. Так, например, в июле 1906 г. во время работ на Невском Судостроительном заводе был ограблен артельщик на 15 000 рублей, в этом грабеже участвовали:

Василий Панфилов, Михаил Гребнев, Михаил Гордеев (он же бежавший из СПб Пересыльной тюрьмы Немчинов) и еще двое обуховских дружинников, один из них под кличкой «Огурчик», другого же не знаю. Вскоре после этого ограбления на квартире Емельяна Филиппова происходило собрание дружинников, на котором присутствовали и участники ограбления. На это собрание приехал некий «Савельев» (он же Сибиряк) и сделал предложение дружинникам объединиться в автономную группу. Вскоре происходило другое, но такое же собрание, на которое приехал инструктор «Лазарь» и, узнав участников ограбления, стал требовать от них как от членов партии отдачи этих 15 000 рублей в пользу партии, но на это ему ответили, что совершившие это ограбление выходят из партии и выдают ему партийное оружие, а взятые деньги на заводе пойдут на новую беспартийную группу террористов-экспроприаторов. После этого дружина распалась и к ноябрю месяцу 1906 г. в ней осталось несколько человек: Калашников, Яковлев, Михайлов, Николаев, Иван Панцырный, Михаил Бойков Цукир, Кривошеев, и место Сухлеева занял Тимофей Штальфот...

Около ноября 1906 г. Тимофей Штальфот был арестован на квартире с пятью бомбами, и сначала посажен в каком-то полицейском Управлении с. Смоленского. Инструктор «Лазарь», узнав, что Штальфота будут перевозить из Предварительного заключения в Александро-Невскую часть, организовал около 20-ти вооруженных, которые две ночи дежурили с той целью, чтобы убить городских, сопровождавших Штальфота и освободить его. В числе желавших освободить арестованного были: Калашников, Панцырный, Яковлев и Николаев. Находясь в Доме Предварительного Заключения, я встретил там на общей прогулке только что упомянутых лиц. Николаев на этих прогулках рассказывал мне, что они

хотели ограбить извозпромышленника Дедова, но так как в момент покушения у Дедова были гости, то грабеж не удался. Этот Николаев также сказал мне, что их сообщник Яковлев оговорил их всех, и затем со злобою добавил, если его осудят, то он убьет Яковлева. Этот Николаев говорил мне, что у него во время ареста нашли «Маузер», а 10 штук 3-х линейных винтовок и пулемета с двумя лентами не нашли и все это по сие время находится запрятанным там, где он жил за Невской Заставой. Затем добавил, что это тот самый пулемет, который был дан в организацию эс-декам от группы террористов-экспроприаторов. Николаев в 1905 г. был арестован в трактире «Вена», затем административно выслан, но он скоро бежал и нелегально жил на средства эс-дековской дружины. Яковлев, узнав, что его хочет убить Николаев, написал прошение в С.-Петербургское Жандармское Управление, чтобы его вызвали, причем он говорил Николаеву, Панцырному и Калашникову, что хотел дать новые показания, запутать следствие и таким образом свои предшествующие показания, в интересах оговоренных, свести на нет...

Кроме того должен прибавить, что осенью 1906 г. эс-дековский инструктор «Лазарь» дал мне адрес «Верейская ул. д. № 19 кв. 23» и поручил мне от живущей там женщины под кличкой «Магда» взять 10 штук 3-х линейных винтовок. Когда я пришел на Верейскую ул., «Магды» дома не было, а вместо последней меня принял живущий в этой же квартире какой-то студент университета. Студент этот, узнав, что я пришел к «Магде», вынул из-под кровати две винтовки и отдал мне, остальные я брал от него же постепенно. Впоследствии я узнал, что этот студент эсеровской технической группы (приметы его: низкого роста, черные усики, лет 23). В этой же квартире я встречал высокую интеллигентную женщину, которая называлась «Магдой». Эта Магда принадлежала к технической группе С. Д. От Магды я очень часто брал оружие, иногда по 10—15 штук винтовок. На этой же квартире я очень часто встречал мужчину лет 28, под именем Петра, также техника С. Д. Затем впоследствии я встретил тут «Сашу Арсентьева», который приносил к Магде много оружейных патронов. Это тот самый Арсентьев, который был участником вооруженного сопротивления на Малой Охте. Однажды «Магда» дала мне адрес «Нижегородская ул. 8 кв. 31 Елена Молчанова» и просила меня брать от последней винтовки. Когда я был у Молчановой, то видел тут какого-то офицера и в присутствии этого офицера я брал винтовки.

Затем «Магда» дала мне адрес: «Приморская ж. д., ст. Разлив, 3-я ул.», и сказала, что тут живет один рабочий Се-

строрецкого оружейного завода, который есть член технической группы С. Д. Этот рабочий имеет очень много всякого огнестрельного оружия, часть которого с оружейного завода, а другая привозится сюда из Финляндии...

Настоящий протокол, записанный с моих слов, совершенно правильно, мною прочитан. Леонид Марков Прохоров.

Подписал Подполковник Ил. Горленко

Циркуляр Департамента Полиции начальникам Губернских Жандармских Управлений и Охранных Отделений об установлении наблюдения за связями Б. Савинкова

18 октября 1909 г.

Совершенно секретно

По поступившим в Департамент Полиции сведениям, стоящий во главе боевого дела партии социалистов-революционеров эмигрант Борис Викторов Савинков (значится в приложении к обзору указанной партии под № 18) ныне может находиться в пределах Империи.

Принимая во внимание весьма серьезное значение Савинкова в партии, Департамент Полиции предлагает всем розыскным органам принять самые решительные действительные меры к обнаружению Савинкова и к аресту его.

Для облегчения этой задачи первостепенной важности, Департамент Полиции считает нужным сообщить имеющиеся сведения о связях и сношениях Савинкова.

В родственных связях Бориса Савинкова, указанных в циркуляре Департамента Полиции от 12 декабря 1903 г. за № 12500, произошли следующие перемены: отец его и брат Александр умерли; жена Савинкова Вера Глебова, урожденная Успенская, в 1908 г. оставила его, и он сожительствует теперь с некоей Евгенией Сомовой, проживающей в Париже и имеющей родных в С.Петербурге и Москве.

14 мая 1906 г. в Севастополе во время парада войск было произведено покушение на жизнь Коменданта крепости Генерал-Лейтенанта Неплюева, причем погибло много частных лиц.

Как выяснилось, покушение это было организовано Борисом Савинковым и выполнено следующими лицами: Александром Васильевым Калашниковым, сыном священника Василием Ивановым Шиллеровым, крестьянином Нижегородской губернии, Василь-Сурского уезда, Воротынецкой волости и села Федором Александровым Назаровым,

крестьянином Нижегородской губ. Семеновского уезда, Богоявленской волости, дер. Елисейевой Иваном Васильевым Двойниковым и сыном личного дворянина Николаем Алексеевым Макаровым, служившим писцом в сборочной мастерской порта. Ближе к Макарову стоял сожитель его матери, некий Вороненков.

Наблюдением за Савинковым и его ближайшими помощниками Александром Калашниковым и Василием Шиллеровым установлены деловые сношения их с целым рядом лиц, а именно, в сферу наблюдения вошли: братья Александра Калашникова — Вячеслав, Владимир и Василий Васильевы Калашниковы, сожительница последнего Нина Иванова Морозова; некие Нечаев и Вера Федорова Малышева (по Москве); проживавшая под именем Клеопатры Николаевны Переверзевой — жена бывшего студена С. Петербургского Университета Клавдия Михайлова Андреева, ее муж Петр Григорьев Андреев (видный член партии социалистов-революционеров); неизвестный, проживавший в Киеве по паспортам на имя Степана Тарасова Комаренко и Андрея Фомича Чумаренко (у последнего была обнаружена походная лаборатория и мастерская разрывных снарядов); мещанки, ученицы фельдшерской школы: Рася Нотова Цырлина; Сарра Азариева Холодовская; Злата Мордухова Каплун; Муша Мовшева Рейнгольд и Хава Израилева Соболева; конторщик Полесских железных дорог Леонид Иванов Арабок (в Гомеле установлены были сношения последнего с начальником станции Тукернисовым и портным Сумеровым, евреем); некий Иван Яковлев Вознесенский (С. Петербург), бывший студент Военно-Медицинской Академии Павел Владимирович Гутовский и жена его Зиновия Владимировна Гутовская и бывший студент-путеец Леонид Самойлов.

Затем, Департаменту Полиции известны следующие личные знакомые Бориса Савинкова в пределах Империи: бывший студент С. Петербургского и Киевского Университетов сын профессора Киевского Университета Виктор Карпов Тритшель, с которым Савинков одно время проживал совместно в С.Петербурге: литератор Валерий Вильяминов Каррик; мать последнего Александра Григорьева Каррик; бывший студент С. Петербургского Университета Кременчугский мещанин Генрих Стихов Малкин; некий Завопко (Киев); отставной губернский секретарь Яков Модестов Гаккель; проживавшая близ станции Луга Баронесса Надежда Викторова Майдель; Сергей Александров Волькенштейн, бывший студент С. Петербургского Университета (высокого роста, с черной бородой лопатой, красивый); дворянка Вера Михай-

лова Волькенштейн, урожденная Дубяго, и подрядчик по постройкам на железных дорогах Антон Германов Лапицкий.

Некоторые из поименованных лиц были одновременно арестованы и подвергались преследованиям в судебном или административном порядке.

Сообщая о всем вышеизложенном, Департамент Полиции предлагает Вам, Милостивый Государь, принять безотлагательно меры к выяснению негласным путем, кто из названных лиц проживает в районе, вверенном Вашему надзору, и в случае обнаружения кого-либо, телеграфировать Департаменту, установив, в то же время, за обнаруженными самое бдительное неотступное наблюдение.

С своей стороны, Вам надлежит, в случае, если Вам известны сношения Бориса Савинкова, выясненные путем наружного наблюдения или каким-либо другим способом и не значащиеся в настоящем циркуляре, немедленно сообщить о таковых Департаменту для извещения о сем всех розыскных органов Империи.

Более подробные сведения о некоторых из приведенных здесь лицах и имеющиеся фотографические карточки будут препровождены Вам дополнительно.

Подписал: Директор Зуев

Скрепил: Заведующий Особым Отделом, Полковник Климович

Верно; За Помощника Делопроизводителя Подколзин

Записка начальника Петербургского Охранного Отделения М. Ф. фон Котена директору Департамента Полиции Н. П. Зуеву о возможном покушении на Николая II

29 апреля 1910 г.

Секретно

Сего числа во вверенное мне Отделение явился находящийся проездом в гор. С. Петербурге и остановившийся здесь в меблированных комнатах «Лувр», на Невском проспекте, в доме № 80, проживающий в Симбирске на Верхней Солдатской улице в доме № 34 отставной штабс-капитан Александр Иванович Лобысевич и заявил, что 27 сего апреля, он, выйдя вечером из Народного Дома, сел на скамейку в Александровском парке и заметил сидевших вблизи, спиною к нему, двух молодых, прилично одетых людей, которых он разглядеть не мог, которые вели между собою следующий разговор:

— «Митя! Нам надо быть на месте в Царском в пятницу и если ГОСУДАРЬ не выйдет из дворца в этот день и будет неудача, то в субботу, 1-го мая, в саду или на параде, надо дело покончить». На это второй ответил:

— «Ты, Петя, будешь стрелять первый, я второй, если не удастся, то там нас поддержат».

Первый на это сказал:

«Завтра в 5 часов надо быть опять на этом месте».

После этих слов штабс-капитан Лобыевич встал, чтобы посмотреть — нет ли вблизи городского. Неизвестные же, увидя около себя постороннего, пустились бежать. На другой день штабс-капитан Лобыевич ходил, по его словам, на то же место, но неизвестных там уже не видел.

Докладывая об изложенном Вашему Превосходительству, присовокупляю, что все вышеизложенные сведения сообщены мною письмом от 29 сего апреля за № 6253 Заведывающему Охранной Агентурой, подведомственной Дворцовому Коменданту, Полковнику Спиридовичу.

Полковник фон Котен

Шифротелеграмма заведующего заграничной агентурой в Париже А. А. Красильникова директору Департамента Полиции Н. П. Зуеву о подготовке покушения на П. А. Столыпина

29/30 июня 1910 г.

Из Лондона получены указания, что группа серьезных боевиков готовит покушение на жизнь Статс-Секретаря Столыпина во время нынешнего пребывания Его Высочайшего Превосходительства в деревне.

Резолюция г. Директора Департамента Полиции:

«Срочно. 30/6.0.0.

- 1) Полковнику Котену.
- 2) Полковнику Мрочкевичу в Ковно.
- 3) Генерал-майору Гноинскому в Вильно.
- 4) Товарищу Министра.
- 5) От меня телеграфировать г. Министру.
- 6) Копию Товарищу Министра Крыжановскому.
- 7) Запросить Зав. Загр. Агент. о достоверности источника этих сведений и потребовать более подробные сведения».

С подлинным верно:

Чиновник Особых Поручений Броецкий

Справка Департамента Полиции о мерах охраны министра внутренних дел П. А. Столыпина во время его пребывания в имении Колноберже

Август 1910 г.

1) 29 мая 1910 года за № 356 Ковенский Губернатор, в дополнение к личным переговорам с Господином Директором Департамента Полиции Тайным Советником Зуевым, препроводил проект организации охраны, на основании коей заведывание возлагалось на Штабс-Ротмистра Семенова, вместе с ведомостью ежедневных нарядов стражников, которых предполагалось назначать 62 пеших и 14 конных. Вместе с тем Губернатор ходатайствовал об ассигновании 250 рублей на исправление сигнализации. Ходатайство это, как равно о назначении суточных денег Штабс-Ротмистру Семенову и стражникам, удовлетворено было.

2) Телеграммой от 4 июня № 396 (по Особому Отделу) предложено Начальнику Ковенского Губернского Жандармского Управления командировать в означенное имение четырех конных и двух пеших жандармских нижних чинов.

3) Телеграммой от 6 июня № 345 (по Секретарской Части) Начальнику Ковенского Губернского Жандармского Управления предписано командировать в Колноберже шесть конных жандармов.

4) Телеграммой от 6 июня № 346 (по Секретарской Части) Ковенскому Губернатору предложено усилить на 12 человек первоначально определенное количество направляемых в помянутое имение пеших стражников, т.е. командировать туда 74 пеших и 14 конных стражников.

5) Для охраны в имение Колноберже 5 июня командированы 4 агента С. Петербургской охранной команды.

6) 19 июня Департамент Полиции, сообщая по телеграфу о выезде Господина Министра из С.Петербурга в имение Колноберже, предложил принять меры охраны Начальникам Виленского и Ковенского Губернских Жандармских Управлений и Ковенскому Губернатору.

7) 19 июня для охраны в пути следования командированы 8 агентов С. Петербургской охранной команды.

8) 2 июля предложено Ковенскому Губернатору дополнительно командировать в имение Колноберже для освещения окрестностей 22 пеших стражников.

9) Того же числа предложено Начальнику Ковенского Губернского Жандармского Управления командировать в имение пять жандармов.

10) Ввиду получения сведений о готовящемся покушении

на жизнь Господина Министра, Начальник С. Петербургского Охранного Отделения, во исполнение предложения Департамента Полиции от 1 июля за № 112489, командировал 2-го июля в местечко Кейданы близ имения Колноберже II опытных филеров Отделения и для руководства ими Штабс-Ротмистра Офросимова.

11) Вслед за ними выбыл в Ковенскую губернию Полковник фон-Котен, который по ознакомлении с положением дел представил 7 июля за № 9945 доклад.

12) На основании этого доклада Департамент Полиции 16 июля за №№ 113063 и 113064 предложил Начальникам Виленского и Ковенского Губернских Жандармских Управлений привести в исполнение следующие распоряжения:

а) Установить филерское наблюдение как на станциях Жеймы, Кейданы и Датнов, как ближайших к сему имению, так равно и на станции Кошедары, на коей должны пересаживаться все следующие из-за границы через Вержболово пассажиры.

б) Для освещения окрестностей имения Колноберже поселить (совершенно открыто) филеров в деревне Колноберже, в небольшом поселке без названия из двух дворов, расположенном на реке Невяже напротив имения Колноберже; при паромной переправе через реку Невяжу при деревне Свентобродзе, при такой же переправе при деревне Кросты; в м. Опитолоках, в дачной местности Бобянах, в м. Датнове, в дер. Монтвидове, рядом с коей расположено принадлежащее зятю Господина Министра Внутренних Дел Боку имение Пильмонт; в дер. Шлапоберже; в дер. Покросць и в мест. Сурвилишки.

в) Поселенным в указанных пунктах филерам вменить в обязанность установить надлежащие отношения с местным и окрестным населением и приобрести в среде населения своего района вспомогательную агентуру, могущую осведомлять немедленно о появлении подозрительных лиц; в этом случае филер должен немедленно собрать о появившемся негласные справки и озаботиться личным опознанием и в тот же день доложить об этом Штабс-Ротмистру Офросимову.

г) Штабс-Ротмистру Офросимову вменить в обязанность не менее раза в сутки объезжать всех филеров — в этих пунктах, а равно установить регистрацию всего приезжего населения и проверку самоличности прибывших лиц.

д) Подчинить Штабс-Ротмистру Офросимову всех командированных в Ковенский уезд филеров и унтер-офицеров.

Циркуляр Департамента Полиции начальникам Губернских Жандармских Управлений и Охранных Отделений об организации охраны должностных лиц

2 июня 1911 г.

Совершенно секретно

Циркулярно

Начальникам Губернских Жандармских Управлений и Охранных Отделений нередко приходится устанавливать через агентов наружного наблюдения (филеров) охрану лиц, на жизнь которых готовится покушение той или другой революционной организацией. По имеющимся в Департаменте Полиции сведениям таковая охрана в большинстве случаев ведется совершенно неправильно и сводится обыкновенно к безцельной слежке за охраняемыми лицами, причем все окружающее оставляется без всякого внимания. Как на примере такого способа охраны можно указать на учрежденную в минувшем апреле месяце по предложению Департамента Полиции Охрану Вологодского Тюремного Инспектора. Несмотря на заблаговременное предупреждение о готовящемся покушении, дело охраны было организовано настолько неудовлетворительно, что даже не были проверены жильцы близлежащих к квартире Инспектора домов и свободных в них квартир, — что и привело к тому, что преступница жила в одном из таких домов, в нескольких шагах, в квартире административно-ссыльной, без прописки, в течение двух недель, не обратив внимания филеров, и, в свою очередь, наблюдала за охраняемым лицом. Помимо этого, филеры, назначенные в охрану в театре, где и произошло покушение, поместились так (на балконе), что фактически лишены были возможности вести наблюдение, а после покушения не могли задержать преступницу.

В виду изложенного Департамент Полиции просит начальников Губернских Жандармских Управлений и Охранных Отделений на будущее время, когда явится необходимость установления охраны должностных лиц, независимо выяснения агентурным путем членов революционных организаций, могущих принять участие в злоумышлении непосредственно или путем оказания содействия приезжим злоумышленникам, и независимо освещения их деятельности, как наружным наблюдением, так и внутренней агентурой, руководствоваться нижеследующими указаниями:

1) При содействии чинов общей полиции должны быть организованы строгий учет и регистрация всех лиц, как проживающих в доме, в котором расположена квартира охраня-

емого лица, так и непосредственно к ним примыкающих и соседних с последними, а также в тех домах, из которых удобно вести наблюдение за выездами охраняемого лица или его квартирой, причем должна производиться проверка личности и политической благонадежности всех лиц как проживающих в этих домах, так и временно пребывающих в них.

Такая же негласная проверка по возможности должна производиться о всех прибывающих в город неизвестных лицах, останавливающихся в гостиницах.

2) Во всех, по возможности, домах района охраны надлежит озаботиться приобретением таких лиц, которые давали бы сведения о жильцах и обо всем подозрительном в их жизни, там же, где имеется институт дворников, постараться привлечь последних к оказанию агентурных услуг.

3) Внимательное наблюдение со стороны филеров должно быть направлено на всех лиц, проходящих или проезжающих в районе охраны, причем в представляемых сведениях (рапортичках) филеры должны записывать, что замечено за день, кто из проходящих или проезжающих возбудил подозрение, какие автомобили, велосипедисты и извозчики останавливались в районе охраны или неоднократно проезжали мимо подъезда и ворот, кто останавливался для разговоров с дворниками, швейцарами, лавочниками и др., о чем спрашивал и т. п.

4) Разносчики, газетчики, извозчики, посыльные, лавочники и т. п., находящиеся в районе охраны и в местности, удобной для наблюдения за квартирой охраняемого лица, должны постоянно проверяться чинами охраны через посредство чинов полиции и находиться под неослабным наблюдением филеров. Проверка эта и наблюдение должны быть настолько интенсивны, чтобы в охраняемом районе не было ни одного лица, вынужденного по роду своих занятий находиться на улице, неизвестного охране настолько, чтобы последняя была уверена в полной безопасности его нахождения при проездах охраняемых лиц.

5) При выходах и выездах охраняемого лица филеры должны располагаться так, чтобы удобно было вести наблюдение за всеми лицами, встречающимися на пути следования, и чтобы можно было, в случае покушения на жизнь охраняемого лица, предупредить таковое.

6) Если охраняемое лицо проследует в церковь, театр, клуб и т. п., то одному из филеров надлежит находиться возможно ближе к охраняемому лицу, чтобы иметь возможность наблюдать за всеми приближающимися к нему лицами и, в случае покушения, предупредить таковое или защи-

тить охраняемое лицо, другому же следует быть у входа как для наблюдения за входящей публикой, так и для задержания преступника, если бы, в случае покушения, он не был задержан на месте.

7) Находящиеся в охране филеры, заметив приближение к охраняемому лицу подозрительных лиц, обязаны немедленно привести в готовность оружие и занять такое положение, чтобы быть готовым к защите охраняемого лица и предупреждению покушения.

8) При выездах охраняемого лица надлежит оставлять, если это окажется возможным, особых филеров для наблюдения у квартиры. Если же такого наблюдения нет, а также нет достаточно основательного наблюдения за квартирой и со стороны чинов общей полиции, то при возвращении охраняемого лица одному из находящихся при нем филеров надлежит пройти вперед, дабы выяснить, не ожидают ли злоумышленники возвращения охраняемого лица у квартиры или в общей парадной, во дворе и т. п.

Независимо изложенных указаний начальники Губернских Жандармских Управлений и Охранных Отделений должны в каждом отдельном случае давать филерам подробные указания сообразно с местными условиями наблюдения.

Подписал: Директор Зуев

Скрепил: Заведующий Особым Отделом, Полковник Еремин

Верно: За Заведующего Особым Отделом, Полковник Ба-
лабин

Приложение 18

ЗАЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПО ПОВОДУ УБИЙСТВА П. А. СТОЛЫПИНА

15 октября 1911 г.

1 сентября сего года убит в Киеве Председатель Совета Министров П. А. Столыпин. Вся обстановка убийства и ряд обстоятельств, сопровождавших его, ясно указывающие на прикосновенность к этому убийству чинов охраны, приковали к себе общественное внимание, поразившее своею необычайностью, и еще раз в наиболее резкой форме поставили пред русским обществом вопрос о той системе управления, которая доминирует над всей общественной и государ-

ственной жизнью России и которая создавала и создает бесконечный ряд кровавых событий русской действительности. Не вдаваясь в глубь истории, можно указать, что за последнее десятилетие мы имели целый ряд аналогичных фактов убийства высших русских сановников при содействии чинов политической охраны. Никто не сомневается теперь, что убийства министра внутренних дел Плеве, Уфимского губернатора Богдановича, Великого Князя Сергея Александровича, С.-Петербургского градоначальника Лауница были организованы сотрудником охраны, известным провокатором Азефом. Известно также, что начальник Петербургского охранного отделения полковник Карпов убит социалистом-революционером Воскресенским-Петровым, приглашенным на службу в охранное отделение, убит в то время, когда он подготовлял с Петровым провокационный акт. Таковы общеизвестные более яркие факты из деятельности политической охраны с широко развитой ею системой провокации. Но если эта система требовала жертв себе вверху среди самих творцов и защитников ее, то в стране она уносила тысячи жертв, тяготела над обществом кровавым кошмаром. Культивируемая сверху система провокации расцвела пышным цветом во всей охранной организации до самых ее низов. Повсюду инсценируются: издательства нелегальной литературы («Революционная Россия», Томск), мастерские бомб (Куоккала, Хорольский в Екатеринославской губ.), транспортировка из-за границы нелегальной литературы и оружия (Виленское охранное отделение, «Джон Крафтон»), подготовка террористических актов, покушения на представителей власти (фон-Оглио в Пятигорске) и т.д.; благодаря такой широкой деятельности, тысячи жертв, втянутых этой адской машиной, идут в ссылку, в тюрьму, каторгу, на виселицу. С торжеством черной реакции, деятельность охраны с ее провокационными приемами занимает доминирующее, всепоглощающее место правительственной деятельности. Вместо удовлетворения требований широких демократических слоев населения, вместо установления элементарных условий правовой жизни, столь необходимых для развития творческих сил многомиллионного великого народа, вместо торжественно обещанных политических свобод над страной безгранично господствует грубый произвол и административное усмотрение, и все управление государством сводится к развитию этой охранной деятельности. Вся общественная жизнь приносится в жертву этому молоху русской полицейской государственности. Но став независимой, самодовлеющей организацией, на которую правительство, не имеющее

за собой никакого жизнеспособного общественного класса, опиралось как на единственную свою опору в борьбе с народом, охрана стала государством в государстве, правительством среди правительства, министерством в министерстве. Товарищ Министра, заведывающий полицией, стал хозяином положения, перед ним стал трепетать и сам Министр Внутренних дел. Таким образом, охрана, созданная Правительством как орудие борьбы с обществом, требующим гражданских прав, как орудие грубого насилия против политически пробудившегося народа, усилила разложение, деморализацию и анархию высших правительственных органов. Она стала орудием междоусобной борьбы лиц и групп правительственных сфер между собою. Самым ярким проявлением, зрелым плодом этой анархии органов государственной власти является факт убийства в Киеве Председателя Совета Министров Столыпина. Столыпин, который открыто пред страной защищал необходимость для современного русского Правительства существующей системы политического сыска и охраны, Столыпин, который по словам кн. Мещерского («Гражданин», № 37) говорил при жизни: «охранник меня убьет», Столыпин, создавший культ охраны, погиб от руки охранника, при содействии высших чинов охраны. При каких обстоятельствах совершилось убийство Столыпина — известно. Он убит Богровым, состоявшем на службе в охране, «агентом внутреннего освещения». Богров был вызван начальником Киевской охраны полковником Кулябко в Киев специально для охраны Столыпина, он получил входной билет в театр, где совершил убийство, от самого начальника охраны, с ведома других высших чинов охраны на киевских торжествах: Веригина, Спиридовича и Товарища Министра Внутренних дел Курлова, главного руководителя охраны. Богров допущен был в театр для того, чтобы раскрыть там террористов, которые, по его заявлению охране, должны были совершить покушение на жизнь Столыпина. Приходится предполагать при этом, что чины охраны сознательно, намеренно должны были пропустить в театр и самих террористов, так как все входные билеты выдавались охраной и, конечно, с чрезвычайным выбором. Такое предприятие совершалось для наибольшей славы охраны, когда покушение будет остановлено в последний момент. При этом обращает на себя внимание и тот факт, что один из выходов театра не был совершенно охраняем, и Богров после произведенных выстрелов в Столыпина направился именно к этому выходу. На основании уже этих фактов, ставших достоянием общественного мнения, в обществе

вплоть до самых правых его кругов вполне определенно формируется обвинение в несомненной причастности охраны к убийству Столыпина. Там, где все было сосредоточено на охране, там, где на охрану было затрачено до миллиона рублей из государственного казначейства, там, где охраной непосредственно руководил сам Товарищ Министра Внутренних Дел Шеф жандармов, там чиновники охраны при содействии высших чинов охраны, якобы напрягающих все свое внимание на охране Столыпина, — Столыпин убит. Пользуясь фактом убийства Столыпина, как новым кровавым проявлением разлагающего действия охраны с ее провокационной системой, которая логически вытекает из современной политики Правительства и командующих классов и тяжелым кошмаром лежит на всей гражданской самодеятельности общества, мы, нижеподписавшиеся, предлагаем Государственной Думе предъявить в порядке ст. 33 Учр. Гос. Думы нижеследующий запрос Председателю Совета Министров и Министру Внутренних Дел: «1) сознают ли они, что убийство бывшего Председателя Совета Министров П. А. Столыпина, равно как и другие аналогичные убийства высших сановников (Плеве, Великого Князя Сергея, Лауница, Богдановича) являются естественным логическим следствием существующей организации политической полиции с широко развитой ее системой провокации, которая естественно, разлагая правящие сферы, кладя на них пятно позора сотрудничества с наемными убийцами, налагает на общество гнет наглого, грубого насилия, парализующего живые силы народа; 2) намерены ли они что-либо предпринять для уничтожения организации политической охраны с ее системой провокации?»

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ П. А. СТОЛЫПИНА И ЕГО БЛИЗКИХ¹

- 1822 — рождение Аркадия Дмитриевича Столыпина (отца Петра Столыпина).
- 1846 — 15 ноября — рождение брата П. А. по отцу Дмитрия.
- 1859 — 23 сентября — рождение брата Михаила.
- 1861 — 23 апреля — рождение сестры Марии.
- 1862 — рождение Петра Столыпина 2(14) апреля в Дрездене.
24 мая — крещение в дрезденской православной церкви.
- 1863 — 30 декабря — рождение брата Александра.
- 1862 — 1869 — жизнь в имении Средниково под Москвой.
- 1869 — 1877 — жизнь в Колноберже в Литве.
- 1877 — 1879 — отец и мать участвуют в Русско-турецкой войне; отец управляет Восточной Румелией в Болгарии.
- 1878—1881 — жизнь и учеба в Орле.
- 1881 — 3 июня — окончание Орловской гимназии.
31 августа — поступление в Петербургский университет; начало жизни в Петербурге.
- 1882 — 26 мая — 1 сентября — поездка в Одесскую и Виленскую губернии.
7 сентября — убит на дуэли брат Михаил (князем Шаховским).
10 декабря — 7 января 1883 — поездка в Москву и Орел.
- 1883 — 20 мая — 1 сентября — поездка в Херсонскую и Орловскую губернии.
12 декабря — 7 января 1884 — поездка в Москву и Орел.
- 1884 — 24 мая — 1 сентября — поездка в Орел.
23 июня — прошение о разрешении вступить в брак.
12 октября — окончание университета в Санкт-Петербурге.
27 октября — причисление приказом к МВД; женитьба на Ольге Борисовне Нейдгардт.
- 1885 — 7 октября — рождение дочери Марии (Маша, Матя).
7 октября — утверждение Советом Санкт-Петербургского университета кандидатом физико-математического факультета.
29 ноября — получение диплома кандидата (№ 9497 от 27.11.85).
12 декабря — прошение о переводе в Департамент земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ.
- 1886 — 5 февраля — переход на службу в Министерство госимуществ чиновником, причисленным к Департаменту земледелия и сельской промышленности.
С 5 апреля — отпуск на полтора месяца.
21 апреля — утверждение в чине коллежского секретаря со старшинством с 7 октября 1885.
- 1887 — 26 января — назначение помощником столоначальника (повышение в должности).
Август — отпуск в Ковно.
- 1888 — 1 января — получение придворного чина камер-юнкера.
С 1 мая — отпуск без содержания для поправки здоровья (четыре месяца).
- 1889 — смерть матери Натальи Михайловны.
28 февраля — прошение министру государственных имуществ

¹ Составлены Борисом Федоровым. — Прим. авт.

- разрешить переход в ковенские уездные предводители дворянства с оставлением причисленным к министерству.
- 18 марта* — назначение ковенским уездным предводителем дворянства и председателем Ковенского съезда мировых посредников. Завершение петербургского периода жизни.
- 1890 — 28 мая* — назначение почетным мировым судьей Ковенского уезда на три года.
- 6 июня* — произведение в титулярные советники со старшинством с 7 октября 1888.
- 1891 — 20 марта* — рождение дочери Натальи.
- 2 июля* — произведение в коллежские асессоры со старшинством с 7 октября 1890.
- 1892 — 15 декабря* — рождение дочери Елены.
- 1893 — 30 августа* — первое награждение орденом Святой Анны 3-й степени.
- 1895 — 15 марта* — произведение в надворные советники со старшинством с 7 октября 1894; участие в торжествах по случаю коронации Николая II в Москве.
- 19 августа* — рождение дочери Ольги.
- 1896 — 14 мая* — получение придворного звания камергера.
- 1897 — 31 октября* — рождение дочери Александры (Ара).
- 1898* — поездка в Москву на свадьбу сестры Ольги Борисовны Анны с С. Д. Сазоновым.
- 1899 — 17 апреля* — произведение в коллежские советники со старшинством с 7 октября 1898.
- 11 августа* — последняя встреча с отцом в Москве.
- 6 сентября* — возвращение в Колноберже.
- 16 или 17 ноября* — смерть отца Аркадия Дмитриевича.
- 28 ноября* — осмотр подмосковных имений; назначение ковенским губернским предводителем дворянства.
- 1 декабря* — Калуга.
- 1900 — октябрь* — поездка в Берлин с дочерью Марией.
- 1901 — поездка в Кенигсберг с О. Б. и дочерью Марией.*
- Ноябрь* — продажа саратовских земель.
- 6 декабря* — произведение в статские советники со старшинством с 7 октября 1901.
- 1902 — зимой* — тяжелая болезнь дочери Марии.
- В середине мая* — поездка всей семьей в Германию (Бад-Эльстер), но вскоре П. А. вызвали в Санкт-Петербург.
- Август* — возвращение семьи в Колноберже.
- 30 мая* — назначение исправляющим должность гродненского губернатора.
- 21 июня* — прибытие в Гродно.
- 24 июня* — продажа подмосковного имения при селе Матушкине.
- 16 июля* — заседание гродненского комитета Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.
- 9 августа — 11 сентября* — отпуск.
- Осень* — прибытие семьи в Гродно.
- Декабрь* — участие в совещании в МВД в Петербурге.
- 1903 — 1 февраля* — отъезд в Санкт-Петербург.
- 2 февраля* — встреча с министром внутренних дел В. К. Плеве.
- 15 февраля (6 февраля — собственно решение)* — назначение саратовским губернатором.
- 26 марта* — вступление в должность.
- 20 июня* — рождение сына Аркадия в Колноберже.
- 25 июня — 25 августа* — отпуск в Колноберже.

- 26 августа — возвращение в Саратов.
- 1904 — январь — начало войны с Японией.
- 7 февраля — участие в совещании в Санкт-Петербурге по пересмотру законоположений о крестьянах.
- Начало марта — прибытие в Санкт-Петербург.
- 8 марта — представление государю.
- Начало мая — поездка на несколько дней по личным делам.
- Июнь — поездка по губернии (Царицын).
- 20 июля — поездка в Казань и Санкт-Петербург.
- 31 июля — начало августа — поездка в Санкт-Петербург.
- 7 августа — отпуск; поездка в Вену для лечения дочери Марии.
- 17 августа — убийство В. К. Плеве.
- Сентябрь — поездка в Колноберже из Саратова.
- 6 декабря — произведение в действительные статские советники.
- 13 декабря — отправка доклада в Санкт-Петербург о настроениях в губернии.
- 22 декабря — падение Порт-Артура.
- 1905 — 11 марта — Высочайшая благодарность за борьбу с беспорядками в Саратовской губернии.
- 18 июля — покушение на Столыпина в Балашовском уезде (три выстрела).
- 22 июля — инцидент с земскими медиками в Балашове.
- 19—20 октября — еврейский погром и беспорядки в Саратове (убитые и раненые).
- 20 октября — возвращение в Саратов из Колноберже.
- 28—29 октября — резня в Малиновке (убито 42 человека).
- 2 ноября — приезд в Саратов генерала В. Сахарова.
- 22 ноября — убийство генерала В. Сахарова в доме П. А. Столыпина.
- 1906 — 4 января — Высочайшая благодарность за посылку войск по своей инициативе для подавления беспорядков в соседней Самарской губернии.
- 15 апреля — отставка С. Ю. Витте.
- 25 апреля — прием у царя (вместе с Горемыкиным).
- 26 апреля — назначение министром внутренних дел.
- 16 мая — прием у царя.
- 23 июня — прием у царя.
- 8 июля — прием у царя; роспуск Первой Государственной Думы и назначение премьер-министром.
- 10 июля — прием у царя (Николай II: «От первых шагов его получил самое лучшее впечатление»).
- 15 июля — прием у царя.
- 19 июля — прием у царя.
- 24 июля — прием у царя.
- 10 августа — прием у царя.
- 11 августа — заседание Совета министров на Аптекарском острове.
- 12 августа — покушение (взрыв) на Аптекарском острове, ранение детей Натальи и Аркадия, переезд в Зимний дворец.
- 16 августа — прием у царя.
- 22 августа — прием у царя.
- 28 августа — прием у царя.
- 8 сентября — прием у царя в финских шхерах (Столыпин прибыл на крейсере «Сибирский стрелок»).
- 23 сентября — прием у царя.
- 30 сентября — прием у царя.

- 6 октября — прием у царя.
 14 октября — прием у царя.
 21 октября — прием у царя.
 30 октября — прием у царя.
 7 ноября — прием у царя.
 9 ноября — Указ о выходе из общины.
 15 ноября — прием у царя.
 23 ноября — прием у царя.
 29 ноября — прием у царя.
 6 декабря — получение придворного звания гофмейстера.
 8 декабря — прием у царя.
 15 декабря — прием у царя.
 23 декабря — прием у царя.
 1907 — 1 января — назначение членом Государственного совета; Высочайший рескрипт на имя П. А. Столыпина.
 8 января — прием у царя.
 15 января — прием у царя.
 23 января — прием у царя.
 31 января — прием у царя.
 7 февраля — совещание у царя по Финляндии.
 9 февраля — прием у царя.
 17 февраля — прием у царя.
 20 февраля — начало работы Второй Государственной Думы (П. А. присутствовал в зале).
 24 февраля — прием у царя.
 3 марта — прием у царя.
 6 марта — выступление в Думе с программой правительства («Не запугаете!»).
 Март — посещение яхт-клуба в Санкт-Петербурге, где его избрали почетным членом.
 10 марта — прием у царя.
 13 марта — выступление в Государственной Думе о военно-полевых судах.
 19 марта — прием у царя.
 20 марта — выступление в Государственной Думе по бюджету.
 26 марта — прием у царя.
 6 апреля — прием у царя.
 14 апреля — прием у царя.
 16 апреля — посещение Думы (вопрос о призыве новобранцев).
 17 апреля — прием у царя по поводу оскорбления армии депутатом Зурабовым в Думе 16 апреля.
 20 апреля — прием у царя.
 30 апреля — прием у царя.
 Апрель — переезд в Елагинский дворец на Елагином острове.
 10 мая — выступление в Думе об устройстве быта крестьян и о праве собственности; прием у царя.
 17 мая — прием у царя.
 23 мая — прием у царя.
 27 мая — прием у царя.
 1 июня — заявление в Думе по вопросу группы депутатов от социал-демократов.
 3 июня — роспуск Второй Государственной Думы.
 7 июня — прием у царя.
 14 июня — прием у царя; отъезд на яхте на отдых в финляндские шхеры.
 26 июня — прием у царя.

12 августа — панихида на Аптекарском острове и закладка памятника жертвам взрыва дачи П. А.

24 октября — 1 ноября — Съезд непреместных членов губернских присутствий.

30 октября — встреча с представителями прессы, жаловавшимися на режим доступа в Думу.

1 ноября — начало работы Третьей Государственной Думы.

16 ноября — два выступления в Думе: с декларацией правительства и в ответ на речь Маклакова.

17 ноября — инцидент с депутатом Ф. И. Родичевым.

24 декабря — встреча с кандидатом в министры просвещения А. Н. Шварцом.

30 декабря — сильная простуда; встреча с кандидатом в министры просвещения А. Н. Шварцом.

1908 — 1 января — получение чина статс-секретаря с личным рескриптом Николая II.

21 января — совещание министров и военных деятелей о ситуации на Балканах и Ближнем Востоке.

1 февраля — заседание Совета министров с обсуждением вопросов финансирования армии и флота.

3 марта — участие в работе Совета государственной обороны.

4 марта — участие в празднике 50-летия земского отдела МВД и выступление.

13 марта — прием у царя.

31 марта — речь в Государственной Думе о сооружении Амурской железной дороги.

6 апреля — завтрак от имени Столыпина в честь представителей земств и городов.

5 мая — выступление в Государственной Думе по вопросу Финляндии.

24 мая — выступление в Государственной Думе по вопросу о морской обороне.

27 мая — участие во встрече царя с английским королем Эдуардом VII на рейде Ревеля.

13 июня — участие в работе Государственного совета по вопросу о морской обороне.

12 августа — открытие памятника на Аптекарском острове.

22 сентября — посещение царя в финских шхерах по вопросу аннексии Боснии и Герцеговины.

25 октября — заседание Совета министров по вопросу аннексии Боснии и Герцеговины.

31 октября — встреча с министром просвещения А. Н. Шварцом.

5 декабря — выступление в Государственной Думе по вопросу о земле.

1909 — 10—23 января — Съезд непреместных членов губернских присутствий и членов землеустроительных комиссий.

10 февраля — секретное совещание с Извольским, Коковцовым, лидерами думских правых и октябристов по вопросу аннексии Боснии и Герцеговины.

11 февраля — выступление в Государственной Думе по вопросу А. Азефа и А. Лопухина.

6 марта — заседание Совета министров в присутствии царя; решение соблюдать нейтралитет по вопросу аннексии Боснии и Герцеговины.

Март-апрель — заболевание крупозным воспалением легких.

22 марта — отъезд примерно на месяц в Крым (в Ливадию).

29 марта — рескрипт царя на имя Столыпина.

22 мая — выступление в Государственной Думе о свободе вероисповедания.

30 мая — речь в Государственной Думе о продлении полномочий членов Государственного совета от девяти западных губерний.

4 июня — участие во встречах с германским императором Вильгельмом II.

Июнь — объезд землеустроительных работ в Екатеринославской губернии.

27—28 июня — участие в торжествах в Полтаве (200 лет Полтавской победы), а потом сопровождение царя в Киев.

29 июня — ознакомление с землеустроительными работами в Новомосковском уезде Екатеринославской губернии.

2 июля — пребывание в Орле.

3 июля — прибытие в Петербург и участие в обеде в Петергофе в честь датской королевской четы.

7 июля — встреча с исполняющим обязанности городского головы Санкт-Петербурга по поводу отказа городской думы ассигновать деньги на строительство коллектора для нечистот.

Лето и осень — жизнь на Елагином острове.

3 августа — заседание Особого совещания для рассмотрения планов Морского министерства.

21 августа — заседание Особого совещания для рассмотрения планов Морского министерства.

27 августа — прием депутации от Кассы взаимопомощи литераторов и ученых.

Сентябрь — полет на аэроплане капитана Мацеевича.

6 октября — открытие сессии Совета по делам местного хозяйства (речь).

15 октября — заседание Совета по делам местного хозяйства (речь).

24 октября — встреча с французским послом и С. Д. Сазоновым.

Октябрь — встреча с депутацией рабочих уральских заводов; встреча с московским городским головой Н. Гучковым.

1 ноября — переезд в квартиру на Фонтанке из Зимнего дворца.

Ноябрь — внесение в Думу закона о канализации и водоснабжении в Петербурге.

14 декабря — заседание Особого совещания для рассмотрения планов Морского министерства.

1910 — 2 января — заседание Особого совещания для рассмотрения планов Морского министерства.

24 января — музыкальный вечер в доме Столыпиных.

31 января — дипломатический обед и раут в квартире Столыпиных.

20 февраля — речь в Государственном совете о железнодорожных сборах.

Февраль-март — совещание по Дальнему Востоку.

2 марта — торжественное заседание по поводу 200-летия Сената.

14 марта — объявление манифеста об общеимперском законодательстве для Финляндии.

15, 26 и 27 марта — выступления на заседаниях Государственного совета о земельных вопросах.

31 марта — речь в Государственной Думе в ответ на заявление тридцати двух ее членов.

7 и 15 мая — выступление в Государственной Думе о Западном земстве.

21 мая — выступление в Государственной Думе о законодательстве для Финляндии.

8—11 июня — речь в Государственном совете о финляндском законопроекте.

3—5 июля — сопровождение Николая II и царской семьи на торжества в Риге по поводу 200-летия присоединения Лифляндии и открытия памятника Петру I; появление слуха о возведении в графское достоинство.

8—9 августа — обсуждение с городским головой Петербурга И. Глазуновым борьбы с эпидемией холеры и затем ночное посещение двух холерных больниц, общение с больными.

18 августа — Москва, поездка в Бронницкий уезд и отъезд ночным поездом.

19 августа — 19 сентября — поездка в Сибирь, Степной край и приволжские губернии (22 августа — Курган, 25 августа — Омск, 31 августа — Новониколаевск, 2 сентября — Томск, 3 сентября — Мариинский уезд, 7 сентября — Пермь, 10 сентября — Казань, Симбирск, 14 сентября — Саратов, 18 сентября — Тамала, 19 сентября — Москва).

20 сентября — Москва, отъезд ночным поездом в Петербург.

8 октября — представление отчета о поездке.

9 октября — посещение студенческого академического клуба в Лесном под Петербургом.

24 ноября — ужин Совета по местному хозяйству.

25 ноября — обед с губернскими предводителями дворянства.

Декабрь — встреча с делегацией участников съезда профессоров.

11 декабря — совещание у морского министра по вопросу постройки броненосцев.

1911 — 13 января — большой бал в доме Столыпиных.

19 января — речи в Государственной думе о канализации в Санкт-Петербурге.

1 февраля — выступление в Государственном совете о Западном земстве.

18 февраля — участие в панихиде по Александру II.

19 февраля — Высочайший рескрипт на имя П. Столыпина в связи с 50-летием освобождения крестьян.

20 февраля — речь на обеде в Совете по делам местного хозяйства в честь 50-летия освобождения крестьян.

4 марта — речь в Государственном совете о Западном земстве.

10 марта — аудиенция у царя в связи с кризисом по вопросу Западного земства.

11 марта — экстренное заседание Совета министров в квартире П. Столыпина; указ царя о перерыве в заседаниях Государственного совета и Государственной Думы с 12 марта с возобновлением 15 марта.

14 марта — указ царя о Западном земстве.

1 апреля — объяснения на запрос Государственного совета.

10 апреля — Высочайший рескрипт на имя П. Столыпина в связи с пожалованием его орденом Александра Невского.

27 апреля — речь на заседании Государственной Думы по поводу запроса о применении статьи 87 Основных законов.

Май — болезнь (диагноз: грудная жаба).

Лето — жизнь в Колнобережье с приездами в Санкт-Петербург для участия в заседаниях Совета министров (реформа полиции, помощь пострадавшим от неурожая, поощрение отечественного судостроения, присоединение к Санкт-Петербургской губернии двух приходов Выборгской губернии, постройка судов для Черноморского флота и т. д.).

12 июля — заседание Совета министров, обсуждение вопроса постройки Черноморского флота.

14 июля — заседание Совета министров, обсуждение помощи пострадавшим от неурожая, решение вопроса постройки судов для Черноморского флота.

4 августа — заседание Особого совещания по делам Дальнего Востока; заседание Совета министров по поощрению отечественного судостроения; утверждение царем присоединения к Санкт-Петербургской губернии двух приходов Выборгской губернии.

5 августа — совещание по судостроению.

25 августа — отъезд в Киев.

27 августа — в 12.44 прибытие в Киев.

28 августа — литургия в Софийском соборе, открытие Педагогического музея, прием земских deputаций.

29 августа — прибытие в Киев императора.

30 августа — посещение Михайловского монастыря, открытие памятника Александру II, представление царю deputаций, прием в Дворянском доме, торжественный обед.

31 августа — воинские маневры, прием в саду Купеческого собрания, иллюминация.

1 сентября — прием П. Столыпиным деятелей Клуба русских националистов; покушение и ранение в городском театре в Киеве.

5 сентября — смерть П. Столыпина.

9 сентября — похороны Столыпина в Киеве в Киево-Печерской лавре.

1912 — *1 сентября* — установление памятника в Киеве.

1917 — *весна* — снос памятника в Киеве.

1920 — *январь* — убийство в Немирове дочери Ольги.

1944 — *22 октября* — смерть Ольги Борисовны Столыпиной.

1949 — смерть дочери Натальи.

1985 — *22 июня* — смерть старшей дочери Марии Бок.

5 октября — смерть дочери Елены.

1987 — смерть дочери Александры.

1990 — *декабрь* — смерть сына Аркадия.

БИБЛИОГРАФИЯ

Б е р д я е в Н. А. Духовные основы русской революции. Опыты 1917—1918 гг. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999.

Б о к М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

В и т т е С. Ю. Воспоминания: В 3 т. Т. III: 17 октября 1905—1911: Царствование Николая II. Таллин; М.: Скиф Алекс, 1994.

Г е р а с и м о в А. В. На лезвии с террористами. М.: Товарищество русских художников, 1991.

Г и р с А. Ф. Смерть Столыпина. Из воспоминаний бывшего киевского губернатора // Столыпин А. П. П. А. Столыпин. 1862—1911. Париж, 1927.

Государственная деятельность Председателя Совета Министров статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина / Сост. Е. В. Варпаховская. СПб.: Изд-во составителя, 1911. Ч. I.

Государственная деятельность Председателя Совета Министров статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина / Сост. Е. В. Варпаховская. СПб.: Изд-во составителя, 1911. Ч. II.

Государственная деятельность Председателя Совета Министров статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина / Сост. Е. В. Варпаховская. СПб.: Изд-во составителя, 1911. Ч. III.

Г у ч к о в А. Речь, произнесенная в Петербургском клубе общественных деятелей 3 октября 1911 г. // Петр Столыпин: Сб. Сост. Г. И. Лысов. М.: Новатор, 1997.

Д ж а н и б е к я н В. Д. Тайна гибели Столыпина. М.: Бородино-Е, 2001.

З е н ь к о в с к и й А. В. Правда о Столыпине. Нью-Йорк: Все-славянское издательство, 1957. Цитируется по: Столыпин. Жизнь и смерть / Сост. А. Серебренников, Г. Сидоровнин. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1991.

З ы р я н о в П. Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М.: Высшая школа, 1992.

И з г о е в А. П. А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности. М., 1912.

К о к о в ц о в В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903—1919 гг. Кн. 1. М.: Наука, 1992.

К о ф о д А. А. 50 лет в России (1878—1920) / Пер. с дат. М.: Права человека, 1997.

К р и в о ш е и н К. А. А. В. Кривошеин (1857—1921 гг.). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973.

К у р л о в П. Г. Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992.

Л е н и н В. И. На торной дорожке // ПСС. Т. 17.

Л е н и н В. И. Столыпин и революция // ПСС. Т. 20.

Л е н и н В. И. ПСС. Т. 16.

М и л ю к о в П. Н. Воспоминания (1859—1917). Т. I—II / Под ред. М. М. Карповича, Б. И. Элькина. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

Петр Аркадьевич Столыпин. Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906—1911 гг. М.: Мол. гвардия, 1991.

Р ы б а с С., Т а р а к а н о в а Л. Реформатор. Жизнь и смерть Петра Столыпина. М.: Недра, 1991.

Столыпин. Жизнь и смерть / Сост. А. Серебренников, Г. Сидоров-нин. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1991.

Столыпин А. П. П. А. Столыпин. 1862—1911. Париж, 1927.

Тихомиров Л. Последнее письмо Столыпину // Петр Столыпин: Сб. Сост. Г. И. Лысцов. М.: Новатор, 1997.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 78. М., 1955.

Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

Тэри Эд. Россия в 1914 г. Экономический обзор. YMCA-PRESS, 1986.

Убийство Столыпина. Свидетельства и документы / Сост. А. Серебренников. Нью-Йорк: Телекс, 1989.

Федоров Б. Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». Т. I—II. СПб.: Лимбус пресс, 2002.

Шубинской Н. П. Памяти П. А. Столыпина. М.: Типография Мамонтова, 1913.

Шульгин В. В. Размышления. Две старые тетради // Сб.: Неизвестная Россия XX век / Сост. В. А. Козлов, С. М. Завьялов. М.: Историческое наследие, 1992.

Шульгин В. В. Что нам в них не нравится (по зарубежным публикациям 30-х годов). М.: Русская книга, 1994.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Стальной щит в портфеле

Дух народа	5
Трудный век	8
Чудовищное покушение	9
Голая правда документов	12

Часть первая От рождения до возвышения

Родословие	19
Две взлетные полосы: Витте и Столыпин	27
Террор и политика. Явление Савинкова	46
Война и политика	48
Разгар террора. Страсти Пятого года	53
Решающий год	59
Смертельный пост	76

Часть вторая Великий Реформатор

Нож крестьянского вопроса	89
Тактика и эстетика терроризма	99
Крах общины	106
Кровь. На пути к новой Думе	112
Неустойчивое равновесие	124
Взгляд из-за рубежа	133
Ликвидация Думы	135
Государственный переворот, или Думская монархия	138
Призрак новой России	144
Империя под прицелом	160
Террор. Конец Азефа	170
Столыпин, царь, Распутин и другие	181

Часть третья Катастрофа

Открытый конфликт	187
Россия оживает Сибирью	190
Столыпин и Гучков	194
Эволюция или революция?	201
Столыпин и национальная идея	210

Опасная милость царя	226
Возвращение Распутина	230
В конце земного пути	232
Выстрел в театре	239
Вместо послесловия. Помни Столыпина!	250
Приложения	255
Основные даты жизни П. А. Столыпина и его близких	410
Библиография	418

Рыбас С. Ю.

Р 93 Столыпин. — М.: Мол. гвардия, 2003. — 421[11] с.: ил. — (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 855).

ISBN 5-235-02577-6

Документально-исторический роман о Великом Реформаторе Петре Столыпине (1862—1911), яркой личности, человеке трагической судьбы, вознесенном на вершину исполнительной власти Российской империи, принадлежит перу известного писателя и общественного деятеля С. Ю. Рыбаса. В свободном и документально обоснованном повествовании автор соотносит проблемы начала прошлого века (терроризм, деградация правящей элиты, партийная разногласица и др.) с современными, обнажая дух времени. И спустя сто лет для россиян важно знать не только о гражданском и моральном подвиге этого поразительного человека, но и о его провидческом взгляде на исторический путь России, на установление в стране крепкого державного и конституционного начала. Книга содержит избранные речи П. А. Столыпина, произнесенные им в Государственной Думе, циркуляры Департамента полиции, ценные архивные свидетельства.

Богатый и редкий иллюстративный материал позволяет зримо представить образ героя и атмосферу тех «страшных лет России».

**УДК 929
ББК 63. 3(2)**

**Рыбас Святослав Юрьевич
СТОЛЫПИН**

Главный редактор издательства **А. В. Петров**

Редактор **В. М. Петров**

Художественный редактор **Е. В. Кошелева**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97.

Сдано в набор 14.02.2003. Подписано в печать 20.06.2003. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Усл.-печ. л. 22,68+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 33247.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 103030 Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsef@gvardiya.ru.

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030 Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02577-6